МАЙН-РИД

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

МАЙН-РИД

ВСАДНИК БЕЗ ГОЛОВЫ

Сокращенный перевод
АЛЛЫ МАКАРОВОЙ

Рисунки
А. ЕРМОЛАЕВА

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОЛОГ

Техасский олень, дремавший в ночной тиши саванны[1], вздрагивает, услышав звук лошадиных копыт. Олень не вскакивает и не покидает своего убежища, где и дикие степные лошади тоже пасутся по ночам. Он только слегка поднимает свою красивую голову, так, что из высокой травы видны его рога, и слушает.

Снова слышен топот копыт. На этот раз можно различить звон металла — удар стали о камень.

Этот звук беспокоит оленя. Он быстро вскакивает со своего зеленого ложа и мчится по прерии[2]. Потом останавливается, оглядывается назад — кто же это тревожит его ночной отдых?

---

[1] Саванна — обширные пространства в Южной Америке с буйной высокой растительностью. Основная растительность — травы, но встречаются и кустарники.

[2] Прерия (с франц. — луга) — обширные степи в Северной и Южной Америке. Их растительность: кустарники, многолетние растения и травы; встречаются злаки. В прериях паслись (во времена Майн-Рида) дикие животные.

В ярком свете луны он узнаёт злейшего своего врага — человека. Тот приближается верхом на лошади.

И олень готов уже снова бежать, но вдруг что-то странное в облике всадника приковывает его к месту. Припав к земле, откинув голову далеко назад, он продолжает смотреть, и в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

Что же заставило оленя так долго вглядываться?

Лошадь? Но это обыкновенный конь, взнузданный, оседланный. В его облике нет ничего страшного. Может быть, оленя испугал всадник? В нем есть что-то странное и жуткое.

О, ужас! Он без головы!

И вот, взглянув еще раз блуждающими глазами, как бы силясь понять, что́ это за невиданное чудовище пугает его, испуганный олень снова бросается бежать. Он уже больше не оборачивается. Он погружается в волны Леоны и, только переправившись на другой берег, чувствует себя в безопасности.

Не обращая внимания на испуг оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке. Но, как видно, совсем не спешит, а продвигается медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Кажется, что он весь во власти каких-то таинственных дум и совсем не замечает окружающей жизни. Ни единым звуком голоса, ни даже шопотом не выдает он своей тайны.

На плечи всадника наброшено серапэ[1], которое при порыве ветра развевается и открывает часть его корпуса. На ногах у него высокие сапоги из шкуры ягуара. Защищенный таким образом от ночной сырости и от тропических ливней, он продолжает ехать, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним, беззаботный, как степной ветерок, играющий складками его одежды.

[1] Серапэ — пестрая индейская шаль.

Но что-то словно вывело всадника из задумчивости, и его конь ускорил шаг. Вот конь тряхнул головой и радостно заржал. С вытянутой шеей, с раздувающимися ноздрями, он пускается вперед рысью и незаметно переходит в галоп. Близость реки — вот что заставило коня ускорить бег.

Конь не останавливается до тех пор, пока не погружается в хрустальный поток реки. Вместе с ним и всадник погружается до колен в воду.

Животное с жадностью утоляет свою жажду, переплывает на противоположную сторону и быстрой рысью поднимается по откосу берега.

Взобравшись наверх, всадник без головы останавливается как бы в ожидании, чтобы конь отряхнулся от воды, и затем снова продолжает путь.

Повидимому, пришпоренная шпорами и покорная поводьям своего хозяина, лошадь уверенным шагом направляется вперед.

А вокруг простирается бесконечная саванна, и в таинственном свете месяца кажется, что дали ее сливаются с небом.

ГЛАВА I

Выжженная прерия

Полуденное солнце ярко светит над огромной равниной Техаса, к югу от старого испанского города Сан-Антонио.

В золотых лучах вырисовывается группа предметов, необычных для дикой прерии. Это — фургоны; каждый из них покрыт полукруглым белоснежным навесом. Их всего десять. Вряд ли это торговый караван или правительственный обоз. Скорее всего какой-нибудь переселенец перевозит свое имущество в один из новых поселков на берегу реки Леоны.

Вытянувшись длинной вереницей, фургоны ползут по знойной саванне настолько медленно, что их движение почти незаметно. Лишь убегающая в испуге антилопа да с криком взлетающий кроншнеп свидетельствуют о том, что обоз действительно движется.

Судя по всему, обоз принадлежит какому-нибудь богатому плантатору. Каждый фургон, лучшего питтсбургского производства, запряжен восемью сильными мулами. В обозе есть и негры-рабы. Женщины-невольницы с детьми едут в фургонах, а мужчины или идут пешком рядом с обозом, или же устало плетутся позади. Впереди едет карета, запряженная выхоленными кентуккскими мулами. На козлах негр-невольник изнывает от жары в своей ливрее.

Во главе сопровождающего обоз кортежа, верхом на лошади, едет сам плантатор — Вудли Пойндекстер. Это высокий, худой человек лет пятидесяти, с бледным, слегка желтоватым цветом лица и с отпечатком суровой гордости во всей внешности. Он одет просто, но со вкусом. На нем свободного покроя кафтан из альпага, жилет из черного атласа и нанковые брюки. В вырезе жилета видна сорочка из тончайшего полотна, перехваченная у ворота черной лентой. На ногах, опирающихся на стремена, ботинки из мягкой кожи. Соломенная шляпа с широкими полями защищает его лицо от палящих лучей южного солнца.

Рядом с ним два всадника: один по правую сторону, другой по левую. Один из них — юноша, которому едва ли исполнилось двадцать лет, другой — молодой человек лет на семь старше. Первый — сын Пойндекстера. Открытое, жизнерадостное лицо юноши невольно радует глаз, особенно рядом с суровым отцом и с мрачной наружностью третьего всадника.

На юноше свободная блуза из хлопчатобумажной ткани небесно-голубого цвета, брюки из такого же материала, на голове мягкая панама. Одежда не только идет к его юному облику, но и прекрасно отвечает требованиям южного климата.

Третий всадник — племянник плантатора. Он — отставной офицер из волонтеров. На нем костюм военного покроя из темносинего сукна, на голове суконная фуражка.

На небольшом расстоянии от них — еще один всадник, сопровождающий обоз. Черты его лица грубее, одет он проще других. Судя по тому, с каким искусством он щелкает своей плетью, можно с уверенностью сказать, что это надсмотрщик над невольниками плантатора.

В карете сидят две девушки. У одной из них кожа ослепительной белизны, у другой — совсем темная. Первая — единственная дочь Пойндекстера, другая же — ее служанка-невольница.

Переселенцы едут с берегов Миссисипи, из штата Луизиана. Сам плантатор не принадлежит к уроженцам этого южного штата; по его наружности вы сразу заметите, что он не креол[1]. В лице же его сына и особенно в прекрасных, тонких чертах лица его дочери ярко выражен красивый тип этих французских эмигрантов.

Вудли Пойндекстер — один из крупных владельцев сахарных плантаций на юге. Он вел расточительный образ жизни и славился своим широким гостеприимством. В конце концов он разорился, и ему пришлось покинуть свои плантации в Луизиане и переехать с семьей в дикие прерии юго-западного Техаса.

. . . . . .

Солнце почти достигло зенита. Путешественники подвигаются медленно, наступая на собственные тени. Измученные жарой, белые всадники молча сидят в своих седлах. Даже негры, привычные к зною, прекратили свои монотонные, тягучие разговоры и усталыми кучками безмолвно плетутся позади фургонов.

Томительная тишина прерывается только громким щелканием кнутов да покрикиванием негров-погонщиков.

[1] Креолы — потомки латинских народов (французов, испанцев, итальянцев, португальцев), переселившиеся в Америку, сохранившие свой национальный язык и обычаи.

Медленно движется караван, как будто он идет ощупью. Собственно, настоящей дороги нет. Путь обозначен следами колес проехавших здесь ранее телег, следами, заметными лишь по примятой траве.

Плантатор предполагает, что они находятся на расстоянии двадцати миль от места назначения. Он рассчитывает закончить путь до наступления ночи. Поэтому он и приказал двигаться, невзирая на полуденную жару.

Вдруг надсмотрщик знаками останавливает обоз и мчится к хозяину. В его жестах — тревога.

Не индейцы ли? О них ходит так много устрашающих слухов!

— Что случилось, Сансом? — спросил плантатор, когда всадник приблизился.

— Трава выжжена. В прерии был пожар.

— Был пожар, но сейчас ведь прерия не горит? Я нигде не вижу дыма.

— Нет, сэр, — поспешил ответить надсмотрщик, — я только сказал, что прерия горела и вся она стала черной.

— Ну и что же? Мне кажется, мы так же спокойно можем путешествовать по черной прерии, как и по зеленой.

— Что за нелепость, Джон Сансом! Подымать целую историю из-за пустяков, — вмешался племянник Пойндекстера. — Зачем ты зря пугаешь людей? Эй, вы, негры, пошевеливайтесь! Вперед! Пошли!

— Но скажите, капитан Кольхаун, — возразил надсмотрщик, — как же мы теперь найдем дорогу?

— Зачем искать дорогу? Что за ерунда! Ведь мы ее не теряли?

— К сожалению, это не так. Дорога потеряна. Следы колес уже не видны, они сгорели вместе с травой.

— Ну и что же? Мне кажется, мы можем перейти через выжженный участок и без всяких следов. Мы найдем их, когда попадем на ту сторону.

— Да, — с горечью ответил надсмотрщик, который хорошо знал прерию, — если только там осталась другая сторона. Я, по крайней мере, никак не мог ее найти.

— Погоняй, негры! Погоняй! — закричал Кольхаун, не отвечая больше надсмотрщику, и, пришпорив лошадь, двинулся вперед.

Обоз опять тронулся в путь, но, подойдя к границе выжженной прерии, остановился еще раз, уже не дожидаясь ничьих распоряжений.

Всадники отъехали в сторону, чтобы обсудить, что дальше делать. Впереди, насколько только хватал глаз, простиралось необъятное пространство совершенно черной, выжженной прерии. На ней не осталось ни одного живого растения, ни одной зеленой былинки, ни одного зеленого листка. Впереди, направо, налево, уходя в бесконечную даль, развернулась безгранично печальная картина. Даже яркий, лазоревый купол южного неба казался здесь совсем темным. Солнце не заслонено облаками, но оно как будто не хочет здесь светить и словно хмурится, глядя на мрачную землю.

Пожар, повидимому, произошел во время летнего зноя, в период созревания трав.

Сансом правильно сказал, что в прерии не осталось и следов какого-либо пути — они выжжены вместе с травой.

— Что же нам делать? — спросил плантатор; в голосе его звучала растерянность.

— В чем дело, дядя Вудли? Конечно, мы должны продолжать наш путь. Река должна быть по ту сторону пожарища. Если нам не удастся найти переправу на расстоянии полумили [1], мы поднимемся вверх по течению или спустимся вниз, смотря по обстоятельствам.

— Но послушай, Кассий, ведь этак мы можем потерять дорогу!

— Этого не может быть. Мне кажется, что обгоревшее

[1] Миля (англ.) — 1852 метра.

место невелико. Не беда, если мы немного собьемся с дороги: все равно, рано или поздно мы на нее попадем.

— Хорошо, мой друг, тебе лучше знать, я буду следовать за тобой.

— Не бойтесь, дядя. Мне приходилось прокладывать путь и в худших условиях. Погоняй, негры! За мной!

И отставной офицер бросил самодовольный взгляд в сторону кареты. Из-за занавески выглянуло прекрасное личико, слегка омраченное тревогой. Кольхаун пришпорил лошадь и самоуверенно поскакал вперед.

И вот хору вновь защелкавших кнутов стал вторить топот копыт восьмидесяти мулов, смешанный со скрипом колес. Фургоны снова двинулись в путь.

Мулы быстро бежали. Черная поверхность, непривычная для глаза животных, пугала их; едва их копыта успевали коснуться пепла, как они их тотчас же поднимали. Малопомалу животные успокоились и стали продвигаться более равномерным шагом.

Так караван прошел около мили. Затем снова остановился.

Ландшафт, если его только можно так назвать, изменился, но не к лучшему. Все было попрежнему черно до самого горизонта. Однако здесь равнина сменилась неровным рельефом — горные возвышенности, небольшие холмы перемежались долинами. Нельзя сказать, чтобы здесь совсем не было древесной растительности, хотя то, что было видно, едва ли можно было назвать деревьями. В одиночку и группами росли здесь низкорослые мексиканские акации. Их ажурная листва исчезла без следа, а обуглившиеся стволы и почерневшие ветки стояли, как мрачные скелеты.

— Ты потерял дорогу, мой друг? — спросил плантатор, поспешно подъезжая к племяннику.

— Нет, дядя, я знаю дорогу. Я остановился, чтобы лучше ориентироваться. Дорога должна лежать внизу, вот в этой долине. Мы едем правильно. Пусть караван продолжает путь. Ответственность я беру на себя.

Двинулись еще раз. Спустились вниз по склону, затем направились вдоль долины, затем опять взобрались по откосу другой возвышенности и наверху опять остановились.

— Ты все же потерял дорогу, Кассий? — повторил свой вопрос плантатор, опять подъезжая к племяннику.

— Чорт побери! Боюсь, что так. И какой дьявол мог бы вообще отыскать дорогу среди этого ада? Нет, нет! — продолжал Кольхаун, увидя, что карета подъехала близко, и не желая выдать свое замешательство. — Мне теперь все ясно. Река должна быть вон в том направлении. Вперед!

И капитан пришпорил лошадь, повидимому сам не зная, куда надо держать путь. За ним последовали фургоны.

От негров не ускользнуло замешательство Кольхауна. Они видели, что обоз движется не по прямому пути, а кружит между обожженными кустарниками по холмам и выжженным долинам.

Но вот ободряющий возглас вожатого сразу вселил в них надежду. В ответ послышалось громкое щелканье дружно взвившихся кнутов, смешанное с восклицаниями радости.

Путешественники вновь на дороге, где видны еще совсем свежие следы колес и копыт. Какой-то обоз, повидимому, совсем недавно проехал по выжженной прерии.

Нет сомнения, что он двигался по направлению к Леоне; очень вероятно, что это правительственный обоз, направлявшийся к форту[1] Индж. В таком случае, надо ехать по его следам.

Форт как раз на линии их пути, а оттуда недалеко и до места назначения.

Ничего лучшего как будто нельзя было и ждать. Капитан снова воспрянул духом и с чувством нескрываемого самодовольства отдал распоряжение трогаться.

На протяжении мили, а может быть и больше, караван идет по найденным следам. Они ведут не по прямому на-

[1] Форт — крепость.

правлению, но кружат вокруг обгоревших кустарников. Вид самодовольной уверенности постепенно сменяется у Кассия Кольхауна выражением мрачного уныния. Он понял, что следы сорока четырех колес, по которым они ехали, были следами их собственного обоза.

ГЛАВА II

След лассо

Не оставалось сомнения, что фургоны Вудли Пойндекстера шли по следам своих же колес.

— Наши следы, — пробормотал Кольхаун, посылая проклятия.

— Наши следы? Что ты этим хочешь сказать, Кассий? Не может быть, чтобы это мы здесь ехали.

— Да, это так. Мы сделали полный круг. Смотрите, вот заднее копыто моей лошади — отпечаток половины подковы, а вот следы наших негров. Кроме того, я узнал и место. Это тот самый холм, с которого мы спускались после нашей последней остановки. Вот уж чертовски не повезло — мы зря сделали около двух миль.

Теперь на лице Кольхауна отражается не одно лишь чувство растерянности — горькая досада и стыд появились на нем. Это он виноват, что караван остался без настоящего проводника. Тот, которого пригласили в Индианополе, оставил их, поспорив с заносчивым капитаном.

Караван опять остановился. Белые всадники оживленно совещаются. Положение серьезное.

Как найти дорогу? Солнце начинает склоняться к западу, хотя все еще стоит довольно высоко. При помощи компаса можно было бы определить, где находятся север, юг, восток и запад. Но что в этом толку, когда они не знают, в какую сторону ехать?!

Кольхаун стал осторожен. Он уже больше не вызывается быть вожатым. После неудачи у него нехватает на это смелости.

Десять минут обсуждают положение, но никто не может предложить разумный план действий. Никто не знает, как вырваться из этой черной прерии, которая повергла всех в отчаяние.

Вдали показалась стая черных коршунов. Вот они уже совсем близко. Некоторые из них опускаются на землю, другие вьются над головами заблудившихся путников.

Прошло еще десять гнетущих минут. И вдруг — новый прилив бодрости. Вдали появился всадник. Он направляется прямо к обозу.

Какая неожиданная радость! Кто бы мог подумать, что в таком месте можно встретить человека? Снова надежда засветилась в глазах — в приближавшемся всаднике путники видели своего спасителя.

— Ведь он направляется к нам, не правда ли? — спросил плантатор, не веря своим глазам.

— Да, отец, он едет прямо к нам, — ответил Генри, снимая с головы шляпу и махая ею в воздухе.

Но всадник и без того заметил остановившийся обоз. Он скакал галопом и скоро уже был на расстоянии человеческого голоса. Миновав обоз, он подъехал к плантатору и его спутникам.

— Мексиканец, — прошептал Генри, взглянув на одежду всадника.

— Тем лучше, — так же тихо ответил ему отец. — Тем больше надежды, что он сможет помочь нам.

— Ничего мексиканского в нем нет, кроме его костюма, — пробормотал Кольхаун. — Я сейчас это узнаю.

— Buenos dias, caballero! Esta Vuestra mexicano?[1] — приветствовал он незнакомца по-испански.

— О нет, — ответил тот с протестующей улыбкой. — Я совсем не мексиканец. Я могу с вами говорить по-испански, если хотите, но мне кажется, вы лучше поймете меня по-английски — это, вероятно, ваш родной язык?

---

[1] Здравствуйте, кавальеро! Вы мексиканец?

Кольхаун подумал, что, повидимому, допустил какую-то ошибку в своей фразе, и поэтому воздержался от ответа.

— Да, сэр, мы американцы! — ответил Пойндекстер, несколько обиженный за свою национальность. Затем, как бы боясь задеть человека, от которого ждал помощи, прибавил: — Да, сэр, мы все американцы из южных штатов.

— Это легко определить по составу вашего каравана, — сказал всадник с едва уловимой насмешкой, взглянув в сторону негров-невольников. — Видно также, — добавил он, — что вам впервые приходится путешествовать по прерии. Вы сбились с дороги?

— Да, сэр, и у нас нет надежды найти ее, если только вы не будете так добры и не окажете нам помощи.

— О доброте здесь не стоит говорить. Совершенно случайно я заметил ваши следы, когда ехал по прерии. Я видел, что вы потеряли дорогу, и прискакал сюда, чтобы помочь вам.

— Это очень великодушно с вашей стороны. Мы вам чрезвычайно признательны. Позвольте с вами познакомиться. Меня зовут Пойндекстер, Вудли Пойндекстер из Луизианы. Я купил усадьбу на реке Леоне, вблизи форта Индж. Мы надеемся добраться туда засветло. Как вы думаете — мы успеем?

— Вполне. Если только будете следовать моим указаниям.

Сказав это, незнакомец отъехал на некоторое расстояние в сторону и поскакал на вершину холма.

Оттуда он стал внимательно всматриваться в окружающую местность, стараясь определить, в каком направлении должны двигаться путешественники.

На высоком холме фигура всадника вырисовывалась красивым силуэтом.

Прекрасный, породистый гнедой конь. Самому арабскому шейху не стыдно было бы сесть на такого коня! Широкогрудый, со стройными, как тростник, ногами, с могучим крупом и великолепным густым хвостом, он сам по

себе представлял красивое зрелище. А на спине у него всадник — молодой человек лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, с правильными чертами лица, одетый в живописный мексиканский наряд: бархатная куртка, брюки со шнуровкой по бокам, сапоги из кожи буйвола; ярко-красный шарф из китайского крепа изящно перехватывал его талию; на голове глянцевая черная шляпа, отделанная золотым позументом.

Внимание всех путешественников было невольно привлечено этой красивой картиной.

Из-за занавесок кареты на всадника был устремлен еще один взор. Он выдавал совсем особое чувство. В первый раз в своей жизни Луиза Пойндекстер увидела человека, который, казалось, был реальным воплощением ее девичьих грез.

Знал ли незнакомец о том волнении, которое он вызвал в груди молодой креолки? Как он мог знать это! Его взгляд лишь скользнул по запыленной карете.

— Клянусь честью, я не могу найти никаких примет, по которым вы самостоятельно могли бы следовать к месту своего назначения, — сказал всадник, обернувшись к хозяину обоза. — Вам придется перейти Леону на пять миль ниже форта, а так как и мне нужно переправиться через реку в том же месте, то вы можете ехать по следам моей лошади. До свиданья, господа.

Распрощавшись так внезапно, незнакомец пришпорил своего коня и поскакал галопом.

Плантатор и его спутники были крайне озадачены таким странным поведением незнакомца.

Но не прошло и нескольких секунд, как всадник вернулся.

— Я боюсь, что следы моей лошади мало помогут вам. Здесь были мустанги[1]. Они оставили тысячи отпечатков своих копыт. Правда, моя лошадь подкована, но ведь

[1] Мустанги — дикие и прирученные лошади южных штатов США.

вы не привыкли различать следы, и вам будет трудно разобраться в них, тем более что на сухой золе все лошадиные следы почти одинаковы.

— Что же нам делать? — спросил плантатор с отчаянием в голосе.

— Мне очень жаль, мистер Пойндекстер, но я не могу остаться, чтобы сопровождать вас. Я срочно должен доставить в форт один важный документ. Если вы потеряете мой след, держитесь так, чтобы солнце у вас оставалось справа, чтобы ваши тени падали налево, под углом около пятнадцати градусов к линии вашего движения. Миль пять следуйте по прямому направлению. Там вы увидите вершину кипариса. Направляйтесь тогда прямо к этому дереву. Кипарис стоит на самом берегу реки, недалеко от места переправы.

Молодой всадник уже готов был снова двинуться в путь, но что-то заставило его удержать своего коня. Он увидел темные блестящие глаза, смотревшие на него из-за занавесок кареты.

Обладательница их была в тени, но все же он заметил, что они озаряли лицо девушки необычайной красоты. Молодой всадник прочел в этих глазах, устремленных прямо на него, признание волнующей нежности.

Невольно и он ответил восхищенным взглядом, но тут же сделал неловкую попытку скрыть вспыхнувшее чувство. Он боялся, как бы это не сочли за дерзость, и, круто повернувшись, снова обратился к плантатору, который горячо благодарил его.

— Я не заслуживаю благодарности, — сказал незнакомец, — так как мне приходится оставить вас на произвол судьбы, но, к сожалению, я не располагаю временем.

Он посмотрел на часы, жалея, что ему придется ехать одному.

— Вы очень добры, сэр, — сказал Пойндекстер. — Я

Незнакомец пришпорил своего коня...

надеюсь, что, следуя вашим указаниям, мы не собьемся с дороги. Солнце нас не обманет.

— Боюсь, как бы не изменилась погода. На севере собираются тучи. В течение часа они могут заслонить солнце; во всяком случае, это произойдет до того момента, как вы достигнете места, откуда виден кипарис... Впрочем, постойте, — сказал он после минуты размышления, — у меня есть еще одно предложение: держитесь по следу моего лассо!

Незнакомец снял с седельной луки свернутую в кольцо веревку и бросил свободный конец на землю, оставив другой конец прикрепленным к кольцу на седле. Затем, красивым движением приподняв шляпу, поклонился в сторону кареты и, дав шпоры лошади, снова поскакал по прерии.

Лассо, вытянувшись позади лошади, оставило на испепеленной поверхности прерии полосу, похожую на след проползшей змеи.

— Очень интересный малый, — сказал плантатор, глядя вслед всаднику, быстро скрывшемуся в облаке черной пыли. — Мне следовало бы спросить его имя.

— Я бы сказал — самодовольный молодой человек, — пробормотал Кольхаун, от которого не ускользнул взгляд, брошенный незнакомцем в сторону кареты. — Что касается его имени, то все равно он назвался бы вымышленным именем. Техас переполнен такими франтами, они попадают сюда на исправление или же ищут здесь приключений и поэтому скрывают свои настоящие имена.

— Послушай, Кассий, — возразил молодой Пойндекстер, — ты несправедлив. Он производит впечатление образованного и вполне порядочного человека.

— Ну уж прости, пожалуйста! Я еще никогда не видел человека, наряженного в мексиканские тряпки, который не был бы негодяем. Бьюсь об заклад, что и этот таков же.

Во время этого короткого разговора прекрасная креолка высунулась из кареты и глазами провожала удалявшегося всадника.

Кольхаун это заметил.

— В чем дело, Лу? — спросил он почти шопотом. — Ты, кажется, очень торопишься? Может быть, ты хочешь догнать этого нахала? Еще не поздно — я тебе дам свою лошадь.

Молодая девушка откинулась назад, неприятно пораженная этими словами, но скрыла свою обиду и звонко засмеялась.

— Так, так. Глядя на тебя, я подумал, что тут что-то нечисто. Казалось, что ты очарована этим блестящим курьером. Он пленил тебя, вероятно, своим изысканным костюмом? Но помни, что это всего лишь ворона в павлиньих перьях, и мне, верно, еще придется содрать эту личину и, быть может, с куском его собственной кожи.

— Как тебе не стыдно, Кассий!

— Это тебе должно быть стыдно, Лу. Удостоить своим вниманием какого-то негодяя, ряженого шута! Я не сомневаюсь, что он просто служит курьером в форту.

— Курьер, ты думаешь? О, как бы я хотела получать любовные письма из рук такого курьера!

— Тогда поспеши и скажи ему об этом. Моя лошадь к твоим услугам.

— Ха-ха-ха! Как все же ты недогадлив! Если бы я даже и захотела шутки ради догнать этого почтальона прерии, то на твоей ленивой кляче мне все равно не удалось бы этого сделать. Он исчезнет из виду, прежде чем ты успеешь слезть с седла. О нет! Мне его не догнать, как бы я этого ни хотела.

— Смотри, чтобы отец не услышал тебя.

— Смотри, чтобы он тебя не услышал, — ответила ему девушка, заговорив теперь уже серьезным тоном. — Хотя ты и мой двоюродный брат и хотя отец считает тебя верхом совершенства, но я держусь другого мнения. Я не скрываю этого от тебя и никогда не скрывала.

Кольхаун только нахмурился в ответ на это горькое для него признание.

— Ты м о й двоюродный брат, — продолжала креолка тоном, резко отличавшимся от того, которым она начала беседу, — но для меня ты всего лишь капитан Кассий Кольхаун и больше ничего. И не пытайся, пожалуйста, быть моим другом и советчиком. Я прошу тебя, мастер[1] Каш, не читать нотаций и не вмешиваться в мою личную жизнь. Я никому не хочу отдавать отчет в своих мыслях и поступках до тех пор, пока не найду человека, который будет этого достоин. Но не тебе быть моим избранником!

Закончив отповедь, девушка снова откинулась на подушки кареты, смерив капитана взглядом, полным негодования и презрения. Потом задернула занавески кареты, давая этим понять, что больше она не желает разговаривать.

Крики погонщиков вывели капитана из оцепенения. Он был рад, что снова двинулись в путь.

ГЛАВА III

Маяк прерии

Путешественники больше уже не беспокоились о дороге.

След лассо вился непрерывной змейкой и был так отчетливо виден, что даже ребенок не сбился бы, следуя по нему.

След тянулся не по прямой линии, а извивался между зарослями кустарников. Иногда он отходил в сторону, когда путь лежал по местности, лишенной растительности.

Это делалось не случайно. В таких местах были заметны глубокие трещины и другие препятствия. Змейка лассо огибала их, давая возможность беспрепятственно проехать фургонам.

— Как это внимательно со стороны молодого человека! — сказал Пойндекстер. — Право, я очень жалею, что мы не узнали его имени. Если он связан с фортом, мы могли бы с ним встретиться.

— Я надеюсь, что мы еще увидим его, — заметил Генри.

Луиза слышала этот разговор. Она ничего не сказала, но всем сердцем разделяла надежду Генри.

Радуясь скорому окончанию трудного путешествия, а также возможности до захода солнца увидеть свои новые владения, плантатор был в прекрасном настроении. Он вдруг преисполнился чувством снисходительного внимания к окружающим. Он непринужденно болтал с надсмотрщиком, остановился пошутить с дядей Сципио, ковылявшим на покрытых волдырями ногах, подошел подбодрить тетку Клу[1], изнемогавшую под бременем своей ноши.

. . . . . .

Хорошее настроение плантатора разделялось всеми спутниками, за исключением Кольхауна. Оно отражалось даже на лицах невольников, которые считали плантатора высшим источником своего благополучия и своих несчастий. Негры по-своему любили его, хотя больше боялись. По сравнению с другими рабовладельцами Пойндекстера нельзя было назвать жестоким хозяином. Он не находил особого удовольствия в истязании своих невольников. Ему нравилось, когда негры были хорошо одеты; он требовал, чтобы их хорошо кормили, так как физически здоровый и внешне опрятный вид невольников говорил о благосостоянии хозяина. В некоторых случаях Пойндекстер наказывал их плетью, считая, что это иногда необходимо; однако гордился тем, что на коже у его невольников не было ни одного рубца от жестоких истязаний.

---

[1] М а с т е р (часто м а с с а, как говорят негры) — сын хозяина, барчук; употребляется и в значении «хозяин».

[1] К л у (в английском произношении) — древнегреческое имя Хлоя.

Итак, невольники разделяли радость своего «доброго» хозяина, выражая это веселой болтовней. Однако благодушное настроение царило недолго. Совершенно неожиданное обстоятельство нарушило бодрость путников.

Незнакомец предсказал правильно — солнце скрылось раньше, чем показался кипарис.

Но это еще не должно было бы вызвать беспокойства. След лассо был попрежнему хорошо виден, и в указаниях солнца не чувствовалось необходимости. Однако самый факт, что солнце скрылось за тучи, подавляюще подействовал на настроение путников.

— Можно подумать, что солнце прячется уже на ночь, — сказал плантатор, вынимая свои золотые часы, — а между тем сейчас всего лишь три часа. Наше счастье, что молодой незнакомец оставил нам такой след. Если бы не он, мы до самого заката проплутали бы по этой сожженной степи. Пожалуй, пришлось бы заночевать здесь.

— Ну и черная была бы постель! — шутя отозвался Генри, чтобы придать разговору более веселый характер. — Ух, какие страшные сны приснились бы мне, если бы только пришлось спать на такой черной земле!

— И мне тоже, — прибавила сестра, выглядывая из-за занавесок кареты и всматриваясь в окружающую местность. — Я уверена, что мне приснились бы и Плуто[1] и Прозерпина[2] в аду.

— Хи-хи-хи! — осклабился сидевший на козлах негр Джеху, числившийся в книгах плантаций под прозвищем Плуто Пойндекстера. — Молодая мисс увидит меня во сне среди этой черной прерии. Вот так чудной сон! Хи-хи-хи!

— Не обольщайтесь своим благополучием, — сказал, приближаясь, Кольхаун. — Может быть, нам и в самом деле придется еще ночевать в этой черной прерии. Хорошо, если не случится еще чего-нибудь похуже.

[1] Плуто (в английском произношении) — Плутон, в греческой мифологии бог ада.

[2] Прозерпина — жена бога Плутона.

— Что ты хочешь этим сказать, Каш? — спросил дядя.

— Мне кажется, дядя, что этот парень нас обманул. Я не могу еще этого утверждать окончательно, но дело выглядит скверно. Мы прошли уже больше пяти миль, а где же кипарис? У меня хорошее зрение, но, как я ни всматривался в даль, я нигде не обнаружил никаких признаков кипариса.

— Но зачем же ему обманывать нас?

— Ну вот еще, «зачем»! Почем я знаю? У него для этого может быть немало причин.

— Назови нам хотя бы одну из них, — раздался серебристый голос из кареты, — мы с интересом выслушаем тебя.

— Я знаю: все, что касается этого субъекта, вы будете слушать с особым интересом, — с насмешкой ответил Кольхаун. — Но, если я выскажу свои соображения, вы назовете это ложной тревогой.

— Это будет зависеть от того, что ты скажешь, мастер Кассий. Вряд ли мы можем подумать, что ты, с твоим опытом военного и путешественника, стал бы вызывать ложную тревогу.

Кольхаун понял злую насмешку и, вероятно, воздержался бы от дальнейших объяснений, если бы на этом не настаивал плантатор.

— Послушай, Кассий, объясни же, в чем дело, — настойчиво просил плантатор. — То, что ты нам сказал, вызывает серьезные подозрения. Какую цель преследовал этот молодой незнакомец, давая нам неправильные указания?

— Ну что же, дядя, — сказал Кольхаун, и в тоне его не было уже прежней самоуверенности, — я ведь не утверждаю, что это действительно так, я только высказываю свое предположение.

— Что же именно?

— Ну, мало ли что может случиться! В этих прериях не редкость всякие нападения и грабежи караванов...

— Какой ужас! — с притворной тревогой воскликнула Луиза.

— Нападения индейцев? — спросил Пойндекстер.

— Не обязательно индейцев. Иногда и белые наряжаются индейцами, а иногда и мексиканцы. Ведь чтобы сойти за индейца, нужен лишь смуглый оттенок кожи, парик из лошадиного хвоста и полдюжины перьев для головного убора. Вот и весь маскарад. Если нас ограбит банда «белых» индейцев, то мы должны винить только самих же себя: мы будем наказаны лишь за свою наивную доверчивость к совсем чужому человеку.

— Оставь, Кассий, к чему эти обвинения? Неужели же ты хочешь сказать, что незнакомец готовит нам ловушку?

— Нет, дядя, я этого не говорю, но я знаю, такие вещи случаются. Возможно, что и он на это способен.

— Возможно, но мало вероятно, — раздался из кареты голос, полный язвительной насмешки.

— Нет, — ответил юный Генри, вмешиваясь в разговор. — Твои подозрения неосновательны, Кассий. Это просто клевета с твоей стороны. И я могу это тебе доказать. Посмотри-ка сюда.

Юноша сдержал свою лошадь и указал на какой-то предмет, который отчетливо выделялся несколько сбоку от дороги. Это был высокий кактус; его зеленый, сочный ствол уцелел от огня.

Но Генри Пойндекстер обращал внимание своих спутников не на самое растение, а на небольшую белую карточку, наколотую на одну из его игл.

— Посмотрим, что там написано, — сказал юноша. — «Кипарис виден».

— Где? — спросил Пойндекстер.

— Здесь нарисована рука с пальцем, — ответил Генри. — Нет сомнения, что она указывает на кипарис.

Все стали смотреть в направлении, обозначенном на карточке.

Если бы солнце светило, кипарис был бы виден с первого же взгляда. Между тем синее небо стало свинцово-серым, и при таком освещении кипарис невозможно было разглядеть.

— Ничего там нет, — уверенным тоном заявил Кольхаун. — Я убежден, что это лишь новое издевательство, которое этот негодяй придумал для нас.

— Ты ошибаешься, Кассий, — вмешалась Луиза Пойндекстер. — Посмотри в бинокль. Если тебе не изменило твое превосходное зрение, то ты увидишь на горизонте что-то, очень похожее на дерево. Это, очевидно, кипарис.

Кольхаун не захотел взять бинокль из рук двоюродной сестры. Он знал, что Луиза говорила правду.

Тогда Пойндекстер взял бинокль и отчетливо увидел кипарис, возвышавшийся над прерией.

— Правильно, — сказал он, — кипарис виден. Малый оказался честным человеком, и напрасно, Каш, ты клеветал на него. Мне не верилось, чтобы он мог сыграть с нами такую злую шутку. Ну, вперед! Мистер Сансом, отдайте распоряжение обозу.

Кольхаун пришпорил лошадь и поскакал по прерии — больше ему ничего не оставалось делать.

— Дай-ка мне, пожалуйста, эту карточку, Гарри, — тихо сказала Луиза. — Мне хочется посмотреть на ту стрелку, которая так помогла нам. Возьмем карточку с собой: поскольку мы уже знаем направление, бесполезно оставлять ее на кактусе.

Не задумываясь над тем, что заставило сестру обратиться к нему с этой просьбой, Генри снял карточку с кактуса и бросил ее на колени Луизе.

— Морис Джеральд! — прошептала креолка, увидя на обратной стороне имя. — Морис Джеральд, — повторила она взволнованно, пряча карточку на груди. — Кто бы ты ни был, откуда бы ты ни пришел, куда бы ни лежал твой путь и кем бы ты ни стал — с этих пор у нас общая судьба. Я знаю это, я чувствую это так же ясно, как вижу над собой небо.

ГЛАВА IV

Черный норд

Как зачарованная, сидела Луиза во власти своих грез. Однако ее мечтания скоро были прерваны какой-то новой тревогой среди окружающих. Она услыхала обеспокоенный голос брата:

— Посмотри, отец. Разве ты их не видишь?

— Где, Генри, где?

— Там, позади фургонов. Теперь ты видишь?

— Да, я что-то вижу, но я не могу понять, что это такое. Они выглядят, как... — Пойндекстер на минуту остановился в замешательстве. — Я, право, не понимаю, что́ это такое...

С северной стороны над прерией внезапно поднялось несколько совершенно черных смерчей. Они не имели определенной формы и беспрестанно меняли размер, очертания и место; то останавливались на минуту, то скользили по обугленной земле, как великаны на коньках, порой изгибаясь и наклоняясь друг к другу в самых фантастических сочетаниях.

Неудивительно, что люди, впервые увидевшие такое странное явление, были сильно встревожены. Каждый понимал, что надвигается какое-то стихийное бедствие.

Обоз остановился. Слышались восклицания ужаса. Лошади ржали, мулы пронзительно ревели.

А со стороны черных башен доносился какой-то гул, похожий на шум водопада, по временам прерывавшийся треском как бы ружейного залпа или раскатом отдаленного грома.

Шум постепенно становился более отчетливым. Неведомая опасность приближалась.

В эту минуту вдруг раздался крик, и, несмотря на то, что в нем слышалась тревога, он все же ободрил оцепеневших от страха людей. Обернувшись, путники увидели всадника, мчавшегося к ним во весь опор.

Несмотря на то, что всадник был покрыт черной пылью, его узнали. Это был тот самый незнакомец, который оставил для них след своего лассо.

Молодая девушка в карете первая его узнала.

— Вперед! — воскликнул незнакомец, как только приблизился к каравану. — Как можно скорее!

— Что это такое? — спросил плантатор, охваченный страхом. — Нам грозит опасность?

— Да, я не ждал этого, когда оставил вас. Только достигнув реки, я увидел грозные признаки.

— Чего, сэр?

— Норда.

— Вы так называете бурю?

— Да.

— Я никогда не слыхал, что смерч может быть опасным на суше, — заметил Кольхаун. — Я, конечно, знаю, что он несет с собою пронизывающий холод, но...

— Не только холод, сэр. Медлить нельзя. Мистер Пойндекстер, — обратился всадник к плантатору нетерпеливо и настойчиво, — вы и все ваши люди в опасности. Норд не всегда бывает страшен, но этот внушает мне большую тревогу. Вы видите эти черные смерчи?

— Мы смотрим на них и не можем понять, что это такое.

— Это вестники бури, но сами они не опасны. Посмотрите вон туда. Разве вы не видите черной тучи, заволакивающей небо? Вот чего вам надо бояться. Я не хочу пугать вас понапрасну, но должен сказать, что эти тучи несут с собой смерть. Они идут сюда. Сейчас спасение только в быстроте действий. В течение десяти минут они надвинутся на вас, и тогда... Скорее, сэр, умоляю вас! Прикажите вашим погонщикам гнать как можно скорее. Само небо требует этого от вас.

Подчиняясь этим настойчивым требованиям, плантатор отдал распоряжение гнать обоз как можно скорее.

Ужас, который обуял как животных, так и погонщиков, не требовал вмешательства кнутов.

Карета и всадники попрежнему ехали впереди. Незнакомец держался сзади, как бы охраняя караван от грозившей опасности.

Время от времени он сдерживал свою лошадь, оборачивался назад и каждый раз обнаруживал все бо́льшую тревогу. Заметив это, плантатор подъехал к нему и спросил:

— Опасность еще не миновала?

— К сожалению, я не могу вам сказать ничего утешительного. Я рассчитывал, что ветер переменит направление.

— Ветер? Я не замечаю никакого ветра.

— Здесь. А вон там ужасный ураган. Боже мой, он приближается с невероятной быстротой! Я сомневаюсь, что мы успеем пересечь выжженную прерию.

— Что же делать? — воскликнул плантатор в паническом ужасе.

— Нельзя ли заставить ваших мулов бежать еще быстрее?

— Нет, это невозможно.

— В таком случае, я боюсь, что мы опоздаем.

Всадник еще раз обернулся назад и посмотрел на движущиеся черные колонны, как бы высчитывая их скорость.

— Да, уже поздно! — воскликнул он. — Они движутся быстрее нас, гораздо быстрее... Нет надежды уйти от них.

— Боже мой, сэр! Неужели же нет никакого выхода? — спросил плантатор.

Незнакомец ответил не сразу. Несколько мгновений он молчал и о чем-то напряженно думал.

Он уже больше не смотрел на небо; взгляд его остановился на фургонах.

— Неужели нельзя избежать опасности? — вскричал в отчаянии плантатор.

— Нет, можно, — радостно ответил всадник; казалось, какая-то счастливая мысль озарила его. — Есть выход. Я об этом раньше не подумал. Нам не удастся уйти от бури, но

Караван очутился в непроглядной тьме...

избежать опасности мы можем. Быстро, мистер Пойндекстер! Отдайте распоряжение вашим людям окутать головы лошадям и мулам, иначе животные будут ослеплены и взбесятся. Одеяла, платки — все годится. Когда это будет сделано, пусть все забираются под навесы фургонов. Нужно только, чтобы фургоны были плотно закрыты со всех сторон. Об остальном позабочусь я.

Сделав эти указания, всадник направился к карете, в то время как Пойндекстер с надсмотрщиком отдавали соответствующие распоряжения.

— Сударыня, — вежливо сказал всадник, подъезжая к карете, — вы должны опустить все занавески. Ваш кучер должен войти внутрь кареты. И вы также, — сказал он, обращаясь к Генри и Кольхауну и к только что подъехавшему Пойндекстеру. — Места всем хватит. Только скорее, умоляю вас! Не теряйте времени. Через несколько секунд буря разразится над нами.

Плантатор и его сын быстро соскочили с лошадей и вошли в карету.

Кольхаун отказался сойти с лошади и упрямо продолжал сидеть в седле. Почему он должен сдаваться перед какой-то мнимой опасностью, от которой не скрывается этот человек в мексиканском костюме?

Незнакомец не настаивал. Он обратился к надсмотрщику и распорядился, чтобы тот тоже залез в фургон. Надсмотрщик беспрекословно повиновался.

Теперь можно было подумать и о себе. Быстрым движением незнакомец развернул свое серапэ и набросил его на голову лошади, завязав концы вокруг шеи. С не меньшей ловкостью он развязал свой шарф из китайского крепа и обтянул его вокруг шляпы, заткнув один конец за ленту, а другой спустив вниз, — таким образом он устроил для своего лица нечто вроде забрала.

Прежде чем совсем закрыть лицо, он еще раз обернулся к карете и, к своему удивлению, увидел, что Кольхаун все еще сидит верхом на лошади. Поборов в себе невольную

антипатию к этому человеку, незнакомец еще раз настойчиво повторил:

— Если вы немедленно не войдете в карету, вы погибнете.

На этот раз Кольхаун повиновался. Признаки надвигающейся бури были слишком очевидны. С показной медлительностью он спустился с седла и забрался в карету, под защиту плотно натянутых занавесок.

. . . . . .

Что произошло дальше, с трудом поддается описанию. Никто не видел зрелища разыгравшейся стихии, так как никто не смел взглянуть на него. Но если бы кто-нибудь и осмелился, то все равно ничего бы не увидел.

Через пять минут после того, как окутали головы мулов, караван очутился в непроглядной тьме.

Путешественники видели лишь самое начало урагана. Один из надвигавшихся смерчей, натолкнувшись на фургон, как бы рассыпался и наполнил воздух густой черной пылью. Затем обдало горячим воздухом, точно из жерла домны. Вслед за этим, со свистом и воем, подул порывистый ветер, неся леденящий холод. Слышен был лишь свист ветра, его глухой рев и громыхание о навесы фургонов. Мулы стояли совсем притихшие. Слабые голоса людей терялись среди воплей урагана. Воздух был весь насыщен мельчайшей черной пылью, поднятой бушующим ветром с выжженной прерии.

Около часа носились в воздухе черные клубы пепла. Около часа сидели наши путешественники, как затворники, не смея даже выглянуть наружу.

Наконец они были освобождены; около самых занавесок кареты раздался голос незнакомца.

— Вы можете выйти, — сказал он, отбрасывая креповый шарф со своего лица. — Буря еще не прекратилась, она будет длиться два-три дня, но больше вам нечего бояться. Пепел весь сметен. Он уже пронесся вперед, и вряд ли вы настигнете его по эту сторону Рио-Гранде.

— Сэр, — сказал плантатор, поспешно выходя из кареты, — мы вам обязаны...

— Жизнью! — подхватил Генри, закончив мысль отца. — Не откажите, пожалуйста, назвать нам ваше имя.

— Морис Джеральд, — ответил незнакомец. — Хотя в форту меня больше знают под именем Мориса-мустангера [1].

— Мустангер! — презрительно пробормотал Кольхаун, но настолько тихо, что услышать его могла лишь Луиза.

«Всего лишь мустангер», подумал про себя аристократ Пойндекстер, несколько разочарованный этим признанием.

— Теперь я вам больше не нужен. Вы найдете дорогу и без меня, — сказал охотник за дикими лошадьми. — Кипарис виден, держите прямо на него. Перейдя реку, вы увидите флаг, развевающийся над фортом. Вы еще успеете закончить путешествие до наступления темноты. Я же вынужден оставить вас и раепрощаться.

Однако ни странный вид, ни признание о скромном занятии не могли умалить обаяния незнакомца в глазах Луизы Пойндекстер.

ГЛАВА V

Жилище охотника за мустангами

На берегу реки Аламо, одного из притоков Рио-де-Нуэсес [2], стояло скромное, но живописное жилище, одно из тех, каких много в Техасе.

Это была хижина, построенная из расщепленных пополам стволов древовидной юкки [3], вбитых стоймя в землю. Крыша ее была настлана из штыковидных листьев этого же растения. Промежутки между вертикальными стойками, вопреки обычаю Техаса, не были замазаны глиною. Стены внутри хижины были затянуты лошадиными шкурами. Шипы мексиканского столетника вместо гвоздей выдерживали на себе тяжесть этих шкур.

Обрывистые берега реки изобиловали растительностью, послужившей строительным материалом для хижины. Здесь были дикие заросли юкки, столетника и других неплодоносящих растений, но внизу плодородная долина была покрыта прекрасным лесом, где росли тутовые, ореховые деревья и дубы.

В массив леса около берега реки вдавались долины, покрытые сочной пастбищной травой. В глубине одной из этих долин, все окруженное изумрудной зеленью, стояло описанное нами незамысловатое жилище.

Тени деревьев скрывали хижину. Ее можно было видеть только со стороны реки, и то лишь в том случае, если встанешь прямо против нее. Примитивная простота постройки и поблекшие тона окраски делали ее еще более незаметной.

Домик был не больше маркитантской [1] палатки. Дверь — его единственное отверстие, если не считать трубы от небольшого очага, сложенного у одной из стен. Устройство двери — своеобразное и простое: деревянная рама, обтянутая лошадиной шкурой, была навешена при помощи петель, сделанных из такой же шкуры.

Позади хижины находился навес, покрытый юкковыми листьями и обнесенный небольшой изгородью из жердей, привязанных к стволам соседних деревьев.

Такая же изгородь была устроена вокруг участка около акра величиной, расположенного между хижиной и обрывом. Это был кораль [2] для диких лошадей — мустангов.

Действительно, внутри этой изгороди было около десятка, а то и больше лошадей. Их дикие, испуганные глаза и порывистые движения не оставляли сомнения, что они

---

[1] Мустангер — охотник за дикими лошадьми, мустангами.

[2] Рио-де-Нуэсес — в переводе: Река Орехов.

[3] Юкка — гигантская лилия с древесным стволом; принадлежит к семейству лилейных.

[1] Маркитанты — мелкие торговцы съестными товарами в войсках.

[2] Кораль — загон для лошадей и других животных.

только недавно пойманы и что им нелегко переносить неволю.

Внутреннее устройство хижины не лишено было некоторого уюта и комфорта. Мягкие, блестящие шкуры самых разнообразных мастей — черные, гнедые, пегие и совершенно белоснежные — были подобраны в красивую гамму красок.

Мебель была чрезвычайно примитивна: кровать — козлы, обтянутые лошадиной шкурой, пара самодельных стульев и простой стол, сколоченный из горбылей юккового дерева, — вот и вся обстановка. Что-то вроде второй постели виднелось в углу.

Полка с книгами, перо, чернила и почтовая бумага, а на столе газета как-то неожиданно поражали глаз в этой скромной хижине.

Здесь было еще несколько других вещей, явно напоминавших о цивилизации: прекрасный кожаный сундук, ружье-двустволка, серебряный стакан чеканной работы, охотничий рог и арапник. На полу стояло несколько предметов кухонной утвари, большей частью сделанной из жести; в углу — большая бутыль в ивовой плетенке, содержавшая, повидимому, более крепкий напиток, чем вода из Аламо.

Остальные вещи не противоречили общей картине. Мексиканское, с высокой лукой седло, уздечка с оголовьем из плетеных конских волос, такие же поводья, два или три серапэ, несколько свертков крученой веревки — все это было здесь вполне у места. Таково было жилище мустангера.

На одном из стульев посреди комнаты сидел человек, повидимому слуга. Это был толстяк с копной рыжих волос на голове и с ярко-красным лицом. На нем были плисовые бриджи и такие же гетры. Бархатная куртка, когда-то темнозеленого цвета, но уже давно выцветшая и теперь почти коричневая, изобиловала большим количеством карманов разной величины. Надетая набекрень шляпа с загнутыми кверху полями дополняла костюм. Можно еще добавить, что вокруг ворота грубой коленкоровой рубашки был небрежно завязан красный ситцевый платок, а на ногах красовались ирландские башмаки.

Однако не только костюм, но вся внешность и манеры выдавали в этом человеке ирландца.

Всякое сомнение сразу рассеивалось, как только толстяк начинал говорить. На таком жаргоне говорят только в Ирландии, в графстве Гальвей. Гальвеец все время разговаривал, несмотря на то что был как будто один в хижине. Однако это было не так. Растянувшись на подстилке из лошадиной шкуры перед тлеющим очагом и уткнувшись носом в самый пепел, лежала большая оленья собака[1]. Казалось, она понимала язык своего собеседника.

— Что, Тара, сокровище мое, — воскликнул человек в плисовых бриджах, — хочешь вернуться в Баллибалах? Неплохо было бы тебе там немножко подкормиться. А то, смотри, ведь теперь у тебя все ребра можно пересчитать. Дружок ты мой, мне самому хочется туда. Но кто знает, когда хозяин вернется и возьмет нас с собой! Ну ничего, Тара. Он скоро должен поехать в сеттльмент[2], старый ты мой пес. Он обещал и нас с собой захватить — давай хоть этим утешаться. Чорт побери! Уже больше трех месяцев, как я не был в форту. Может быть, там, среди недавно прибывших солдат, я встречу кого-нибудь из своих старых знакомых. Вот бы хорошо нам тогда выпивку устроить! Не так ли, Тара?

Собака, услышав свое имя, подняла голову и только фыркнула вместо ответа.

— Я бы и теперь непрочь промочить горло, — продолжал гальвеец, бросая жадный взгляд в сторону бутыли. — Только бутыль-то ведь уже почти пустая, и молодой

[1] Оленья собака — собака ирландской породы, охотящаяся за оленями.

[2] Сеттльмент — здесь: поселок, находящийся под охраной войск.

хозяин может спохватиться. Да и все равно ведь нечестно пить не спросясь. Правда, Тара?

Собака опять подняла морду и опять фыркнула.

Гальвеец встал и направился в угол, где стояла бутыль.

Несколько секунд он постоял прислушиваясь, обернувшись прямо к двери, потом поднял соблазнявший его сосуд, вытащил пробку, поднес горлышко к носу и стал наслаждаться спиртным запахом.

Однако это не надолго удовлетворило гальвейца.

— Чорт поберн! — воскликнул он, еще раз взглянув украдкой на дверь. — Кто может устоять против запаха этого чудесного виски? Куда ни шло! Я смочу только кончик языка.

Горлышко бутыли коснулось его губ, послышалось бульканье жидкости...

Чмокнув с удовлетворением несколько раз, гальвеец воткнул пробку, поставил бутыль на место и снова уселся на стул.

— Ах ты, старая плутовка Тара! Это ведь ты соблазнила меня. Ну ничего, хозяин не узнает. К тому же он скоро поедет в форт и там сможет сделать новый запас.

Несколько минут гальвеец просидел молча. Думал ли он о совершенном проступке, или же просто наслаждался действием алкоголя — почем знать?

Скоро он опять заговорил:

— Я никак не пойму, почему нашего хозяина так и тянет в сеттльмент? Он говорил, что отправится туда, как только поймает крапчатого мустанга. И на что ему вдруг так понадобилась эта лошадь? Мне кажется, что тут дело неспроста. Хозяин говорит, что не оставит этого дела до тех пор, пока не добьется своего. Как бы не пришлось нам просидеть здесь весь год! Кто это там?

Тара бросилась с лаем к двери.

— Фелим! — раздался голос снаружи. — Фелим!

— Это хозяин, — пробормотал про себя Фелим, вскакивая со стула и бросаясь к двери следом за собакой,

ГЛАВА VI

Крапчатый мустанг

Фелим не ошибся: это был голос его хозяина, Мориса Джеральда.

Выйдя за дверь, гальвеец увидел мустангера верхом на лошади. Гнедой конь, весь мокрый от пота, казался почти черным; бока и шея у него были взмылены.

Гнедой был не один. На конце туго натянутого и привязанного к седельной луке лассо он тащил за собой захваченного в плен товарища.

Это был мустанг совершенно необычной окраски. Даже среди огромных табунов диких лошадей, пасущихся в прериях, такая масть была редкой.

Лошадь была темношоколадной масти с белыми пятнами, как шкура ягуара.

Красивая окраска сочеталась с безупречным сложением животного. Это была широкогрудая, с округлыми контурами и стройными тонкими ногами, красивая лошадь.

Три раза настойчивые попытки мустангера захватить эту красавицу кончались неудачей. На четвертый раз он добился своего. При помощи длинного лассо со скользящей петлей Морис поймал наконец крапчатого мустанга.

Чем было вызвано его страстное желание овладеть именно этой лошадью, оставалось тайной мустангера.

Фелим еще никогда не видел своего хозяина в таком возбужденном состоянии — даже тогда, когда мустангер возвращался с охоты, как это часто бывало, с пятью или шестью пойманными лошадьми.

Но никогда еще мустангер не приводил такого красавца. Крапчатый мустанг заставил бы любоваться собой кого угодно.

— Гип, гип, ура! — закричал Фелим, подбросив вверх свою шляпу. — Слава святому Патрику[1], наш молодой хозяин поймал наконец крапчатую кобылу! Ну и красавица!..

[1] Святой Патрик считался покровителем Ирландии.

Не диво, что он так гонялся за ней. Чорт побери! Если бы она была у нас на Баллинаслойской ярмарке, мы бы за нее могли заломить любую цену. Ах ты, красавица! Куда же мы ее отведем? В кораль?

— Нет, это опасно: ее там могут залягать. Мы привяжем ее под навесом. Кастро как гостеприимный хозяин должен будет уступить ей свое место, а сам проведет ночь под открытым небом. Видел ли ты, Фелим, когда-нибудь такую лошадку?

— Никогда, мастер Морис, ничего подобного я еще не видел. Она так хороша, что ее хочется прямо съесть, а на самом деле смотри, как бы она сама кого не съела. Вы ее еще совсем не объезжали?

— Нет, Фелим, я ею займусь, когда у меня будет побольше времени. Надо сделать это как следует. Ведь страшно испортить такую красоту. Я начну приручать ее после того, как доставлю в сеттльмент.

— Когда же вы собираетесь туда?

— Завтра. Мы должны выехать на заре.

— Вот это хорошо. Я рад не только за себя, но и за вас, мастер Морис. Я не знаю, известно ли вам, но у нас виски уже на исходе. Эти маркитанты, чорт бы их побрал, здóрово умеют надувать: они и разбавляют и не доливают. Немудрено, что из их рук бутылки виски не надолго хватает.

— Не беспокойся насчет виски, Фелим. Я полагаю, там хватит и на сегодняшний вечер и для того, чтобы наполнить наши фляги для завтрашнего путешествия. Не унывай, дружище. Пойдем сейчас устроим нашу гостью, а затем мы с тобой поговорим о покупке напитка, который, я знаю, ты любишь больше всего на свете, кроме разве только самого себя.

— А вы, мастер Морис? — спросил Фелим, лукаво подмигивая глазом.

Мустангер только улыбнулся и соскочил с седла.

. . . . . .

Крапчатую кобылу поставили под навес, а Кастро привязали к дереву.

Усталый от тяжелого дня мустангер бросился на свою кровать. Никогда еще в жизни ему не приходилось быть так долго на охоте, как в погоне за этой степной лошадью.

Несмотря на то, что ему пришлось провести несколько дней в седле, из них три последних в непрерывной погоне за крапчатой кобылой, несмотря на невероятную усталость, мустангер не мог спать. Время от времени он вставал и начинал ходить взад и вперед по хижине.

Казалось, что достигнутый успех, вместо того чтобы успокоить его, вызвал как раз обратное действие.

Наконец Фелим, пользуясь правом «молочного брата», решил выяснить причину его беспокойства.

— Что с вами, мастер Морис? Скажите мне, в чем дело?

— Ничего, Фелим, ничего. Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Да как же не спросить? Ведь и я не могу ни на минутку заснуть с того самого дня, как вы в последний раз вернулись из сеттльмента. Ведь, должно быть, что-то отняло у вас сон. Может быть, какая-нибудь мексиканская девица? Хотя я не думаю, чтобы они были в вашем вкусе.

— Ты чушь болтаешь, Фелим. Со мной ничего не случилось. Дай-ка лучше мне чего-нибудь закусить. Не забывай, что ведь я с утра ничего не ел. Что у тебя там есть?

— Признаться, у нас не много чего найдется. Ведь за эти три дня, как вы охотились за мустангом, ничего не прибавилось. Есть у нас немного холодной оленины и кукурузный хлеб. Если желаете, я сейчас разогрею мясо.

— Хорошо, я могу подождать.

— Не лучше ли вам выпить сначала стаканчик вина?

— Я непрочь.

— Чистого или с водой?

— Стакан грога. Только принеси свежей воды из ручья.

Фелим взял серебряный стакан и собирался уже итти, как вдруг Тара с громким лаем бросилась к двери. Фелим с некоторой опаской направился к выходу.

Лай собаки сменился радостными взвизгиваниями, как будто она приветствовала кого-нибудь из друзей.

— Это старый Зеб Стумп, — сказал Фелим и пошел выполнять поручение.

Вновь прибывший был человек совершенно другого склада, чем обитатели хижины.

Это был высокий мужчина, не менее шести футов ростом. На нем были сапоги из крокодиловой кожи. В широкие голенища были заправлены штаны из домотканой шерсти, когда-то окрашенные кизиловой краской, но теперь уже потерявшие от грязи всякий цвет. Рубашка из оленьей кожи была надета прямо на тело, а поверх нее — сильно выцветший зеленый камзол, сшитый из грубой материи работы местных индейцев. Серая поярковая шляпа, сильно поношенная, дополняла его бедный костюм.

Охотничье снаряжение Зеба Стумпа, типичное для лесных охотников Северной Америки, было так же скромно, как и его костюм. Сумка для патронов и большой серпообразный рог для пороха были подвешены с правой стороны на ремешке, перекинутом через плечо. Камзол перехватывался широким кожаным поясом, на нем висели кожаные ножны, из которых высовывалась грубая рукоятка большого охотничьего ножа, сделанная из оленьего рога.

Вопреки обычаю техасских охотников, на его одежде не было видно никаких украшений. Все было просто, почти грубо, как будто Зеб осуждал всякое франтовство.

Даже ружье — главное орудие его ремесла — было чрезвычайно примитивной работы. Это ружье было такого размера, что когда хозяин ставил его на землю, то дуло доходило ему до плеча.

Зебу Стумпу было на вид около пятидесяти лет. Кожа у него была смуглая, а черты лица на первый взгляд производили суровое впечатление. Однако, приглядевшись немного, вы начинали чувствовать, что этот человек не лишен спокойного юмора.

Зеб Стумп родился и вырос в штате Кентукки, молодость свою провел среди девственных лесов нижней Миссисипи, занимаясь исключительно охотой. Теперь, на склоне лет, он продолжал это же дело, но уже в дебрях юго-западного Техаса.

— Здорóво! — лаконически приветствовал Зеб, загораживая дверь хижины своим большим телом.

— Добрый вечер, мистер Стумп, — ответил хозяин, вставая навстречу гостю. — Заходите и садитесь.

Охотник не заставил себя просить и, перешагнув порог хижины, неловко уселся на неустойчивом стуле. Сиденье было настолько низким, что колени Стумпа очутились почти на уровне его подбородка, а длинный ствол ружья, словно пика, поднялся на несколько футов над его головой.

— Проклятые стулья! — заворчал он, видимо недовольный неловким положением. — На что лучше какой-нибудь чурбан: чувствуешь, по крайней мере, что он под тобой не поедет.

— Попробуйте вот это, — сказал хозяин, указывая на кожаный сундук в углу комнаты. — Он, кажется, будет устойчивей.

Старый Зеб не возражал против этого предложения и пересел на сундук.

— Пешком, мистер Стумп, как всегда?

— Нет, моя старуха там; я привязал ее к дереву. Я не был на охоте.

— Вы, кажется, никогда не охотитесь верхом, не правда ли?

— Я не дурак, чтобы охотиться верхом на лошади.

— Но ведь в Техасе все так делают.

— Все ли так охотятся, или нет, но это дурацкий обычай, обычай ленивых дураков. На своих на двоих я подстрелю больше дичи за один день, чем за целую неделю

верхом на кобыле. Конечно, для вас, охотника за мустангами, лошадь необходима, но ежели вы охотитесь за медведем, оленем или диким индюком, то на лошади вы только их распугаете. Свою старую кобылу я держу только для того, чтобы перевозить на ней добычу.

— Кстати, вы ее оставили под открытым небом. Пусть Фелим поставит ее под навес. Ведь вы переночуете у нас?

— Да, я с этим и приехал сюда. Относительно моей лошади вы не беспокойтесь — она хорошо привязана.

— Может быть, вы хотите закусить? Фелим как раз готовит ужин. К сожалению, я ничего не могу вам предложить, кроме оленины.

— Что может быть лучше хорошей оленины? Разве только медвежье мясо. Давайте зажарим ее на горячих углях, я помогу стряпать. Мистер Фелим, если вас не затруднит, пройдите, пожалуйста, к моей кобыле и принесите дикую индюшку — она привязана к луке седла; я ее подстрелил по дороге.

— Вот это нам повезло! — воскликнул мустангер. — Наши запасы совсем истощились. В течение последних трех дней я охотился за одним замечательным мустангом и совсем не брал с собой ружья. Фелим и я, а также Тара совсем изголодались за это время.

— Что же это за мустанг? — с интересом спросил охотник, как будто не обращая внимания на последнее замечание.

— Темношоколадная кобыла с белыми пятнами. Прекрасный экземпляр!

— Чорт побери! Да ведь это как раз то, насчет чего я сюда и приехал.

— Вот как?

— Я видел этого мустанга. Вы говорите, это кобыла,— я этого не знал, так как она не подпускала меня к себе на расстояние полумили. Я видел ее несколько раз в прерии и хотел, чтобы вы попробовали поймать ее. Я вам скажу, почему. Я был в сеттльменте. Туда приехал один человек,

которого я знавал еще по Миссисипи. Это богатый плантатор. Жил он на широкую ногу и особенно прославился своими богатыми празднествами. Много оленей и индюков поставил я для его дома. Его зовут Пойндекстер.

— Пойндекстер?

— Это имя знают на берегах Миссисипи от Орлеана до Сан-Луи. Он был богат, да, думаю, и теперь не беден, так как привел с собой сотню негров. У него есть племянник, по имени Кольхаун, у которого имеются доллары, и делать парню с ними нечего, кроме как давать своему дядюшке в долг. Теперь, мой друг, я скажу, почему я хотел повидаться с вами. У плантатора есть дочь — большая охотница до лошадей. В Луизиане она ездила на самых бешеных, каких только можно было найти. Слышала она раз, как я рассказывал старику о крапчатом мустанге. С тех пор она не давала отцу покоя, пока тот не обещал ей, что он заплатит большие деньги тому, кто поймает эту лошадь. Он сказал, что даст двести долларов[1]. Я знал, что все мустангеры сеттльмента сейчас же погонятся за мустангом, как только об этом узнают; поэтому, не сказав никому ни слова, я поспешил сюда на своей старой кобыле.

— Пойдемте со мной, мистер Стумп, — сказал молодой ирландец, вставая со стула и направляясь к дверям.

Охотник пошел за ним, несколько удивленный неожиданным приглашением.

Морис повел своего гостя к навесу, где был привязан крапчатый мустанг.

— Похожа ли эта лошадь хоть сколько-нибудь на того мустанга, о котором вы говорили, мистер Стумп?

— Чорт меня возьми, если это не тот самый мустанг! Готово, уже пойман! Двести долларов — ваши. И будь я проклят, если он не стоит каждого пенни этой суммы! Ну и красота! Вот-то будет радость для мисс Пойндекстер! Она сойдет с ума от восторга!

[1] Доллар — американская монета стоимостью около двух рублей.

ГЛАВА VII

Беспокойная ночь

Неожиданное открытие, что крапчатый мустанг уже пойман, сильно приподняло настроение старого охотника. Этому немало способствовало также содержимое той бездонной бутыли, в которой, вопреки опасениям Фелима, все же нашлось еще достаточное количество виски.

Оживленная беседа сотрапезников касалась главным образом охотничьих похождений и происшествий с индейцами.

Поскольку Зеб Стумп был большим знатоком охотничьих дел, то немудрено, что он говорил больше всех. А Фелим только время от времени выражал вслух свое изумление по поводу удивительных происшествий.

Однако беседа прекратилась еще задолго до наступления полуночи. Вероятно, опорожненная бутыль больше других причин заставила собеседников подумать об отдыхе.

Старый охотник привязал свою кобылу на длинную веревку, чтобы она могла пастись, и захватил с собой с седла старое, пожелтевшее одеяло, которое составляло его обычную постельную принадлежность.

— Ложитесь на мою кровать, — вежливо предложил ему хозяин, — а я лягу на полу, подстелив лошадиную шкуру.

— Нет, — ответил гость, — ни одна из ваших полочек не годится для того, чтобы Зеб Стумп мог спать на ней. Я предпочитаю землю. Мне лучше всего спится на земле, да и, кроме того, нет опасности свалиться.

— Если вам так нравится, ложитесь на полу; вот здесь будет лучше всего, я вам постелю шкуру.

— Молодой человек, пожалуйста, не беспокойтесь — не стоит напрасно тратить время. Такой малый, как я, не может спать ни на каком полу. Его постель — зеленая трава прерии.

— Неужели же вы собираетесь спать под открытым небом? — воскликнул изумленный мустангер, увидя, что гость с перекинутым через плечо одеялом направляется к выходу.

— Да, и ничего другого я не намерен делать.

— Но послушайте, ведь ночь холодна, вы продрогнете!

— Это пустяки. Пусть я немного продрогну, все же это лучше, чем задыхаться без воздуха под крышей.

— Вы шутите, мистер Стумп?

— Молодой человек! — горячо отозвался охотник. — Зеб Стумп за последние шесть лет ни разу еще не растянул своих старых костей под крышей. У меня когда-то было что-то вроде дома — в дупле старой смоковницы. Это было на Миссисипи, когда моя старуха была еще жива, и я сохранял это жилище ради нее. После ее смерти я перебрался в Луизиану, а потом сюда. С тех пор синее небо Техаса и днем и ночью — моя единственная крыша.

— Если вы предпочитаете спать снаружи...

— Да, я предпочитаю, — коротко ответил охотник, переступая порог и направляясь на зеленую лужайку, расположенную между хижиной и речкой.

С ним было не только его старое одеяло — на руке у него была перекинута веревка шести-семи ярдов длиной, сплетенная из конского волоса. Это был кусок кабриэсто[1], обычно употребляемого для того, чтобы привязывать лошадь на пастбище, но в данном случае кабриэсто служило для другой цели.

Внимательно осмотрев при свете луны лужайку, охотник раскинул на ней веревку кольцом.

Войдя внутрь этой своеобразной ограды и завернувшись в одеяло, Зеб Стумп спокойно улегся и через минуту уже спал.

Однако недолго ему пришлось отдыхать. Пара удивленных глаз следила за каждым движением охотника; это были глаза Фелима О'Нил.

[1] Кабриэсто — род лассо.

— Святой Патрик, — шептал он, — что это значит? Для чего старик окружил себя веревкой?

Любопытство гальвейца сначала боролось с чувством вежливости, но потом первое взяло верх. Едва лишь раздался храп заснувшего охотника, как гальвеец прокрался к нему и стал его трясти, чтобы получить ответ на неразгаданный вопрос.

— Будь ты проклят, ирландский осел! — воскликнул Стумп с явным неудовольствием. — Я думал, что уже утро. Для чего я кладу вокруг себя веревку? Для чего же еще, как не для того, чтобы оградить себя от всякой нечисти?

— От какой нечисти, мистер Стумп? Вы хотите сказать — от змей?

— Ну, конечно, от змей, чорт бы вас побрал! Отправляйтесь спать.

Несмотря на резкий отпор, Фелим довольный вернулся в хижину. Если в Техасе и было что-нибудь, что надоедало хуже индейцев, говорил он часто себе, так это противные змеи, которые не дают спать. Ни одной ночи он еще не мог заснуть спокойно с тех пор, как сюда попал. Вечно только и думаешь о них или видишь их во сне.

Фелим, живя в уединенной хижине, мало с кем встречался и потому не знал о магических свойствах кабриэсто.

Он не замедлил использовать на деле приобретенные знания. Тихонько прокравшись в хижину, чтобы не разбудить заснувшего хозяина, Фелим снял висящее на стене кабриэсто, затем, выйдя снова, окружил им стены хижины.

Закончив эту процедуру, он переступил порог своего жилища, шепча про себя:

— Наконец-то Фелим О'Нил сможет спать спокойно, сколько бы там ни было этих змей в Техасе.

После этого в хижине водворилась полная тишина. Земляк святого Патрика, не боясь больше змей, моментально заснул, растянувшись на лошадиной шкуре.

Некоторое время казалось, что все наслаждались ночным отдыхом, включая Тару и пойманного мустанга. Единственно, кто нарушал общую тишину, — это старая кобыла Стумпа, которая щипала сочную траву на ночном пастбище.

Однако скоро обнаружилось, что старый охотник не спал. Вместо того чтобы лежать спокойно, он ворочался с боку на бок, как будто какая-то назойливая мысль лишила его сна. Кончилось это тем, что Стумп не выдержал, сбросил с себя одеяло, сел и недовольно огляделся.

— Чорт бы побрал этого ирландского дурака! — процедил он сквозь зубы. — Испортил мне сон, проклятый! Надо было бросить его в речку. Только из уважения к его хозяину я этого не сделал. Наверное, мне так и не удастся заснуть до утра.

При этих словах охотник еще раз завернулся в одеяло и лег.

Однако заснуть ему не удалось. Он снова начал ворочаться с боку на бок. Наконец опять сел и снова выругался.

На расстоянии двадцати футов от того места, где он сидел, охотник неожиданно заметил змею.

— Змея! — шопотом произнес он, когда его глаза остановились на пресмыкающемся. — Любопытно, что это за порода? Слишком велика для гремучей змеи. Нет, это не она... А-а, теперь понимаю. Это курочка[1] ищет яйца. Ах ты, бестия! И ведь ползет прямо на меня.

В его тоне не чувствовалось испуга.

Зеб Стумп знал, что змея не переползет через кабриэсто, а, коснувшись его, поползет обратно, как от огненной черты.

Под защитой этого магического круга охотник мог спокойно следить за неприятелем, если бы это была даже самая ядовитая змея. Но она не была ядовитой. Это был всего лишь уж и притом самый безобидный, из той разновид-

[1] В английском тексте — «chicken» («чикен»), то есть дословно — цыпленок. Ужи «чикен» распространены в Северной Америке. Они отличаются безобидным характером. Питаются птичьими яйцами.

ности змей, которую народная фантазия наивно наградила названием курочки.

На лице Зеба отразилось любопытство. Как только курочка подползла к самому кабриэсто и, немного приподняв голову, ткнулась прямо в веревку, она тотчас же повернула и поползла обратно.

Охотник с любопытством следил за ее движениями.

— Бедная тварь! Пусть себе ползет. Она мне не враг. Правда, она высасывает индюшечьи яйца и этим сокращает индюшечий род, но ведь это ее единственная пища, и нечего мне на нее сердиться. Но на этого проклятого дурака я зол. Что бы это придумать ему в наказание?.. Есть! Здóрово придумал!

При этих словах старый охотник вскочил на ноги и бросился за уползающим ужом.

Минута — и уж извивался в его руках.

— Ну, мистер Фелим, — воскликнул Зеб, — теперь держись! Я напугаю твою трусливую душу так, что ты не зажмешь до самого утра. Ты для меня это сделаешь, курочка?

И охотник направился к хижине. Тихонько прокравшись в нее, он пустил ужа внутрь круга кабриэсто, которым Фелим тщательно оградил свое жилище.

Вернувшись на свое травяное ложе, охотник еще раз натянул одеяло и пробормотал:

— Если змея в течение получаса не вползет на этого ирландского дурня, то в таком случае Зеб Стумп дурак... Стой! Что это? Чорт побери, неужто это он?

В эту минуту поднялся такой неистовый шум, который мог бы разбудить всю окрестность на расстоянии нескольких миль.

Сначала раздался человеческий крик, или, вернее, человеческий вопль — такой, какой мог вырваться только из глотки Фелима О'Нил. Ему сейчас же стали вторить животные, и вскоре вопли Фелима потонули в диком хоре голосов, в котором собачий лай сливался с лошадиным храпом и ржаньем.

— Что случилось? — спросил хозяин, соскочив с кровати и направляясь к охваченному ужасом слуге. — Что за нечистая сила обуяла тебя? Может быть, тебе приснилось привидение?

— О мастер Морис, хуже привидения! Меня искусала змея. Она проползла по всему моему телу!.. Святой Патрик, я — бедный, погибший грешник! Я, наверное, сейчас умру.

— Искусала змея? Скажи, где? — спросил Морис, торопливо зажигая свет.

Вместе с охотником, который уже успел очутиться в хижине, он стал осматривать тело Фелима.

— Я не вижу никаких признаков укусов, — продолжал мустангер, после того как он тщательно осмотрел все тело слуги, поворачивая его во все стороны.

— Нет даже царапины, — коротко отозвался Стумп.

— Не укусила? Это хорошо. Но она ползала по всему моему телу. Я и сейчас чувствую холод от нее.

— Да правда ли, что тут была змея? — спросил Морис с сомнением в голосе. — Может быть, тебе все это только приснилось, Фелим?

— Какой тут сон, мистер Морис! Это была настоящая змея. Я вас уверяю, что это так.

— Возможно, что и была змея, — вмешался охотник. — Давайте посмотрим, может быть мы ее найдем. Кругом вашего дома лежит веревка из конского волоса. Как же это змея могла перебраться через нее?.. Стой, вот она!

Говоря это, охотник указал на угол, где, свернувшись кольцом, лежала змея.

— Да это всего лишь уж, курочка, — продолжал Стумп. — Он не опаснее голубя. Искусать вас он не мог, но мы все равно с ним расправимся.

Сказав это, охотник схватил ужа в руки, поднял высоко и бросил оземь. Уж потерял способность двигаться.

— Вот и все, мистер Фелим, — сказал Зеб, наступая змее на голову своим тяжелым каблуком. — Теперь ложи-

тесь спокойно спать и спите до утра, змеи вас больше не будут беспокоить.

Подталкивая ногой убитого ужа, Зеб Стумп вышел из хижины, весело посмеиваясь. В третий раз растянулся он во весь свой огромный рост на траве лужайки и на этот раз наконец заснул.

ГЛАВА VIII

Тысяченожка

После расправы со змеей все успокоилось. Вой собаки прекратился вместе с воплями Фелима. Мустанги снова спокойно стояли под тенью деревьев.

В хижине тоже все было тихо, и лишь время от времени слышно было, как ерзал гальвеец на подстилке из мустанговой шкуры, не веря больше в защиту кабриэсто.

И за стеной хижины тихо. Лишь один звук нарушал тишину. Это нечто среднее между шипением крокодила и кваканием лягушки. Однако, поскольку этот звук вылетал из ноздрей Зеба Стумпа, вряд ли он мог быть чем-нибудь другим, как храпом заснувшего охотника.

Почти целый час длился этот концерт.

— Спасайте! — закричал неожиданно гальвеец, разбудив не только своего хозяина в хижине, но и гостя на поляне. — Святая дева! Заступница беззащитной невинности! Спаси меня! Спаси меня!

— Спасти тебя? От чего? — спросил Морис Джеральд, еще раз вскочив со своей кровати и второпях зажигая свет. — Что случилось?

— Другая змея, ваша милость. Ох! Честное слово, это была гадюка, хуже той, которую убил мистер Стумп! Она искусала мне всю грудь. Я чувствую, как у меня все тело горит, точно меня обожгли раскаленным железом.

— Чорт бы тебя побрал! — закричал Зеб Стумп, показавшись в дверях с одеялом на плече. — Второй раз будишь меня, дурак! Извините меня, мистер Джеральд. Мне

кажется, что дураков во всех странах достаточно, в Америке — так же, как и в Ирландии, но такого идиота, как ваш, я еще нигде не встречал. Это — сущее несчастье! Я не знаю, удастся ли нам сегодня заснуть, разве только после того, как мы его искупаем в речке.

— Ох, мистер Стумп, дорогой, не говорите так! Клянусь вам обоим, что здесь — опять змея! Я уверен, что она еще в хижине. Только минуту тому назад я чувствовал, как она ползла по мне.

— Это тебе приснилось, наверное, — ответил охотник более снисходительным и более доверчивым тоном. — Я говорю тебе, что ни одна техасская змея не переползает через кабриэсто. Первая змея наверняка уже была в хижине, прежде чем ты успел положить лассо. Не похоже, чтобы две зараз могли вползти. Впрочем, это нетрудно узнать.

— Ох, спасите! — кричал ирландец, сдирая с себя рубашку. — Вот он, след змеи, как раз на ребрах. Разве я не прав? О милосердная дева, что будет со мной? Я горю, как в огне.

— Змея! — воскликнул Стумп, приближаясь к перепуганному гальвейцу и держа над ним свечу. — Змея, на самом деле. Клянусь адом, это не змея! Это хуже змеи!

— Хуже змеи? — воскликнул Фелим в отчаянии. — Хуже, вы сказали, мистер Стумп? Вы думаете, это опасно?

— Как тебе сказать? Все зависит от того, найду ли я поблизости лекарство. Если же нет, то я не отвечаю...

— О, мистер Стумп, не пугайте меня!

— В чем дело? — спросил Морис, с первого же взгляда заметивший на груди Фелима ярко-красную полосу. — Что же это, в конце концов? — повторил он с возрастающим беспокойством, когда заметил, каким сосредоточенным взглядом охотник рассматривал странные следы. — Я ничего подобного не видел. Это вызывает у вас тревогу?

— Большую, мистер Джеральд, — ответил Стумп, уводя с собой мустангера за дверь хижины и разговаривая шопотом, чтобы не услышал Фелим.

— Но что же это такое? — взволнованно переспросил Морис.

— Это проползла тысяченожка.

— Ядовитая тысяченожка? Неужели она его укусила?

— Нет, я не думаю. Но этого и не требуется. Хватит и того, что тысяченожка проползла, — это смертельно.

— Небесные силы! Неужели это так опасно?

— Да, мистер Джеральд. Не раз я был свидетелем, как хорошие люди отправлялись на тот свет с такой полосой. Если не принять мер, и к тому же срочных, у него начнется невероятный жар, а потом он лишится рассудка, все равно как после укуса бешеной собаки. Не стоит, однако, пугать его, пока я не выясню, что можно сделать. В этих краях встречается одно растение. Если мне удастся быстро его найти, тогда вылечить Фелима будет нетрудно. К несчастью, спряталась луна, и мне придется искать наощупь. Я знаю, что на обрыве много этого зелья. Вы идите обратно и успокойте парня, а я посмотрю, что мне удастся сделать. Через минутку я вернусь.

Разговор, происходивший шопотом и притом за дверью хижины, вместо того чтобы успокоить Фелима, привел его в паническое состояние.

Не успел старый охотник отправиться на поиски лечебного растения, как гальвеец с еще более дикими воплями, чем прежде, выбежал из хижины. Морис долго провозился, пока ему удалось успокоить своего слугу.

Несколько минут спустя в двери снова появился Зеб Стумп. Выражение его лица сразу обрадовало присутствующих: ясно было, что целебное растение найдено. В правой руке охотник держал несколько овальных листьев темнозеленого цвета, густо и равномерно усаженных острыми шипами.

Морис узнал в них листья хорошо знакомого ему растения, известного под названием Cactus oregano[1].

[1] Cactus oregano — одна из разновидностей кактуса.

— Не бойся, мистер Фелим, — сказал старый охотник, переступая порог хижины, — теперь ничего страшного нет. Я достал цветочек, который живо вытянет весь жар из твоей крови. Прекрати свой вой, говорят тебе! Ты разбудил всех птиц, зверей и пресмыкающихся на двадцать миль вверх и вниз по реке. Если ты будешь продолжать в том же духе, сюда сбегутся все команчи, а это, пожалуй, будет похуже тысяченожки. Мистер Джеральд, приготовьте повязку, пока я буду препарировать растение.

Охотник прежде всего снял ножом шипы. Удалив затем кожицу, он нарезал кактус толстыми ломтями и покрыл ими воспаленную полосу на теле Фелима, после чего перевязал пострадавшего чистой тряпкой, приготовленной мустангером. Воспаление было вызвано не тем, что тысяченожка просто проползла, как думал Зеб, а тем, что она тысячу раз впилась в спящего гальвейца своими ядовитыми челюстями.

Кактус быстро оказал свое действие — его сок был хорошим противоядием. Успокоенный Фелим скоро заснул. После неудачной попытки найти тысяченожку врач-самоучка вернулся на свою лужайку, где спокойно проспал до утра.

. . . . . .

На заре все трое были на ногах. Фелим успел оправиться от пережитого испуга и лихорадки. Позавтракав остатками жареного индюка, они стали собираться в путь. Фелим с помощью охотника подготовлял диких лошадей к перегону через прерию. Морис тем временем снаряжал в путь своего коня и крапчатую кобылу. Особенно большое внимание он уделял прекрасной пленнице. Он тщательно расчесывал ее гриву и хвост и счищал с блестящей шерсти пятна грязи — следы упорной погони.

— Бросьте это, — сказал Зеб, наблюдая не без удивления за мустангером. — Вы напрасно так стараетесь. Будли Пойндекстер не из тех людей, которые отказываются от своего слова. То, что вы получите двести долларов, так же

верно, как то, что меня зовут Зебом Стумпом. Чорт возьми, она ведь стóит этих денег!

Морис ничего не ответил, но, судя по улыбке, появившейся в уголках его рта, можно было думать, что Зеб Стумп совсем не понял причины его особенного внимания к крапчатому мустангу.

Не прошло и часа, как мустангер двинулся в путь на своем гнедом коне, ведя за собой на лассо красивую пленницу. Остальные мустанги следовали рысью за Фелимом. Зеб Стумп на своей старой кобыле с трудом поспевал за ними.

Позади всех, осторожно ступая по колючей траве, не торопясь бежала Тара.

Никто не остался охранять хижину; закрыли лишь дверь, обтянутую конской шкурой, чтобы не забрели в нее четвероногие обитатели прерии. Некоторое время тишина, царящая кругом, нарушалась лишь криком совы, пронзительными завываниями пумы и унылым воем голодного волка.

ГЛАВА IX

Пограничный форт

На высоком флагштоке форта Индж развевается флаг, усеянный звездами; он отбрасывает колеблющиеся тени на своеобразную и необычайную панораму.

То картина настоящей порубежной жизни, полувоенной, полугражданской, наполовину дикой, наполовину цивилизованной.

Здесь можно видеть и разнообразные костюмы и людей белых и цветнокожих.

И самый форт имеет какой-то необычайный вид. Здесь нет ни казематов, ни потайных ходов, ни рвов, ни эскарпов[1], ни гласисов[2] — почти ничего, что напоминало бы

[1] Эскарп — прилегающая к крепостному укреплению отлогость наружного рва.

[2] Гласис — земляная насыпь перед крепостным рвом.

крепость. Навес-конюшня для двухсот лошадей обнесена простым частоколом из стволов тропической алгаробии. За пределами его — десяток построек незатейливой архитектуры с плетеными стенами, обмазанными глиной. Сзади расположены госпиталь, склады; с одной стороны гауптвахта, с другой — столовая и офицерские квартиры.

Все чрезвычайно просто, но чисто и опрятно. Простые оштукатуренные стены выбелены известью. Таков форт Индж.

На небольшом расстоянии — другая группа домов, не больше той, которая называется фортом. Они тоже находятся под покровительством американского флага; хотя непосредственно над ними он не развевается, но ему они обязаны своим появлением и существованием. Это зародыш одного из тех поселков, которые обычно появляются вблизи американского военного пункта и затем быстро развиваются и становятся большими городами.

В настоящее время население поселка состоит: из маркитанта, на складе которого имеются спиртные напитки, не зачисленные в военный паек; хозяина гостиницы, при которой находится бар-кабачок, с чистыми земляными полами и привлекательными полочками, уставленными бутылками для соблазна приходящих пьяниц; кучки профессиональных игроков, очищающих карманы местного гарнизона; двух десятков темноглазых сеньорит сомнительной репутации и такого же количества охотников, погонщиков, мустангеров и вообще людей, не поддающихся определению, которые во всех странах составляют необходимую принадлежность каждого военного поселения.

Дома этого небольшого сеттльмента расположены в некотором порядке. Повидимому, все они — собственность одного предпринимателя. Они стоят вокруг «сквера», где вместо уличных фонарей и статуй торчит над «ковром» вытоптанной травы засыхающий ствол кипариса и несколько кустарников.

Леона в этом месте суживается до размера маленького

ручья и течет позади форта и поселка. Перед ней расстилается равнина, покрытая яркой изумрудной зеленью и вдали очерченная более темной полосой леса. Здесь могучие дубы, ореховые деревья, вязы борются за свое существование с колючими порослями кактуса и с множеством вьющихся и ползучих растений-паразитов, почти неизвестных ботанику. К югу и востоку на берегу речки разбросаны дома-усадьбы при плантациях. Некоторые из них более примитивной и новой стройки, другие более утонченного стиля и, повидимому, уже солидного возраста. Один из этих домов особенно обращает на себя внимание — это большая постройка с плоской крышей, с зубчатыми брустверами; белые стены резко выделяются на зеленом фоне леса, окружающего дом с трех сторон. Это гасиенда[1] Касадель-Корво.

Но вот вы повернулись к северу, и перед вами неожиданно вырастает одиноко стоящая гора конусообразной формы. Она поднимается на несколько сот футов[2]. Позади нее в туманной дали вырисовывается ломаная линия Гвадалупских гор.

Посмотрите выше, и вы увидите небо — полусапфировое, полубирюзовое. Днем оно совершенно чистое и безоблачное, и видно на нем только золотое сияние солнца. Ночью оно усеяно звездами, как будто выкованными из чистой стали, а четко очерченный диск луны кажется здесь совсем серебряным.

Посмотрите вниз в тот час, когда уже исчезли луна и звезды, когда ветерок, наполненный ароматами цветов, дует с залива Матагорда, — посмотрите, и вы увидите картину настолько пеструю и яркую, настолько изобилующую разнообразными очертаниями, красками, костюмами, что описать ее почти невозможно.

---

[1] Гасиенда — поместье; так же называется и барский дом в Мексике, Техасе и Южной Америке.

[2] Фут — 30,4 сантиметра.

Вы увидите голубую форму пехоты Соединенных штатов, синие мундиры драгун, светлозеленые — стрелков. В полном обмундировании вы встретите только нескольких дежурных офицеров. Их товарищи, пользуясь свободным временем, бродят около бараков или же под навесом конюшни в красных фланелевых рубашках, в мягких шляпах и начищенных сапогах.

Офицеры болтают с людьми, одетыми совсем не по-военному. Это охотники — в свободной одежде из оленьей шкуры и таких же крагах; пастухи, мустангеры — в мексиканских костюмах, в широких шароварах, с шалью — серапэ — на плечах и небрежно заломленной набекрень черной глянцевой шляпой — сомбреро. Офицеры разговаривают с индейцами, которые пришли в форт для дружеских переговоров либо по делам торговли, либо для заключения мира; их палатки виднеются невдалеке. Фигуры индейцев, задрапированных в свои домотканые красные, зеленые и голубые шали, кажутся необычайно красочными и почти классически красивыми. Даже нелепая разрисовка, которой они изуродовали свою кожу, и слипшиеся от грязи черные длинные волосы, удлиненные еще прядями конских волос, не могут испортить их строгой красоты.

Вообразите себе эту смесь национальностей в их разнообразных костюмах, согласно требованиям расы, условий жизни и профессии; добавьте еще чернокожих негров — офицерских грумов или же посыльных плантатора из соседнего сеттльмента; представьте себе, как они стоят небольшими группками и болтают между собой или же гуляют по равнине между фургонами; пару тяжелых орудий на тележке; одну или две белые палатки, занятые офицерами, предпочитающими из оригинальности спать под прикрытием парусины; несколько винтовок со штыками, — представьте себе все это, и перед вашими глазами встанет правдивая картина военного форта, находящегося на границе Техаса, на окраине цивилизации.

***

Неделю спустя после того, как плантатор из Луизианы приехал в новый дом, на плац-параде перед фортом Индж стояли три офицера и смотрели в сторону гасиенды Каса-дель-Корво.

Они все были молоды — старшему из них было не больше тридцати лет. Погоны с двумя полосками указывали на капитанский чин одного; второй, с одной полоской, был старшим лейтенантом; третий, судя по его пустым шевронам [1], был, повидимому, младшим лейтенантом.

Они были свободны от службы и разговаривали между собой о вновь прибывших обитателях Каса-дель-Корво.

— Предполагается что-то вроде новоселья, — сказал капитан пехоты, имея в виду приглашение, полученное всем офицерским составом гарнизона. — Сначала обед, а потом танцы. Настоящее событие! И мы, должно быть, встретим там всю нашу аристократию и всех красавиц сеттльмента.

— Аристократия? — смеясь, отозвался лейтенант драгунского полка. — Нельзя сказать, чтобы у нас было много аристократов, а красавиц и того меньше.

— Вы ошибаетесь, Генкок. На берегах Леоны можно найти и тех и других. Некоторые из знатных семей Соединенных штатов перекочевали сюда. Мы встретим их на празднике у Пойндекстера, в этом я не сомневаюсь. Что же касается аристократизма, то сам хозяин наделен им в таком количестве, что одно лишь его присутствие будет действовать вроде прививки, которой хватит на всех гостей. А относительно красавиц — бьюсь об заклад, что его дочка лучше всех девиц по эту сторону Сабины. Племяннице комиссара придется уступить ей свое место первой красавицы.

— Вот как! — выразительно протянул лейтенант стрелковых войск. — Значит, мисс Пойндекстер должна быть чертовски хороша.

[1] Шевроны — нашивки на рукавах воинских чинов.

— Она необыкновенно хороша, говорю я вам, если только она не подурнела с той поры, как я ее видел в последний раз на балу у Лофурша. Там было несколько молодых креолов, которые добивались ее внимания, и дело чуть не дошло до дуэли.

— Кокетка, должно быть? — заметил стрелок.

— Ни капли, Кроссман. Наоборот, уверяю вас. Она умная девушка и не любит излишней фамильярности. Она унаследовала гордость своего отца. Это фамильная черта Пойндекстеров.

— Девушка как раз в моем вкусе, — шутливо заметил молодой драгун, — и если она так хороша собой, как вы говорите, капитан Сломан, то я, наверное, влюблюсь в нее. Мое сердце свободно, не то что у Кроссмана.

— Послушайте, Генкок, — ответил сдержанно капитан, — я не люблю держать пари, но я уверяю вас, что после того, как вы увидите Луизу Пойндекстер, вы перестанете говорить о ней в таком тоне.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, обо мне, Сломан. Я слишком часто бывал под огнем красивых глаз и потому не очень-то этого боюсь.

— Но не таких прекрасных...

— Чорт побери! Вы заставите человека влюбиться в женщину, даже не взглянув на нее. Она, вероятно, совершенно необыкновенна и ни с кем не сравнима.

— Да, она была такой, когда я ее видел в последний раз. Но я должен предупредить вас, прежде чем вы окончательно влюбитесь, что в семье есть человек, который может причинить вам неприятности.

— Брат, наверное? Братья обычно мешают.

— У нее есть брат, но не в нем дело. Это прекрасный юноша — единственный из Пойндекстеров, которого не гложет червь гордости.

— Тогда ее аристократический папаша?

— Нет, не старик Пойндекстер.

— Кто же еще?

— Ее двоюродный брат — Кассий Кольхаун. Очень странный субъект.

— Я, кажется, слыхал это имя.

— И я тоже, — сказал младший лейтенант.

— О нем слыхал каждый, кто так или иначе был причастен к мексиканской войне, то есть кто участвовал в походе Скотта. Надо сказать, что Кольхаун оставил по себе нехорошую память. Как уроженец штата Миссисипи он был капитаном в полку миссисипских волонтеров. Только его чаще встречали в тылу за карточным столом, чем в штабе полка. Было у него одно или два дела, которые составили ему репутацию бреттёра[1]. Но эту славу он приобрел еще до мексиканской войны. В Новом Орлеане он слыл за опасного человека.

— Ну и что же? — спросил молодой драгун с некоторым недоверием в голосе. — Кому какое дело, опасный человек мистер Кассий Кольхаун или безобидный? Мне, по правде сказать, это безразлично. Ведь вы же говорите, что он ей всего лишь двоюродный брат.

— Не совсем так. Мне кажется, что он к ней неравнодушен.

— И пользуется взаимностью?

— Этого я не знаю. Повидимому, он любимец ее отца. И мне даже объяснили, правда под большим секретом, причину этой симпатии. Это обычная история — все построено на денежной зависимости. Пойндекстер уже не тот богач, каким он был раньше, иначе мы никогда не увидели бы его здесь.

В этот момент рожок протрубил сбор к утреннему смотру — церемонии, которая соблюдалась в маленьком форту так же строго, как если бы налицо был армейский корпус.

И три офицера разошлись, каждый к своей части, чтобы приготовить ее к смотру, который производил майор, командир форта.

[1] Бреттёр — дуэлянт, забияка.

ГЛАВА X

Каса-дель-Корво

Поместье, или гасиенда, Каса-дель-Корво тянулось вдоль лесистых берегов Леоны более чем на три мили, в сторону же прерии, к югу, оно занимало вдвое большее пространство.

Усадебный дом в Мексиканской Америке обычно, хотя и неправильно, называется тоже гасиендой. В Каса-дель-Корво он выстроен на расстоянии пушечного выстрела от форта Индж, откуда виднеется часть его белых стен. Бо́льшая же часть гасиенды спрятана под тенью высоких деревьев, окаймляющих берега реки. Река здесь делает крутую излучину в форме подковы. Отсюда и название «Casa del Corvo»—«Дом на излучине».

Место для постройки дома было выбрано, по всей вероятности, в целях лучшей защиты его от индейцев, терроризовавших своими нападениями европейских поселенцев в ранние дни колонизации Америки.

Своим фасадом гасиенда обращена в сторону прерии, которая, как бесконечный изумрудный ковер, расстилается перед ней до самого горизонта.

Архитектура Каса-дель-Корво, как и других усадебных построек Мексики, носит характер мавританско-мексиканского стиля. Дом одноэтажный, с плоской крышей — азотеей, обнесенной перилами. Внутри постройки находится вымощенный плитами двор с фонтаном и лестницей, ведущей на азотею. Массивные деревянные ворота на тяжелых болтах расположены со стороны главного подъезда. По обе стороны ворот два или три окошка, защищенных железной решеткой. За стенами ограды — несколько убогих хижин, населенных невольниками-неграми. Их нищенские домишки составляют резкий контраст с барской усадьбой плантатора.

Такова была гасиенда, приобретенная плантатором из Луизианы.

Луиза Пойндекстер в задумчивости опустилась в кресло перед зеркалом и велела своей служанке одеть и причесать ее к приему гостей.

Это было приблизительно за час до званого обеда, который давал Пойндекстер, чтобы справить свое новоселье. Не этим ли следовало объяснить некоторое беспокойство в поведении молодой креолки? Однако у служанки-невольницы были на этот счет свои догадки — об этом свидетельствовал происходивший между ними разговор.

Хотя вряд ли это можно было назвать разговором. Луиза просто думала вслух, а ее служанка вторила ей, как эхо. В течение всей своей жизни молодая креолка привыкла смотреть на рабыню, как на вещь, от которой можно было не скрывать своих мыслей, так же как от стульев, столов, диванов и другой мебели ее комнаты. Разница была лишь в том, что Флоринда все же была живым существом и могла отвечать на вопросы.

В течение первых десяти минут после того, как Флоринда появилась в комнате, она безумолку болтала о всяких пустяках, и участие в разговоре самой Луизы ограничивалось лишь отрывистыми замечаниями.

— О мисс Луи, — говорила негритянка, нежно расчесывая роскошные волосы молодой госпожи, — какие у вас красивые волосы! Словно пушистый испанский мох, что свешивается с кипарисового дерева. Только они у вас другого цвета и блестят, точно сахарная патока.

Луиза Пойндекстер была креолкой, а потому вряд ли нужно говорить, что ее волосы были темного цвета; они были пышны, словно испанский мох, как наивно, но метко выразилась негритянка. Но они не были черными. Это был тот красивый каштановый цвет, который встречается иногда в окраске черепахи или же пойманного зимой соболя.

— Ах, — продолжала Флоринда, — если бы у меня бы-

ли ваши чудесные волосы вместо моих негритянских завитушек, они бы все были у моих ног, все до одного!

— О чем ты говоришь? — спросила молодая креолка, точно очнувшись от своих мечтаний. — Что ты сказала? У твоих ног? Кто?

— Ну, разве вы не понимаете меня?

— Даю слово, нет.

— Я заставила бы их полюбить меня. Вот что я хотела сказать.

— Но кого?

— Всех белых джентльменов. Молодого плантатора, офицеров форта — всех, всех! С вашими волосами я бы их всех покорила.

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Луиза, представив себе, как выглядела бы Флоринда с ее огромными косами. — Ты думаешь, что ни один мужчина не устоял бы перед тобой, если бы у тебя были мои волосы?

— Нет, мисс, я хотела бы, чтобы у меня были не только ваши волосы, но и ваше милое лицо, ваша кожа, белая, как алебастр, ваша стройная фигура, — это было бы замечательно. О мисс Луи, вы такая красивая! Я слыхала, как белые джентльмены говорили об этом. Но мне и не надо слышать, что они говорят. Я сама вижу.

— Ты научилась льстить, Флоринда.

— Нет, мисс, уверяю вас. Здесь нет ни слова лести, ни одного слова. Клянусь вам! Клянусь апостолами!

Тому, кто лишь раз взглянул на Луизу, клятвы негритянки показались бы излишними.

Сказать, что Луиза Пойндекстер была прекрасна, — это значило только повторить общее мнение окружающего ее общества. Карандаш даст лишь слабое представление о ее облике; никакой художник не мог бы передать на безжизненном полотне лучистый свет, которым сияли ее глаза.

На серьезные уверения Флоринды девушка ответила снисходительным смехом, в котором, однако, не чувство-

валось и ноткн сомнения. Молодая креолка не нуждалась в том, чтобы ей напоминали о ее красоте. Лесть негритянки мало тронула ее, и она снова впала в задумчивость.

Флоринду это не смутило.

— Ах, — продолжала она, как будто разговаривая сама с собой, — если бы Флоринда была хоть наполовину так хороша, как молодая мисс, она ни на кого бы не обращала внимания и ни о ком бы не вздыхала!

— Вздыхала? — повторила Луиза, удивленная ее речью. — Что ты хочешь этим сказать?

— Мисс Луи, Флоринда не такая слепая, как вы думаете, и не глухая. Она давно замечает, как вы молча сидите на одном месте и только глубоко вздыхаете. С вами никогда этого не было, когда мы жили в Луизиане.

— Флоринда! Я боюсь, что ты теряешь рассудок или уже потеряла его в Луизиане! Вероятно, здешний климат плохо действует на тебя. Не так ли, дружок?

— Честное слово, мисс Луи, вы должны об этом спросить себя. Не сердитесь на меня, что я с вами так попросту разговариваю. Флоринда — ваша раба и любит вас, как сестру. Ей больно слышать ваши вздохи. Поэтому она и позволяет себе так говорить с вами. Вы не будете сердиться на меня, мисс?

— Конечно, нет. Почему я должна сердиться на тебя? Я не сержусь. Только ты совсем не права. То, что ты видела и слышала, — это всего лишь твоя фантазия. Что же касается вздохов, то мне некогда вздыхать — ведь сейчас нужно будет принять около сотни гостей, и почти все они незнакомые. Между ними будут молодые плантаторы и офицеры, которых ты хотела бы покорить. Ха-ха-ха! У меня же нет желания очаровывать их, ни одного из них, и я могу их всех уступить тебе.

— О мисс Луи, вы правду говорите? — спросила негритянка с нескрываемым любопытством. — Вы говорите, что ни один из этих джентльменов вам не нравится? Но ведь будут очень-очень красивые мужчины. Будет этот молодой

плантатор и те два красивых офицера — нет, три красивых офицера. Вы знаете их? Они все были очень внимательны к вам. Вы уверены, мисс, что ни об одном из них вы не вздыхаете?

— Опять о вздохах! — вынужденно засмеялась Луиза. — Довольно, Флоринда, мы теряем время. Не забывай, что у нас сегодня большой прием, и мне нужно по крайней мере полчаса, чтобы немножко сосредоточиться и быть на высоте своей роли хозяйки дома.

— Не беспокойтесь, мисс Луи, не беспокойтесь. Вас одеть нетрудно. В любом платье вы хороши. Вы все равно будете первой красавицей, если даже наденете простое платье работницы плантаций.

— Как, однако, ты научилась льстить, Флоринда! Я подозреваю, что тебе что-то от меня надо. Может быть, ты хочешь, чтобы я помирила тебя с Плуто?

— Нет, мисс, Плуто никогда больше не будет моим другом. Он был таким трусом, когда на нас налетела буря в этой черной прерии! О мисс Луи, что бы мы только делали, если бы к нам не подоспел этот молодой джентльмен на гнедой лошади!

— Если бы не он, дорогая Флоринда, наверное никого из нас не было бы здесь.

— О мисс! А какой же он красавец! Вы помните его лицо? Его густые волосы совсем такого же цвета, как ваши, только вьются они немного вроде моих. И что тот молодой плантатор или офицеры по сравнению с ним! Никуда они не годятся. Мы, негры, так и называем их белым мусором. О таком мужчине, как тот красавец, я понимаю, можно вздыхать. Он стóит того.

До этого момента молодая креолка сохраняла спокойствие. Она хотела быть спокойной и дальше, но не смогла. Случайно или намеренно, но Флоринда коснулась самых сокровенных чувств своей молодой госпожи. Луизе не хотелось открыть свою тайну даже рабыне. И она была рада, что именно в этот момент со двора донеслись громкие го-

лоса. Это было достаточно хорошим поводом, чтобы закончить поскорее туалет, а вместе с тем и разговор, который ей не хотелось продолжать.

ГЛАВА XI

Неожиданный приезд

— Эй ты, негр, где твой хозяин?

— Мистер Пойндекстер, сэр? Старый или молодой?

— На что мне молодой? Я спрашиваю мистера Пойндекстера. Где он?

— Да, да, сэр, они оба дома, то есть их обоих нет дома — ни старого хозяина, ни молодого мастера Генри. Они внизу, у речки, смотрят, как там делают ограду. Да, да, там вы их обоих найдете.

— Внизу, у речки? Это далеко отсюда, как ты думаешь?

— О сэр! Негр думает, что это около трех или четырех миль, если не дальше.

— Три или четыре мили? Да ты совсем дурак! Разве плантация мистера Пойндекстера тянется на такое расстояние? А вряд ли он будет строить ограду на чужой земле. Вот что: скажи лучше, когда вы его ожидаете? Надеюсь, это ты должен знать?

— Они оба должны вернуться очень скоро, и мистер Кольхаун тоже. О, у нас сегодня большой праздник — вы можете судить об этом по запаху из кухни. И чего там только не готовят сегодня! Наш хозяин задает пир не хуже тех, которые у нас устраивались в Луизиане.

— О мистер Зебулон Стумп, это вы? — раздался серебристый голосок, и на веранде появилась Луиза Пойндекстер. — Я так и думала, что это вы, — продолжала она, подходя к перилам, — хотя и не ожидала увидеть вас так скоро. Мне казалось, что вы отправились в далекое путешествие. Но я очень рада, что вижу вас здесь. Папа и Генри

тоже будут очень рады вам. Плуто, иди сейчас же к Клу и спроси ее, что́ она может дать, чтобы накормить мистера Стумпа. Вы ведь не обедали, не правда ли? Вы весь в пыли — вы далеко ездили? Флоринда, сбегай скорее в буфет и принеси чего-нибудь выпить. Я не сомневаюсь, что у мистера Стумпа должна быть сильная жажда в такой жаркий день, как сегодня. Что вы предпочитаете: портвейн, шерри, кларет? Ах да, теперь я вспомнила — вы сторонник мононгахельского виски. У нас, кажется, найдется. Беги, Флоринда, и неси скорей. Поднимайтесь на веранду, мистер Стумп, и присядьте, пожалуйста. Вы хотели видеть отца? Он должен вернуться с минуты на минуту. А я постараюсь занять вас до его прихода.

Если бы молодая девушка и раньше кончила говорить, она все равно не получила бы ответа сразу. Даже и теперь прошло несколько секунд, прежде чем Стумп вступил в разговор. Он стоял, не отрывая глаз от нее, и как будто онемел.

— Небесные силы, мисс Луиза! — наконец выговорил он. — Когда я видел вас на Миссисипи, я думал, что вы самое красивое создание на земле. Но теперь я уверен, что вы самое прекрасное создание не только на земле, но и на небе.

Только что причесанные волосы молодой креолки красиво блестели. Ее щеки горели ярким румянцем после холодной воды. Стройная, в легком платье из белой индийской кисеи, Луиза Пойндекстер действительно была необыкновенно хороша.

— Ой, ой! Мистер Стумп, этого я от вас не ожидала. Техас научил вас говорить любезности. Если вы будете продолжать в том же духе, я боюсь, что вы разучитесь говорить просто, как говорили раньше. Я думаю, что после таких любезностей вам необходимо как следует выпить. Ну, что же ты стоишь? Скорей, Флоринда. Вы, кажется, сказали, что предпочитаете виски?

— Если я этого не сказал, то во всяком случае поду-

мал. А это почти одно и то же. Да, мисс, я отдаю предпочтение нашему американскому напитку перед иностранными винами. Техас в этом отношении не перевоспитал меня.

— Мистер Стумп, вы разбавляете виски водой? — спросила Флоринда, показывая винный стакан, наполовину наполненный виски.

— Нет, душенька! Ну ее, эту воду! Она мне надоела за сегодняшний день. С самого утра у меня не было ни капли вина во рту.

— Дорогой мистер Стумп, но ведь виски невозможно так пить, оно обожжет вам все горло. Возьмите немного меду или сахару.

— Зачем же переводить добро? Виски — прекрасный напиток и без этих снадобий, особенно после того, как вы на него взглянули. Вы сейчас увидите, могу ли я пить виски неразбавленным. Давайте попробуем!

Старый охотник поднес стакан к губам и, сделав три-четыре глотка, вернул его пустым Флоринде. Громкое чмоканье почти заглушило невольный возглас удивления, вырвавшийся у молодой креолки и ее служанки.

— Сожжет мне горло, вы сказали? Ни чуточки. Оно только промыло мне глотку, и теперь я готов разговаривать с вашим папашей относительно крапчатого мустанга.

— Ах, да! А я совсем и забыла. Нет, я не то хотела сказать. Я просто думала, что вы не успели еще ничего узнать о нем. Разве есть уже какие-нибудь новости об этом красавце?

— Красавце — это правильно сказано.

— Не слыхали ли вы чего-нибудь нового об этом мустанге с тех пор, как вы последний раз были у нас?

— Не только слыхал, но видел его и даже руками трогал.

— Неужели?

— Мустанг пойман.

— В самом деле? Какая чудная новость! Как я буду рада увидеть этого красавца и как хорошо будет покататься на нем! С тех пор как я в Техасе, у меня не было ни одной приличной лошади. Отец обещал купить мне этого мустанга, сколько бы за него ни спросили. Но кто этот счастливец, которому удалось его поймать?

— Ну, конечно, мустангер.

— Мустангер?

— Да, и такой, которому нет равного во всей прерии. Никто не может соперничать с ним ни в верховой езде, ни в том, как набрасывать лассо на шею мустангу. Вы, может быть, хотите сказать мне о ваших мексиканцах? Я никогда еще не видел ни одного мексиканца, который бы так искусно управлялся с лошадьми, как этот малый.

— А как его зовут?

— Как его зовут? Должен вам признаться, что фамилии его я никогда не слыхал, а имя его — Морис. В окрестностях форта он известен как Морис-мустангер.

Старый охотник не был настолько наблюдателен, чтобы уловить нотку обостренного интереса, которая прозвучала в последнем вопросе. Он также не заметил, как щеки девушки вспыхнули густым румянцем, когда она услыхала его ответ.

Однако это не ускользнуло от Флоринды.

— А, мисс Луи, — воскликнула она, — ведь так зовут того молодого храброго господина, который спас нас в черной прерии!

— Да, — поспешил ответить охотник. — Только сегодня утром он рассказывал мне эту историю. Это было как раз перед нашим отъездом. Это он самый. Он-то и поймал крапчатого мустанга. Сейчас он на пути к вам. Он должен быть здесь перед наступлением сумерек. Я же погнал свою старую кобылу вперед, чтобы предупредить вашего отца насчет крапчатого мустанга. Я для вас это сделал, мисс Луиза.

— О, как вы добры, мистер Стумп! Я вам очень-очень благодарна! Теперь вы меня извините, я должна вас оста-

вить на минутку. Отец скоро вернется. У нас сегодня званый обед. Мне надо распорядиться по хозяйству... Флоринда, скажи, чтобы мистеру Стумпу подали закусить. Пойди и распорядись поскорее... Да, вот еще что, мистер Стумп, — продолжала девушка, придвинувшись ближе к охотнику и понизив голос: — если молодой... молодой человек приедет, когда здесь будут гости, — он, вероятно, незнаком с ними, — последите, пожалуйста, чтобы о нем позаботились. Здесь, на веранде, у нас стоит вино, тут же будет и закуска. Вы понимаете, о чем я говорю, мистер Стумп?

— Чорт меня побери, если я что-нибудь понимаю, мисс Луиза! Я все понимаю насчет выпивки и прочего, но про какого молодого человека вы говорите — этого я не возьму в толк.

— Ну как же вы не понимаете! Молодой человек, который должен привести мустанга.

— А-а! Морис-мустангер! Про него вы, стало быть, говорите? Но я должен вас предупредить по-дружески, что этого парня обидит гостеприимство из вторых рук. Ведь он, как у нас бывало говорили на Миссисипи, «горд, как Пойндекстер». Простите, что я так говорю. Я забыл, что говорю с мисс Пойндекстер — если не с самым гордым, то с самым красивым членом этой семьи.

— О мистер Стумп, мне вы можете говорить все что хотите. Вы знаете, что на вас, на нашего милого великана, я не обижусь. Но что вы хотели сказать, говоря про гостеприимство из вторых рук?

— Я хотел сказать, что нет никакого смысла мне предлагать в вашем доме Морису-мустангеру выпить или закусить. Если только ваш отец сам не предложит ему, он уйдет, не дотронувшись ни до чего. Вы понимаете, мисс Луиза, ведь он не из тех людей, которых можно послать на кухню.

Молодая креолка не сразу ответила — она была как будто озадачена — и сосредоточенно стала о чем-то думать.

Луиза снова погрузилась в глубокое раздумье.

— Ну ничего, мистер Стумп, тогда не беспокойтесь насчет этого, — наконец сказала она. — Вы не угощайте его. Только дайте мне знать, когда он приедет. Но если это будет во время самого обеда, то, будьте добры, задержите его немного. Вы обещаете мне это?

— Хорошо, это я сделаю.

— Тогда я сама предложу ему закусить.

— Если вы это сделаете, мисс, я боюсь, вы испортите ему аппетит. Даже голодный волк потеряет всякую охоту к пище, когда увидит вас. Когда я пришел сюда, я был так голоден, что готов был проглотить целиком сырого индюка. А теперь мне он больше не нужен. Я могу теперь целый месяц не есть мяса.

Луиза разразилась звонким смехом.

В эту минуту из дверей кухни показалась Флориндa с подносом в руках. За ней следовал Плуто, тоже с подносом, но только более крупного размера и более основательно нагруженным.

— Ах вы, милый великан! — сказала креолка с веселым упреком. — Не верится мне, что вы так легко теряете аппетит... А вот идут Плуто с Флориндой, они вам несут кое-что, что составит вам более веселую компанию, чем я. До свидания, Зеб! До свидания!

Легкой походкой в веселом настроении Луиза покинула веранду, но, очутившись одна в своей комнате, она снова погрузилась в глубокое раздумье. «Это моя судьба. Я чувствую это. Мне страшно итти ей навстречу, но не в моих силах избежать ее. Я не могу и не х о ч у!»

ГЛАВА XII

Укрощение дикой лошади

Азотея — самая приятная часть мексиканского дома. Ее пол — плоская крыша гасиенды, а крыша — синий купол неба. В хорошую погоду — а в этом благодатном климате погода всегда хороша — азотею предпочитают гостиной.

Здесь в часы заходящего солнца мексиканский кавальеро в своем украшенном вышивкой наряде красуется перед прекрасной сеньоритой, дымя ей прямо в лицо своей сигарой. А черноглазая донселла тихо слушает любовные признания. Слушает? А может быть, и не слушает, а с тоскующим сердцем глядит на другую гасиенду, где живет любимый ею кавальеро?

Проводить часы надвигающихся сумерек на крыше дома — это обычай, которому следуют все, кто поселился в мексиканском жилище. Вполне естественно, что и семья луизианского плантатора не отказалась от этой приятной традиции.

И в этот вечер после обеда, когда столовая опустела, все общество, вместо гостиной, собралось на крыше. Заходящее солнце осветило косыми лучами такое оживленное и блестящее общество, которое вряд ли когда-нибудь собиралось на азотее Каса-дель-Корво. Даже в старые времена, когда прежний владелец собирал у себя местных гидальго, даже тогда не было здесь таких красивых женщин и таких отважных мужчин, как в этот вечер.

Плантатор не пожалел ни денег, ни трудов, чтобы придать должную пышность празднику. Блестящие мундиры и погоны приглашенных офицеров форта, военная музыка, прекрасные старые вина погребов Каса-дель-Корво — все это придавало пиршеству тот блеск, который был еще до сих пор неизвестен на берегах Леоны.

Но главным украшением общества была прекрасная дочь плантатора. Сотни глаз были устремлены на нее; одни следили за ней с восхищением, другие с завистью.

В блестящей толпе гостей был человек, который, больше чем кто-либо другой, следил за ней и ловил каждое ее движение. Это был ее двоюродный брат — Кассий Кольхаун.

Она никуда не могла пойти, чтобы он не последовал за ней. Он как тень ходил за ней, незаметно переходя с места на место. То шел наверх, то спускался вниз, то стоял,

прислонившись в углу, с видом притворной рассеянности, но ни на минуту не сводил он глаз с прекрасной креолки.

Странно, что он не обращал внимания на то, что она говорила в ответ на комплименты, которыми ее засыпали мужчины, добиваясь ее улыбки. Даже явное внимание драгуна Генкока, повидимому, не беспокоило Кольхауна.

И только после того, как все поднялись на азотею, Кассий Кольхаун выдал себя. Окружающие не могли не заметить того упорного, испытующего взгляда, которым он следил за Луизой, когда та время от времени подходила к перилам и всматривалась в даль.

Почему она это делала, никто не знал, и никого это не трогало. Никого, кроме Кассия Кольхауна. У него же были на этот счет подозрения, терзавшие его.

А когда в прерии в золотых лучах заходящего солнца появилась какая-то группа и наблюдавшие с азотеи скоро различили в ней табун лошадей, у капитана не осталось больше сомнений: он знал, кто был во главе этой кавалькады.

Но еще задолго до того, как табун лошадей привлек внимание гостей, Луиза заметила его по облаку пыли, поднявшемуся на горизонте. Правда, оно было тогда еще настолько неясным, что увидеть его мог только тот, кто напряженно ждал, что вот-вот оно покажется.

— Дикие лошади! — объявил майор, командир форта Индж, посмотрев в бинокль. — Кто-то ведет их сюда, — сказал он, вторично поднимая бинокль к глазам. — А! Теперь вижу: это Морис-мустангер. Он иногда поставляет нам лошадей. Он как будто бы едет прямо сюда, мистер Пойндекстер.

— Очень возможно, что это он, — ответил владелец Каса-дель-Корво. — Этот мустангер взялся доставить мне десятка два-три лошадей и, вероятно, уже ведет их. Да, так и есть, — сказал он, посмотрев в бинокль.

— Я уверен, что это он, — сказал сын плантатора. — Я узнаю в этом всаднике Мориса Джеральда.

Дочь плантатора не показала виду, что она сколько-нибудь заинтересована происходящим. Она заметила, что за ней следят злые глаза двоюродного брата, точно обжигая ее.

Наконец кавалькада приблизилась. Во главе ее действительно был Морис-мустангер; он вел за собой на лассо крапчатого мустанга.

— Что за чудесное животное! — воскликнуло несколько голосов, когда пойманного мустанга подвели к дому.

— А ведь стоит спуститься вниз, чтобы посмотреть на такого мустанга, — заметила бойкая жена майора. — Я предлагаю всем сойти вниз. Что вы на это скажете, мисс Пойндекстер?

— О конечно! — послышался ответ молодой хозяйки среди целого хора других голосов. — Спустимся вниз, скорее спустимся!

Под предводительством майорши дамы сбежали вниз по каменной лестнице. Мужчины последовали за ними.

Через несколько минут мустангер, все еще верхом на лошади, очутился вместе со своей пленницей в самом центре изысканного общества.

Генри Пойндекстер перегнал всех и по-дружески приветствовал мустангера.

Луиза обменялась с Морисом лишь легким поклоном. Более сердечное приветствие могли бы счесть за фамильярность, и вряд ли бы это понравилось обществу.

Из всех дам одна лишь майорша приветливо поздоровалась с мустангером, но в тоне ее звучало снисхождение. Зато он был вознагражден быстрым и выразительным взглядом молодой креолки.

Впрочем, благосклонность сквозила во взгляде не только одной Луизы. Несмотря на запыленный в дороге костюм, мустангер был очень хорош собой. Проделанный им путь, свыше двадцати миль, как будто нисколько не утомил его. Степной ветер разрумянил лицо молодого ирландца. Из расстегнутого ворота рубашки виднелась силь-

ная, бронзовая от загара шея, подчеркивавшая мужественную красоту юноши. Хорошенькая племянница комиссара восторженно улыбалась ему. Говорили также, что и жена комиссара посматривала на него, но это, повидимому, была лишь клевета, исходившая от докторши, известной сплетницы форта.

— Нет сомнения, — сказал Пойндекстер, осмотрев пойманного мустанга, — что это именно та лошадь, о которой мне говорил Зеб Стумп.

— Да, она и есть, та самая, — ответил старый охотник, подходя к Морису, чтобы помочь ему. — Совершенно правильно, мистер Пойндекстер, это она — та самая кобыла, как вы сами можете убедиться. Этот парень поймал ее еще до моего с ним разговора. Хорошо, что я все же вовремя поспел. Красавица ведь, пожалуй, могла попасть в другие руки, а это очень огорчило бы мисс Луизу.

— Это верно, мистер Стумп. Вы очень ко мне внимательны. Я просто не знаю, как отблагодарить вас за вашу доброту, — сказала Луиза.

— Отблагодарить! Вы хотите сказать, что желали бы мне сделать что-нибудь приятное? Это вам нетрудно будет. Ведь я-то, в общем, ничего особенного и не сделал — по прерии прокатился, вот и все. А полюбоваться на такую красавицу, как вы, верхом на этой кобыле, да еще в вашей шляпе с пером и в юбке с хвостом, — да ведь этого вполне достаточно, чтобы оплатить Зебу Стумпу пробег вдоль всего хребта Скалистых гор и обратно!

— О мистер Стумп! Вы неисправимый льстец! Посмотрите вокруг себя, и вы найдете женщин, более меня достойных ваших комплиментов.

— Ладно, ладно! — ответил Зеб, бросив поверхностный взгляд на присутствующих дам. — Я не отрицаю, что здесь много красивых женщин. Чорт побери, да, много красивых женщин! Но, как говорили у нас в Луизиане, Луиза Пойндекстер только одна.

Взрыв хохота, в котором можно было различить лишь

немного женских голосов, был ответом на галантную речь Зеба.

— Я вам должен двести долларов, — сказал плантатор, обращаясь к Морису и указывая на крапчатого мустанга. — Кажется, об этой сумме договаривался с вами мистер Стумп?

— Я не участвовал в этой сделке, — ответил мустангер, многозначительно улыбаясь. — Я не могу взять ваших денег. Эта лошадь не продается.

— В самом деле? — сказал плантатор, отступая назад с видом оскорбленной гордости.

Друзья плантатора и офицеры форта не могли скрыть своего крайнего удивления.

Двести долларов за необъезженного мустанга, в то время как обычная цена была от десяти до двадцати долларов! Мустангер, вероятно, не в своем уме.

— Мистер Пойндекстер, — продолжал мустангер, — вы мне так хорошо заплатили за других мустангов, и даже раньше, чем они были пойманы, что разрешите мне отблагодарить вас. Таков наш ирландский обычай. Кроме того, у нас принято делать подарок не тому, с кем заключаешь сделки, а одному из членов его семьи. Нельзя ли мне ввести этот ирландский обычай в Техасе?

— Разумеется, вне всякого сомнения! — ответило несколько голосов.

— Я не возражаю, мистер Джеральд, — ответил плантатор, поступаясь своим консерватизмом перед волей общества. — Как вам будет угодно.

— Благодарю, господа, благодарю, — сказал мустангер с достоинством, легким поклоном поблагодарив общество. — Эта лошадь попалась мне по счастливой случайности. И, если мисс Пойндекстер согласится принять ее, я буду чувствовать себя более чем вознагражденным за те три дня непрерывной погони, которые мне пришлось провести в охоте за этой дикаркой. Будь она самой коварной кокеткой, то и тогда ее вряд ли было бы труднее покорить.

— Я принимаю ваш подарок, сэр, и принимаю его с благодарностью, — ответила молодая креолка, выступая вперед. — Только мне кажется, — продолжала она, указывая на мустанга и в то же время вопросительно смотря в глаза мустангеру, — мне кажется, что ваша пленница еще не приручена? Она вся дрожит перед неизвестным будущим. Она, вероятно, постарается сбросить узду, если та ей придется не по нраву. И что же мне, бедной, тогда делать?

— Правильно, Морис, — сказал майор, совсем не поняв тайного смысла этих слов и обращаясь к тому, кто один только и понял их значение. — Мисс Пойндекстер права. Этот мустанг еще совсем не объезжен. Это ясно каждому. А ну-ка, любезный друг, поучите его немного.

Затем майор обратился к окружающим:

— Это, я вам скажу, стоит посмотреть, особенно тем, кому не приходилось еще видеть подобное зрелище. Послушайте, Морис, садитесь на нее и покажите нам эту дикарку прерий. Она и сама как будто бы хочет испытать ваше искусство.

— Да, вы правы, майор, она действительно этого хочет! — ответил мустангер, бросив быстрый взгляд, но не на четвероногую пленницу, а на молодую креолку, которая отступила назад и скрылась в толпе гостей.

— Ничего, Морис, ничего, — твердил майор успокаивающим тоном. — Несмотря на то что глаза ее горят дьявольским огнем, бьюсь об заклад, что вы выбьете из нее дурь. Попробуйте!

Не принять предложения майора мустангер не мог. Это был вызов. Искусство наездника высоко ценилось в Техасе.

Свое согласие Морис выразил тем, что быстро соскочил с лошади и, передав поводья Зебу Стумпу, занялся крапчатым мустангом; затем он попросил освободить место.

Это было выполнено мгновенно — бо́льшая часть общества вернулась на азотею.

Морис вскочил на спину лошади.

Набросив лассо на нижнюю челюсть мустанга и затянув его на голове животного в виде уздечки, Морис Джеральд вскочил на спину лошади.

Впервые дикая лошадь испытала подобное оскорбление. Пронзительное злобное ржанье выразило явный протест против посягательства на ее свободу.

Лошадь встала на дыбы и несколько минут сохраняла равновесие в этом положении. Всадник не растерялся — он обхватил шею лошади обеими руками. С силой сжимая ее горло, он вплотную прильнул к ее корпусу. Не сделай он этого, лошадь могла бы броситься на спину и раздавила бы под собой седока. Теперь же мустанг поднял свой круп — прием, к которому всегда прибегают в подобных случаях дикие лошади. Это поставило всадника в особенно трудное положение: он рисковал быть сброшенным. Уверенный в своих силах, мустангер отказался от седла и стремян, а сейчас они бы ему очень помогли. Однако он сознательно не сделал этого, чтобы не посрамить своей чести укротителя диких мустангов, и, конечно, справился.

Два или три раза повторил мустанг попытку сбросить седока, но каждый раз должен был уступить ловкости наездника. Поняв наконец тщетность своих усилий, взбешенное животное перестало бить ногами и, сорвавшись с места, понесло всадника по прерии.

Гости тихо сидели на своих местах, ожидая возвращения Мориса. Предположения, что мустангер может быть убит или по крайней мере изувечен, неоднократно высказывались сидящими на азотее. Среди присутствующих один человек тайно желал этого, а для другого это было равносильно собственной смерти.

Почему Луиза Пойндекстер, дочь гордого владельца сахарных плантаций, известная красавица, почему увлеклась она бедным охотником Техаса, было совершенно неясно даже ей самой. Она сознавала, что в ней вспыхнул какой-то странный интерес к этому необыкновенному человеку: он так сильно отличался от всех тех людей, которых

она встречала в избранном обществе! Она также сознавала, что это чувство, вместо того чтобы затихнуть, все время росло.

И сердце Луизы забилось еще сильнее, когда Морис-мустангер снова появился на дикой лошади, но уже теперь не дикой, а укрощенной: она уже не пыталась сбросить его, а притихла и покорно признала в нем своего хозяина.

— Мисс Пойндекстер, — сказал мустангер, соскакивая с лошади и не обращая внимания на гром рукоплесканий, встретивший его, — могу ли я попросить вас подойти к лошади, набросить ей на шею лассо и отвести в конюшню? Если вы это сделаете, она будет считать вас своей укротительницей и всегда после этого будет покорна вашей воле.

Жеманница стала бы увиливать от такого предложения, кокетка отклонила бы его, а робкая девушка просто бы испугалась.

Но Луиза Пойндекстер, ни минуты не колеблясь, без тени жеманства или страха встала и покинула своих собеседников. Следуя указаниям мустангера, она взяла веревку, сплетенную из конского волоса, набросила ее на шею укрощенного мустанга и отвела его в конюшню Каса-дель-Корво.

Слова мустангера все время звучали у нее в ушах, эхом отдаваясь в сердце:

«Она будет считать вас своей укротительницей и всегда после этого будет покорна вашей воле».

ГЛАВА XIII

Пикник в прерии

Первые розовые лучи восходящего солнца осветили группу предметов, стоявших на плацу перед офицерскими квартирами форта Индж.

Небольшой фургон, запряженный парой мексиканских

мулов, стоял в центре этой группы. Около фургона верхом на своей старой кобыле сидел Зеб Стумп.

Вокруг все было в лихорадочном движении. Быстро сновали взад и вперед люди; от фургона они спешили к офицерским домикам и затем обратно к фургону.

Их было около десяти человек — солдат форта. Двое из них, вероятно, были поварами, а остальные — денщиками местных офицеров.

Среди последних особенно выделялся хорошо одетый негр, важно расхаживавший взад и вперед. Он состоял в лакеях у майора — командира форта. Роль руководителя этой кучки людей исполнял сержант, одетый в соответствующую форму.

Пикник устраивался на широкую ногу — об этом можно было судить по разнообразию и количеству нагружаемой провизии. Здесь были ящики и корзины всевозможных размеров и форм с закусками и винами иностранных и местных марок.

Старый охотник Зеб Стумп, все же не удовлетворенный разнообразием запасаемой провизии, решил добавить еще одного индюка и поэтому стал торопить сержанта поскорее двинуться в путь, чтобы успеть еще сходить на охоту.

Вскоре процессия во главе со Стумпом тронулась в путь.

***

Не прошло и двадцати минут со времени отъезда фургона с провизией, как на том же месте стала собираться другая компания.

Появились дамы верхом на лошадях. Их сопровождали мужчины, их друзья и родственники: отцы, братья и мужья. Почти все, кто был на новоселье у Пойндекстера, собрались здесь.

Приехал и сам плантатор, его сын Генри, племянник Кассий Кольхаун и дочь Луиза. Молодая девушка была верхом на крапчатом мустанге.

Пикник устраивался в честь Пойндекстера. Майор и офицеры были хозяевами, плантатор и его друзья — приглашенными гостями. Для увеселения гостей предполагалось демонстрировать охоту за дикими лошадьми.

Местом для такого спорта могла быть только прерия — в двадцати милях от форта Индж. Поэтому нужно было пораньше отправиться в путь и взять с собой достаточное количество провизии.

Как только солнечные лучи заиграли на зеркальной глади Леоны, экскурсия, под охраной двадцати драгун, была готова двинуться в путь. Как и в отъехавшей ранее группе с фургоном, так и здесь был свой проводник, но не старый лесной охотник в выцветшем кафтане и поношенной поярковой шляпе, а молодой охотник за дикими лошадьми, красавец в живописном костюме мексиканского мустангера.

— Отправимся, Морис! — крикнул майор, увидя, что все уже в сборе. Затем, обратившись к присутствующим, сказал: — Леди и джентльмены! Этот молодой человек — прекрасный охотник и знаток диких лошадей. Если в Техасе кто-нибудь может нам показать, как надо охотиться за мустангами, так это именно он — Морис-мустангер.

— Я не заслуживаю таких похвал, майор, — ответил молодой ирландец, вежливо поклонившись обществу. — Я только обещаю показать вам, где водятся мустанги.

«Как он скромен», подумала Луиза.

И тут же веселая кавалькада с мустангером во главе тронулась в путь.

Для жителей Техаса проехать двадцать миль по прерии — сущая безделица. Это расстояние было покрыто меньше чем в три часа. Путешествие прошло вполне благополучно, если не считать, что к концу пути участники экскурсии почувствовали сильный голод.

К счастью, фургон с провизией не заставил себя ждать, и еще задолго до полудня веселая компания расположилась в тени большого орехового дерева на берегу Рио-де-Нуэсес.

Тут, точно впервые заметив группу всадников, мустанги забыли о своем ненавистном преследователе и повернули в сторону.

— Оставайтесь на местах, господа! Держите лошадей! — раздался голос Мориса Джеральда. — Я знаю, где они любят пастись. Они бегут теперь туда. Мы отправимся за ними. Там хорошо поохотимся. За ними нельзя здесь гоняться: они разбегутся по роще, и мы их больше не увидим... Ола, сеньор Креспино! Пустите пулю в этого негодяя. Ведь он на расстоянии выстрела!

Мексиканец быстро снял с седла свое коротенькое ружье — эскопету — и, прицелившись, выстрелил в дикого осла.

Осел заревел, услыхав выстрел, но это был только ответ на вызов. Он, повидимому, остался невредим. Креспино промахнулся.

— Я должен остановить его, — воскликнул мустангер, — иначе он будет продолжать свое преследование до самой ночи!

Резким движением мустангер пришпорил свою лошадь. Как стрела, помчался Кастро в погоню за ослом.

Несколько прыжков — и скакун доставил своего хозяина на расстояние лассо от осла. Еще момент — и с молниеносной быстротой петля лассо опустилась над его длинными ушами.

Бросив лассо, Морис сделал полуоборот; Кастро под ним круто повернулся; затем с такой же покорностью конь стал на месте, ожидая, когда натянется веревка.

Осел, кинувшись вперед, натянул веревку, потом поднялся на дыбы и тяжело опрокинулся на спину, точно пронзенный пулей в самое сердце.

Однако он был только оглушен, а не задушен.

Мексиканец ударом острого ножа заколол его насмерть.

***

Все ждали, что́ теперь предпримет Морис-мустангер. Между тем Морис освободил шею животного и стал свертывать лассо. Но тут в движениях ирландца опять почувствовалась какая-то поспешность.

Внезапно он бросился к коню. Видимо, опять какая-то тревога.

Луиза Пойндекстер неслась галопом на своем крапчатом мустанге, как будто решив перегнать всех в общей погоне за табуном.

Только один охотник за дикими лошадьми правильно угадал поведение крапчатого мустанга. Морис заметил, что промчавшийся табун был тот самый, к которому еще недавно принадлежал крапчатый мустанг. Нет сомнения, что, увидя своих товарищей, мустанг помчался со своей всадницей, чтобы присоединиться к ним.

Вскоре все догадались о намерении крапчатого мустанга.

В порыве галантной любезности за девушкой бросились вслед Кольхаун, Генкок и Кроссман, а за ними около десятка молодых людей — плантаторов, адвокатов, судейских. Каждый мечтал стать героем удачной погони.

Однако почти никто из них не был действительно встревожен. Все знали, что Луиза Пойндекстер была прекрасной наездницей.

Перед ней расстилалась огромная равнина, гладкая, как арена цирка. Мустанг будет скакать, пока не устанет. Вряд ли Луизе грозит серьезная опасность.

Только один человек не разделял этого мнения. Это был мустангер.

Он последним тронулся с места. Он задержался, свертывая свое лассо. Но вот и он вскочил в седло и помчался в погоню.

Его соперники уже успели отъехать на некоторое расстояние. Впереди мчался Кольхаун; драгун и стрелок несколько поотстали, а сзади скакали остальные участники состязания.

— Ну и что же тут особенного? Вы думаете, что она могла сбросить меня? Но ведь я же хорошая наездница и не позволила бы ей этого сделать. По правде сказать,— продолжала она с неподдельной простотой, — я не жалела о том, что лошадь понесла меня. Пустая болтовня утомляет человека. Мне хотелось подышать свежим воздухом и побыть одной. Так что, в конце концов, мистер Джеральд, все вышло очень удачно.

— Вы хотели побыть одна? — спросил мустангер с разочарованным видом. — Я очень жалею, что нарушил ваше уединение. Уверяю вас, мисс Пойндекстер, я следовал за вами только потому, что вам грозила опасность.

— Это очень любезно с вашей стороны, сэр. Я вам очень благодарна. Вы, наверное, боялись нападения индейцев?

— Нет, я думал не об индейцах.

— Какая же другая опасность? Скажите, пожалуйста, впредь я буду более осторожна.

Морис не сразу ответил. До него долетел звук, который заставил его обернуться.

Креолка поняла, что его внимание чем-то отвлечено. Она тоже стала прислушиваться. Донесся резкий визг, потом послышался топот копыт.

— Дикие жеребцы! — воскликнул мустангер тревожным голосом. — Я знал, что они бывают в этих местах.

— Это и есть та опасность, о которой вы говорили?

— Да, о ней я и думал.

— Но ведь это только мустанги. Что же в них страшного?

— Обычно их нечего бояться. Но именно теперь, в это время года, они становятся такими же дикими, как тигры, и такими же опасными. Вы даже не подозреваете, что разъяренного дикого жеребца следует больше бояться, чем волка, пантеры или медведя.

— Что же нам делать? — спросила Луиза, с тревогой

глядя в глаза человеку, который однажды уже выручил ее из опасности.

— Если они нападут на нас, — ответил Морис, — у нас будет только два выхода. Первый — это забраться на дерево, бросив наших лошадей на растерзание.

— А второй? — спокойно спросила креолка. — Я согласна на все, но оставлять наших лошадей я не хочу. Это был бы плохой выход из положения.

— Нам и не придется так поступить, так как здесь, повидимому, не найдешь ни одного большого дерева. В случае нападения нам остается только одно — положиться на быстроту наших лошадей. К сожалению, — продолжал он, внимательно осматривая крапчатого мустанга, а затем своего коня, — им слишком много досталось за сегодняшний день, и оба они сильно устали. В этом наша главная беда.

— Нам нужно сейчас же спасаться бегством? — спросила Луиза.

— Нет, пока рано. Чем дольше мы дадим отдохнуть нашим лошадям, тем лучше. Жеребцы, может быть, еще и не придут сюда. А если даже и придут, то это еще не значит, что они на нас бросятся. Если они будут грызться между собой, то и мы будем под угрозой. Ага! Так оно и есть — между ними борьба. Я сужу по их ржанью. Увы, они направляются сюда.

— Мистер Джеральд, так чего же мы ждем здесь?

— Сейчас нет смысла двигаться. Впереди — открытая равнина, и нам негде скрыться. Они достигнут ее прежде, чем мы успеем отъехать, и тут же перехватят нас. Место, куда нам следует бежать, лежит в другом направлении. Мы должны выждать и постараться прокрасться позади них. Если нам это удастся и мы сможем проскакать галопом расстояние в две мили, то там я знаю место, где мы будем в безопасности. Уверены ли вы, что справитесь с вашим мустангом?

— Вполне! — быстро ответила креолка.

И они продолжали скакать галопом, делая почти милю в минуту.

Скоро они очутились у огромной, как пропасть, расщелины, зияющей среди обширной прерии. Она была не менее пятнадцати футов в ширину, гораздо больше в глубину и тянулась в обе стороны, насколько только хватал глаз.

Только прыжком в пятнадцать футов длины можно было взять это препятствие. Морис знал, что гнедой не подведет — ему не раз приходилось делать такие прыжки. Но крапчатая кобыла?

— Может ли ваша лошадь справиться с этим препятствием? — с беспокойством спросил мустангер, подъезжая к краю пропасти.

— Я не сомневаюсь, — с уверенностью ответила Луиза.

— Но, мисс Пойндекстер, — с недоверием продолжал мустангер, — вдруг она не перепрыгнет? Если у вас есть хоть капля сомнения, давайте лучше оставим ее. Я знаю, что моя лошадь в полной сохранности переправит нас обоих на ту сторону. Если мы пожертвуем мустангом, то, вероятно, избавимся и от дальнейших преследований. Дикие жеребцы... вы понимаете...

— Оставить Лу́ну! Бросить ее на растерзание взбешенным жеребцам! Нет, нет, мистер Джеральд. Мой мустанг слишком мне дорог. Мы вместе перескочим пропасть, если только сможем. Если нет, мы вместе сломаем себе шею на дне ее. Ну же, моя хорошая! Летим!

И отважная креолка спокойно направилась к краю пропасти и с необычайной легкостью взяла опасное препятствие.

У мустангера было три чувства, когда он следил за Луизой. Первое из них — изумление, второе — преклонение, третье едва ли поддавалось определению...

Но как ни блестяще удалась переправа, она не обеспечила безопасности беглецам. Для диких жеребцов расщелина не могла послужить препятствием.

Опасность стала даже более грозной. При переправе все же было потеряно время, и это дало неприятелю возможность приблизиться. За все время погони жеребцы еще не были так близко. Они перелетят через пропасть без всякой задержки.

А что тогда?

Всадники скакали рядом, попрежнему быстрым галопом.

Морис внезапно остановил коня.

— Мисс Пойндекстер, — обратился он к молодой девушке, успевшей поровняться с ним, — поезжайте вперед одна.

— Почему? — спросила она, круто остановив мустанга.

— Если будет так продолжаться, жеребцы нас догонят. Надо что-то предпринять, чтобы остановить этих диких животных. Сейчас еще есть возможность, но потом уже будет поздно. Только не задавайте вопросов. Еще десять секунд — и все пропало. Посмотрите вперед, вон туда. Видите поверхность воды? Это пруд. Спешите прямо туда. Там вы очутитесь между двумя высокими изгородями. У пруда они сходятся. Вы увидите коралл и около него жерди. Если я не подоспею, скачите прямо в этот загон, сойдите с лошади и загородите вход жердями.

— А вы, сэр?

— Не бойтесь за меня. Для меня это риск небольшой. Но скорее же вперед! Не упускайте из виду пруда. Пусть он служит вам маяком. Не забудьте загородить пролет загона. Скорее же! Скорее!

Девушка колебалась, не решаясь расстаться с человеком, который, спасая ее, рискует, быть может, собственной жизнью.

К счастью, она не принадлежала к числу тех трусливых и безрассудных девиц, которые в трудную минуту топят своего спасителя. Она верила в силы своего советчика, верила в то, что он знает, что́ делает, и послушно пустилась галопом прямо к пруду.

— От кого?

— От вашего приятеля — мастера Зебулона Стумпа.

— Ха-ха! Старый Зеб плохой авторитет в этих вопросах.

— Мне бы тоже хотелось научиться бросать лассо, — сказала молодая креолка, — но говорят, что это не женское дело.

— Не женское дело! Это такой же невинный спорт, как и катанье на коньках или стрельба из лука. Я знаю одну девушку, которая прекрасно владеет этим искусством.

— Она американка?

— Нет, мексиканка и живет в окрестностях Рио-Гранде. Иногда она приезжает к нам на Леону: здесь живут ее родственники.

— Она молодая?

— Мне кажется, что она ваших лет, мисс Пойндекстер.

— Высокая?

— Немного пониже вас.

— Но, конечно, гораздо красивее меня? Я слыхала, что мексиканские женщины гораздо красивее нас, американок.

— Мне кажется, что креолки не включены в эту категорию, — с дипломатической тонкостью ответил Морис.

— Интересно, могла ли бы я овладеть этим искусством? — продолжала молодая креолка, как будто не заметив сделанного ей комплимента. — Не поздно ли мне начать учиться? Я слыхала, что мексиканцы привыкают к этому спорту с детства. Потому они и достигают такого высокого совершенства.

— Нет, вам еще совсем не поздно, — поспешил ответить Морис. — После одного-двух лет практики вы сделаетесь искусной лассонеркой. Я, например, всего лишь три года как занимаюсь этим делом...

Он замолчал, так как ему не хотелось показаться хвастуном.

— А теперь вы самый искусный лассонер во всем Техасе? — закончила собеседница, угадав невысказанную мысль.

— Нет, нет! — смеясь, запротестовал он. — Это лишь заблуждение со стороны старика Зеба, который судит о моем искусстве, вероятно принимая свое за образец.

«Что это — скромность? — подумала креолка. — Или этот человек просто смеется надо мной? Нет, этого не может быть, а то я сойду с ума».

— Вам, вероятно, хочется вернуться в компанию ваших друзей? — сказал Морис, заметив в ней какую-то рассеянность. — Ваш отец, вероятно, уже беспокоится, что вас так долго нет. Ваш брат, ваш кузен...

— Да, вы правы, — поспешила ответить она тоном, в котором слышалась не то некоторая уязвленность, не то сожаление. — Я не подумала об этом. Спасибо, сэр, что вы напомнили мне о моих обязанностях. Надо ехать обратно.

Они опять вскочили на коней. Неохотно подобрала Луиза поводья, как-то медлительно вдела ноги в стремена. Им казалось, ей вовсе не хотелось оставлять это интересное место, где был устроен кораль для мустангов.

***

Опять в прерии. Морис направился со своей спутницей к месту пикника самой короткой дорогой.

Их обратный путь лежал через «прерию сорняков». Так назвали ее пионеры-колонизаторы Америки, повидимому, задумываясь особенно над выбором названия.

Уроженка Луизианы увидела вокруг себя огромный цветник, усыпанный яркими цветами, цветник, граничащий с голубым сводом неба, насажденный и выращенный самой природой.

— Какая красота! — восторженно воскликнула креолка, невольным движением останавливая лошадь.

— Вам нравится здесь, мисс Пойндекстер?

— Нравится? Больше того, сэр. Я вижу перед собой все, что есть самого красивого в природе: зеленую тра-

...ерев — Ваш молочный брат?
...ловек — Да. Его зовут Фелим О'Нил, тоже ирландец. Только
...этому го ирландский акцент еще хуже моего. Он уроженец
...ск графства.
— — О, как бы мне хотелось его послушать! Ведь там
...ж — жасно забавно говорит. Не правда ли?
...т — Так как я сам гальвеец, то мне трудно об этом су-
...дить. Но если вы согласны воспользоваться на полчаса
...гостеприимством Фелима, то у вас будет хорошая возмож-
...на ность составить об этом свое собственное мнение.
...енил — Я прямо в восторге! Это будет интересно и так ново
Ошля меня! Пусть папа и остальные подождут. Там есть
...ова амы и без меня, а молодые мужчины пусть потрудятся в
Его поисках наших следов. Предполагалась ведь еще охота
— за мустангов. А я с радостью воспользуюсь вашим госте-
...кизныриимством.
— — Боюсь только, что мое гостеприимство будет слиш-
...ком скромным. Фелим несколько дней оставался один. Сам
...о вые он не охотник и, наверное, сидит без всяких запасов.
...это хорошо, что вы успели закусить перед вашим бегством.
— Конечно, не рассказ о гостеприимстве Фелима заставил
— Луизу Пойндекстер изменить направление пути. Не слиш-
...нечном сильно интересовала ее также ломаная речь ирландца.
...кая не желание увидеть хижину мустангера руководило ею.
— С толкало более сильное чувство, которому она не в си-
— ах была противостоять.
...жи.
—

***

...ния, — Луиза посетила одинокую хижину на Аламо, побывала
..., мод ее кровлей. Казалось, не без интереса познакомилась
...м кна с ее своеобразными обитателями. Она была очень при-
— тно поражена, обнаружив в хижине книги, бумагу, пись-
...т, ганные принадлежности и другие мелочи, которые харак-
— ризовали хозяина хакале как культурного человека. С
...ге падимым интересом слушала она забавную речь Фелима.
...инута попробовала угощения, не отказываясь ни от чего,

за исключением любимого напитка гальвейца. И наконец, веселая и оживленная, уехала.

Но ее настроение скоро изменилось. Приподнятое состояние, вызванное новизной впечатлений, упало. Попав снова в прерию, усыпанную цветами, она стала перебирать в памяти только что пережитые впечатления. И тут у нее явилась мысль, которая мучительным холодом обдала ее сердце.

Мучилась ли она тем, что заставила так долго ждать своих близких и друзей в неизвестности и тревоге о ней?

Нет, не это мучило Луизу.

В течение всего дня, на протяжении пути от форта к месту пикника, при встрече на поляне, во время ужасающей погони диких жеребцов, в которой Морис Джеральд был ее защитником, в минуты отдыха у озера в прерии, на обратном пути, под его собственной кровлей, — все это время ее спутник был с нею только вежлив, но не больше. Он строго держался в рамках джентльменской корректности.

ГЛАВА XVIII

Ревность идет по следам

Из сорока всадников, бросившихся на выручку Луизы, только у немногих хватило выдержки для погони на большое расстояние. Потеряв из виду дикий табун, крапчатого мустанга и мустангера, они стали терять и друг друга. Скоро всадники рассыпались по прерии поодиночке, по-двое или же группами в три-четыре человека. Большинство из них, не умея ориентироваться, потеряли след манады. Они сбились в сторону, направляясь по другим следам, может быть той же манады, но оставленным ранее.

Только один всадник ехал в правильном направлении. Под ним был сильный, каштановой масти, конь, правда, не отличавшийся красотой, но зато выносливый и быстрый. Синий, военного покроя, костюм и синяя фуражка свиде-

— Конечно, перескочили. Разве вы не видите следов их лошадей по эту и по ту сторону пропасти?

— Ну, едем обратно, — заторопился Кольхаун, — здесь нам больше нечего делать.

— Не торопитесь, пожалуйста, — ответил Зеб, спокойно слезая со своей кобылы и доставая нож. — Подождите меня минут десять.

— Подождать? Чего ради?

— Мне надо снять шкуру с этого жеребца. Что за красота! Я наверняка получу за нее пять долларов в нашем сеттльменте.

— Чорт бы побрал вас с вашей шкурой! — со злобой отозвался Кольхаун. — Едем, бросьте это.

— И не подумаю даже, — с невозмутимым хладнокровием сказал Зеб, вспарывая острым лезвием шкуру на брюхе убитого животного. — Вы можете ехать, если вам нужно, мистер Кольхаун, а Зеб Стумп не сделает и шагу до тех пор, пока не погрузит шкуру на свою старуху.

***

Ревность заставила Кассия Кольхауна поспешить обратно. Впервые ярко она вспыхнула в нем среди выжженной прерии. С тех пор это чувство разгоралось все сильнее. Кольхаун не находил себе места.

Низкое социальное положение охотника за лошадьми, казалось бы, не должно было давать большого основания для опасений. Кольхаун и не волновался бы особенно, если бы не знал так хорошо характер Луизы Пойндекстер: с малых лет она проявляла полную независимость, и для нее не существовало преград, перед которыми остановилась бы другая женщина.

Подавленный мрачными мыслями, Кольхаун скакал к месту пикника.

Его не обрадовала даже встреча с двумя всадниками, показавшимися вдали. Кольхаун сразу узнал их. Это были виновники его мрачных переживаний.

Они ехали близко друг к другу, седло к седлу. По-видимому, увлеченные каким-то интересным разговором, всадники не заметили приближения Кольхауна.

Ехали они легкой рысью, видимо не слишком торопясь вернуться к обществу.

Их близость друг к другу, их позы, их явное невнимание к окружающему и наконец черепаший шаг, которым они возвращались, — все это только усилило подозрения капитана. Он чувствовал, что теряет самообладание.

Подъехать галопом и прервать интимную прогулку — было первое, что пришло ему в голову. Еще раз он заставил свою измученную лошадь ускорить шаг.

Через несколько минут Кольхаун замедлил ход, как будто переменив решение. Звук копыт его лошади не был еще услышан, хотя капитан был всего лишь в двухстах шагах позади всадников. До него доносился серебристый голос двоюродной сестры, которой, повидимому, принадлежала ведущая роль в разговоре.

Если бы ему удалось подслушать, о чем они говорят!

Повидимому, они настолько увлечены беседой, что такая возможность не исключена. Трава здесь мягкая, как бархат, и удар копыт может быть совсем беззвучным.

Через несколько секунд Кольхаун, подъехав почти вплотную к всадникам, замедлил шаг лошади.

Однако тяжелый стук копыт усталого коня каштановой масти выдал Кольхауна. Крапчатый мустанг и гнедой конь встряхнули головами и громко заржали.

— Ах! Кузен Каш! — воскликнула Луиза, и в тоне ее голоса прозвучало не столько удивление, сколько досада. — Ты здесь? А где отец, Генри и остальные?

— Почему ты меня спрашиваешь, Лу? Ты знаешь о них столько же, сколько и я.

— Я думала, что ты выехал нам навстречу. Твоя лошадь вся в пене. Она выглядит так, точно выдержала долгую скачку, не хуже той, которую пришлось проделать нам.

сочли необходимым закончить вечер в баре. Не успели часы пробить одиннадцать, как в таверну нахлынули посетители. Офицеры форта, местные плантаторы, поставщики и просто авантюристы вереницей шли друг за другом. Каждый из входивших направлялся прямо к стойке, требуя свой любимый напиток, а затем присоединялся к своей компании.

Одна группа обращала на себя особое внимание. Это была компания из восьми или десяти человек. Среди них были три офицера, уже знакомых читателю: капитан пехоты и два лейтенанта — драгун Генкок и стрелок Кроссман. С ними был и майор.

Разговор между собеседниками носил вполне непринужденный характер. Темой обсуждения были происшествия сегодняшнего дня.

— Скажите, пожалуйста, майор, — спросил Генкок: — вам, наверное, известно, куда скакала мисс Пойндекстер?

— Откуда же мне знать? — ответил тот. — Спросите об этом мистера Кассия Кольхауна.

— Мы спрашивали его, но толком ничего не узнали. Ясно, что он знает не больше нас. Он встретил их на обратном пути, и то недалеко от того места, где мы расположились на бивуаке. Они отсутствовали очень долго и, судя по их взмыленным лошадям, ездили куда-то далеко. За это время они могли бы доехать до Рио-Гранде и даже дальше.

— Обратили ли вы внимание на лицо Кольхауна, когда он вернулся? — спросил капитан пехоты. — Он был мрачен, как туча, и, повидимому, его тревожило что-то весьма неприятное.

— Да, он выглядел несчастным, — ответил майор, — но, надеюсь, капитан Сломан, вы не приписываете этого...

— Ревности? Да я уверен, что это так. Ничего другого быть не может.

— Неужели же к Морису-мустангеру? Ха-ха! Невозможно! Во всяком случае, мало вероятно!

— Но почему?

— Мой дорогой Сломан, Луиза Пойндекстер — леди, а Морис Джеральд...

— Торговец лошадьми! — подхватил Кроссман. — Майор прав, это совершенно неправдоподобно, невозможно.

— Ну что вы понимаете! — продолжал Сломан, многозначительно покачав головой. — Вы не знаете мисс Пойндекстер так, как я ее знаю. Это очень эксцентричная молодая особа, если не сказать больше. Вы, должно быть, и сами это заметили?

— Продолжайте, продолжайте, Сломан, — сказал майор с насмешкой в голосе. — Вы, кажется, собираетесь посплетничать. Вы, наверное, сами влюбились в мисс Пойндекстер, несмотря на то что прикидываетесь женоненавистником? Я понимаю, приревнуй вы ее к лейтенанту Генкоку или к Кроссману, но к простому мустангеру...

— Да вот и он сам, — прервал его Генкок, увидав входящего мустангера. — Пусть он сам нам и ответит. Он простой парень, и от него мы всё узнаем.

Молча подойдя к стойке, Морис занял свободное место.

— Стакан виски с водой, прошу вас, — скромно обратился он к хозяину бара.

— Виски с водой? — повторил тот неприветливо. — Вы хотите виски с водой? Это стоит два пенни стакан.

— Я не спрашиваю, сколько это стоит, — ответил мустангер. — Я прошу вас дать мне стакан виски с водой. Есть ли у вас это?

— Да, да! — поторопился ответить немец, испуганный резким тоном. — Сколько угодно, сколько угодно виски с водой! Пожалуйста!

В то время как хозяин бара наливал мустангеру виски, тот обменялся приветствиями с офицерами. Он знал большинство из них, так как поставлял в форт лошадей.

Офицеры уже готовы были обратиться к нему с интересовавшим их вопросом, но, заметив входящего Кассия

де чем капитан успел отвернуться, плеснул ему в лицо остатки недопитого виски. К удовольствию большинства присутствующих, Кольхаун стал неистово кашлять и чихать.

Невольно вырвавшиеся возгласы одобрения тотчас же сменились гробовой тишиной. Момент был слишком напряженный. Все понимали, что ссора приняла серьезный оборот. Дело должно было кончиться дуэлью. Никакая сила, казалось, не могла этого предотвратить.

ГЛАВА XX

Опасное положение

Кольхаун схватился за револьвер.

Мустангер, предвидя это, вынул такое же оружие и стоял, готовый встретить вызов.

Более робкие из посетителей в панике бросились к дверям, толкая друг друга. Некоторые оставались в таверне по простому недомыслию, другие — сознательно, с холодной решимостью. Возможно, что последними руководило чувство разумной осторожности: боязнь получить пулю в спину при бегстве.

Опять наступила мертвая тишина, длившаяся несколько секунд. Это был момент, когда решение рассудка претворялось в действие — в движение.

Может быть, при другом составе противников этот интервал был бы и короче. Два более непосредственных и менее опытных человека тут же спустили бы курки. Но наши соперники, из опыта уличных поединков, знали значение промаха.

Для тех же, кто был за наружной стеной и кто даже не смел заглянуть в дверь, эта проволочка была почти мучительной. Вместо выстрела эти люди вдруг услышали громкий, авторитетно-спокойный голос майора.

— Стойте! — скомандовал майор, обнажая саблю и разделяя ею противников. — Не стреляйте: я вам обоим

приказываю! Опустите оружие, иначе я отниму его у первого, кто дотронется до курка! Стойте, я говорю!

— Почему? — закричал Кольхаун, весь посинев от прилива необузданной злобы. — Почему, майор Рингвуд? После подобного оскорбления, и еще от такого негодяя...

— Вы зачинщик, капитан Кольхаун.

— Ну и что же? Проклятие ему! Я не из тех, кто сносит оскорбления! Уйдите с дороги, майор. Ссора между нами, и вы не имеете права вмешиваться.

— Вот как?! Ха-ха! Сломан! Генкок! Кроссман! Вы слышите? Я не имею права вмешиваться! Капитан Кассий Кольхаун, не забывайте, где вы находитесь. Не воображайте, что вы в штате Миссисипи, среди вашей истязающей рабов кавалерии. Здесь, сэр, военный форт — он подчинен военному уставу, и вашему покорному слуге поручено командование этим фортом. Поэтому я приказываю вам положить ваш револьвер туда, откуда вы его взяли. И сию же секунду, иначе я отправлю вас, как простого солдата, на гауптвахту.

— Неужели? — прошипел Кольхаун. — В какую прекрасную страну вы превратите Техас! Значит, как бы человек ни был оскорблен, он не имеет права на дуэль без вашего на то разрешения, майор Рингвуд? И это считается законом для всей страны?

— Совсем нет, — ответил майор. — Я не из тех, кто когда-нибудь препятствовал честному разрешению ссоры. Никто не запрещает вам и вашему противнику убить друг друга, если это вам нравится. Но только не сейчас. Вы должны понять, мистер Кольхаун, что ваш поединок опасен для жизни других людей, ни в какой мере в этом не заинтересованных. Я вовсе не собираюсь подставлять себя под пулю, предназначенную для другого человека. Подождите, пока мы все отойдем на безопасное расстояние. Тогда, пожалуйста, стреляйте, сколько вашей душе угодно. Ну, теперь, надеюсь, вы удовлетворены?

Если бы на месте майора был кто-нибудь другой, то

шего противника нет ножа. Если вы не боитесь повстречаться с ним на равных началах, вы должны отказаться от вашего ножа.

— Да, конечно, он должен отказаться! — закричало несколько голосов. — Он должен, должен!

— Давайте-ка нож, капитан Кольхаун, — сказал майор внушительным тоном. — Шестизарядный револьвер должен удовлетворить любого здравомыслящего человека. Ведь как только вы спустите курки, один из вас...

— К чорту нож! — крикнул Кольхаун, расстегивая мундир. Достав нож, он швырнул его в противоположный угол комнаты и вызывающим голосом сказал: — Для этой расфуфыренной птицы он мне не нужен — я покончу с ним первым же выстрелом.

— У вас хватит времени поговорить об этом! Вы меня не испугаете, мистер Кольхаун. Прошу вас, расходитесь поскорее! Я должен положить конец этому хвастовству и злословию!

— Собака! — прошептал капитан. — Проклятая ирландская собака! Я отправлю тебя выть в твою конуру. Я...

— Стыдитесь, капитан Кольхаун! — прервал его майор, при общем возмущении. — Это совершенно ненужные разговоры, а кроме того, очень непристойно так себя держать в приличном обществе. Потерпите еще минуту и тогда говорите, что вам угодно. Теперь еще одно условие: вы не должны стрелять до тех пор, пока мы не уйдем отсюда.

Обеспечить это условие казалось очень трудным. Простого обещания вряд ли было бы достаточно при разгоревшихся страстях. Соперники — по крайней мере один из них — вряд ли стали бы считаться с тем, когда им разрешат спустить курки.

— Необходимо, чтобы выстрел был сделан по сигналу, — продолжал майор. — И ни один из вас не должен стрелять до тех пор, пока этот сигнал не будет дан. Может ли кто-нибудь предложить, какой это должен быть сигнал?

— У меня есть предложение, — сказал капитан Сломан. — Пусть мистер Кольхаун и мистер Джеральд выйдут вместе с нами. Если вы заметили, на противоположных концах этой таверны есть двери с каждой стороны. Обе двери совершенно одинаково расположены. Пусть потом они снова войдут в это помещение, только один через одну дверь, а другой — через другую, с условием, что стрелять можно будет не раньше того момента, когда они ступят на порог.

— Прекрасно! Как раз то, что надо, — послышалось несколько голосов.

— А что же должно служить сигналом? — спросил майор. — Выстрел?

— Нет, колокол таверны!

— Лучшего нельзя и придумать. Это прекрасно, — объявил майор, направляясь к двери.

— Постойте, постойте, майор! — закричал немец, хозяин бара, выбегая из-за своей стойки, где до этого момента он стоял в совершенном оцепенении от страха. — Неужели же они будут стрелять внутри моей таверны? Ах! Ведь они перебьют все мои бутылки, и мои красивые зеркала, и мои часы, и вазы! Mein Gott! Mein Gott![1] Чего только мне все это стоило! Я истратил двести долларов. Они разольют мои лучшие вина. Ах, майор! Это разорит меня. Что же мне делать? Ведь это...

— Не беспокойтесь, Обердофер, — отозвался майор. — Я не сомневаюсь, что все ваши убытки будут возмещены. Во всяком случае, вам сейчас надо будет где-нибудь укрыться. Если вы останетесь в вашем салуне, в вас наверняка всадят пулю, а это, пожалуй, будет хуже, чем то, что разобьются ваши бутылки.

С этими словами майор оставил растерянного хозяина таверны и поспешил выйти на улицу, где встретил соперников, уже ранее вышедших через разные двери.

---

[1] Боже мой! Боже мой! (нем.)

— Мой револьвер у вашего виска! У меня остался еще один заряд. Просите извинения, или вы умрете!

Теперь толпа поняла, что борьба близится к концу. Некоторые смельчаки заглянули в окно. Они увидели двух мужчин, распростертых на полу. Оба в окровавленной одежде, оба тяжело раненные. Один из раненых, в вельветовых брюках, опоясанный красным шарфом, наклонился над другим и, приставив револьвер к виску, грозил ему смертью.

Такова была картина, которую увидели зрители сквозь завесу сернистого дыма.

Тут же послышался и другой голос, голос Кольхауна. Тон его уже не был столь заносчив. Это был просто жалобный шопот:

— Довольно!.. Опустите револьвер... Я прошу извинения...

ГЛАВА XXII

Загадочный подарок

Дуэль для Техаса — не диво. По истечении трех дней о ней уже перестают говорить, а через неделю даже и не вспоминают.

Уличные схватки — обычное явление. Они разыгрываются прямо на мостовой, часто со смертельным исходом для случайного прохожего.

Техасские законы заносят жертв этого странного способа расправы в графу «несчастных случаев», и виновники не несут никакого наказания.

Тем не менее дуэль между Кассием Кольхауном и Морисом Джеральдом вызвала необычайный интерес. Несмотря на то, что ни тот, ни другой не принадлежали к коренному населению сеттльмента, об их дуэли говорили в течение целых девяти дней. Неприятный, заносчивый характер капитана и безыскусственная простота и честность мустангера были всем хорошо известны. Неудивительно, что

общественное мнение было вполне удовлетворено исходом этой дуэли.

Как переносил Кассий Кольхаун последствия дуэли, никто не знал. Его не видели больше в таверне, где обычно он был завсегдатаем. Тяжелые ранения приковали его надолго к постели.

Несмотря на то, что состояние здоровья Мориса не вызывало особых опасений, все же ему необходимо было лежать, и поэтому ему пришлось остаться в гостинице у Обердофера, где он занял скромную комнату. Уход за ним оставлял желать лучшего. Даже ореол победителя не изменил обычного небрежного отношения к нему со стороны хозяина таверны.

К счастью, с ним был Фелим, иначе бы ему пришлось совсем плохо.

— Святой Патрик! — вздыхал верный слуга. — Когда же мы наконец выберемся из этой конуры? Чистое безобразие! Ни поесть здесь как следует не дают, ни попить. Свиньи бы, наверное, отвернулись от того, чем тут нас кормят. И при этом — что бы вы думали! — этот проклятый Обердофер смеет еще говорить...

— Мне совершенно безразлично, что говорит Обердофер, но если ты не хочешь, чтобы он слышал, что говоришь ты, то умерь, пожалуйста, свой голос. Не забывай, что через эти перегородки все слышно.

— Чорт бы побрал перегородки! Чорт бы их сжег, если это ему нравится! Вам все равно, что он говорит о вас? И мне также, и пусть себе слышит. Все равно хуже не будет. Я все-таки расскажу — вам это нужно знать.

— Ну, говори, Что же он рассказывает?

— А вот что. Я слыхал — он это говорил одному посетителю, — что он вас заставит заплатить не только за комнату, стол и стирку, но и за все разбитые бутылки, и зеркала, и другие вещи, которые вы разбили и разломали в ту ночь.

— Меня заставит заплатить?

— О ком ты говоришь, Фелим?

— Точно вы сами не знаете, сударь! Конечно, я говорю о той красавице, которая тогда была с вами у нас в хижине. Она приехала на крапчатом мустанге. Вы ведь за него даже гроша ломаного с нее не взяли. Что бы сказала эта красавица, если бы только узнала об опасности, в которой вы находитесь?

— Опасность, конечно, еще есть. Доктор сказал, что мне можно будет встать не раньше чем через неделю. Но ты не огорчайся, дружище.

— Нет, я только так говорю. Я-то думаю не об этой опасности. Может быть, у вас сердечные раны; иной раз прекрасные глаза ранят опаснее, чем свинцовые пули. А может быть, кто-нибудь другой ранен вашими глазами; оната, может быть, и прислала нам это угощение. Кто знает, как тут разобраться?

— Ты совсем запутался, Фелим. Посылка прислана кем-то из форта. Но от кого бы она ни была, я не вижу причины, почему мы должны церемониться с ней. Итак, давай попробуем.

Несмотря на огромное физическое наслаждение, с которым больной стал уничтожать содержимое корзинки, мысленно он наслаждался еще больше: его мечты летели к той, чье внимание было бы так дорого ему.

Неужели это сделала молодая креолка, двоюродная сестра его злейшего врага? Такое предположение все же казалось ему мало вероятным.

Но если не она, то кто же еще?

Мустангер готов был многое отдать, лишь бы подтвердилось, что подарок прислан Луизой Пойндекстер.

***

Шли дни, а тайна оставалась нераскрытой.

Вскоре больного вторично порадовали таким же подарком. Прибыла другая посылка — такая же корзинка с новыми бутылками и свежими лакомствами.

Опять обратились с расспросами к служанке, передавшей корзинку, но результаты были те же: «Джентльмен привез, незнакомый джентльмен, тот же самый, что и тогда». Она могла только добавить, что он был «очень черный», что на нем была блестящая шляпа и что он подъехал к таверне верхом на муле. Мориса мало удовлетворяли эти подробности, хотя он не выдал себя. Даже Фелим не знал той мечты, которую мустангер тайно все время лелеял.

Два дня спустя, после третьей корзинки, доставленной тем же джентльменом в блестящей шляпе, Морису пришлось отрезвиться от своих мечтаний.

В корзинке, ничем не отличавшейся от предыдущих посылок, лежало письмо.

— Это всего лишь Исидора, — пробормотал Морис, взглянув на почерк.

Небрежным движением он разорвал конверт и стал читать.

Письмо было следующего содержания:

«Дорогой сеньор!

В течение недели я гостила у дяди Сильвио. До меня дошли слухи о вашей болезни, а также о том, что вас плохо обслуживают в гостинице. Мне захотелось немного скрасить вашу болезнь. Примите, пожалуйста, этот маленький подарок как память о той большой услуге, которую вы мне оказали. Я пишу верхом на лошади, перед самым отъездом в Рио-Гранде.

Мой благодетель, спаситель моей жизни и — больше того — чести! Прощайте, прощайте!

Исидора Коварубио де-Лос-Ланос».

— Спасибо, спасибо, милая Исидора! — прошептал мустангер, складывая письмо и небрежно бросая его на одеяло. — Всегда признательная, внимательная, добрая... Не будь Луизы Пойндекстер, может быть я полюбил бы тебя...

к последнему. Потом Кольхаун узнал, что мексиканец был злейшим врагом Мориса.

Кольхаун решил остановиться на нем. Он вызвал мексиканца к себе, и после этого они неоднократно встречались и беседовали, запершись в комнате.

У окружающих это не вызывало подозрений. Посетитель Кольхауна был продавцом лошадей и рогатого скота. У них могли быть деловые отношения на этой почве. Такое предположение было вполне естественным. Даже сам мустангер-мексиканец вначале именно так и рассматривал свои встречи с капитаном.

Разговор их довольно долго носил почти исключительно деловой характер — хитрый выходец из штата Миссисипи не стал бы выдавать свои намерения малознакомому человеку. И только после одной очень выгодной для мексиканца сделки, спрыснутой хорошей выпивкой, Кольхаун стал допытываться более подробно об отношениях мексиканца к Морису-мустангеру.

Беседа убедила капитана, что на этого человека он может вполне положиться, что тот окажет ему любую услугу, и если нужно будет убить, то убьет.

Мексиканец не скрывал своей ненависти к молодому мустангеру. Причина была та же, что заставила и Кассия Кольхауна возненавидеть Мориса: ненависть возникла из-за женщины.

Морис-мустангер время от времени навещал одну черноглазую донселлу на берегах Рио-Гранде. И она стала предпочитать общество мустангера-ирландца обществу мустангера-мексиканца.

Мексиканец не назвал имени девушки, а Кольхаун и не старался узнать его. Но невольно у него возникла надежда, что, быть может, покоренная девица покорит когда-нибудь сердце своего победителя.

За время болезни Мориса произошло достаточное количество таких интимных бесед, в которых можно было успеть выработать план мести.

Был он разработан или нет и каковы были дьявольские намерения его участников — это оставалось известно только им самим. Окружающие лишь заметили, что Кассий Кольхаун и Мигуэль Диаз, по прозванию Эль-Койот [1], стали закадычными друзьями, и многие удивлялись этой странной дружбе.

ГЛАВА XXIV

На азотее

На техасских плантациях день начинается с восходом солнца. Колокол, призывающий черных невольников к работе, будит и рабовладельцев.

Так было в Каса-дель-Корво при старом владельце. Семья американского плантатора не изменила этому обычаю — правда, не из желания следовать традиции, но по требованиям самой природы.

Ароматное утро солнечного Техаса, где царит почти непрерывная весна, слишком жалко проводить в постели.

Прекрасная, как утренняя заря, стояла Луиза у перил азотеи. Глаза ее были обращены в сторону восходящего солнца.

Она смотрела каким-то блуждающим взглядом — видимо, мысли ее были далеко. Не слышала она и пения утренних птиц. Она ничего не замечала вокруг себя. Лицо ее было затуманено печалью. Невольно сорвавшийся шепот выдал ее тайну:

— Может быть, он тяжело ранен? Может быть, смертельно? Я не могу даже никого послать к нему. Я никому не доверяю. Где он лежит? Кто с ним? Ему нужна помощь, участие... Куда это Зеб Стумп пропал? Его уже так давно не видно у нас.

Молодая креолка посмотрела на дорогу, которая вела

---

[1] Эль-Койот — Степной Волк.

шади и идите ко мне сюда. Я знаю, что вы хорошо умеете лазать и вам нипочем будет взбежать по этой лестнице. Отсюда вы увидите такой прекрасный вид, что не пожалеете своих трудов.

— Увидеть вас, мисс Луиза, будет для меня лучшим вознаграждением. Одну минуточку, я только поставлю свою старую кобылу в конюшню и тогда подымусь наверх.

Появившийся в эту минуту негр Плуто взял у охотника лошадь, и Зеб Стумп, перескакивая через две-три ступеньки, быстро поднялся на азотею.

Молодая хозяйка еще раз радостно приветствовала старика и повела в уединенный уголок азотеи.

Старый охотник сразу почувствовал несколько приподнятое состояние девушки и понял, что приглашен сюда не для того только, чтобы полюбоваться красивым видом.

— Скажите мне, мистер Стумп, — сказала Луиза, прикоснувшись к его рукаву и вопросительно смотря ему в глаза, — вы, наверное, все знаете? Как его здоровье? Опасно ли он ранен?

— Вы спрашиваете о мистере Кольхауне? Не так ли?

— Нет, нет, о нем я все знаю. Я говорю не о нем.

— Насколько я знаю, ранены были двое. Один из них Морис-мустангер. Может ли это быть, что вы спрашиваете именно о нем?

— Да, да, о нем. Вы понимаете, что, несмотря на его ссору с моим двоюродным братом, я не могу безразлично относиться к этому человеку. Вы ведь знаете, что Морис Джеральд дважды спас мне жизнь. Скажите, опасно ли он ранен?

Это было сказано с таким волнением, при котором шутки неуместны. Зеб поспешил ответить:

— Опасности нет никакой. Одна пуля прострелила ему ногу выше щиколотки; эта рана не опаснее царапины. Вторая пуля попала в левую руку. В этом ничего серьезного нет. Только вот крови он потерял порядочно. Самочувствие у него хорошее, и через несколько дней он сможет

уже встать с постели. Парень говорит, что если бы он проехался верхом по прерии, то это излечило бы его скорее, чем все доктора Техаса. Я тоже так думаю. Но его лечит хирург форта, который не разрешает ему пока вставать.

— Где он лежит?

— В гостинице. Там же, где произошел скандал.

— Я слыхала, что у Обердофера скверно. Больной, наверное, во многом нуждается. Подождите минутку, мистер Стумп, я сейчас вернусь. Мне хочется ему послать кое-что. Я знаю, что вы это сделаете для меня. Не правда ли? Я уверена в этом.

Не дожидаясь ответа, Луиза направилась к лестнице и быстро спустилась по ней. Скоро она вернулась с корзинкой в руке.

— Милый мистер Стумп, вы ведь передадите это мистеру Джеральду? Здесь немного вина, варенье и кое-что еще. Во время болезни хочется полакомиться, а вряд ли в гостинице можно достать что-нибудь вкусное. Только не говорите ему, от кого это, и никому другому не говорите. Я знаю, что вы не скажете. Вы ведь наш добрый великан!

— Вы можете положиться на старика Зеба Стумпа, мисс Луиза. Я только слыхал, что ему уже привозил кое-какие лакомства какой-то мексиканец. Только несколько минут тому назад я встретил его недалеко от вашей гасиенды. Он сопровождал какую-то женщину, которая ехала по-мужски на лошади. А в руках мексиканец держал корзинку, точь-в-точь такую, какую мистер Морис только недавно получил. Наверное, он вез опять разные разности для больного.

В нескольких словах было сказано многое. Все стало слишком очевидным: у Луизы Пойндекстер была соперница. Мексиканка с лассо, вероятно, была невестой, а может быть и возлюбленной мустангера.

И, наверное, не случайно корзинка, поставленная на перила азотеи и придерживаемая рукой креолки, вдруг соскользнула вниз. Бутылки и баночки разлетелись мелкими

осколками по каменным плитам двора, а содержимое их вытекло, забрызгав все кругом.

— Ах, как жаль! — сказала Луиза, силясь замаскировать свое горе. — Что скажет Флоринда? Ну ничего, мистер Джеральд окружен таким вниманием, что вряд ли мой подарок ему нужен. Я так рада, что его не забывают, — ведь я так многим ему обязана! Но только, пожалуйста, мистер Стумп, ни слова никому. Не говорите также, что я спрашивала о нем. Поскольку дуэль была с моим двоюродным братом, это может вызвать ненужные разговоры. Вы ведь обещаете мне, милый Зеб?

— Клянусь вам, если вы этого хотите. Ни одного слова никому, мисс Луиза. Вы можете спокойно положиться на старика Зеба.

— Я знаю это. А теперь пойдем отсюда. Солнце начинает сильно печь. Давайте спустимся вниз и посмотрим, не найдем ли мы там немного вашего любимого мононгахельского виски. Пойдемте!

И молодая креолка с притворной веселостью направилась к лестнице, напевая вальс, популярный в Новом Орлеане.

Луиза скоро распрощалась с охотником. Его общество уже больше не интересовало ее. Она поспешила к себе в комнату, чтобы остаться одной со своим горем.

В первый раз в жизни Луиза Пойндекстер испытывала муки ревности. Это была ее первая настоящая любовь. Она была влюблена в Мориса Джеральда, в этом уже не оставалось сомнений.

Внимание мексиканской сеньориты едва ли можно было объяснить простой дружбой. Вероятно, их связывали более тесные отношения.

Луиза не находила себе покоя. Увидеть снова мексиканскую девушку и рассмотреть ее лицо стало для нее необходимостью.

Как только уехал Зеб Стумп, она попросила оседлать крапчатого мустанга.

Приближаясь к форту, она, как и предполагала, встретила свою соперницу.

Здесь дорога была затенена деревьями. Мексиканская девушка ехала с открытой головой, небрежно спустив шарф на плечи. Пышные черные, как крыло ворона, волосы обрамляли прелестное смуглое личико.

Обе девушки, следуя правилам приличия, при встрече обменялись лишь беглым взглядом. Но, отъехав немного, как та, так и другая не могли удержаться от желания взглянуть еще раз украдкой друг на друга, и обе обернулись.

Повидимому, не только Луиза слыхала о мексиканской сеньорите, но и та знала о ней.

Размышления Луизы стали еще мрачней.

«Хороша собой! — подумала она, проехав мимо своей соперницы. — Да, слишком хороша, чтобы быть ему только другом. У меня нет ни минуты сомнения, что он любит ее. Только этим можно объяснить его равнодушие ко мне. Надо забыть его, сбросить с себя эти сердечные путы. Забыть! Это легко сказать. Но могу ли я это сделать? Я не должна с ним больше встречаться. Но чем же я заслужила эти страдания? О Морис Джеральд, зачем я полюбила тебя!»

ГЛАВА XXVI

Снова на аэтее

Луизе Пойндекстер было не легко бороться с овладевшим ею чувством.

Вначале ей казалось, что силой воли она заглушит боль сердца, что найдет выход в своей прирожденной жизнерадостности. Но шли дни, а облегчение не наступало — Морис Джеральд слишком сильно завладел ее сердцем.

Были моменты, когда Луиза ненавидела его, или, вернее, хотела ненавидеть. Тогда ей казалось, что она сама могла бы без сожаления убить Джеральда. Но это были

лишь минутные порывы. Чем больше она думала, тем больше сознавала, что если бы даже он был ее злейшим врагом, она все равно не перестала бы любить его.

Презирать и ненавидеть Мориса Луиза была не в силах. Она лишь пыталась быть к нему равнодушной.

Но это была тщетная попытка. Каждый день, почти каждый час она поднималась на азотею и смотрела на дорогу.

Больше того: несмотря на свое решение избегать встречи с человеком, который сделал ее несчастной, она садилась на лошадь и ездила по дороге, по улицам сеттльмента с одним только намерением — встретить его.

Три дня спустя после первой встречи с соперницей Луиза снова увидела ее с азотеи. Мексиканка ехала, как и в прошлый раз, в сопровождении того же всадника; у него на руке опять висела корзинка. Наблюдая их, Луиза вся дрожала от ревности, завидуя той, которая предвосхитила ее заботу о больном.

Луиза знала теперь о ней больше, чем прежде, хотя и не так много. Это была донья Исидора Коварубио де-Лос-Ланос — дочь владельца большой гасиенды на Рио-Гранде и племянница владельца поместья на Леоне.

Молодую мексиканку считали эксцентричной особой, хорошо владеющей лассо, способной укротить любого дикого мустанга, но только не свои собственные капризы.

Такое сложилось мнение о мексиканской сеньорите у американских жителей сеттльмента.

Но Луизе от этих сведений не стало легче: наоборот, ее ревность усилилась. Молодой креолке казалось, что такие качества как раз и должны были вызывать преклонение мужчин перед мексиканской девушкой. И вряд ли Морис Джеральд составлял исключение.

Прошло еще несколько дней, но девушка с лассо больше не показывалась.

«Он оправился от ран, — думала про себя креолка, — и уж больше не нуждается в неустанном внимании».

Так она размышляла, стоя на азотее и всматриваясь в даль. Это было рано утром, вскоре после солнечного восхода, в час, когда обычно появлялась всадница.

Луиза вдруг замерла, пораженная неожиданностью. На дороге она увидела Мориса Джеральда верхом на лошади.

Его посадка была несколько связанной; он ехал медленной рысью.

Узнав его, молодая креолка спряталась за перила азотеи; из ее груди вырвался подавленный крик. Это не был крик удивления. Это не был и крик жалости при виде болезненной бледности его лица и беспомощно висевшей раненой руки. Это был стон наболевшего сердца.

Больной оправился от ран. Он больше не нуждался в помощи сестры милосердия. Он теперь ехал к ней сам.

Под прикрытием цветущей юкки Луиза жадно следила за каждым движением Джеральда.

Она почувствовала некоторое облегчение, заметив, что он бросил несколько взглядов на Каса-дель-Корво, и ей стало еще радостней, когда Морис остановился у рощи и долго, внимательно смотрел в сторону гасиенды.

У нее мелькнула надежда, что, глядя на гасиенду, он думал о ней. Но это была мимолетная радость. Она сменилась снова мрачной тоской.

Куда же он ехал? Конечно, навестить донью Исидору Коварубио де-Лос-Ланос.

Правда, он вернулся обратно через час. Но ведь они могли встретиться в лесу.

И что в том, что мустангер, проезжая мимо, опять взглянул на гасиенду и опять остановился у рощи и долго, внимательно смотрел в сторону Каса-дель-Корво? Это могло быть лишь проявлением коварства — так объясняла себе Луиза его поведение.

Он хотел лишь растравить раны ее сердца, чувствуя себя победителем. Но зачем такая жестокость? Зачем он остановился здесь, с еще не остывшими на губах поцелуями Исидоры?

ГЛАВА XXVII

«Я люблю тебя!»

Луиза Пойндекстер снова на азотее, снова во власти мук ревности. Она уже накануне дала себе клятву, что не будет подниматься туда. Но эта клятва нарушилась на следующий же день, прежде чем солнце успело осушить росу на траве прерии.

Как и накануне, она стояла на азотее, всматриваясь в дорогу. Как и накануне, она увидела проезжающего всадника. Как и накануне, она спряталась за перилами.

Всадник ехал по дороге. Как и накануне, он бросил взгляд на гасиенду и, остановившись у рощи, долго смотрел в сторону Каса-дель-Корво.

Надеждой и страхом затрепетало сердце молодой креолки. Она уже готова была показаться из-за своего прикрытия, но страх одержал верх, а через минуту всадник скрылся.

Куда? Конечно, на свидание с Исидорой! Могло ли тут быть сомнение!

Если так, то это нужно поскорее выяснить. Не прошло и двадцати минут, как на той же дороге появилась другая лошадь, леопардовой окраски.

Ревнивое сердце креолки не могло дольше мучиться сомнениями. Никакая правда не могла причинить ей бо́льшие страдания, чем те, которые она испытывала от своих подозрений. И она решила узнать правду.

Луиза направилась в рощу, где двадцать минут тому назад скрылся мустангер. Акации бросали колеблющиеся тени на дорогу. Луиза ехала по мягкой высокой траве совсем бесшумно. Она боялась, как бы лошадь не ударила копытом о камень.

Девушка внимательно всматривалась в рощу. Затем она поднялась на вершину холма. Оттуда увидела дом, окруженный высокими деревьями. Она знала, что это была гасиенда Сильвио Мартинеца, дяди Исидоры. Внизу, на равнине, виднелись и другие дома, но только на дом на холме и только на дорогу, ведущую к нему, был устремлен вопросительный взор креолки. Но всадника не было видно.

«Сеньорита могла выехать навстречу к нему, или, быть может, Морис зашел к ним в дом? Где они сейчас — в лесу или в доме? Если так, то знает ли об этом дон Сильвио?»

Мысли Луизы были прерваны ржанием лошади и звуком ударивших о камень подков.

Луиза посмотрела вниз. Мустангер поднимался прямо к ней по обрывистому склону.

— Здравствуйте, мисс Пойндекстер, — сказал он подъезжая. — Вы одна?

— Одна, сэр. А почему бы мне не быть одной?

— Правда, ведь вы мне говорили, что любите ездить одна.

— Вы, кажется, тоже предпочитаете прогулки в одиночестве, мистер Джеральд. Или я ошибаюсь?

— Вы правы, я люблю ездить один, чтобы не быть на людях. К сожалению, я имел несчастье жить в таверне — гостинице, как гордо называет ее хозяин. Там очень шумно, а я это особенно остро чувствую. Прогулки верхом по тихим местам, под тенью акаций, доставляют мне огромное удовольствие. Разве вы не такого же мнения?

— Вам лучше об этом судить. Ведь вы так часто катаетесь верхом.

— Часто! Я только второй раз проезжаю здесь. Ведь я только что встал с постели после болезни. Но, простите, мисс Пойндекстер... скажите мне, пожалуйста, откуда вы знаете, что я проезжал здесь?

— О, — ответила Луиза смутившись, — как я могла не заметить этого! Я привыкла проводить бо́льшую часть дня на азотее. Там очень хорошо, особенно по утрам. Я не могла не видеть вас, когда вы проезжали по дороге, но под акациями я вас уже не видела.

— Значит, вы видели меня?

— Конечно, видела. Ведь дорога проходит так близко от нашего дома. Я даже заметила ту леди, что проезжала по этой же дороге верхом. Имела также удовольствие видеть, как она искусно набросила лассо на шею бедной маленькой антилопы. Я уверена, что это та самая молодая девушка, о которой вы мне тогда говорили.

— Исидора?

— Исидора!!

— Ах, да! Она ведь здесь гостила у своего дяди.

— И была очень внимательна к мистеру Морису Джеральду?

— Да, вы правы, она действительно была очень добра, хотя я еще не имел возможности поблагодарить ее. Несмотря на всю свою дружбу ко мне, она не любит иностранцев и никогда не согласилась бы переступить через порог гостиницы мистера Обердофера.

— В самом деле? Наверное, она предпочитает встречаться с вами под тенью акаций?

— Я вообще с ней не встречался давно и, вероятно, не встречусь в ближайшие несколько месяцев, так как она уехала на Рио-Гранде.

— Вы говорите правду, мистер Джеральд? Вы не видели ее с тех пор, как она уехала от своего дяди?

— Да, я не видел ее, — ответил Морис с удивлением, — и узнал о том, что она здесь гостила, только потому, что она мне присылала всякие деликатесы, которые, правду сказать, были очень кстати во время моей болезни. Кухня гостиницы Обердофера не стоит на должной высоте; к тому же его отношение ко мне оставляет желать многого. Донья Исидора, надо сказать, щедро отблагодарила меня за ту маленькую услугу, которую я ей когда-то оказал.

— Услугу? Можно узнать, какую, мистер Джеральд?

— О, конечно. Мне представилась возможность выручить однажды донью Исидору из рук индейцев. Они напали на нее по дороге из Рио-Гранде на Леону. Дикари были совсем пьяные, и ей было бы трудно вырваться от них, если бы я не подоспел во-время.

— Это вы называете маленькой услугой? Вы очень скромны в ваших оценках, мистер Джеральд. Если бы кто-нибудь сделал это для меня...

— Чем бы вы отплатили ему? — спросил мустангер с явным волнением.

— Я полюбила бы его, — быстро ответила Луиза.

— Если это так, — прошептал Морис, наклонившись к Луизе, — то я отдал бы полжизни, чтобы увидеть вас в руках пьяных индейцев, и еще полжизни за то, чтобы спасти вас от них.

— Это правда, Морис Джеральд? Не шутите со мной. Ведь я же не ребенок. Скажите правду. Вы действительно думаете то, что говорите?

— Да, это правда. Клянусь вам!

И губы их слились в долгом и страстном поцелуе.

— Делай со мной, что хочешь. Я люблю тебя! Я л ю б л ю т е б я! — прошептала Луиза.

ГЛАВА XXVIII

Запретная радость

С тех пор как в Техасе появились колонисты-европейцы, отношения с индейцами стали самой животрепещущей темой, волновавшей техасское общество.

Шли ли индейцы открытой войной на колонистов, или же был период затишья,— все равно о них говорили. В первом случае толковали о нависшей опасности, во втором — обсуждался вопрос, надолго ли краснокожие вожди решили сложить свои томагавки[1].

Эта тема обсуждалась везде и всюду — за завтраком, обедом или ужином. В гасиенде ли плантатора, или же в ла-

[1] Томагавк — индейское холодное оружие, маленький топорик.

чуге охотника слова «медведь», «пума», «пекари»[1] произносились реже и с значительно меньшим страхом, чем слово «индеец». Индейцами в Техасе пугали детей; рассказы об индейцах тревожили сон не только детей, но и родителей. Даже высокие каменные стены Каса-дель-Корво не избавили обитателей гасиенды от этих неприятных переживаний. Семья Пойндекстеров разделяла страх американских бледнолицых перед краснокожими.

Полученное официальное сообщение из форта подтвердило реальность этой опасности. Это известие пришло две недели спустя после пикника.

Рано утром, когда семья плантатора еще сидела за завтраком, верховой из форта передал Пойндекстеру какой-то пакет.

— Неприятные новости! — воскликнул Пойндекстер, быстро пробежав глазами бумагу. — Поскольку в этом убежден сам майор, значит не приходится сомневаться.

— Неприятная новость, папа? — спросила дочь, сильно покраснев.

И тут же подумала про себя: «Что же это майор мог написать? Я встретила его вчера в роще. Он видел меня с... Может ли это быть? Боже, если только отец узнает!..»

— «Племя команчей[2] на военной тропе» — так пишет майор, — сказал Пойндекстер.

— И это все?.. — сказала Луиза с облегчением, как будто в этом известии не было ничего устрашающего. — Ты напугал нас. Я думала, что извещают о чем-нибудь более страшном.

— Более страшном! Что за глупости ты болтаешь, дитя мое! В Техасе нет ничего страшнее команчей. Это самая большая опасность.

---

[1] Пума (кугуар) — вид американской дикой кошки. Пекари — американская дикая свинья.

[2] Команчи — индейское племя, долго боровшееся за свою независимость. Выселенное белыми завоевателями в Техас, стало «конным» народом; занятие — охота.

Луиза больше не возражала, хотя она была другого мнения.

Кольхаун спросил:

— Уверен ли майор, что индейцы пошли на нас войной? Что он пишет, дядя?

— Пишет, что раньше он этим слухам не придавал особого значения. Вчера же ночью в форт явился Дикая Кошка — вождь семинолов — с несколькими представителями этого племени. Они сообщили, что по всему Техасу команчи выставили в своих становищах крашеные столбы, что уже целый месяц эти дикари пляшут танец войны, что некоторые из них уже двинулись в поход и что их можно ждать каждую минуту в окрестностях сеттльмента.

— Дикая Кошка? — спросила Луиза. — Разве этому изменнику можно доверять? Он, наверное, такой же враг колонистов, как и своего народа.

— Ты права, дочь моя. Майор в этом письме дает ему точно такую же характеристику. Он советует быть осторожными с этим двуличным негодяем, который, конечно, перейдет на сторону команчей, как только это ему покажется удобным. Ну что ж, — продолжал плантатор, откладывая в сторону бумагу и возвращаясь к своему кофе с вафлями, — будем надеяться, что, выйдя на военную тропу, команчи отступят перед зубчатыми стенами Каса-дель-Корво и не посмеют тронуть нашу гасиенду.

В это время на пороге столовой, где сидели за завтраком, появился негр. На его лице сияла широкая улыбка.

— Что тебе надо, Плуто? — спросил его хозяин дома.

— Я не к вам, мистер Будли. Я только хотел сказать масс Луизе, что лошадь оседлана. Крапчатому не нравится стоять на камнях во дворе, он рвется на мягкую траву прерии.

— Ты едешь кататься, Луиза? — спросил плантатор с явным неудовольствием.

— Да, отец. Я хотела проехаться.

— Ты не должна этого делать.

— Почему?

— Я не хочу, чтобы ты ездила одна. Это неприлично.

— Почему же, папа? Ведь я часто ездила одна.

— Да, к сожалению, слишком часто.

Последнее замечание заставило девушку слегка покраснеть. Но что означало оно, Луиза все же не совсем поняла.

— Если ты против этого, папа, я не поеду. Но неужели же ты решил держать меня взаперти в этом доме? Вам, мужчинам, хорошо — вы все уезжаете на работу. Интересную же ты для меня решил устроить жизнь в этом милом Техасе!

— Ты меня не так поняла, Луиза. Я вовсе не против того, чтобы ты ездила кататься. Катайся, сколько твоей душе угодно, но пусть тебя кто-нибудь сопровождает. Выезжай с Генри или с Кассием. Но я не хочу, чтобы ты ездила одна. Для этого у меня имеются свои основания.

— Основания? Какие?

Этот вопрос невольно сорвался у Луизы. Потом она пожалела, что не сдержалась, и с беспокойством ждала ответа.

Ответ немного успокоил ее.

— Какие основания, ты хочешь знать? Не забывай, что Техас — не Луизиана, где молодая девушка может ехать спокойно, куда ей только заблагорассудится. Здесь, в Техасе, опасность на каждом шагу. Возьми хотя бы индейцев...

— Индейцев бояться мне нечего. Я никогда не удаляюсь от гасиенды дальше чем на пять миль.

— Пять миль! — воскликнул капитан саркастически. — Это то же самое, что отъехать на пятьдесят миль. Ты с таким же успехом можешь встретить индейцев на расстоянии ста шагов от ворот дома, как и на расстоянии ста миль. Когда они на военной тропе, их можно ждать в любом месте и в любое время. По-моему, дядя Вудли прав. С твоей стороны крайне неосторожно ездить одной.

— Ты так думаешь? — с презрением спросила креолка, повернувшись к двоюродному брату. — Скажи мне только, пожалуйста, в чем будет заключаться твоя помощь, если я действительно встречу команчей, хотя я вообще в этом сильно сомневаюсь? Хороша будет картина: нас двое среди воинственного племени раскрашенных дикарей. Ха-ха! В опасности очутишься ты, а не я. Я не сомневаюсь, что я-то выскочу от них и оставлю тебя для расправы. Страшная опасность на расстоянии пяти миль от дома! Поищи-ка в Техасе всадника, который мог бы догнать меня на моей милой Лу́не. Вряд ли это тебе удастся, Каш!

— Замолчи, Луиза! — строго сказал Пойндекстер. — Мне не нравится, когда ты так разговариваешь. Не обращай на нее внимания, Кассий. И помимо индейцев, здесь много всякого сброда. Запомни, что я запрещаю тебе ездить одной, как ты это делала раньше.

— Пусть будет по-твоему, папа, — ответила Луиза, вставая из-за стола. — Конечно, я должна подчиниться тебе. Но знай, что я рискую потерять здоровье, сидя без движения. Иди, Плуто, — обратилась она к негру, который все еще стоял в дверях и улыбался. — Пусти Лу́ну в кораль, на пастбище — куда хочешь. Пусть она бежит в свою прерию, если это ей нравится. Она мне больше не нужна.

С этими словами девушка вышла из комнаты.

«Что отец мог узнать? Может быть, это только его подозрения? Кто мог ему рассказать? Знает ли он о нашей встрече?»

ГЛАВА XXIX

Эль-Койот у себя дома

Кольхаун встал из-за стола почти так же внезапно, как и Луиза. Минуя на этот раз свою комнату, он вышел из дому.

Все еще страдая от ран, но уже значительно окрепнув после болезни, он мог уже ходить около дома.

Но на этот раз он отправился дальше. Под влиянием ли происшедшего разговора, а может быть в связи с полученным известием, он вдруг почувствовал в себе достаточно сил, чтобы на костылях пройти вверх по реке и дальше, по направлению к форту.

Пройдя по совершенно выжженному солнцем пустырю, простиравшемуся от гасиенды на значительное расстояние, он подошел к низким зарослям акаций, приютившихся под тенью других, более высоких деревьев. В самой гуще зелени стояла сплетенная из прутьев и обмазанная глиной хижина — хакале, типичное жилище юго-западного Техаса.

Это было обиталище Мигуэля Диаза, мексиканца-мустангера. Оно вполне соответствовало своему хозяину — жестокому полудикарю, недаром заслужившему прозвище «Эль-Койот».

Далеко не всегда этого волка можно было найти в его берлоге — хакале Мигуэля Диаза, пожалуй, не заслуживало лучшего названия. Это было лишь случайное место его ночлегов. Только изредка, после удачной охоты, он мог позволить себе пожить немного около сеттльмента, пользуясь доступными там «развлечениями»; остальное время Диаз проводил в прерии.

Кольхауну повезло: он застал хозяина в хижине — правда, в нетрезвом виде. Это, впрочем, было его обычное состояние.

— Алло, сеньор! — закричал Эль-Койот, увидев в дверях гостя. — Какими судьбами? Вот уж не ожидал видеть вас здесь. Берите стул. Вот он стоит. Стул! Ха-ха-ха!

Его хохот был вызван видом того предмета, который он назвал стулом. Это был просто череп мустанга, исполнявший роль стула. Примитивный стол из горбылей юкки, такая же примитивная кровать из тростника — вот и вся обстановка этого убогого жилища.

Утомленный длительной прогулкой, Кольхаун воспользовался приглашением хозяина и уселся на черепе. Не теряя времени, он сразу приступил к делу.

— Сеньор Диаз, — сказал он, — я пришел сюда для...

— Сеньор американо, — воскликнул полуиьяный охотник, — к чему лишние разговоры! Caramba![1] Я прекрасно знаю, для чего вы сюда пришли! Вы хотите, чтобы я пришиб этого дьявола ирландца!

— Так!

— Так вот, я уже обещал вам, что сделаю это для вас при первом удобном случае за пятьсот монет. Мигуэль Диаз всегда исполняет свои обещания. Но время еще не пришло, и удобного случая еще не было. Caray![2] Чтобы как следует убить человека, для этого требуется искусство. Даже в прериях нельзя убить без того, чтобы не напали на след. А если нападут, то для меня это не шутка. Вы забываете, сеньор, что я мексиканец. Если бы я был американцем, как вы, то я легко мог бы его укокошить. Сказал бы, что это была ссора, и вышел бы сухим из воды. Но у нас, мексиканцев, это иначе. У нас, когда из человека выпускают кровь, это называется убийством. И после этого вы, американцы, в вашем глупом суде с двенадцатью «честными» судьями постановите: «Повесить». Cingaro![3] Я ненавижу ирландца так же, как и вы, но попадать впросак я не собираюсь. Я должен выждать, чтобы подвернулся удобный случай.

— Сейчас как раз подходящий момент, — поспешил заявить Кольхаун. — Вы сказали, что вы легко смогли бы это сделать, если бы только началась возня с индейцами.

— Конечно, я это говорил, и если бы это было так, то...

— Значит, вы еще не знаете новостей?

— Каких новостей?

— Да ведь команчи на военной тропе!

---

[1] Чорт побери!
[2] Чорт побери!
[3] Цыган!

— Caramba! — воскликнул Эль-Койот, вскакивая со своей тростниковой кровати. — Святая дева! Неужели это правда, сеньор?

— Истинная правда. Эта весть только что получена в форту. Я имею сведения от самого коменданта.

— В таком случае, — ответил мексиканец в раздумье, — в таком случае дон Морисио может умереть. Команчи могут убить его. Ха-ха-ха!

— Вы уверены в этом?

— Я был бы больше уверен, если бы за его череп заплатили тысячу долларов вместо пятисот.

— Он стоит этого.

— Какой суммы?

— Тысячи долларов.

— Вы обещаете?

— Да, я обещаю.

— Тогда команчи снимут с него скальп, сеньор капитан. Вы можете возвращаться в Каса-дель-Корво и спокойно спать. Будьте уверены, что, как только представится случай, ваш враг останется без волос. Вы понимаете меня?

— Да, конечно.

— А теперь готовьте тысячу монет.

— Они ждут вас.

— Сагау! Я их живо заработаю! Прощайте, прощайте!

— Святейшая дева! — воскликнул мексиканец, как только его посетитель скрылся. — Вот повезло! Получить тысячу долларов за то, чтобы укокошить человека, которого я все равно хотел убить! Команчи на военной тропе! Если так, то я должен приготовить свой костюм для этого маскарада. Он уже давно валяется у меня без дела — все эти долгие годы перемирия с индейцами.

ГЛАВА XXX

Воздушная почта

Луиза Пойндекстер, увлекаясь разными видами спорта, занималась также и стрельбой из лука. Она прекрасно владела этим оружием. Обращаться с луком она научилась у индейцев племени гума еще на Миссисипи.

С тех пор как она переехала в Техас, у нее не было еще случая поупражняться в этом искусстве. Ее красивый лук из апельсинового дерева и оперенные стрелы лежали без дела в шкафу.

Но пришел момент, когда они понадобились. Это было вскоре после сцены, разыгравшейся за завтраком, когда отец запретил ей выезжать одной верхом на лошади.

Она беспрекословно подчинилась этому приказанию, больше того — она не только не выезжала одна, но и вообще отказалась от прогулок верхом, хотя бы и в сопровождении своих братьев.

Крапчатый мустанг совсем застоялся в конюшне.

Но Луиза не забыла своей любимицы и, несмотря на то, что не ездила на ней, часто навещала Лу́ну и следила за тем, чтобы ее хорошо кормили.

Отказавшись от верховой езды, Луиза занялась стрельбой из лука. Этому спорту она посвящала теперь почти все свое время. Ее излюбленным местом для этого был берег Леоны — там, где росли старые орешники, тутовые деревья и кедры.

Здесь она была совсем одна, и никто не мешал ей, а в последнее время она больше, чем когда-либо, искала уединения. Отец даже в минуту самого сурового настроения не мог отказать дочери в этом невинном развлечении. Он был спокоен за нее: высокие стены Каса-дель-Корво и глубокие воды Леоны были ей надежной защитой. Плантатор не только не возражал против этих уединенных прогулок, но, наоборот, приветствовал их. Подозрения, которые у него было возникли — и не без основания, — быстро рассеялись.

В конце концов, ведь все это могло быть лишь обычной сплетней. Злые языки должны всегда болтать. На этот раз, повидимому, он был избран их жертвой. Очень вероятно, что встреча его дочери с Морисом-мустангером была простой случайностью. Ведь могли же они неожиданно встретиться в роще? И едва ли Луизе удобно было пройти мимо человека, который дважды спас ей жизнь. В этом, может быть, и не было ничего, кроме простой признательности.

То, что она так легко подчинилась запрету, подтверждало это предположение. Ведь обычно ее волю не так-то легко сломить, особенно если это идет вразрез с ее заветными желаниями. Вудли Пойндекстер прекрасно знал призрачность своей власти над дочерью. Неудивительно, что отец был доволен поведением девушки. Невинная игра с луком и стрелами, от которой могли пострадать только птички в саду, радовала его сердце.

Но пятидесятилетний отец прекрасной Луизы, видно, забыл свою молодость. Не в птичек посылала свои стрелы Луиза. Ее охота заключалась в другом: она привязывала клочок бумаги к наконечнику стрелы, посылаемой в заросли акаций на противоположном берегу реки. А через некоторое время ее же стрела, только посланная другим луком, возвращалась к ней, тоже с клочком бумаги, но только другим.

Любовь смеется над препятствиями.

Лишенные возможности встречаться, Морис и Луиза установили связь при помощи этой «воздушной почты».

ГЛАВА XXXI

Удачная переправа

Переписка тянулась недолго. Влюбленные искали встречи. Любовь, вспыхнувшая в сердцах Луизы и Мориса, не останавливалась перед препятствиями.

Пути к свиданию вскоре были найдены.

Уже дважды влюбленные встречались в ночной тиши старого сада. Дважды они обменялись любовными клятвами при мерцающем свете звезд. Было назначено и третье свидание.

А гордый плантатор оставался в сладком неведении. Мог ли он подумать, что единственная дочь, его гордость, так жестоко обманет его! Он давно лелеял мысль, что поправит свои дела, выдав свою красавицу-дочь за богатого и знатного человека. Мог ли он представить себе, что она, забыв о правилах своего общества, встречалась по ночам с простым охотником за лошадьми!

Конечно, у него не было теперь и тени подозрения. Ему бы это показалось слишком неправдоподобным, слишком чудовищным. Он был доволен, что Луиза безропотно покорилась его требованию и прекратила прогулки верхом. Его немного беспокоила такая необычная для нее покорность. Он иногда даже жалел о своем запрещении.

***

Была лунная ночь. Только на юге бывают такие ночи. Серебристый диск месяца плавно скользил по сапфировому небу. В прозрачном воздухе могучими контурами вырисовывались горы. Неподвижно замерла листва деревьев, словно прислушиваясь к ночным голосам зверей, птиц и насекомых. В такую ночь трудно спать влюбленному.

Было уже около полуночи, когда всадник выехал из ворот гостиницы Обердофера. Он поехал по дороге, которая спускалась к низовьям Леоны, и скоро скрылся с глаз запоздавших путников, торопившихся в сеттльмент.

Это была та дорога, которая шла мимо гасиенды Касадель-Корво по противоположному берегу Леоны. Доехав до рощи акаций, всадник соскочил с лошади и привязал ее к дереву. Затем он снял с луки седла длинную веревку, сплетенную из конского волоса, свернул ее кольцом и, надев на руку, тихо двинулся в сторону гасиенды.

Прежде чем выйти из-под прикрытия густой тени де-

ревьев, он внимательно взглянул на небо и на ярко светившую луну.

«Нет смысла ждать здесь, пока эта красавица скроется, — подумал он с озабоченным видом. — Повидимому, она решила царить здесь до утра».

Потом он стал измерять глазами открытое место, отделявшее его от берега реки. Гасиенда Каса-дель-Корво была расположена как раз напротив, на противоположном берегу.

«Что, если сейчас кто-нибудь там бродит? Вряд ли это возможно в такой поздний час. Разве только если кому не спится от темных мыслей. Ба! Да ведь там есть такой человек! Если только он бодрствует, то наверняка заметит меня. Но что же делать? Ведь не дождешься, пока зайдет луна, а на небе нет ни облачка. Я не могу заставлять Луизу ждать. Я должен рискнуть. Итак, вперед!»

С этими словами он быстрыми и осторожными шагами стал продвигаться по открытому месту по направлению к реке и скоро подошел к обрывистому берегу Леоны.

Не задерживаясь здесь, он ловко спустился по извилистой тропинке обрыва и очутился у самой реки.

Как раз напротив, у другого берега, стояла маленькая лодка под тенью огромного тополя.

Некоторое время человек как бы измерял глазами ширину реки и одновременно внимательно всматривался в заросли на противоположном берегу.

Убедившись, что там никого нет, он взял свое лассо и ловким движением перекинул через всю ширину реки.

Петля опустилась на носовой выступ лодки. Затянув петлю, он перетащил лодку к себе.

Переправившись и привязав лодку, ночной гость Каса-дель-Корво стал в тени тополя.

Вряд ли нужно объяснять, что это был Морис-мустангер.

ГЛАВА XXXII

Свет и тень

Недолго пришлось Морису ждать под тополем. В тот самый момент, когда он прыгнул в лодку, в гасиенде Каса-дель-Корво открылось окно со стороны сада. При свете луны можно было видеть маленькую белую руку, придерживающую открытую раму окна.

Несколько минут спустя Луиза Пойндекстер уже спускалась по каменной лестнице в сад.

На секунду она остановилась прислушиваясь. Всплески весел? Не почудилось ли ей это? Цикады наполняли воздух своим неугомонным стрекотаньем, и легко можно было ошибиться. Назначенный час свидания настал, и у нее больше нехватало терпения ждать.

Неслышной поступью Луиза спустилась по каменной лестнице, проскользнула в сад, тихонько пробралась через кустарники, минуя мраморные статуи, и наконец очутилась под тополем. Здесь ее встретили ласковые объятия мустангера.

***

— Завтра ночью мы опять встретимся, дорогой?

— Если бы я только мог, я бы сказал тебе: да, завтра, и послезавтра, и каждый день, моя любимая.

— Но почему же нет? Почему ты не можешь этого сказать?

— Завтра на рассвете я должен уехать на Аламо.

— Вот как! Разве это тебе так необходимо?

Этот вопрос прозвучал невольным упреком. Каждый раз, когда она слышала упоминание об уединенной хижине на Аламо, в ней просыпалось какое-то неприятное чувство. Почему? Она и сама не знала.

— У меня есть серьезные для этого основания.

— Серьезные основания? Разве тебя кто-нибудь будет ждать там?

— Мой приятель Фелим и больше никто. Надеюсь, что

с ним ничего не произошло. Я отослал его туда дней десять тому назад, еще до того, как пошли эти слухи об индейцах.

— Только Фелим и больше никто? Ты говоришь правду, Морис? Милый, только не обманывай меня. Только он, ты сказал?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом, Луиза?

— Я не могу тебе сказать, почему. Я бы умерла от стыда, если бы призналась в том, что мне иногда приходят в голову.

— Не бойся, скажи мне все, что ты думаешь. Я бы не мог ничего скрыть от тебя. Ну скажи же, радость моя.

— Ты этого хочешь, Морис?

— Конечно, хочу. Я прекрасно знаю, что могу разрешить все твои недоумения. Ясно, что если кто-нибудь узнает о наших отношениях, то начнутся неприятные для тебя разговоры. Поэтому я считаю необходимым уехать на Аламо.

— Для того, чтобы там остаться?

— Всего лишь на один или два дня. Только для того, чтобы собрать свои вещи и сказать последнее прости своей жизни в прерии.

— Вот как?

— Ты, кажется, недовольна?

— Нет! Только озадачена. Я не могу понять тебя. И, вероятно, мне это никогда не удастся.

— Но ведь все очень просто. Я принял одно важное решение и знаю — ты простишь меня, узнав об этом.

— Простить тебя, Морис? За что?

— За то, что я не открыл тебе моей тайны. Я не тот, за кого ты меня принимаешь.

— Я знаю только одно: что ты благороден, красив, смел, а остальное мне безразлично. О Морис! Если бы ты только знал, как ты дорог мне и как я люблю тебя!

— Голубка моя, мы горим с тобой одной любовью, и, оберегая наше счастье, мы должны решиться на разлуку.

— На разлуку?

— Да, любимая, мы расстанемся не надолго.

— На сколько?

— Сколько понадобится пароходу для того, чтобы пересечь Атлантический океан туда и обратно.

— Целая вечность! Но почему же?

— Видишь ли, я должен съездить на родину, в Ирландию. По возвращении я докажу твоему гордому отцу, что бедный мустангер, который завоевал сердце его дочери... Завоевал ли я его, Луиза?

— Ты сам это прекрасно знаешь. Любовь захватила все мои мысли, чувства и желания.

Снова объятия. Снова любовные клятвы, нежные поцелуи.

И не заметили они, как вдруг притихло стрекотанье сверчков, замолкли крики пересмешника, раздались чьи-то шаги по усыпанной гравием дорожке.

Они не видели темной фигуры, которая скользила среди цветов, то прячась за статуей, то пробираясь через кустарник. Они не видели, как эта черная тень притаилась за стволом дерева, и не знали, что Кассий Кольхаун ловил каждое движение, каждое слово их любовных клятв.

ГЛАВА XXXIII

Мучительная правда

Пустая случайность помогла Кольхауну обнаружить мучительную для него правду.

Была уже полночь, когда капитан поднялся на крышу гасиенды и спокойно курил там сигару. В этот момент у него, повидимому, не было особенного повода для беспокойства. Раны, нанесенные ему мустангером, уже зажили; правда, воспоминания о поражении все еще мучили его. Но горечь этих воспоминаний за последнее время несколько сглаживалась мыслью о скорой мести.

Кассий Кольхаун, так же как и отец Луизы, чувствовал большое удовлетворение оттого, что Луиза отказалась от своих далеких прогулок верхом, — он-то и был инициатором этого запрета. Так же как и отец Луизы, он не подозревал, чем было вызвано увлечение Луизы новым спортом — стрельбой из лука, и смотрел на это как на невинную забаву.

Он даже стал льстить себя надеждой, что в конце концов равнодушие к нему Луизы могло быть лишь притворством с ее стороны. За последнее время она была менее резка в обращении с ним. И он уже готов был усомниться в своих ревнивых предположениях.

Итак, он спокойно курил сигару, повернувшись в сторону реки. Появление всадника на дороге почти не удивило его. Для него было понятно желание человека путешествовать ночью, пользуясь прохладой, вместо того чтобы томиться в дороге под знойными лучами солнца.

При лунном свете он не узнал всадника, да особенно в него и не всматривался. Он просто машинально следил за ним взглядом.

Только когда всадник въехал в рощу, Кольхауну показалось это странным.

«Что это может означать? — подумал он. — Сошел с лошади и направляется сюда, к изгибу реки. Спустился с обрыва. Повидимому, с местом он хорошо знаком... Что ему надо? Неужели же он думает пробраться в сад? Но как? Вплавь? Не вор ли это?»

Это была первая догадка, которая пришла ему в голову, но он тут же почувствовал необоснованность этого предположения.

«Всплески весел? Он перетянул лодку и переправляется на ней. Что же, наконец, ему понадобилось здесь?»

Кольхаун уже решил было потихоньку спуститься вниз, разбудить мужчин и пойти всем вместе на облаву.

Он уже собрался итти, когда другой звук, долетевший до него, изменил его решение. Послышался скрип не то

двери, не то открываемого окна. Звук раздался внизу, почти под тем местом, где он стоял.

Кольхаун перегнулся через перила и посмотрел вниз, чтобы узнать, в чем дело. И вдруг смертельная бледность покрыла его лицо: окно было открыто в комнате кузины. А сама Луиза, вся в белом, стояла на лестнице, ведущей в сад.

Кольхаун сразу понял, что ее появление как-то связано с приближением человека в лодке. Он понял также, что переправлялся не кто иной, как Морис-мустангер.

Ошеломленный, стоял Кольхаун, будучи не в силах двинуться с места. Только после того как белая фигура исчезла и в саду послышались голоса, у него созрел новый план.

Он решил, что сейчас будить никого не надо: он один должен стать свидетелем позора Луизы. И Кассий Кольхаун поспешил по ее следам, дрожа от негодования.

Он слышал их клятвы, их любовные признания, решение мустангера уехать завтра на рассвете, его обещание скоро вернуться. Он был свидетелем их страстных объятий.

И тут у него загорелось желание вонзить нож в своего соперника и повергнуть его безжизненным к ногам возлюбленной. Но он не решился на это. Не оттого ли, что при свете луны он заметил, как блестел за поясом мустангера шестизарядный револьвер Кольта?

Капитан поспешил удалиться, оставив влюбленных наедине.

ГЛАВА XXXIV

«Рыцарские» побуждения

Куда же отправился Кассий Кольхаун?

Конечно, не в свою комнату. Разве мог человек, терзаемый такими муками, спать?

Он пошел в комнату своего двоюродного брата Генри Пойндекстера.

Он направился прямо туда, даже не теряя времени на то, чтобы захватить свечу. Свеча, впрочем, и не была нужна — лучи лунного света достаточно хорошо освещали комнату. Можно было различить ее незатейливую обстановку: умывальник, небольшой столик, пару стульев и кровать с пологом из кисеи — для защиты от надоедливых москитов.

Кольхаун приподнял кисею и стал будить беззаботно спавшего юношу.

— Проснись, Гарри, проснись! — произнес Кольхаун, сильно тряся за плечи спящего.

— О-а! Это ты, Каш? Что такое? Надеюсь, не индейцы?

— Хуже, гораздо хуже! Скорее! Вставай и смотри. Скорее, а то будет поздно! Вставай и посмотри на позор нашей семьи. Скорее же, иначе имя Пойндекстеров будет посмешищем для всего Техаса!

После такого предупреждения, конечно, никому из членов семьи Пойндекстеров не захотелось бы спать. Юноша моментально вскочил на ноги и с недоумением смотрел на кузена.

— Не теряй времени на то, чтобы одеваться, — заявил взволнованный капитан. — Скорее! Скорее!

Незатейливый костюм, который юный Генри обычно носил, через несколько секунд уже был на нем. Юноша поспешил за капитаном в сад.

— В чем дело, Кассий? — спросил он, когда Кольхаун знаками дал ему понять, что нужно остановиться. — Скажи же мне, что все это означает?

— Смотри сам. Встань поближе ко мне. Смотри через этот просвет между деревьями, в том направлении, где всегда стоит твоя лодка. Видишь ли ты что-нибудь там?

— Кто-то в белом. Как будто женское платье. Это женщина.

— Ты прав, это женщина. Кто же она, как тебе кажется?

— Я не знаю. А ты знаешь, Кассий, кто это?

— Рядом с ней другая фигура, в темном.

— А это как будто мужчина... Да, это мужчина.

— А кто он, как ты думаешь?

— Как же я могу знать, Каш? А ты знаешь?

— Да, я знаю. Этот мужчина — Морис-мустангер.

— А женщина?

— Это Луиза, твоя сестра, в его объятиях.

Юноша бросился вперед.

— Стой! — сказал Кольхаун, схватив его. — Ты забываешь, что ты не вооружен, а у мустангера есть оружие. Это я знаю. Возьми вот это и это, — продолжал он, передавая ему свой нож и револьвер. — Я хотел сам пустить их в ход, но подумал, что лучше будет, если это сделаешь ты как брат и защитник своей сестры. Вперед, Гарри! Только смотри не попади в нее. Подкрадись тихонько, преду преждать не надо. Стреляй ему в живот. А если все шесть пуль не прикончат его, тогда заколи ножом. Я буду стоять невдалеке и приду к тебе на помощь. Беги!

Генри Пойндекстер не нуждался в этих подлых наставлениях. Он бросился спасать честь своей сестры.

— Низкий негодяй! — закричал он. — Луиза, отойди в сторону и дай мне убить его! Отойди, сестра, отойди, я тебе говорю!

Вместо того чтобы вынуть револьвер и защищаться, Морис-мустангер пробовал лишь освободиться из объятий девушки, боясь за нее, но она сильнее прижималась к нему.

Выстрелить в мустангера значило для Генри рисковать жизнью сестры. Генри остановился и не спустил курка.

Это промедление спасло их всех. Оставив мустангера, Луиза схватила за руки брата. Она знала, что Мориса нечего было бояться, нужно было только остановить брата.

— Беги, беги! — закричала она мустангеру, стараясь удержать негодующего брата. — Генри введен в заблуждение, я все объясню ему сама. Скорее, Морис, скорее спасайся!

— Генри Пойндекстер, — сказал молодой ирландец, уже готовый выполнить дружеский совет, — вы напрасно считаете меня негодяем. Дайте срок, и если я окажусь недостойным уважения и любви вашей сестры, тогда вы можете убить меня у всех на глазах, как трусливого койота. А пока прощайте.

Желание Генри освободиться из рук сестры постепенно ослабевало; речь мустангера его успокоила. Сопротивление становилось все слабее и слабее, и в момент, когда Морис бросился вплавь через реку, руки юноши опустились.

— Брат, ты ошибся в нем. Уверяю тебя, ты не знаешь его! — воскликнула Луиза. — О Генри, если бы ты только знал, какой это прекрасный человек! Он никогда не даст меня в обиду и тем более не обидит меня сам. Я не могу не любить его, и мне все равно, кем бы он ни был.

— Луиза, скажи мне правду. Говори со мной так, как будто бы ты говорила сама с собой. Из того, что я видел здесь, я понял, что ты любишь этого человека. Скажи мне правду: был ли он действительно порядочным человеком? Не злоупотребил ли он твоей доверчивостью?

— Нет! Нет! Нет! Клянусь тебе! Даже в том случае, если бы я сама этого хотела, он пощадил бы меня. Генри, зачем ты так незаслуженно оскорбил его?

— Я оскорбил его?

— Да, ты это сделал, Гарри, грубо, несправедливо.

— Я готов извиниться перед ним. Я догоню его и попрошу у него прощенья за свою несдержанность. Если ты только говоришь правду, сестра, я должен это сделать. Ты ведь знаешь, что он мне понравился с первого же раза. А теперь, Луиза, иди к себе и засни. Я поспешу к гостинице и, может быть, еще застану его там. Я не найду себе покоя, пока не исправлю своей ошибки.

Когда брат с сестрой вошли в дом, вслед за ними показалась и третья фигура, до этого момента скрывавшаяся в кустах. Это был Кассий Кольхаун.

ГЛАВА XXXV

Негостеприимный хозяин

«Жалкий трус! Дурак! Сам я тоже дурак, что обольстился такой надеждой. Я должен был предвидеть, что она сумеет уговорить этого щенка и даст возможность улизнуть негодяю. Я мог бы сам из-за дерева уложить его насмерть, не рискуя ровно ничем. Дядя Вудли только поблагодарил бы меня за это. Все в сеттльменте оправдали бы мой поступок. Низкий обольститель! Презренный торгаш! Кто бы мог возражать против справедливой расправы с ним? Когда теперь, чорт возьми, подвернется еще такой случай!»

Так размышлял капитан, возвращаясь в гасиенду и следуя на некотором расстоянии за Луизой и Генри.

— Интересно, — бормотал он про себя, входя во двор, — действительно ли собирается этот желторотый глупец извиниться перед человеком, который одурачил его сестру? Да, он, повидимому, взялся за это всерьез, иначе чем объяснить эту суматоху в конюшне?.. Вот его лошадь.

Одновременно с лошадью из дверей конюшни вышел мужчина в плаще и панаме. Кольхаун узнал в нем Генри.

— Дурак! Ты выпустил его! — злобно пробормотал капитан, когда юноша приблизился к нему. — Верни мне нож и револьвер. Эти игрушки не для твоих нежных ручек. Ответь же мне, почему ты не сделал так, как я тебе сказал? Почему ты разыграл такого дурака?

— Да, я действительно разыграл дурака, — спокойно сказал молодой плантатор. — Я это знаю. Я грубо и незаслуженно оскорбил порядочного человека.

— Оскорбил порядочного человека! Ха-ха-ха! Клянусь, ты сошел с ума!

— Я был бы безумцем, если бы последовал твоему совету, Кассий. К счастью, я этого не сделал. Как бы там ни было, я немедленно еду просить у него прощенья.

— Куда ты едешь?

— Вдогонку за Морисом-мустангером, чтобы извиниться перед ним за свой некрасивый поступок.

— Некрасивый поступок! Ха-ха-ха! Ты, конечно, шутишь?

— Нет. Я говорю совершенно серьезно. Если ты поедешь вместе со мной, ты это сам увидишь.

— Тогда я еще раз скажу, что ты действительно сумасшедший. И не только сумасшедший, а просто идиот.

— Ты не очень вежлив, Кассий!

С этими словами юноша пришпорил коня и быстро поскакал.

Кольхаун стоял не двигаясь, пока лошадь не скрылась из виду. Потом решительным шагом он направился к дому и быстро прошел через веранду в свою комнату. Вскоре он вышел оттуда в каком-то старом плаще, прошел в конюшню и вывел оттуда за уздечку своего коня, уже оседланного.

Он провел коня по мощенному камнем двору совершенно бесшумно, как будто бы крал его. Затем вскочил в седло и быстро отъехал от гасиенды.

Милю или две он ехал следом за Генри Пойндекстером, но, повидимому, не с тем, чтобы догнать юношу, так как Генри уже успел уехать далеко. Кольхаун не торопился.

На полпути к форту Кольхаун остановил лошадь и, окинув внимательным взглядом близлежащую рощу, круто свернул на боковую тропу и поехал по направлению к реке.

«Возможность еще осталась, и неплохая, но только дороже той, которую я упустил. Это мне будет стоить тысячу долларов. Но что же? Мне надо наконец отделаться от этого негодяя-ирландца. Рано утром, по его словам, если это только не ложь, он будет на пути к своей хижине. Когда это, интересно знать? Для обитателя прерий, кажется, встать на рассвете — это уже поздно. Ничего. У нас еще хватит времени, Койот успеет опередить Мориса. Его хибарка, наверное, недалеко отсюда. Мексиканцы должны знать это место или, во всяком случае, дорогу, которая ведет туда. А этого уже достаточно. Пусть же в хижине ждут хозяина. Только вряд ли дождутся. Ведь по дороге могут повстречаться индейцы».

Размышляя таким образом, капитан подъехал к хижине мустангера-мексиканца.

Дверь была открыта настежь. Изнутри доносился храп спящего человека.

Периодически этот храп прерывался то короткими интервалами тишины, то звуками, подобными хрюканью свиньи, то нечленораздельными восклицаниями: «Сагашва! Тысяча чертей! Иисус! Святая Мария!»

Кольхаун остановился на пороге и прислушался.

— Эта скотина вдребезги пьян, — сказал он громко.

— Алло, сеньор! — воскликнул хозяин хакале, приведенный в полусознательное состояние звуком человеческого голоса. — Кому такая честь? Нет, не то! Я счастлив видеть вас — я, Мигуэль Диаз, Эль-Койот, как меня называют. Ха-ха-ха! Койот! Ба, а как вас зовут? Ваше имя, сеньор? Тысяча чертей! Кто вы такой?

Приподнявшись на тростниковой кровати, Эль-Койот некоторое время оставался в сидячем положении, блуждающим взглядом всматриваясь в нежданного гостя, прервавшего его пьяные сновидения.

Потом, издавая нечленораздельные звуки, Койот снова растянулся на кровати.

Дикое рычание, сменившееся раскатистым храпом, дало понять, что хозяин не сознает больше присутствия своего гостя.

— Вот и еще одна возможность потеряна, — злобно прошипел Кольхаун, поворачиваясь, чтобы выйти. — Проклятье! Всю ночь мне не везет! Пройдет по крайней мере три часа, пока эта свинья протрезвится. Целых три часа! Тогда будет слишком поздно, слишком поздно...

С этими словами Кольхаун взял своего коня за уздечку, как будто в нерешимости, куда же ему направиться.

— Нет никакого смысла здесь оставаться. Уже будет светать, когда он придет в себя. С таким же успехом я могу вернуться домой и ждать там или же... или же...

Своего решения он не высказал вслух. Но, каково бы оно ни было, его колебания кончились.

Отвязав своего коня, Кольхаун вскочил в седло и поехал в направлении, противоположном той дороге, которая его привела к хакале Эль-Койота.

ГЛАВА XXXVI

Трое на одном пути

Никто не станет отрицать, что путешествие по мягкой траве прерии является одним из лучших удовольствий на свете.

Вы можете ехать часы, недели, месяцы, а может быть и целый год, не повстречавшись ни с одним человеком.

Но только тот, кто сам путешествовал по огромной равнине Техаса, может действительно оценить всю необъятность его прерий. Даже океан не создает впечатления такого бесконечного пространства. Двигаясь по океану, вы не замечаете признаков того, что подвигаетесь вперед. Обширная лазорево-синяя поверхность с опрокинутым над ней куполом, тоже лазоревым, но только на несколько тонов светлее, все время остается вокруг вас и над вами, и вы не видите перемен. Вам начинает казаться, что вы просто стоите в центре огромного свода, и у вас нет возможности воспринять целиком всю грандиозность необъятного водного простора.

Иное дело — прерия. Островки леса, холмы, деревья, горные хребты, скалы, точно вехи, сменяют друг друга и говорят вам о том, что вы преодолеваете необъятное пространство.

Путешественники по прерии, и особенно по прерии юго-западного Техаса, редко рискуют наслаждаться ее дикой

прелестью в одиночестве. Здесь ездят обычно вдвоем, но чаще группами в десять или двадцать человек. Иначе ездить опасно.

Только в редких случаях вы можете встретить здесь путешественника-одиночку.

Так, например, в ту самую ночь, когда разыгралась драма около Каса-дель-Корво, три одиноких всадника двигались по равнине, простирающейся к юго-западу от берегов Леоны.

В то самое время, когда Кольхаун отъезжал от хакале мексиканца-мустангера, самый ранний из этих ночных путешественников уже ехал по окраине сеттльмента. Свой путь он держал в направлении реки Нуэсес или одного из ее притоков.

Пожалуй, лишним будет добавлять, что он был верхом, так как по Техасу никто не ходит пешком, за исключением тех, кто остается в пределах города или плантаций.

Всадник сидел на прекрасном коне. Сильные и эластичные движения животного говорили о том, что оно без напряжения может выдержать очень длительное путешествие.

Всадник был одет так, как обычно одет любой из техасских всадников, собирающийся проехать один-другой десяток миль. Серапэ, небрежно наброшенное на плечи, вероятно, предназначалось для защиты от ночной сырости.

Но так как воздух в эту ночь был совсем сухой, то возможно, что он действительно собрался в далекий путь.

Несмотря на это, он, повидимому, совсем не спешил.

Занятый своими мыслями, он как будто не обращал внимания на окружающий его внешний мир. Конь был предоставлен самому себе. Умное животное шло уверенным шагом по знакомой тропе. Так ехал невозмутимый путешественник, пока не скрылся в густых зарослях прерии.

Но вот, почти в тот самый момент, когда скрылся первый всадник, на окраине сеттльмента появился второй, ехавший по той же дороге.

Судя по его одежде, он, вероятно, тоже отправлялся в дальний путь.

На нем был темный широкий плащ, плотно облегающий спереди и свободными складками ниспадающий сзади.

В отличие от первого этот всадник явно куда-то торопился и все время подгонял своего коня.

Казалось, он хотел кого-то догнать. Возможно, что он догонял всадника, который проехал впереди. Время от времени он наклонялся вперед и внимательно смотрел вдаль.

Через некоторое время второй всадник тоже исчез, и как раз в том же месте, где скрылся из виду его предшественник. Так показалось бы тому, кто наблюдал бы за ними из пределов форта или сеттльмента.

И по какой-то странной преемственности — если таковая только была — как раз в тот момент, когда скрылся второй всадник, на окраине сеттльмента показался третий.

Он взял то же направление, что и два первых всадника.

Как и они, он был одет так, словно собрался в далекий путь. На нем был красный плащ, совершенно скрывавший его фигуру.

Как и первый из всадников, он совсем не спешил, но, несмотря на это, явно обнаруживал большое беспокойство.

Через полчаса он тоже скрылся вдали, не догнав никого и не будучи сам настигнут.

Разделенные почти одинаковым расстоянием друг от друга, все три всадника двигались по прерии, не видя друг друга. И никто не мог бы сразу охватить взглядом всех троих, разве только сова, наблюдавшая с верхушки высокого дерева, или же козодой, охотящийся в небесах за ночными мотыльками.

***

Час спустя на расстоянии десяти миль от форта Индж взаимное положение трех путешественников значительно изменилось.

Первый всадник только что подъехал к длинной просеке, врезавшейся наподобие аллеи в гущу лесных зарослей. Заросли эти простирались направо и налево, насколько только хватало зрения. Просеку можно было бы сравнить с широким проливом. Ее зеленая поверхность обрамлялась более темной зеленью деревьев, точно поверхность воды, граничащая с берегом. Она была освещена луной только наполовину. Дальше же просека круто сворачивала в темную тень, падающую от деревьев.

Прежде чем въехать в эту просеку, первый из трех всадников сдержал своего коня и секунду или две всматривался. Его внимание всецело было обращено вперед; назад он не оборачивался.

Но он недолго оставался в таком положении. Повидимому, впереди не было ничего, что могло бы помешать ему продолжать путь в этом направлении. Он пришпорил коня и поехал вперед.

Как раз в этот момент его заметил всадник в плаще, ехавший за ним по той же дороге; теперь он был от него на расстоянии полумили.

Увидев всадника впереди себя, человек в темном плаще слегка вскрикнул. Еще сильнее пришпорив коня, он тоже въехал в просеку. Но первый всадник уже исчез среди темных теней на повороте просеки.

Без колебаний второй всадник последовал за ним.

Третий всадник подъехал к этому же месту, но только через более продолжительный промежуток времени, чем второй. Он не въехал в просеку, как два других всадника, а повернул в сторону, к опушке зарослей, и скрылся в них. Здесь он привязал свою лошадь и через заросли вышел на просеку.

Попрежнему он продолжал оглядываться назад, как

будто бы то, что делалось сзади, интересовало его гораздо более того, что было впереди. Он подошел к затененному месту просеки и скрылся в темноте, как и два других всадника.

Неугомонный хор ночных голосов, дважды прерванный звуком лошадиных копыт и один раз шумом человеческих шагов, продолжал звучать в ночном воздухе тропических зарослей.

. . . . . .

И вдруг раздался выстрел.

Вой степного волка, мяуканье тигровой кошки, даже рычанье ягуара — все замолкло при этом звуке.

Но не последовало ни стонов раненого человека, ни рева подстреленного животного, и ягуар снова начал пугать обитателей леса своим хриплым рычанием. А его друзья и враги — птицы, звери, насекомые, пресмыкающиеся, — не обращая внимания на рычанье хищника, снова затянули свой оглушительный концерт.

ГЛАВА XXXVII

Человек пропал

Колокол Каса-дель-Корво звал к завтраку.

Невольники, работавшие вблизи гасиенды, расположились на траве и не без удовольствия принялись за еду.

Семья плантатора, собравшись в столовой, уже готова была сесть за стол, но оказалось, что не все еще в сборе — одного члена семьи нехватало: не было Генри.

Сначала этому не придали никакого значения, и все ждали, что он вот-вот появится в столовой. Но несколько минут прошло, а Генри все не появлялся. Плантатор выразил свое удивление по этому поводу, не зная, чем объяснить отсутствие сына.

На юго-западе Америки принято, чтобы к утреннему завтраку вся семья собиралась одновременно к определенному часу. Поэтому удивление плантатора было вполне естественно.

— Где же это мальчик пропадает? — спросил отец уже в четвертый раз.

Ни Кольхаун, ни Луиза ничего не ответили.

С тех пор как Кольхаун вошел в комнату, он сохранял полное молчание. Его глаза в это утро не подымались на Луизу.

Он сильно нервничал, сидя за столом, и один или два раза при входе слуги даже вздрогнул. Не оставалось сомнений, что капитан был чем-то сильно взволнован.

— Очень странно, что Генри нет за столом, — чуть ли не в десятый раз повторил плантатор. — Неужели он все еще спит? Нет, нет, Генри никогда так поздно не встает. Но если он даже куда-нибудь ушел, то должен же он слышать рожок, если не слыхал колокола. Может быть, он в своей комнате? Плуто!

— Я здесь, мистер Вудли!

На Плуто вместе с обязанностями кучера были возложены также обязанности прислуживающего за столом лакея.

— Пойди в спальню Генри и, если он там, скажи ему, что мы уже кончаем завтракать.

— Его там нет, мистер Вудли.

— Ты разве был у него в комнате?

— Да... То есть, я хотел сказать — нет. Я не был у него в комнате, но я был в конюшне — хотел накормить его лошадь. Лошади его я там не нашел, и седла нет, и уздечки нет, и массы Генри нет. Он выехал, наверное, уже давно.

— Ты в этом уверен? — спросил плантатор, серьезно взволнованный этим сообщением.

— Конечно, уверен, мистер Вудли. Там, в конюшне, стоит только одна лошадь массы Кольхауна. Крапчатая бегает в загоне. А лошади массы Генри нет.

— Это еще не означает, что мистера Генри нет в его комнате. Иди сейчас же и посмотри.

— Я иду туда сию же минуту, мистер, но вы увидите, что Плуто говорит правду. Молодого господина там нет. Я знаю, что мастер Генри там, где его лошадь.

— Ничего не могу понять, — сказал плантатор, когда Плуто вышел из комнаты. — Генри уехал из дому, да еще ночью. Куда же он поехал? Я не могу себе представить, чтобы он мог к кому-нибудь поехать в такое позднее время. Надеюсь, не в таверну.

— О нет, он, конечно, туда не поедет, — вмешался Кольхаун, как будто бы не меньше озадаченный, чем сам плантатор. Капитан ни слова не сказал о сцене, разыгравшейся в саду.

«Надо надеяться, что Кольхаун ничего об этом не знает, — подумала Луиза. — Если так, то это должно остаться тайной между мной и братом. Мне кажется, мы сговоримся с Гарри. Но почему же его нет до сих пор? Я просидела всю ночь, ожидая его. Он, наверное, догнал Мориса, и они помирились. Я надеюсь, что это так».

В этот момент в дверях показался Плуто. Вид у него был настолько мрачный, что его можно было бы и не спрашивать.

— Ну что же, — закричал плантатор, не дожидаясь доклада слуги, — там он?

— Нет, мистер Вудли, — ответил негр тоном, который обнаруживал большое волнение. — Его там нет, массы Генри нет. Но, но... — Плуто колебался. — Плуто должен сказать что-то. Его лошадь там.

— Его лошадь там? Надеюсь, не в его комнате?

— Нет, сэр. Но она и не в конюшне. Она около ворот.

— Его лошадь у ворот? Но почему же ты этим опечален?

— Потому что, мистер Вудли, потому что... лошадь эта массы Генри... потому что животное...

— Ну, говори же, черномазый, как следует! Что «потому что»? Надеюсь, что у лошади голова цела? Или у нее, может быть, хвоста нехватает?

Весть о совершенном преступлении скоро облетела всю округу. Всадники разнесли ее вверх и вниз по реке, к самым отдаленным плантациям сеттльмента.

Индейцы уже вышли на разбой — Генри Пойндекстер был первой жертвой их кровожадного разгула. Генри Пойндекстер, этот тихий и кроткий юноша! У него не было ни одного врага во всем Техасе. Кто же еще, кроме команчей, мог пролить эту невинную кровь?

В толпе всадников, собравшихся на площади форта Индж, никто не сомневался, что это преступление совершили команчи. Вопрос был только в том — как, где и когда?

Кровавые пятна виднелись по преимуществу на правом боку лошади. Они были чем-то размазаны — скорее всего телом всадника, когда он падал безжизненным на землю. Его либо застрелили, либо закололи копьем.

Некоторые из присутствующих довольно уверенно определяли даже время, когда совершено было преступление. По их догадкам, кровь была пролита не больше десяти часов назад. Был уже полдень; значит, убийство было совершено в два часа ночи.

Третий вопрос был, повидимому, самый сложный.

Где было совершено преступление? Где искать труп? И где искать преступников?

Вот вопросы, которые обсуждались на совещании военных и штатских обитателей сеттльмента, спешно созванном в форту Индж под председательством командира форта. Убитый горем отец стоял безмолвно в стороне.

Где же искать преступников и место преступления?

Кочевья команчей находились на западе. Но это было слишком неопределенно, так как площадь этих кочевий измерялась сотнями миль.

Ехать наугад было бы просто неразумно.

Кроме того, индейцы находились теперь на военной тропе, а в таком случае возможно, что они появятся и с востока. Еще более вероятно, что они пустятся на какую-нибудь стратегическую хитрость.

Предложение разделиться на небольшие отдельные группы и выехать по разным направлениям не встретило одобрения, и майор его отклонил.

Индейцев могла быть целая тысяча, а против них можно было выслать лишь десятую часть этого количества. Налицо было пятьдесят драгун, и такое же количество всадников можно было набрать среди мирных жителей сеттльмента.

Необходимо было держаться всем вместе, чтобы не оказаться в слишком ничтожном меньшинстве.

Довод казался основательным. Даже Пойндекстер и его племянник присоединились к этому мнению, авторитетно поддержанному самим майором.

Итак, было решено, что на розыски поедет одна сплоченная группа.

Но в каком же направлении ехать?

Рассудительный капитан пехоты предложил расспросить об этом тех, кто последними видались с Генри Пойндекстером.

Кто же последним виделся с Генри Пойндекстером? Без сомнения, его отец и двоюродный брат.

Плантатор в последний раз видел сына за ужином и предполагал, что он после этого пошел спать.

Ответ Кольхауна не был столь точен. Он беседовал со своим кузеном после ужина, и потом юноша, повидимому, пошел спать.

Почему Кольхаун скрыл то, что действительно произошло? Почему он умолчал о свидании в саду, которому был свидетелем?

Как бы то ни было, но правда была скрыта.

Но тут совершенно неожиданно дело получило новое освещение. Хозяин гостиницы, Обердофер, не дожидаясь приглашения, сам пришел на это экстренное совещание. Пробравшись через толпу, он объявил, что хочет дать некоторые показания. У него есть сведения, которые, вероятно, помогут ответить на вопрос, когда в последний раз ви-

дели Генри Пойндекстера и в каком направлении он выехал.

На ломаном английском языке немец рассказал следующее.

Морис-мустангер, остававшийся в его гостинице с момента дуэли с капитаном Кольхауном, в эту ночь куда-то уехал. То же самое он делал и в течение нескольких предыдущих ночей. Вернулся он обратно очень поздно. Гостиница была открыта, так как там кутила молодежь. Мустангер попросил подать ему счет, чего он давно уже не делал, и, к удивлению хозяина, уплатил по счету все до последнего пенни.

Где он достал эти деньги, никому не известно, и почему он так поспешно уехал, тоже неясно. Обердофер знал только, что Морис Джеральд, покидая его гостиницу, захватил с собой все свое снаряжение, которое он обычно брал только тогда, когда отправлялся на охоту за дикими мустангами.

Двадцать минут спустя после того, как уехал мустангер, в двери постучался Генри Пойндекстер. Он хотел видеть Мориса Джеральда. Когда ему сказали, что тот уехал, он спросил, когда и в каком направлении отправился мустангер. Получив соответствующие сведения, молодой Пойндекстер быстро поскакал в указанном ему направлении, как бы намереваясь догнать Мориса Джеральда.

Хотя в полученном сообщении и были некоторые неясности, все же эти сведения были взяты за основу для розысков. Если исчезнувший человек уехал вместе с Морисом-мустангером или же вслед за ним, то, значит, его надо искать на той же дороге, по которой должен был бы ехать мустангер.

— Где дом Мориса-мустангера? — спросили немца.

Никто точно этого не знал. Некоторые предполагали, что это должно быть где-нибудь в верховьях реки Нуэсес, на притоке Аламо.

Итак, чтобы найти следы пропавшего Генри или его

труп, решено было двинуться в сторону Аламо: быть может, там найдут и труп самого Мориса-мустангера. И тогда надо будет отомстить за зверское убийство двух людей.

ГЛАВА XXXIX
Лужа крови

Группа, отправившаяся на поиски, подвигалась с чрезвычайной осторожностью. К этому были серьезные основания: индейцы были на военной тропе.

Вперед были высланы разведчики и профессионалы-следопыты, на обязанности которых лежало находить следы и разгадывать их значение.

В окрестностях Леоны не было найдено никаких следов.

На расстоянии десяти миль от форта равнину пересекали лесные заросли, которые тянулись далеко, уходя на северо-запад и на юго-восток. Это техасские джунгли, обвитые лианами и почти непроходимые для человека и лошади.

Через эти заросли, как раз против форта, шла прямая просека, по которой была проложена тропа. Это наиболее короткий путь к верховьям Нуэсес. Окаймленная правильными рядами частых деревьев, просека производила впечатление настоящей аллеи. Была ли это случайная «игра природы», или же аллея была искусственно насажена рукой человека? Быть может, это была старая военная тропа команчей, проложенная во время их воинственных походов на Тамолипу, Коагуилу и Новую Леону.

Следопыты знали, что аллея эта вела к Аламо, и поэтому вся экспедиция решила двинуться именно по этой просеке.

Вскоре один из следопытов остановился у опушки зарослей, как будто собираясь что-то сказать.

— В чем дело? — спросил майор, подъехав к нему. — Следы?

— О да, майор, и много следов. Посмотрите сюда! Вы видите?

— Следы лошади!

— Двух лошадей, майор, — сказал следопыт, снисходительно поправляя майора.

— Правильно.

— Дальше идут как будто бы четыре следа, но они все оставлены этими же двумя лошадьми. Они идут сперва вверх по этой просеке и затем возвращаются назад.

— Хорошо, друг мой Спэнглер. Что же ты по этому поводу думаешь?

— Многое еще остается загадочным, — ответил Спэнглер, который служил в военном лагере разведчиком, — но все же мне ясно, что совершено убийство.

— Какие у тебя доказательства? Разве ты нашел труп?

— Нет. Трупа я еще не нашел.

— Что же тогда?

— Кровь. Большая лужа крови, точно ее выпустили из жил буйвола. Идите и посмотрите сами. Но, — добавил он, — если вы хотите, чтобы я как следует разобрался в следах, распорядитесь, чтобы все другие оставались на местах.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — ответил майор.

Затем, обращаясь к членам экспедиции, майор сказал:

— Я прошу всех остаться на несколько минут на своих местах. Мой следопыт должен сейчас произвести одно расследование, которое требует, чтобы весь участок был в его распоряжении.

Требование майора было беспрекословно выполнено даже теми, кто не находился в непосредственном подчинении ему.

Проехав шагов пятьдесят, Спэнглер остановился.

— Видите это? — сказал он, указывая на землю.

— Я был бы слепым, если бы не видел, — ответил майор. — Лужа крови, как ты сказал, настолько велика, что можно подумать — будто зарезали буйвола. Если же эта

кровь вытекла из человека, то я утверждаю, что его уже нет в живых.

— Умер, — сказал следопыт. — Умер прежде, чем эта кровь потемнела.

— Как ты думаешь, Спэнглер, чья это кровь?

— Это кровь того самого человека, которого мы сейчас разыскиваем: сына старика-плантатора. Я поэтому и не хотел, чтобы он шел сюда.

— Мне кажется, что от него не надо скрывать правду. Все равно он узнает ее со временем.

— Это правильно, майор. Но мне кажется, что нам сначала надо выяснить обстоятельства, при которых это убийство было совершено. В этом я никак не могу разобраться.

— Как не можешь разобраться? Дело ясное. Он убит индейцами. Его убили команчи.

— Ничего подобного, — ответил следопыт уверенно.

— Почему ты это говоришь, Спэнглер?

— Если бы здесь были индейцы, то мы нашли бы следы не двух, а сорока лошадей.

— Это, конечно, верно. Сомнительно, чтобы команчи рискнули нападать в одиночку.

— Ни один из команчей и вообще никто из индейцев не совершал этого убийства. На просеке видны следы только двух лошадей. Как вы видите, это следы подкованных копыт. Команчи не ездят на подкованных лошадях. На обеих лошадях были бледнолицые всадники, а не краснокожие. Один ряд следов сделан мустангом, другой — американской лошадью. На пути к западу мустанг шел впереди. На обратном пути американская лошадь впереди, а мустанг — за ней. На каком расстоянии один всадник следовал за другим, трудно установить. Наверное, это станет понятнее, если мы отправимся к тому месту, где оба они повернули назад. Это должно быть недалеко.

— Хорошо, идем туда, — сказал майор. — Я сейчас распоряжусь, чтобы все оставались на своих местах.

Отдав распоряжение, майор последовал за следопытом.

— Майор, посмотрите сюда! Вы видите?

Следы тянулись еще на протяжении почти пятисот шагов. Предположения следопыта, что в направлении к западу впереди шел мустанг, а на обратном пути он следовал за американской лошадью, подтвердились.

Следопыт остановился.

Дальше этого места следы не шли; здесь обе лошади повернули и пошли обратно.

Следопыт сошел с лошади и стал внимательно изучать этот участок земли.

— Они здесь были вместе, — сказал он через несколько минут, продолжая разглядывать землю. — И довольно долго. Но оба оставались в седлах. Они дружески беседовали — это тоже видно. Все это еще больше запутывает дело.

— Если ты говоришь правду, Спэнглер, то ты настоящий колдун. Скажи, пожалуйста, как ты узнал все это?

— По следам, майор, по следам. Это довольно просто. Я вижу, что следы местами находят друг на друга. Повидимому, всадники были близко друг к другу, но лошадям не стоялось, и они топтались на месте. Всадники оставались здесь довольно долго — успели выкурить по целой сигаре. Вот здесь и окурки: вы видите, сигары выкурены до конца.

Следопыт наклонился, поднял окурок сигары и передал ее майору.

— По этому-то признаку, — продолжал следопыт, — я и заключил, что оба всадника, кто бы они ни были, не могли быть враждебно настроены друг к другу. Люди обычно курят вместе не для того, чтобы через минуту перерезать друг другу глотку. Ссора могла произойти только после того, как они кончили курить. То, что она была, — в этом для меня нет сомнения. Я совершенно убежден, что один из них прикончил другого. Кто из них это сделал, пожалуй, довольно ясно. Бедный старик Пойндекстер, он никогда больше не увидит своего сына в живых!

— Все это очень загадочно, — заметил майор.

— Да, чорт возьми!

— Но труп, где же он может быть?

— Вот это и путает меня больше всего. Если бы это были индейцы, то меня бы нисколько не удивило, что труп пропал. Они могли унести его с собой. Но здесь нет никаких признаков индейцев. Поверьте мне, майор, что один из этих двух всадников укокошил другого. Но что он сделал с трупом — это для меня загадка.

— Чрезвычайно странно! — воскликнул майор. — Чрезвычайно загадочно!

— Возможно, что мы еще сможем разгадать эту тайну, — продолжал Спэнглер. — Для этого надо найти следы лошадей после того, как они отправились с места преступления. Может быть, и удастся что-нибудь узнать. Здесь же нам больше нечего делать. Как вы думаете, нужно об этом сообщить ему?

— Мистеру Пойндекстеру, ты хочешь сказать?

— Да.

— Ты убежден, что убит именно его сын?

— О нет! Я в этом далеко не убежден. Я только убежден в том, что старик Пойндекстер приехал сюда на одной из двух лошадей, которые были свидетелями преступления. Я сравнивал следы. Если только молодой Пойндекстер сидел именно на этой лошади, то я боюсь, что мало надежды увидеть его живым. Мне не нравится, что спутник ехал позади него.

— Спэнглер, есть ли у тебя какие-нибудь подозрения, кто был убийцей?

— Понятия не имею. Если бы не рассказ старика Обердофера, я никогда бы не подумал о Морисе-мустангере. Правда, это след подкованного мустанга, но я не могу ручаться, что это именно его мустанг. Конечно, этого не может быть. Молодой ирландец не из тех вздорных людей, которые могут убить из-за пустяка. Но мне кажется, что он из тех, кто мог это сделать с холодным расчетом.

— Я думаю, ты прав.

— Так вот, если молодой Пойндекстер был убит, и убит Морисом Джеральдом, то между ними, наверное, произошла честная борьба, и сын плантатора оказался побежденным. Вот как я это понимаю. Что же касается исчезновения трупа и количества пролитой крови, то это мне совершенно непонятно. Необходимо пойти дальше по следам. Может быть, можно будет притти к какому-нибудь разумному заключению. Следует ли сказать старику о том, что я думаю?

— Нет, пожалуй, не стоит этого делать. Он уже достаточно много знает. Может быть, ему легче будет постепенно притти к этой ужасной правде. Не говори ему ничего о том, что мы видели. Ты займись изучением следов, а я постараюсь отвести всех от этого места.

— Хорошо, майор, — сказал следопыт. — Мне кажется, я догадываюсь, откуда должен начинаться обратный след. Дайте мне десять минут на это дело, а потом подойдите ко мне по моему сигналу.

Сказав это, Спэнглер поехал обратно к тому месту, где была кровь. Там он опять внимательно всматривался в следы, а потом повернул в боковую просеку.

В условленное время раздался его резкий свист. По звуку можно было судить, что следопыт отошел почти на целую милю в сторону.

Майор отдал распоряжение двигаться. Он ехал впереди со стариком Пойндекстером и еще с несколькими людьми из местной знати. Но предводитель отряда никого не посвятил в жуткие и загадочные открытия следопыта.

ГЛАВА XL

Меченая пуля

Экспедиция отправилась не по просеке, а через лесные заросли. Этот путь был выбран майором с тем, чтобы избавить старика от мучений при виде кровавой лужи.

Отряд пробирался сейчас по такой узкой тропе, что два всадника едва могли ехать рядом; местами тропа расширялась, затем опять суживалась.

Однообразие этой поездки было скрашено небольшим происшествием.

На одну из полянок, расположенную на пути отряда, из чащи зарослей выскочил ягуар — животное, редкое по своей красоте даже для тропических джунглей. Природа причудливо расписала его желтую шкуру черным ажурным узором каких-то розеток, кружков, пятен, капризно сочетающихся друг с другом. Огромная пестрая кошка, гибкая, сильная, эластичным прыжком выскочившая на лужайку, не могла не остановить на себе внимания всадников, несмотря на всю серьезность задачи экспедиции.

Соблазн для охотников оказался слишком велик, и двое спустили курки.

Это были Кассий Кольхаун и один молодой плантатор, ехавший рядом с ним.

Одна пуля попала в цель и уложила на месте красавца джунглей.

Кому из двух принадлежала честь удачного выстрела? Оба, и Кольхаун и молодой плантатор, приписывали ее себе.

— Я вам докажу, — уверенно заявил капитан, слезая с лошади. Он достал свой нож и, обратившись к присутствующим, сказал: — Если эта пуля моя, то на ней будут мои инициалы — «К. К. К.». Мои пули сделаны по специальному заказу, и я всегда могу узнать убитую мной дичь.

Торжествующий вид, с которым Кольхаун держал извлеченную пулю, свидетельствовал о том, что он сказал правду. Самые любопытные подошли посмотреть: пуля действительно была помечена инициалами капитана.

Вскоре после этого путешественники подъехали к месту, где ждал следопыт, и направились по новым следам.

Это уже не был след двух подкованных лошадей. Сле-

допыт разглядел лишь след одной лошади, и притом настолько мало заметный, что местами никто, кроме него самого, не мог его рассмотреть.

След этот шел через заросли, время от времени выводил на полянки и наконец, описав круг, привел на открытое место, несколько дальше к западу.

Спэнглер продолжал быстро ехать по этому следу. Отряд двигался за ним. Спэнглер знал, что это был след того самого мустанга, отпечатки копыт которого он видел под тополем, там, где валялись два окурка дружески выкуренных сигар, где следы тонули в луже крови.

В тот короткий промежуток времени, когда следопыт оставался один, он изучил также и след американской лошади. Он понял, что этот след приведет обратно в прерию, по которой они ехали сюда, и затем, вероятно, к сеттльменту на Леоне.

Но не в нем была разгадка кровавой драмы; след мустанга, казалось, обещал гораздо больше; очень вероятно, что он мог привести к разгадке этой кровавой тайны, быть может — даже к разбойничьему логову убийцы.

Но этот след озадачил его не меньше, чем переплетающиеся следы под тополем.

Он не шел прямо, как это обычно бывает, если животное движется вперед, направляемое к какой-то определенной цели.

След то извивался зигзагами, то описывал небольшой круг, то шел прямо, потом опять кружил. Создавалось впечатление, что мустанг либо не имел всадника, либо всадник заснул, сидя в седле.

Мог ли это быть след лошади, на которой скакал преступник, скрывавшийся после только что совершенного убийства?

Спэнглер этого не думал. И вообще он уже не знал, что думать. Он был озадачен больше, чем когда-либо. И в этом он признался майору.

Экспедиция двигалась дальше. У всех ее участников

Резким движением все одновременно осадили лошадей.

было тяжелое чувство гнетущей неопределенности. Но неожиданно это чувство сменил глубокий ужас.

Что бы вы подумали, если бы вдруг перед вашими глазами появился человек, невозмутимо сидящий верхом на лошади, похожий, на первый взгляд, на всякого другого всадника, едущего по прерии? И представьте себе, что, всмотревшись в него повнимательней, вы бы вдруг обнаружили, что у всадника... нехватает головы! Было бы, конечно, странным, если бы такое открытие не привело вас в ужас.

Вот это-то зрелище и предстало взорам участников экспедиции. Резким движением все они одновременно осадили своих лошадей, как будто перед зияющей пропастью.

Солнце было уже низко над горизонтом, почти на уровне травы, и светило им прямо в глаза, ослепляя и лишая возможности как следует видеть. Всё же все ясно разглядели, что странная фигура, представшая перед их глазами, — всадник без головы.

Если бы это видел только один из присутствовавших, его наверное осмеяли бы и назвали сумасшедшим. Но то, что одновременно увидели несколько десятков человек, не могло подлежать сомнению.

Всадник без головы направился в просеку, на противоположном конце которой остановились наши всадники. Если бы он продолжал свой путь, то наехал бы прямо на них, но это, конечно, в том случае, если бы у всадников хватило мужества выдержать такую встречу.

Те, кто видел это страшное явление, были людьми, которые не верили ни в привидения, ни в сверхъестественное. Многие из них побывали в самых отдаленных уголках земного шара, им приходилось встречаться и бороться с самыми неожиданными капризами природы. Не таким людям верить в привидения!

И все же при виде совершенно противоестественного зрелища даже самые здравомыслящие стали сомневаться в его реальности и мысленно повторяли: «Это привидение. Ведь этого не может быть в действительности!»

Но для философствования не было времени. Защитив глаза от ослепляющего солнца, люди с ужасом разглядывали таинственного всадника.

Ни цвета его одежды, ни масти его лошади нельзя было различить. При этом освещении цвет не воспринимался зрением. Видны были только одни очертания. Это был черный силуэт на золотом фоне неба.

— Это дьявол на лошади! — вдруг крикнул один из бывалых пограничников, которого обычно ничем нельзя было смутить. — Клянусь, это сам дьявол!

Как бы вспугнутый этим возгласом, всадник круто повернул своего коня, который, дико заржав, поскакал прочь от отряда.

Всадник без головы двинулся навстречу солнцу и продолжал так ехать, пока не скрылся из виду.

ГЛАВА XLI

Четыре всадника

В это знаменательное утро из форта Индж выехала не одна только группа всадников во главе с майором. Гораздо раньше их, почти на самом рассвете, по тому же направлению — к реке Нуэсес — проследовал небольшой отряд из четырех всадников.

Эта группа отправлялась не на поиски Генри Пойндекстера. В этот час никто еще не подозревал, что юноша погиб, даже не знали о том, что он исчез.

Эти четыре всадника были мексиканцами.

Обнаружить это было совсем нетрудно. Их манера ездить верхом, сильная мускулатура ног, яркая расцветка спускающихся с плеч серапэ, бархатные шаровары, шпоры на сапогах, наконец черные сомбреро на головах — все это

выдавало в них мексиканцев или же людей, которые подражают мексиканцам.

Но четыре всадника, бесспорно, были мексиканцами. Смуглая кожа, черная густая шевелюра, правильные очертания лица — все это было характерно для людей испанского типа.

Один из всадников был более крепкого сложения, чем его спутники. Он ехал на самой красивой лошади. Его костюм был богаче. Его оружие было тончайшей выделки. Да и по всему остальному было видно, что он — старший в этой четверке.

Ему было тридцать-сорок лет. Его можно было бы назвать даже красивым, если бы не холодный, какой-то зверский взгляд и не обрюзгшее лицо, выдававшее грубость инстинктов и жестокость.

Это был не кто иной, как Эль-Койот — Волк Прерий.

Как случилось, что Эль-Койот ехал по прерии так рано утром, повидимому совсем трезвый, во главе других товарищей? Ведь только несколько часов назад его видели пьяным?

Эту внезапную и до некоторой степени странную перемену не так уж трудно объяснить.

Уезжая, Кольхаун не закрыл дверь хакале, и она осталась открытой до утра.

На рассвете Эль-Койот проснулся от холода. Это немного протрезвило его. Вскочив с кровати, он начал, шатаясь, ходить по хижине, посылая проклятия холоду и двери, которая этот холод впустила.

Серый свет раннего утра еще слишком слабо освещал хижину. Эль-Койот шарил кругом, спотыкаясь и ругаясь, пока наконец не нашел того, что искал: большую флягу, в которой у него обычно хранилась выпивка.

— Кровь христова! — вскричал он, в злобном разочаровании встряхивая флягу. — Ни капли! А мой язык прилипает к зубам. Мое горло горит, точно через него пропустили целую жаровню горящих углей. Чорт возьми! Я не могу

больше терпеть. Что же делать? Уже светает. Придется поехать в городишко. Возможно, что сеньор Дофер уже открыл свою западню, чтобы ловить ранних пташек. Если так, то он найдет посетителя в Эль-Койоте!

Перекинув ремешок фляги через плечо и набросив на себя серапэ, Эль-Койот отправился в сеттльмент.

Через двадцать минут он уже был в таверне.

Ему посчастливилось. Обердофер был уже в баре. Он обслуживал своих ранних гостей — нескольких солдат, прокравшихся мимо караула, чтобы выпить в таверне.

— Бог мой, мистер Диаз! — сказал хозяин, приветствуя нового гостя и бесцеремонно оставляя шестерых гостей, выпивавших в кредит, ради одного, который (он это знал) заплатит ему наличными. — Вы ли это так рано на ногах? Я знаю, чего вы хотите. Вы хотите, чтобы я наполнил вашу флягу мексиканским напитком аг-аг... Как вы это называете?

— Агвардиенте![1] Вы угадали, кавальеро. Это как раз то, чего я хочу.

— Один доллар. Это стоит один доллар.

— Caramba! Я платил достаточно часто, чтобы знать цену. Вот вам монета, а вот посуда. Наполните ее, только поскорее.

— Вы торопитесь, мистер Диаз? Я не заставлю вас ждать. Вы, вероятно, спешите на охоту за дикими лошадьми. Боюсь только, что если в табунах есть хорошие лошади, то ирландец поймает их прежде вас. Он уехал из моего дома ночью. Странный гость этот мистер Морис Джеральд! Никто никогда не знает, чего от него ждать. Я ничего не могу сказать против него. Для меня он был хорошим посетителем. Он расплатился по своему большому счету, как богатый человек. Его карманы были полны долларами.

Мексиканец был живо заинтересован сообщением Обердофера.

[1] Агвардиенте — крепкое вино.

Он обнаружил это легким возгласом удивления и нетерпеливыми движениями.

Однако ему не хотелось, чтобы это заметили. Вместо того чтобы расспрашивать Обердофера и таким образом выдать себя, он ответил с небрежным видом:

— Это меня не касается, кавальеро. В прерии достаточно мустангов. Хватит на всех. Будьте здоровы, сеньор, и дайте мой агвардиенте.

Немного огорченный, что ему не дали посплетничать, немец стал быстро наполнять флягу. Не пытаясь больше продолжать разговор, он протянул ее мексиканцу, взял доллар и вернулся к своим завсегдатаям.

Диаз, несмотря на жажду, вышел из бара, не открывая бутыли, и как будто даже забыл о ней. Он был теперь возбужден чем-то, что было сильнее желания выпить.

Не теряя ни минуты, он сел на своего мустанга и заехал в три хижины на окраине сеттльмента, а после этого отправился в свое хакале. По дороге Эль-Койот заметил около хакале следы подкованной лошади.

«Caramba! Капитан-американец был здесь сегодня ночью. Чорт возьми! Я что-то смутно вспоминаю, но мне казалось, что я это вижу во сне. Я догадываюсь, зачем он сюда приезжал. Он узнал об отъезде дона Морисио. Вероятно, он еще заедет. Ха-ха! Все будет сделано и без него. Мне не потребуется его дальнейших указаний. Mil pesos![1] Что за счастье! Как только я их получу, я поеду на Рио-Гранде, и тогда посмотрим, как мне удастся поладить с Исидорой».

Эль-Койот оставался в своем хакале недолго. Он наспех проглотил несколько кусочков жареного мяса и запил их хорошим глотком агвардиенте, затем поймал отдыхавшую лошадь, оседлал ее, надел огромные шпоры, привязал к седлу маленький карабин, сунул два пистолета за пояс, вскочил в седло и быстро ускакал. Перед тем как выехать в прерию, он еще раз заехал на окраину сеттльмента, где встретился с товарищами.

Трое сподвижников Эль-Койота, казалось, были посвящены в его планы. Во всяком случае, они знали, что место действия будет на Аламо. Когда в начале пути Диаз свернул в сторону, они крикнули ему, что он едет не по той дороге.

— Я хорошо знаю Аламо, — сказал один из них, тоже мустангер. — Я там охотился много раз. Это место лежит на юго-восток отсюда. Самая близкая дорога туда идет вон через ту просеку. Вы свернули слишком на запад, дон Мигуэль.

— Неужели? — презрительно ответил Диаз. — Вы забываете, сеньор Висенте Барахо, что наши лошади подкованы. Индейцы не ездят прямо из форта Индж на Аламо. Вы понимаете меня?

— Вы правы! — ответил Барахо. — Caramba! Я об этом и не подумал.

Без дальнейших пререканий трое сообщников Эль-Койота поехали за ним. Они ехали почти в полном молчании, пока наконец не достигли леса.

Попав под прикрытие зарослей, все четверо сошли с лошадей и привязали их к деревьям.

[1] Тысяча монет!

ГЛАВА XLII

Коршуны

Стая черных коршунов, кружащих над прерией, — картина, обычная для Южного Техаса. И тот, кто путешествовал здесь, конечно видел это зрелище.

Коршуны описывают в воздухе широкие круги или же вьются спиралью. Они то спускаются, почти касаясь травы или макушек леса, то вдруг взвиваются вверх; на фоне неба отчетливо видны их черные силуэты.

Путешественник, который увидит это зрелище впервые,

невольно остановит свою лошадь, чтобы наблюдать за птицами. Даже тот, для кого стаи коршунов не новость, не может пройти мимо, не задумавшись: для чего собрались эти хищники? Они кружат неспроста. Они чуют добычу...

***

Наутро после той мрачной ночи, когда трое всадников пересекали равнину, можно было наблюдать, как стая черных коршунов спускалась над лесом в том месте, где просека делала поворот. Сотни их парили здесь на широко распростертых крыльях; мрачно вырисовывались черные тени хищников над зеленой листвой леса.

Недаром летали коршуны.

В лесу, на расстоянии четверти мили от лужи крови, известной уже читателю, лежал на земле человек — юноша с прекрасным лицом, не искаженным смертью.

Умер ли он?

Положение тела и выражение лица не оставляли в этом сомнения.

Он лежал на спине, тяжело раскинув руки и ноги на каменистой земле.

Невдалеке от него рос огромный дуб, но он не защищал лежащего своей тенью. И лучи солнца, только что начавшие проникать в рощу, скользили по бледному лицу юноши, казавшемуся еще бледнее от белой панамы, слегка прикрывавшей голову.

Умер ли он, или умирает?

Судя по поведению коршунов, можно было бы сказать, что он умер. Но на этот раз инстинкт обманул хищников.

Распростертый человек приоткрыл глаза. Лучи ли солнца, светившие ему прямо в лицо, вызвали это, а может быть отдых вернул его к жизни, но глаза открылись, и он пошевельнулся. Вскоре он немного приподнялся, опершись на локоть, и посмотрел недоумевающим взглядом вокруг себя.

Коршуны взвились высоко в воздух.

— Умер я или жив? — прошептал он. — Сон это или правда? Что это? Где я?

Солнечный свет ослеплял его. Он не мог смотреть, пока не защитил глаза рукой.

— Деревья надо мной, вокруг меня! Камни! Лес! Как я попал сюда?.. Ах, вспоминаю, — продолжал он после короткого размышления. — Я ударился головой о дерево. Вот оно. Вот тот самый сук, который выбил меня из седла. Левая нога болит... А, вспоминаю: я ударился ею о ствол... Что это? Неужели она сломана?

Говоря это, человек попытался встать. Но это ему не удалось. Больная нога отказывалась ему служить. Она сильно распухла в колене.

— Где же лошадь? Ушла, конечно. Теперь она уже, наверное, в конюшне Каса-дель-Корво. Мне о ней нечего беспокоиться... Я не мог бы сесть на нее, если бы она даже и стояла здесь, рядом... О боже, что это было за зрелище! Неудивительно, что лошадь испугалась... Что же мне делать? Моя нога, должно быть, сломана. Без посторонней помощи я не могу двинуться с места. И нет никакой надежды, что кто-нибудь придет сюда... Ух, эти мерзкие хищники! Они вытягивают свои клювы, как будто уже не сомневаются в том, что я умер!.. Долго ли я здесь лежал? Солнце поднялось не очень высоко. А я сел в седло на рассвете. Наверное, я пролежал без сознания целый час. Дело скверно. Нога, повидимому, переломлена, хирурга здесь нет. Каменистая постель посреди техасских джунглей. Заросли кругом тянутся на много миль. Нет надежды самому отсюда выбраться. А человек сюда не придет. Волки на земле и коршуны в воздухе... И как это я поехал, не подобрав поводьев?

Лицо молодого человека омрачилось. Оно становилось все мрачнее и мрачнее, по мере того как он осознавал серьезность своего положения.

Еще раз он попробовал встать на ноги. Это ему уда-

лось. Но тут же он обнаружил, что служить ему может только одна нога, на другую нельзя было ступить. Пришлось опять лечь.

Он стал громко кричать. Кричал долго, пока не убедился, что все равно его никто не услышит.

От крика ему захотелось пить.

Жажда все росла и наконец заглушила все остальные ощущения, даже сильную боль.

«Я погибну от жажды, если только останусь здесь, — думал раненый. — Мне надо сделать усилие и добраться до воды. Насколько я помню, здесь где-то недалеко должен быть ручей. Я должен добраться до него хотя бы ползком, на коленях и руках. На коленях? Но ведь одно колено у меня никуда не годится. Но что же делать? Надо попробовать. Чем дольше я останусь здесь, тем будет хуже. Солнце начинает палить. Оно уже жжет мне голову. Я могу потерять сознание, и тогда — волки, коршуны...»

Его передернуло от ужаса.

«Только бы найти дорогу! Я помню ручей очень хорошо. Он течет по направлению к меловой прерии. Это на юго-восток отсюда. Попробую взять это направление. К счастью, я могу теперь ориентироваться по солнцу. Только бы у меня хватило сил добраться!»

Раненый стал пробираться ползком через заросли, осторожно, чтоб не повредить больную ногу. Он полз медленно и часто останавливался отдохнуть. Нелегко путешествовать в таком неестественном для человека положении — на коленях и руках, особенно когда одна из четырех конечностей отказывается служить.

Юноша продвигался медленно, но и это стоило больших страданий. Только угроза смерти заставляла его продолжать свой путь.

Он прополз уже около четверти мили, и тут у него мелькнула мысль, что, может быть, ему удастся передвигаться другим способом.

«Хорошо бы попробовать встать на ноги. Только для

этого нужен костыль. О, да ведь нож со мной! А вот и подходящее деревцо — карликовый дуб».

Он вытащил из-за пояса нож, срезал деревцо и сделал из него костыль. Опершись на костыль, раненый встал на ноги и продолжал свой путь, часто останавливаясь отдохнуть.

Продвинувшись на милю вперед, он пришел к месту, где заметен был след зверей. След был едва виден, но шел по прямому направлению. Повидимому, это был путь к водопою — к какому-нибудь ручью, пруду или роднику.

Не обращая внимания на солнце, человек двинулся по этому следу. Иногда он возвращался к своему первому способу передвижения, так как итти на костыле было очень утомительно.

Но впереди его ждало разочарование. След скоро кончился — он привел на полянку, окруженную плотной стеной зарослей. Раненый понял теперь, что пошел по неверному направлению: водопой был на противоположном конце.

Ничего не оставалось делать, как повернуть обратно. Остаться на поляне — значило погибнуть.

Подгоняемый невероятной жаждой, раненый напрягал последние силы, но с каждой минутой их становилось все меньше.

Деревья, между которыми ему приходилось пробираться, почти не давали тени; это были акации, перемежающиеся с кактусами и дикой агавой. Полуденное солнце палило немилосердно.

Раненый обливался пóтом, и это еще больше усиливало жажду.

Страдания увеличивались еще оттого, что больная нога совсем отказалась служить. Она распухла до невероятных размеров. Каждый шаг причинял ему жгучую боль. У него больше не оставалось надежды.

Смерть придет не сразу. Ни полученный ушиб головы, ни повреждение колена не приведут к быстрому концу.

Ему грозила смерть от жажды, самая мучительная смерть. Эта мысль заставила его вновь напрячь силы. И, несмотря на мучительную боль, раненый продолжал свой путь.

А коршуны всё кружили над ним. Количество их не уменьшалось, а, наоборот, даже увеличивалось. Хотя намеченная жертва еще двигалась, но птицы инстинктом чуяли, что конец ее близок. Страдальцу казалось, что это реяла сама смерть.

Вокруг была полная тишина. Птицы замолкли. Палящее солнце угомонило даже кузнечиков и лягушек. Единственными звуками, нарушавшими тишину зарослей, были шорох одежды страдальца и его крик, изредка и безнадежно взывавший о помощи.

Шипы кактуса и агавы изранили ему лицо и руки, и кровь текла, смешиваясь с по́том.

В полном изнеможении раненый упал наконец ничком на землю, не веря больше в возможность спастись.

Но совершенно неожиданно в этом-то и оказалось его спасение. Лежа, припав ухом к земле, он услыхал слабый, едва различимый звук. Это был тот именно звук, которого он так напряженно ждал. Это было журчание воды.

С торжествующим возгласом человек встал, оперся на костыль и с новым приливом сил двинулся в путь. Казалось, даже больная нога стала лучше ему служить. То была борьба бодрости и любви к жизни со страхом смерти.

И любовь к жизни одержала верх. Через десять минут раненый уже лежал, растянувшись на траве, около хрустального ручья, недоумевая, как это простая жажда могла причинять ему такие страшные мучения.

ГЛАВА XLIII

В хижине мустангера

Заглянем в хижину мустангера. Его верный слуга Фелим сидит верхом на стуле посредине комнаты. Вытянувшись на шкуре, перед очагом лежит его пес.

Дверь, обитая шкурой мустанга, попрежнему висит на своих петлях. Тот же примитивный стол, та же кровать, те же стулья.

Бутыль с виски попрежнему стоит в углу на своем месте. Фелим видит ее чаще, чем какой-либо другой предмет в хижине, потому что, куда бы он ни смотрел, его глаза все время возвращаются к соблазняющему сосуду в ивовой плетенке.

— А, мое сокровище, вот ты где! — произносит он, вероятно в двадцатый раз посматривая на бутыль. — Ведь в твоем прекрасном желудке больше двух кварт. Если бы только десятая часть попала в мой желудок, как было бы это полезно для моего пищеварения! Не так ли, Тара? Как думаешь, старый мой пес?

Услышав свое имя, собака подняла голову и вопросительно посмотрела кругом, как бы спрашивая, чего от нее хотят.

— Я вовсе не спрашиваю тебя, дружище, обо всей бутыли! Я сам знаю, что так не годится. Речь идет только об одном стаканчике. Но я не смею и капли выпить после того, что мне сказал хозяин. Ну и намучился же я сегодня с этими сборами и укладыванием! У меня прямо язык прилип к гортани. Какая досада, что мистер Морис взял с меня обещание не трогать бутыли. И кому она только нужна? Он же сам сказал, что останется здесь только на одну ночь после того, как вернется из сеттльмента. Не выпить же ему двух кварт в один вечер! Разве только, если старый грешник Стумп приедет с ним. Ну, тогда только держись! Этот выпьет и больше! Одно утешение, что мы поедем в наш Баллибалах. Ох, уж и выпью я там настоящей ирландской водки! При одной только мысли об этом можно сойти с ума от удовольствия!

Некоторое время Фелим просидел в молчании, как бы мысленно перебирая те радости, которые ждут его в Баллибалахе.

Но скоро мечты его привели в тот угол, где стояла

соблазнительница-бутыль. Снова глаза ирландца с жадностью устремились в этот заветный уголок.

— Сокровище ты мое! — сказал Фелим, обращаясь к бутыли. — Уж очень ты хороша собой, должен тебе сказать. Ведь ты же не выдашь меня, если я тебя только разок поцелую? Только один поцелуй. Что же в этом плохого? Даже хозяин ничего не скажет, если только узнает, как мне пришлось повозиться с упаковкой. Сколько пыли я наглотался! А потом — ведь мы же уезжаем. А как же не выпить на дорогу? Без этого нельзя — пути не будет. Я так и скажу хозяину, и он не рассердится. Кроме того, он ведь опоздал уже на целых десять часов. Скажу ему, что я выпил лишь маленький глоточек, чтобы ничего не грезилось. Ну, будь, что будет! Я только понюхаю немного, а там уж как судьбе будет угодно. Лежи, Тара, я не уйду.

Собака поднялась, видя, что Фелим направился к двери. Тара не поняла намерений Фелима. Он вышел лишь посмотреть, не видно ли хозяина и не помешает ли он ему осуществить задуманный план.

Убедившись, что никого нет, Фелим быстро направился в угол, открыл бутыль и, поднеся ее к губам, выпил немного больше глотка.

Поставив бутыль на место, он вернулся и молча сел на стул. И снова заговорил сам с собой:

— Не могу понять, почему так долго нет хозяина. Он сказал, что вернется сюда к восьми часам утра, а теперь уже шесть часов вечера, если только техасское солнце не врет. Наверное, что-то задержало его. Как ты думаешь, Тара?

На этот раз Тара фыркнула утвердительно — ей в нос попал пепел.

— Не случилось ли чего? Что же тогда будет с нами, Тара? Ах ты, старый мой пес! Тогда нам долго не видать Баллибалаха. Разве только если продать барахлишко хозяина?..

Фелим встал и направился к двери.

— Пойдем, Тара! — закричал Фелим. — Пойдем, старая собака, посмотрим, не видно ли хозяина. Мистеру Морису будет приятно, если он увидит, что мы о нем беспокоимся.

Фелим с Тарой направились к обрывистому берегу Аламо. Пройдя сначала низом и пробираясь через густые заросли, они подошли к откосу и стали взбираться. Скоро они очутились на верхушке утеса.

Перед их глазами расстилалась равнина.

Солнце спустилось уже довольно низко, но еще хорошо освещало прерию.

На совершенно ровной поверхности кое-где торчали кактус или одинокое деревцо юкки. Больше ничто не нарушало однообразия степи и ничто не загораживало далей. Казалось, если бы по прерии пробежал койот, то и его можно было бы легко заметить.

На большом расстоянии вдали виднелась темная полоска лесных зарослей.

Фелим молча смотрел в том направлении, откуда он ждал своего хозяина.

Ему недолго пришлось ждать. На горизонте из-за деревьев показался всадник. Он направлялся к Аламо.

Всадник был еще на расстоянии больше мили, но верный слуга уже узнал в нем своего хозяина. Он узнал его по полосатому серапэ яркой расцветки: ни у кого из мексиканцев не было такого — оно было соткано индейцами племени навахо.

Фелим только удивился, почему хозяин набросил серапэ себе на плечи в такой душный вечер. Казалось, разумнее бы свернуть его и привязать к седлу.

— Тара, собака моя! Вот и наш хозяин! Но только сейчас такая жара, что впору на камнях жарить мясо, а он как будто этого не замечает. Не простудился ли он в этой конуре — в таверне Обердофера? Свинья — и та не захотела бы там жить. Наша хибарка — настоящий салон по сравнению с ней.

Фелим некоторое время молча наблюдал за всадником. Путник уже был на расстоянии полумили и продолжал приближаться.

— Мать Моисея! — закричал Фелим. — Что же это он придумал? Нет, это, наверное, просто шутка, Тара. Он хочет, чтобы мы с тобой удивились. Ему вздумалось пошутить над нами... Святой Патрик! Как это странно! Похоже, что у него нет головы. Право, нет! Что же это может значить? Святая дева! Ведь если не знать, что это хозяин, можно по-настоящему испугаться... Да хозяин ли это? Как будто бы наш хозяин выше. А голова? Сохрани нас, святой Патрик, где же она? Она ведь не может быть под серапэ? Не похоже на это. Что же все это значит, Тара?

В голосе Фелима звучал ужас.

Собака стояла немного впереди Фелима. Блестящими, широко раскрытыми глазами она уставилась на своего хозяина, который был уже на расстоянии каких-нибудь полутораста шагов.

Когда Фелим задал последний вопрос, закончивший длинную тираду, Тара в ответ только жалобно взвыла.

Вслед за этим собака сорвалась с места и бросилась навстречу всаднику. Неудержимо несясь вперед, она как-то пронзительно взвизгивала; этот визг был совсем не похож на тот бархатистый, красивый лай, каким она обычно приветствовала возвращавшегося домой мустангера.

Гнедой, в котором Фелим уже давно узнал лошадь хозяина, круто повернул и поскакал обратно в степь.

Не отводя глаз от всадника, Фелим вдруг весь задрожал и застыл от нового прилива ужаса. Он увидел при повороте лошади, — это было ужаснее всего! — он увидел голову человека, того человека, который сидел на лошади, но, вместо того чтобы быть, как ей подобает, на плечах, она была в руке всадника, у передней луки седла.

Когда лошадь повернулась к нему боком, Фелим увидел, — или, может быть, ему показалось, что он видит, — страшное лицо мертвеца, покрытое запекшейся кровью.

Больше он ничего не видел. В следующую же секунду Фелим повернулся спиной к равнине, а еще через секунду он уже мчался вниз по откосу со скоростью, на которую только были способны его подкашивавшиеся ноги.

ГЛАВА XLIV

Четверо команчей

Фелим бежал, не останавливаясь и не оглядываясь назад. Копна его рыжих волос растрепалась и развевалась по воздуху.

Прибежав в хижину, он закрыл обтянутую шкурой мустанга дверь и забаррикадировал ее несколькими гюками и свертками, которые лежали тут же на полу.

Но даже и тогда он не почувствовал себя в безопасности. Разве могла защитить дверь, хотя бы и загороженная, от того, что он только что видел?

А то, что он видел, — это, конечно, было сверхъестественным, потусторонним. На земле таких чудес еще не бывало! Разве кто-нибудь когда-нибудь видел подобное зрелище: человек верхом на лошади и держит в руке свою собственную голову?.. Кто когда-нибудь слыхал о таком противоестественном явлении? Конечно, только не Фелим О'Нил.

Обуреваемый ужасом слуга метался взад и вперед по хижине, садился на стул, вставал, подкрадывался к двери, не смея, однако, ни открыть ее, ни даже заглянуть в щелку.

Порою Фелим рвал на голове волосы, судорожно сжимал руками виски и протирал глаза, точно стараясь убедиться, что он не спал и на самом деле видел этот жуткий образ.

Постепенно, не потому, что в нем появилась какая-то уверенность в безопасности, а просто потому, что он почувствовал необходимость разобраться во всем этом, к нему

вернулся дар речи. Тут посыпались, точно из рога изобилия, бесконечные вопросы и восклицания. На этот раз он обращался только к себе самому. Тары не было дома, и она не могла принять участие в разговоре.

Он говорил совсем шопотом, точно опасаясь, что его кто-нибудь может подслушать за стеной хакале.

— Ах! Ах! — вздыхал он. — Не может быть, чтобы это был он! Святой Патрик, защити меня! Но что же это тогда было? Ведь там все было его. Его лошадь, полосатое серапэ, ягуаровые сапоги и сама голова. Вот разве только лицо не его. На лицо я тоже посмотрел, но как можно узнать человека по лицу, которое все покрыто кровью? Ах! Это не мог быть мистер Морис! Никогда! Никогда!.. Это был сон. Я, наверное, спал и видел такой сон. Или, может быть, все это наделало виски?.. Нет. Я не был пьян! Этого тоже не может быть. Ведь не прошло и получаса с тех пор, как я видел все это... Кстати, капля этого напитка сейчас мне очень полезна. А то ведь я не буду спать всю ночь и все буду думать. Ах! Ах! Что же это может быть, наконец? И где только может быть хозяин, если это не он? Святой Патрик! Охрани бедного грешника, который остался совсем один, а кругом только духи и привидения!

После этого обращения к католическому святому ирландец еще с бо́льшим благоговением обратился к другому божеству, издревле известному под именем Вакха[1]. Последний услышал его мольбы.

Уже через час после того, как Фелим преклонил колени перед алтарем этого языческого божества, представленного в образе бутыли с мононгахельским виски, он освободился от всех страданий, хотя и не был освобожден от грехов. Он лежал поперек хакале, не только не помня о жутком зрелище, которое поразило его в самое сердце, но даже не сознавая, что сам существует.

[1] Вакх — в римской мифологии бог вина и веселья.

***

Спустилась ночь. В хижине Мориса-мустангера не было слышно ни звука.

Звуки были слышны лишь за стеной. Но это привычные звуки — ночные голоса леса: журчит ручей, шепчутся листья, встревоженные ветерком, стрекочут цикады. Изредка раздаются крики какого-то зверя.

Ярко светит луна. Серебристые ее лучи, освещая землю, проникают в самую чащу леса и бросают полосы света среди черных теней деревьев.

Отдавая предпочтение тени перед светом, продвигаются всадники. Их немного — всего лишь четверо, но на них жутко взглянуть. Их обнаженные, выкрашенные ярко-красной краской тела, татуировка на щеках, огненные перья, торчащие на голове, блестящее оружие в руках — все это говорит о дикой и опасной силе. Они в военном наряде команчей.

Откуда они?

Всадники направляются к хижине, где в бессознательном состоянии лежит один из ее обитателей. Повидимому, хакале Мориса Джеральда избрано предметом их набега.

На небольшом расстоянии от хижины они соскакивают с лошадей, привязывают их к деревьям и уже пешком направляются дальше.

Они идут крадучись и совершенно неслышно передвигают ноги по опавшей листве. Стараются держаться в тени. Часто останавливаются, всматриваясь вперед и прислушиваясь. Главарь командует ими безмолвной жестикуляцией.

Внутри хижины полная тишина. Оттуда не доносится ни одного звука.

Четверо команчей подкрадываются к двери. Она заперта, но по бокам ее есть щели. К этим щелям четыре дикаря одновременно прикладывают уши и, притаившись, слушают.

Не слышно ни храпа, ни даже дыхания и вообще никакого звука.

— Возможно, — говорит по-испански их главарь, — очень возможно, что он еще не вернулся домой. Хотя, казалось бы, он уже давно должен быть на месте. Может быть, снова куда-нибудь заехал? Помнится мне, что за домом должен быть навес для лошади. Если мустангер дома, то мы найдем там его мустанга. Подождите здесь, друзья, пока я схожу и посмотрю.

Через несколько минут главарь вернулся к своим товарищам, которые все еще стояли у двери.

— Вот не везет! — воскликнул он уже довольно громким голосом. — Его здесь нет и не было за последние дни.

— Нам следовало бы войти в хижину и удостовериться в этом, — предложил один из рядовых воинов, говоря по-испански и притом с довольно недурным произношением. — Что плохого, если мы посмотрим, как ирландец устроил свое жилье в прерии?

— Конечно, в этом ничего плохого нет, — ответил третий, тоже по-испански. — Давайте-ка заглянем и в кладовую. Я так голоден, что способен есть сырое мясо.

— Чорт побери! — прибавил четвертый, и последний, на том же благозвучном языке. — Я слыхал, что у него есть и свой погребок. Если это так...

Главарь не дал ему закончить фразы. Напоминание о погребке, видно, побудило его к действию.

Он толкнул дверь ногой, но дверь не открылась.

— Caramba! Она заперта изнутри. Видно, для того, чтобы неповадно было посетителям вроде львов, тигров, медведей, буйволов и, наверное, еще и индейцев. Ха-ха-ха!

Еще один сильный удар ногой по двери. Но дверь не поддается.

— Забаррикадирована, и чем-то довольно тяжелым. Сейчас заглянем и узнаем, в чем дело.

Пущен в ход нож. В шкуре мустанга, натянутой на легкую раму, появляется большая дыра. В нее индеец просовывает руку и, шаря кругом, исследует препятствие.

Посреди хакале на полу лежит какой-то человек.

Тюки и свертки были скоро сдвинуты с места, и дверь открылась настежь.

Дикари входят. В открытые двери проникает яркий свет луны и освещает хижину.

Посреди хакале на полу лежит, растянувшись, какой-то человек.

— Сагау!

— Что это — он спит?

— Это, наверное, мертвец, иначе бы он услышал нас.

— Нет, — сказал главарь, рассматривая человека на полу, — он всего только мертвецки пьян. Это слуга мустангера. Мне уже приходилось с ним встречаться. Видно, что хозяина нет дома. Надеюсь, что эта скотина не выпила всего пойла! А вот и бутыль. Благоухает, как роза. Осталось и на нашу долю. Ну что же, можно и выпить.

В несколько секунд остатки мононгахельского виски были распределены между присутствующими. Хватило каждому приложиться по одному разу, а на долю главаря пришлось и больше.

Хозяин дома рано или поздно должен вернуться. Гости безусловно хотят с ним повидаться, иначе бы они не пришли сюда в такой поздний час.

Что четырем индейцам нужно от Мориса-мустангера? Они пришли убить его?

Однако для читателя, наверное, уже ясно, кто скрывается под маской команчей. Наши команчи — всего лишь мексиканцы, их вождь — Мигуэль Диаз, мустангер.

— Нам надо устроить засаду и выждать его, — говорит Эль-Койот. — Теперь он уже, наверное, скоро вернется. Вы, Барахо, отправляйтесь на утес и следите, когда он появится на равнине. Остальные пусть остаются со мной. Он приедет со стороны Леоны. Мы можем встретить его под большим кипарисом там, в ущелье. Это будет самое подходящее место.

— Не лучше ли нам покончить с этим? — предлагает кровожадный Барахо, указывая на Фелима.

— С мертвого взятки гладки! — присоединяется другой из товарищей.

— Что толку? Он и так никому не мешает. Оставьте этого чудака в покое. Я договорился убить только его хозяина. Ну, Барахо, двигайтесь в путь. Взбирайтесь на утес. Дон Морисио может появиться каждую минуту. Надо действовать без промаха. Может быть, нам никогда больше не представится такой случай. Выслеживайте его с вершины утеса. При таком освещении вы увидите его издалека. Как только вы его заметите, спешите сюда и известите нас. Смотрите сделайте это так, чтобы мы еще успели добежать до кипариса.

Барахо медлил подчиниться распоряжению. Ему не повезло в прошлую ночь, и он сильно проигрался в карты Эль-Койоту. Ему хотелось бы отыграться. Он хорошо знает, чем займутся его товарищи.

— Быстрей же, сеньор Висенте! — командует Диаз, видя, с какой неохотой тот покидает хижину. — Если мы проиграем в этом деле, то и вы проиграете больше, чем вам удалось бы выиграть в партию monté[1]. Идите же, мой друг, — продолжает Эль-Койот подбадривающим тоном. — Если он не появится в течение часа, кто-нибудь сменит вас. Идите же.

Барахо подчиняется.

Выйдя из хижины, он направляется к утесу. Остальные усаживаются в хижине.

На столе перед ними появляется не ужин, а колода испанских карт — неизменный спутник каждого мексиканского авантюриста.

В азарте игры незаметно летит время. Проходит час. Серебряные доллары звенят на грубом столе хижины. Тихо шелестят карты.

Но вот резкий звук внезапно прерывает игру.

То дикий возглас очнувшегося Фелима. Он только что

[1] Карточная азартная игра.

обнаружил странное общество, приютившееся вместе с ним под крышей хакале.

Игроки вскакивают из-за стола, и все трое обнажают ножи. Жизнь Фелима под угрозой.

Внезапное появление Барахо спасает ирландца.

— Он едет! Уже приближается к утесу. Скорей, друзья, скорей! — скороговоркой шепчет Барахо.

Убивать Фелима нет времени.

Через несколько секунд замаскированная компания уже у подножья утеса. Они устраивают засаду под большим кипарисом и ждут приближения жертвы.

Вскоре раздается топот копыт. Слышен стук подков. Звуки долетают неравномерно, точно лошадь скачет по неровному месту. Наверное, всадник спускается по откосу. Но его еще не видно. Откос, так же как и долина внизу, находится в тени кипариса. Луна освещает только узкую полосу земли.

— Не убивайте его, — шепчет Мигуэль Диаз повелительным тоном. — Сейчас еще рано. Пусть еще поживет немного. Так нужно. Задержите его и его лошадь. Если же он будет сопротивляться, мы с ним покончим. Помните уговор — я стреляю первым.

Возражений нет. Заговорщики обещают подчиниться указаниям старшего товарища. Ждать приходится недолго.

— Abajo las armas! A tierra![1] — раздается голос Эль-Койота, бросившегося навстречу подъезжающему всаднику.

Эль-Койот схватывает лошадь под уздцы, а трое остальных бросаются на всадника.

Последний не оказывает никакого сопротивления. Он не отбивается, не защищается оружием, ни единым словом не выражает протеста. Человек сидит на лошади — это они видят своими глазами, руками ощущают его тело, только оно кажется как будто каким-то бесчувственным. Сопротивляется один только конь. Он становится на дыбы, пятится назад и тянет за собой атакующих его разбойников.

[1] Клади оружие! Сходи! (Дословно: «На землю!»)

Они попадают в полосу, освещенную луной.

О, ужас! Что же это такое?

С дикими воплями шайка бросается назад. Мексиканцы бегут со всех ног к чаще, где привязаны их лошади, быстро вскакивают на них и мчатся изо всех сил.

Они увидели то, что поразило ужасом и более отважных людей: они увидели всадника без головы.

ГЛАВА XLV

Поиски вслепую

Перед отрядом, выехавшим на розыски во главе с майором, всадник без головы появился в более ранний час, чем перед другими очевидцами.

Солнце светило им прямо в глаза и ослепляло их. Они различали только очертания всадника и больше ничего. Никакого сходства с Морисом-мустангером всадники из сеттльмента не заметили.

Фелим смотрел на всадника, стоя спиной к заходящему солнцу. Всадник показался ему похожим на хозяина.

Четыре мексиканца, знавшие Мориса-мустангера, пришли к тому же заключению.

И Фелим и мексиканцы пережили ощущение самого дикого ужаса.

Члены экспедиции майора при виде этой загадочной фигуры были тоже сильно взволнованы и не могли придумать, как объяснить такое странное явление.

— Что же это такое? Что вы об этом думаете, господа? — спросил майор, обращаясь к своим спутникам, после того как всадник скрылся из виду. — Признаюсь, я совершенно озадачен.

— Проделка индейцев? — высказал кто-то предположение. — Приманка, чтобы завлечь нас в засаду?

— Плохая приманка, сказал бы я, — заметил другой. — Меня, во всяком случае, на такую приманку не возьмешь.

— Я полагаю, что индейцы тут ни при чем, — ответил майор. — Что ты по этому поводу думаешь, Спэнглер?

Следопыт только покачал в ответ головой.

— Может ли это быть переряженный индеец? — снова обратился к нему майор.

— Я знаю не больше вашего, майор, — ответил следопыт. — Вероятно, что-нибудь в этом роде. Одно из двух — либо человек, либо чучело.

— Конечно, это чучело, — отозвалось несколько голосов.

— Кто бы он ни был — человек, дьявол или чучело, — сказал один из членов отряда, высказавший уже раз свое здравое мнение, — я не вижу оснований, почему нам не узнать, куда идет его след. Интересно, оставил ли он за собою следы?

— Если след остался, — ответил Спэнглер, — то мы скоро это обнаружим. Наша дорога лежит по тому же направлению. Можно двигаться, майор?

— Да, конечно. Подобный пустяк не должен тормозить выполнение нашей задачи. Вперед!

Всадники опять двинулись вперед, некоторые из них не без колебания. Среди членов отряда были люди, которые быстро повернули бы обратно, будь они предоставлены самим себе. К ним принадлежал и Кольхаун. Он был потрясен больше других. Когда он увидел всадника без головы, его глаза вдруг остановились, точно стеклянные, губы побелели, а нижняя челюсть отвисла.

Его странный вид, конечно, не ускользнул бы от внимания окружающих, если бы не общее смятение. Все, точно заколдованные, смотрели в одну точку, пока странный призрак не исчез. Когда же отряд двинулся вперед, капитан держался позади всех, чтобы не чувствовать на себе взглядов окружающих.

Спэнглер был прав: то место, на котором таинственный всадник простоял некоторое время, лежало как раз на пути отряда.

Но, точно в доказательство своей нереальности, всадник не оставил после себя никаких следов.

Тем не менее это обстоятельство было совершенно естественным. В том месте, где он повернул, как раз начиналась меловая прерия. Здесь поверхность земли была густо усеяна белой галькой. Кое-где на камнях можно было обнаружить царапины, повидимому от подковы. Однако эти следы с трудом можно было различить, и их видел только острый глаз следопыта.

Но даже и этот мало заметный след совсем потерялся среди камней.

Когда солнце закатилось, Спэнглер отказался от дальнейших поисков. Оставалось только вернуться к лесу и расположиться бивуаком среди кустарников.

Решено было на рассвете возобновить поиски.

Однако этого сделать не удалось — помешали неожиданные обстоятельства.

Не успел отряд расположиться лагерем, как появился курьер с депешей для майора. Бумага была из штаба в Сан-Антонио-де-Бексар, от командующего округом.

Бумага извещала о нападениях команчей в районе Сан-Антонио, в пятидесяти милях от Леоны. Индейцы убивали мужчин, женщин и детей, поджигали жилища. Майор отдал распоряжение драгунам немедленно вернуться в форт, чтобы подготовиться к походу. Сам он спешил туда же.

Конечно, поиски могли бы продолжать оставшиеся штатские, но многие из них отправились в экспедицию, захватив с собой лишь ружье и не взяв никакой провизии. Голод давал себя знать.

Отказываться от начатого дела никто не предполагал. Решено было довести его до конца. Только нужно сменить лошадей и запастись провизией. И тогда можно опять возобновить поиски.

Небольшая группа под руководством Спэнглера взяла на себя обязательство проследить путь американской лошади. Остальные же отправились в форт вместе с драгунами.

Прежде чем распрощаться с Пойндекстером и его друзьями, майор счел своим долгом поставить их в известность относительно печальных открытий, сделанных Спэнглером. Пришлось рассказать и о кровавой луже, чтобы помочь разрешению загадки.

Майор с тяжелым сердцем высказал подозрения относительно молодого ирландца, с которым у него всегда были прекрасные отношения. И хотя он не верил в виновность Мориса-мустангера, вернее, считал это мало правдоподобным, тем не менее он не мог не признать, что против Мориса имелись серьезные улики. Что касается остальных, то для них виновность мустангера была вне сомнений. Морис Джеральд был громогласно объявлен убийцей. Дело казалось вполне ясным.

Рассказ Обердофера освещал лишь начало трагического происшествия. Лошадь Генри Пойндекстера, вся забрызганная кровью, с окровавленным седлом, свидетельствовала о трагической развязке. Промежуточные стадии этого кровавого дела были быстро восстановлены отчасти на основании слов Спэнглера, отчасти по свежеполученным сведениям.

Однако никто не задал себе вопроса: что могло толкнуть человека на такое преступление? Во всяком случае, серьезно над этим никто не задумался. Ссора с Кольхауном была взята за основу для разрешения этих сомнений. Предполагалось, что Морис перенес свое враждебное отношение к Кольхауну на всю семью Пойндекстеров.

С этими настроениями и мыслями Пойндекстер распрощался с друзьями. Решено было продолжать розыски на следующее утро. Надо было до конца изучить оба следа и, живыми или мертвыми, найти двух исчезнувших людей.

***

Группа во главе со Спэнглером расположилась лагерем на месте, указанном майором.

Их было всего около десяти человек. В более сильном

отряде теперь не чувствовалось необходимости. Опасность со стороны команчей в этом районе уже не была угрожающей. Как будто бы не предвиделось и других опасностей.

Вместо того чтобы лечь спать, вся группа собралась около костра. Расположились поужинать. Закусок и выпивки было вдоволь.

Несмотря на веселое потрескивание огня и большие запасы спиртных напитков, настроение было подавленное. Странный образ всадника без головы все еще стоял перед глазами, и жуткое чувство, вызванное им, не могло так скоро рассеяться. И никто попрежнему не знал, чем можно объяснить такое никому не понятное явление. Неясно это было для Спэнглера, так же как и для Кольхауна.

Последний, казалось, был потрясен больше всех. Он сидел, нахмурившись, в тени деревьев, поодаль от костра. С того момента, как уехали драгуны, он не проронил ни слова. Казалось, его даже не тянуло присоединиться к повеселевшей от выпивки компании. Попрежнему его глаза горели каким-то неестественным, стеклянным блеском, а печать испуга все еще оставалась на лице.

— Послушай, Кольхаун! — закричал ему один из молодых людей, уже изрядно выпивший. — Иди-ка сюда, старина, и садись с нами к костру. Мы все сочувствуем твоему горю и сделаем все, что сможем, чтобы отомстить за тебя и твоих близких. Но нельзя же хмуриться все время. Иди сюда и выпей с нами мононгахельского виски. Это будет тебе очень полезно, уверяю тебя.

Кольхаун принял дружеское приглашение и сел у костра, среди выпивавшей молодежи. Скоро от мрачности его не осталось и следа. Он стал так весел, что вызвал даже удивление у окружающих. Непонятно было, как мог вести себя так человек, у которого лишь утром, как предполагали, был убит двоюродный брат. Придя в качестве гостя, он скоро стал играть роль хозяина.

Вино лилось, и молодежь становилась все веселее. Говорили, пели, плясали, даже катались по траве. Однако это

искусственное веселье скоро сменилось неудержимым желанием спать. Путешественники расположились на траве и заснули.

Не спал только один Кольхаун. Убедившись, что все спят, он поднялся и потихоньку прокрался к своей лошади. Отвязав ее, он быстро вскочил в седло и тихонько уехал.

Во всем его поведении не чувствовалось, чтобы он был хоть сколько-нибудь пьян.

Что же руководило им? Может быть, он отправился на розыски из любви к погибшему брату? Или хотел показать свое особое рвение, отправившись один?

Судя по срывавшимся у него отдельным фразам, можно было понять, что подобные намерения у него действительно были.

— Слава богу, сейчас светит луна, до рассвета еще целых шесть часов. Хватит времени обыскать каждый уголок зарослей на протяжении двух миль в окружности. И, если только труп там, я должен найти его. Но что же это могло означать? Если бы я один это видел, я бы подумал, что сошел с ума. Но ведь все видели, все до последнего. Силы небесные! Что же это может быть?

Не успел он произнести эти слова, как крик внезапного ужаса сорвался с его губ. Он круто остановил лошадь, точно перед внезапной опасностью.

Кольхаун направлялся боковой тропой к уже известной нам просеке. Он только что собирался выехать на нее, как вдруг увидел, что какой-то всадник едет по лесу.

Всадник пробирался по просеке не медленным шагом, а быстрой рысью.

Еще задолго до того, как он успел приблизиться, Кольхаун заметил, что это опять был всадник без головы.

Он не мог ошибиться. Серебряные лучи месяца освещали плечи всадника — головы не было. Это не могло быть иллюзией, созданной лунным светом. Кольхаун видел этот же образ и при ярком солнечном блеске.

Теперь Кольхаун узнал лошадь, полосатое серапэ на

плечах всадника, сапоги из шкуры ягуара — все это принадлежало Морису-мустангеру.

У капитана было достаточно времени, чтобы все рассмотреть подробно. Скованный ужасом, он стоял на боковой тропе, не в силах двинуться с места.

Только после того как лошадь странного всадника с диким ржанием, в ответ на которое послышался вой собаки, следовавшей за ней по пятам, повернула и помчалась своей дорогой, — только тогда Кольхаун почувствовал облегчение, только тогда вернулась к нему способность речи.

— Силы небесные, — вскрикнул он с дрожью в голосе, — что все это значит? Что это — человек? Или же дьявол издевается надо мной? Или весь этот день был только жутким сном? Или я сошел с ума? Сошел с ума, сошел с ума!

Больше он ничего не сказал. Решительным движением Кольхаун повернул лошадь и быстро поскакал обратно, по-видимому отказавшись от ранее намеченной цели.

Затем, прокравшись тихонько к костру, он расположился среди спящей молодежи, но ему не удалось заснуть. Ни на минуту не сомкнул он глаз. Его трясло, как в лихорадке, и он с нетерпением ждал рассвета. Наступившее утро осветило своим слабым светом мертвенную бледность его лица и жуткий блеск глубоко ввалившихся глаз.

ГЛАВА XLVI

Тайное признание

Едва забрезжил утренний свет, вокруг гасиенды Касадель-Корво жизнь уже била ключом.

Во дворе толпились люди. Они были вооружены, хотя не были военными. У одних — громоздкие охотничьи ружья-одностволки или небольшие двустволки, у других — пистолеты, револьверы, у третьих — большие ножи или даже томагавки.

Не меньшим разнообразием отличалась и одежда этих людей: красные фланелевые рубашки красовались рядом с камзолами из пестрой ткани индейской работы; коричневые брюки из домотканой шерсти и голубые хлопчатобумажные; поярковые шляпы и кожаные шапки; высокие сапоги из дубленой кожи и обувь из оленьей шкуры.

Что означало появление этой пестрой вооруженной толпы? Это были «регуляторы» [1].

Эти люди собрались около гасиенды Каса-дель-Корво, чтобы продолжать начатые розыски исчезнувшего сына плантатора. Некоторые из них участвовали в розысках накануне, другие присоединились вновь. К последним принадлежали поселенцы более отдаленных сеттльментов и охотники, которых вчера не было дома. Предметом обсуждения было убийство Генри Пойндекстера. Мориса-мустангера считали убийцей.

Оживленные толки вызвало появление в прерии загадочного всадника без головы. Скептики считали это выдумкой и сначала не верили. Однако им скоро пришлось сдаться перед настойчивыми утверждениями большого числа очевидцев.

Все ждали Вудли Пойндекстера, который должен был стать во главе сегодняшней экспедиции. Ждали его распоряжений.

Плантатор задерживал отправление, надеясь найти проводника — человека, который бы мог указать путь на Аламо и привести отряд к хижине Мориса-мустангера. Такого человека не оказалось. Плантаторы, купцы, лавочники, юристы, охотники, торговцы лошадьми и рабами — никто не знал, где находилась хижина на Аламо.

Выяснилось, что только один человек в сеттльменте мог взять на себя эту обязанность: это был старый Зеб Стумп. Но Зеба Стумпа нельзя было отыскать. Он ушел, как обычно, куда-то далеко на охоту. Несколько человек было послано за ним в разных направлениях, но один за другим они возвращались ни с чем.

[1] Регуляторы — добровольные милицейские дружины, имевшие право арестовать преступника.

В гасиенде была женщина, которая могла бы безошибочно указать путь к хижине мустангера. Но Вудли Пойндекстер не знал этого.

И хорошо, что он этого не знал. Если бы только гордый плантатор подозревал, что его дочь могла быть проводником к уединенной хижине на Аламо, его горе о потерянном сыне усугубилось бы еще сознанием, что дочь пошла по нехорошему пути.

Последний человек, посланный на поиски Зеба Стумпа, вернулся к гасиенде без него. Дальше ждать уже становилось невозможно—собравшиеся слишком жаждали мщения.

Решили двинуться в путь без проводника.

***

Только успел отряд отъехать от Каса-дель-Корво, как в стенах самой гасиенды произошла встреча двух людей, из которых каждый хорошо знал путь на Аламо. В этой встрече не было ничего предосудительного, ничего заранее предусмотренного. Это была простая случайность. Зеб Стумп только что вернулся с охоты и привез с собой запас дичи для кухни плантатора.

Для Зеба Стумпа Луиза Пойндекстер была, конечно, дома. Больше того: она с большим нетерпением ждала встречи с ним. Желание увидеть старого охотника у нее было так велико, что весь день накануне, с самого восхода солнца и до заката, она не спускала глаз с дороги.

Едва успела скрыться шумная толпа участников экспедиции, как она увидела старика верхом на его старой кобыле. Лошадь медленно двигалась под тяжестью обильной охотничьей добычи. Зеб Стумп ехал по противоположному берегу реки, но уже сворачивал к гасиенде.

Луиза очень обрадовалась, увидев огромную фигуру

старика. В этом человеке она видела друга, которому могла доверить свои самые сокровенные тайны.

Еще задолго до того, как Зеб Стумп появился во дворе, молодая девушка уже ждала его на веранде.

Охотник спокойно направлялся к гасиенде; он был весел и беззаботен. Он не подозревал о случившемся несчастье.

На лице его отразилось недоумение, когда он заметил, что ворота гасиенды заперты на засов. Это не было в обычаях дома Пойндекстера. Мрачный вид негра еще больше удивил Зеба Стумпа.

— Что с тобой, дружище Плуто? Ты выглядишь мрачнее тучи. И почему это у тебя среди бела дня вдруг ворота на запоре? Не случилось ли у вас чего?

— Да, да, мистер Стумп, случилось. Именно случилось, несчастье случилось. Большое, большое несчастье.

— Говори же скорей! — воскликнул охотник. — Говори! Ведь ничего не может быть страшнее, чем то, что написано у тебя на физиономии. Не случилось ли чего с твоей молодой хозяйкой? Не может этого быть! Мисс Луиза...

— Нет, нет, с мисс Луизой ничего не случилось. Но вроде этого. Молодая мисс дома. Войдите, мистер Стумп. Она сама расскажет вам ужасную новость.

— А твой хозяин? Он дома, не так ли?

— О нет, нет. Его сейчас нет. Хозяин сейчас далеко от дома. Он уехал четверть часа тому назад. Его нет сейчас дома. Он уехал в прерию, где дикие лошади. Туда, где была охота месяц тому назад.

— В прерию, где дикие лошади? Зачем же он поехал туда? Кто же поехал с ним?

— О-о! С ним мистер Кольхаун и много другого народа. О-о! Там их много. Это Плуто вам правду говорит.

— Ну, а ваш молодой мистер Генри — он, наверное, тоже поехал с ними?

— О мистер Стумп, в этом как раз наше горе. Мастер Генри уехал тоже. И он никогда уже не вернется обратно.

Его лошадь прибежала домой, она вся была в крови. Ой, ой, люди говорят, что мастер Генри уже умер!

— Умер? Ты правду говоришь, негр?

— О! Это сама правда, мистер Стумп. Мне тяжело говорить это. Они все поехали искать его труп.

— Ну, забери это на кухню. Здесь индюк и дикие куры. Мне можно увидеть мисс Луизу?

— Я здесь, мистер Стумп. Входите! — ответил серебристый голосок, хорошо знакомый охотнику, только на этот раз звучавший так грустно, что Зеб Стумп с трудом узнал его. — Увы! Все, что Плуто вам сказал, все это правда. Мой брат пропал. Его никто не видел с позавчерашнего вечера. Его лошадь вернулась домой с кровавыми пятнами на седле. О Зеб, об этом даже страшно подумать!

— Да, это тяжелые новости. Он куда-то уехал, а его лошадь вернулась одна. Я не хочу причинить вам лишней боли, мисс Луиза, но, может быть, и я могу помочь в этом деле, а для этого мне надо знать подробности.

Луиза рассказала Зебу все, что знала. Только то, что произошло в саду и что предшествовало этому, она скрыла от него. Она сослалась на рассказ Обердофера в подтверждение того, что Генри, наверное, поехал за мустангером.

Зеб Стумп был глубоко взволнован ее рассказом. А когда Луиза сказала ему о том, что Мориса считают убийцей ее брата, он был возмущен до крайности.

— Это ложь! — кричал охотник. — Клевета! Только грязные скоты могли это придумать. Это совершенно невероятно. Мустангер не из тех, кто мог бы пойти на такое дело. Никогда я этому не поверю! И зачем ему это? Если бы между ними были плохие отношения, — но ведь это не так! Я знаю, как Морис-мустангер относился к вашему брату: он сам мне об этом говорил. Правда, он ненавидел вашего двоюродного брата Кассия. Но я бы хотел знать, кто его не ненавидит? Простите меня, что я так говорю вам. Если бы между вашим братом и мустангером произошла ссора, раздор, то...

— Нет, нет! — закричала креолка, забыв обо всем в порыве своего горя. — Между братом и мистером Джеральдом все было улажено. Генри мне так сказал, а Морис...

Взгляд собеседника заставил ее замолчать. Закрыв лицо руками, она разразилась рыданиями.

— Значит, между ними что-то было, — пробормотал Зеб. — Вы сказали, мисс Луиза, что была ссора между вашим братом и...

— Мой дорогой, дорогой Зеб! — воскликнула она, отнимая руки от лица и смотря прямо в глаза растерявшемуся охотнику. — Обещайте мне, что вы никому, никому не скажете. Обещайте мне, как друг, как честный и порядочный человек. Вы обещаете, правда?

Охотник в знак клятвенного обещания поднял свою огромную руку и затем выразительно ударил себя по груди.

Через пять минут он был уже посвящен в тайну, какую обычно женщины не любят выдавать. Они доверяют такие тайны лишь тому, кто действительно заслуживает самого глубокого доверия.

Зеб Стумп удивился этому признанию меньше, чем этого можно было ожидать.

— Что же тут такого, мисс Луиза! — пробормотал он сочувственно. — Зеб Стумп не видит в этом ничего такого, чего можно было бы стыдиться. Женщины всегда остаются женщинами — и в прерии так же, как и везде на свете. И если кто-нибудь станет утверждать, что вы полюбили не того, кого следует, отдав свое сердце мустангеру, то это будет глубокой ошибкой. Он очень хороший человек и заслуживает вашей любви. Все же остальное, что вы мне рассказали, только подтверждает мое предположение, что он не мог совершить этот грязный поступок, если только это вообще произошло. Какие же имеются доказательства? Только то, что лошадь вернулась с пятнами крови на седле?

— Увы, найдены и другие улики. Вчера целый день продолжались розыски. Долго ехали по следам и нашли

что-то, о чем не хотели рассказать. Мне показалось, что отцу не хотелось этого говорить мне, а других я боялась спросить. Они снова поехали сегодня, незадолго до того, как я увидела вас на дороге.

— Но мустангер? Что же он говорит в свое оправдание?

— О, я думала, что вы знаете! Ведь его тоже не могут найти. Может быть, и он погиб от той же руки, которая убила брата.

— Вы говорите, что они ездили по следам? Что же, они нашли его след? Если он только жив, то он на Аламо. Почему они не поехали туда? А, понимаю! Наверное, никто не знает как следует, где это находится. И если только их вел этот молокосос Спэнглер, то, конечно, на меловой прерии им ничего не удалось проследить. Значит, они опять туда же поехали?

— Потому-то мне и хотелось вас видеть. С отцом сейчас поехало много всякого народу. Среди поехавших были и регуляторы. Когда они отъезжали, я слыхала, как они говорили о линчевании [1]. Некоторые из них клялись отомстить. Подумайте только, Зеб: что, если они найдут его и Морис не сможет как следует доказать свою невиновность!.. Ведь эти люди в порыве необузданной злобы, да еще имея такого помощника, как Кассий Кольхаун, — вы представляете, что они могут с ним сделать?! Дорогой Зеб, ради меня, ради него, ради нашей дружбы — поезжайте туда, поскорее поезжайте! Необходимо опередить их и предупредить Мориса. Ваша лошадь не из быстроходных. Возьмите мою, возьмите любую, какую захотите, из нашей конюшни. Торопитесь!

— Вы правы, — прервал ее охотник, собираясь уходить. — Конечно, это может кончиться плохо для молодого мустангера. Я сделаю все, чтобы помочь ему. Не беспокойтесь, мисс Луиза. Я успею доехать на своей старушке. Она прекрасно знает эту дорогу. Мы живо доберемся. А на ва-

[1] Линчевание — иначе суд Линча — расправа без официального суда, самосуд.

шей крапчатой мне что-то не очень хочется ехать. Да, кроме того, моя стоит оседланная. Ну, прощайте же. Не горюйте — может быть, с вашим братишкой ничего плохого и не случилось. А что Морис-мустангер чист в этом деле — это для меня ясно, совершенно ясно.

ГЛАВА XLVII

Перехваченное письмо

Обуреваемые паническим страхом, Эль-Койот и трое его товарищей бросились к своим лошадям и торопливо вскочили в седла. Они и не думали возвращаться к хижине Мориса Джеральда. Наоборот, единственное, что у них было сейчас на уме, — это как бы подальше отъехать от уединенного жилища.

В том, что это был «дон Морисио», никто из них не сомневался. Все трое знали его, Диаз — лучше других, но каждый из них вполне достаточно для того, чтобы быть уверенным, что всадником без головы был ирландец. Они узнали лошадь, сапоги из шкуры ягуара, серапэ работы индейцев навахо, отличавшееся от обычных мексиканских серапэ, и, наконец, его шляпу.

Но конь не остановился, и они не успели рассмотреть головы. На ней была шляпа — черное глянцевое сомбреро, которое обычно носил Морис-мустангер. Она заблестела перед их глазами, попав в полосу лунного света. Потом они увидели большую собаку, и Диаз сразу узнал в ней собаку ирландца. Со свирепым рычаньем пес бросился на них.

Правда, это было уже излишне, так как они и без того бросились бежать.

Во весь карьер мчались наши всадники по лесным зарослям. Взобрались на верх обрывистого склона не через ущелье, где предполагалось совершить убийство, а с другой стороны, и наконец попали на равнину. Но и здесь они не остановились ни на минуту и продолжали скакать галопом, пока не очутились снова в лесных зарослях, где так

недавно произошло их удачное перевоплощение в команчей.

Обратной метаморфозе уделено было меньше внимания, и она была скорее закончена. Торопливо смыли они со своего тела боевую раскраску (вода была у них с собой в больших флягах), быстро вытащили свои мексиканские костюмы из дупла дерева, с не меньшей поспешностью переоделись, вскочили на лошадей и поскакали к Леоне.

На обратном пути они говорили только о всаднике без головы. Подавленные паническим ужасом, мексиканские мустангеры никак не могли себе объяснить это сверхъестественное явление. Полные неразрешимых сомнений, распрощались они друг с другом на окраине сеттльмента и разошлись по своим хижинам.

— Сагау! — воскликнул Эль-Койот, когда он переступил порог своего хакале и бросился на кровать. — Едва ли усну после этого. Святой бог! Что за чудовищное зрелище! Кровь застыла в жилах! И нечем отогреться, чтобы притти в себя. Фляга пуста. Таверна закрыта. Все спят. Матерь божья, что бы это могло быть? Привидение? Нет! Я сам осязал его тело и кости... Если это просто чучело, то для чего и кому это нужно? Кому, кроме меня и моих товарищей, охота разыгрывать карнавал в прерии? Тысяча чертей! Что за чудовищный маскарад!.. Стой, не опередили ли меня? Может быть, кто-нибудь другой уже заработал тысячу долларов? Может быть, это был ирландец, убитый, обезглавленный, с собственной головой в руках?.. Нет, этого не могло быть — чудовищно, неправдоподобно, невероятно!.. Но что тогда?.. А, понял! Его могли предупредить относительно нашего посещения, или, во всяком случае, он мог подозревать о нем. И эта комедия была разыграна, чтобы испугать нас. Вероятно, он же сам и был свидетелем нашего постыдного бегства. Проклятье!.. Но кто мог выдать и предать нас? Никто. Конечно, никто не знал о нашем намерении. Как же он тогда мог подготовить такой дьявольский сюрприз?.. А! Я забыл: ведь мы ехали по прерии среди бе-

ла дня. Нас могли видеть. Должно быть, именно так. А когда мы переодевались в лесу, за нами проследили и выкинули такую же штуку. Это единственное объяснение... Дураки! Испугались чучела!.. Caramba! Завтра же я снова отправлюсь на Аламо. Я заработаю эту тысячу, хотя бы мне понадобился для этого год! Так или иначе, но дело должно быть сделано. Достаточно того, что я потерял Исидору. Может быть, это и не так, но одна эта мысль нестерпима. Если я только узнаю, что она любит его, что они встречались после того, как... О боже! Я сойду с ума. И в своем безумстве я уничтожу не только человека, которого она любит, но и женщину, которую я сам люблю. О донья Исидора! Ангел красоты и демон коварства! Я могу задушить тебя в своих объятиях или заколоть кинжалом! И тебе я предоставлю этот выбор.

Немного успокоившись, считая, что опасность как будто уже миновала, и почувствовав удовлетворение от вновь созревшего решения, Эль-Койот скоро заснул.

Проснулся он, когда утренний свет заглянул к нему в дверь и вместе с ним и гость показался на пороге.

— Хосэ! — закричал Эль-Койот с удивлением и заметной радостью в голосе. — Ты здесь?

— Да, сеньор, это я.

— Рад видеть тебя, друг Хосэ. Донья Исидора тоже здесь? Я хочу сказать — на Леоне?

— Да, сеньор.

— Так скоро вернулась? Ведь еще не прошло и двух недель, не так ли? Меня не было в сеттльменте, но я слыхал об этом. Я ждал от тебя весточки. Почему же ты мне не давал ничего знать?

— Только потому, сеньор дон Мигуэль, что не было надежного человека. Мне нужно было сообщить вам кое-что, чего нельзя было доверить чужому. К сожалению, вы не поблагодарите меня за то, что я вам передам. Но моя жизнь в ваших руках — ведь я обещал, что вам будет все известно.

Волк Прерий подскочил, как ужаленный.

— Про него и про нее! Я вижу это по твоему лицу. Твоя госпожа встречалась с ним?

— Нет, сеньор. По крайней мере, насколько мне известно, они не виделись после той первой встречи.

— Что же тогда? — спросил Диаз, повидимому несколько успокоенный. — Она была здесь, пока он жил в таверне? Между ними была какая-нибудь связь?

— Да, дон Мигуэль, была. Я хорошо это знаю, так как сам был посредником. Три раза я отвозил корзинку с провизией, которую донья Исидора посылала ему. В последний раз было приложено и письмо.

— Письмо! Ты знаешь его содержание, ты читал его?

— Благодаря вам, благодаря вашей доброте бедный слуга мог это сделать. Даже больше — я переписал это письмо.

— Оно с тобой?

— Да! Вот видите, дон Мигуэль, вы не напрасно посылали меня в школу. Вот письмо доньи Исидоры.

Диаз нетерпеливым движением выхватил у него записочку и с жадностью стал читать. Но записка как будто даже успокоила его.

— Caramba! — сказал он, небрежно складывая письмо. — В этом нет ничего особенного, друг Хосэ. Здесь лишь ее благодарность за оказанную услугу. И это все?

— Нет, еще не все. Из-за этого я к вам и пришел: у меня поручение в сеттльмент. Прочитайте.

— А! Другое письмо?

— Да, сеньор. На этот раз подлинное письмо, а не мои каракули.

Дрожащими руками взял Диаз протянутый ему листок бумаги, развернул и стал читать:

«Сеньору дону Морисио Джеральду.

Дорогой друг, я снова здесь, в гостях у дяди Сильвио. Жить без вестей от вас я больше не в со-

стоянии. Меня мучает неизвестность. Скажите мне, поправились ли вы после вашей болезни? О, если бы это было так! Как я хочу увидеть ваши глаза — ваши красивые, выразительные глаза, чтобы убедиться, что вы совсем здоровы! Будьте другом и дайте мне эту возможность. Через полчаса я буду на вершине холма, за домом моего дяди.

Приходите же, я жду вас!

Исидора Коварубио де-Лос-Ланос».

— Проклятие! Любовное свидание! — вскричал возмущенный Диаз. — Это иначе нельзя назвать! И она назначает его сама! Хорошо же, ее приглашение будет принято, только не тем, кому оно любезно предназначено. Опоздания не будет ни на минуту... Послушай, Хосэ, эта записочка больше не нужна — человека, которому она адресована, уже нет в поселке, так же как и нигде поблизости. Неизвестно, где он вообще сейчас находится. Тут какая-то тайна. Но не в этом дело. Ты иди в таверну и наведи о нем справки. Относительно письма не беспокойся, оставь его у меня. Я тебе его отдам, когда ты зайдешь сюда на обратном пути. Вот тебе доллар, выпей в таверне. У сеньора Обердофера прекрасное агвардиенте. Прощай!

Получив доллар, Хосэ, не спрашивая никаких объяснений, покорно покинул хакале.

Сейчас же следом за ним вышел и Диаз. Быстро оседлав свою лошадь, он вскочил в седло и помчался галопом.

ГЛАВА XLVIII

Исидора

Солнце только что поднялось над горизонтом прерии. Его круглый диск, как щит из червонного золота, засиял над высокой травой. Золотые лучи проникали в гущу лесных зарослей, там и сям разбросанных по саванне. Крупные капли росы все еще висели на акациях, отягощая

их перистую листву и слезами скатываясь на землю. И казалось, что деревья оплакивали разлуку с ночью, жалели расстаться с прохладой и сыростью, боялись встречи с палящим зноем дня. Птицы весело щебетали на ветках, словно приветствуя восходящее солнце.

Но вряд ли где-нибудь, кроме прерий Техаса, можно встретить в такой ранний час бодрствующего человека.

На берегу реки Леоны, в трех милях от форта Индж, показалась фигура какого-то всадника. По манере сидеть на лошади, по костюму — серапэ на плечах, сомбреро на голове — всякий, конечно, подумал бы, что это мужчина. Однако не следует забывать, что действие происходит на юго-западе Техаса: женщины там тоже ездят на лошади по-мужски и для этого соответственно одеваются.

И наш ранний всадник — не мужчина, а женщина. В этом легко убедиться. Стоит только посмотреть на маленькую ручку, которая держит поводья, на маленькую ножку в стременах, на изящные, женственные контуры фигуры, выделяющиеся даже из-под тяжелого серапэ, и, наконец, на великолепные волосы, свернутые узлом под полями сомбреро,— и сомнений не останется, что перед вами женщина.

Это донья Исидора Коварубио де-Лос-Ланос.

Донье Исидоре недавно минуло двадцать лет. Она — жгучая брюнетка и очень хороша собой. Но красота ее — это красота тигрицы и внушает скорее страх, чем нежную любовь. В ее лице не заметно никаких признаков слабости, ни тени пугливости. Твердость, решимость, отвага, незаурядный для женщины ум — вот что отражают эти юные черты. На смуглой коже разлит алый румянец, настолько яркий, что кажется — он не сойдет даже перед лицом смертельной опасности.

Девушка едет одна по лесистым зарослям Леоны. Невдалеке виден дом, но она удаляется от него. Это гасиенда ее дяди, дона Сильвио Мартинеца.

Непринужденно и уверенно сидит молодая мексиканка

в седле. Под ней горячий конь, но вам нечего беспокоиться за молодую всадницу — она прекрасно управляет своей лошадью.

Легкое лассо аккуратно свернуто на седельной луке. Исидора владеет этим оружием не хуже любого мексиканского мустангера и этим гордится.

Она едет не по большой дороге, идущей вдоль берега реки, а по боковой тропе, которая ведет от гасиенды ее дяди на вершину близлежащего холма — единственную возвышенность на низовьях Леоны. Взобравшись наверх, Исидора натягивает поводья, но не для того, чтобы дать отдохнуть лошади, а потому, что она достигла конечной цели своей поездки. В этом месте тропинка соединяется с проезжей дорогой; вблизи дороги — небольшая полянка, величиной в два или три акра; она покрыта травой, но лишена древесной растительности. Это словно прерия в миниатюре. Колючие лесные заросли окружают полянку со всех сторон. Три едва заметные тропинки расходятся от нее в разных направлениях, прорезая чащу кустарников.

Исидора выехала на полянку и, остановившись посредине ее, потрепала по шее свою лошадь, чтобы та успокоилась. Но вряд ли это было нужно. Крутой подъем настолько утомил коня, что он уже не рвался вперед и не проявлял нетерпения.

— Я приехала раньше назначенного часа, — сказала Исидора, вынимая золотые часы из-под своего серапэ. — А может быть, он и вовсе не приедет? Ах, если бы он смог приехать! Что это — я вся дрожу? Это у меня нервная дрожь! Я никогда еще не испытывала такого волнения. Что это — страх? Да, вероятно... Как странно, что я боюсь любимого человека, единственного человека, которого я вообще люблю! Мое отношение к дону Мигуэлю вряд ли могло называться любовью. То был самообман, игра фантазии. К счастью, я быстро излечилась, увидя его трусость. Герой моих романтических грез сошел со своего пьедестала, и последовало разочарование. Как я рада этому! Теперь

же я просто ненавижу дона Мигуэля, узнав, что он стал, — святые силы, неужели это правда! — что он стал разбойником. Но я бы не испугалась встречи с ним даже в этом уединенном месте... Как это странно: бояться любимого человека, которого считаешь самым благородным, самым прекрасным из смертных, и в то же время не испытывать страха перед тем, кого глубоко ненавидишь, зная всю его жестокость и коварство! Но в этом нет ничего странного. Я дрожу не от страха перед опасностью, а лишь от страха оказаться нелюбимой. Вот почему я сейчас дрожу, почему я не могу спокойно спать по ночам с того самого дня, когда Морис Джеральд освободил меня из рук пьяных дикарей... Я никогда не говорила ему о моих чувствах. И неизвестно еще, как он примет мое признание. Но он должен это знать. Я не могу больше терпеть эту неизвестность. Я предпочитаю отчаяние, даже смерть, если только мои мечты обманут меня... А! Я слышу топот копыт. Это он? Да! Я вижу сквозь деревья яркую расцветку его костюма. Морис Джеральд обычно носит этот костюм. Неудивительно — он так ему к лицу... Пресвятая дева! Я закутана в серапэ, на голове моей сомбреро... Он примет меня за мужчину! Долой эту безобразную маску! Я женщина, и он должен увидеть перед собой женщину.

Быстрым движением срывает с себя Исидора серапэ и шляпу, скрывающие чары ее женской красоты.

Слегка привстав, опираясь на стремена и наклонившись корпусом вперед, она вся превращается в ожидание.

На фоне зелени красиво выделяется ее легкая женственная фигура и прекрасная головка.

Она не обнаруживает и тени страха, вопреки своим словам. Губы не дрожат, на лице не заметно бледности. Наоборот, ее взгляд, устремленный вперед, — призыв гордой любви, призыв орлицы, ожидающей своего орла.

Но вдруг — что за странная перемена? Золотая вышивка ввела ее в заблуждение. Всадник в мексиканском наряде — не Морис Джеральд, а Мигуэль Диаз.

Восторг ожидания сменяется унынием. В отчаянии она опускается в седло. С уст ее срываются вздохи, близкие к возгласам отчаяния. Но испуга не заметно в ней. Это — разочарование, смешанное с чувством протеста.

Эль-Койот заговорил первый:

— Здравствуйте, сеньорита! Кто бы ожидал увидеть вас среди этих тернистых зарослей?

— Это ни в какой мере не должно вас касаться, дон Мигуэль Диаз.

— Странный ответ, сеньорита! Конечно, это касается меня и должно меня касаться. Вы прекрасно знаете, как безумно я вас люблю. Дураком я был, когда признался, что я ваш раб. Вот это-то и охладило ваши чувства.

— Вы ошибаетесь, сеньор. Я никогда не говорила, что люблю вас. Если мне нравилось, как вы ездите верхом, и я об этом вам сказала, то, во всяком случае, не следовало делать из этого какие-либо выводы. Не вами я любовалась, а лишь вашим искусством наездника. И это было три года тому назад. Я была тогда еще девочкой, а в этом возрасте такие вещи действуют на воображение. Поражает внешний блеск, а не моральные качества. Но теперь я женщина. И вполне естественно, что все это должно было измениться.

— Но почему же вы внушали мне ложные надежды? Помните тот день, когда я укротил самого неистового буйвола и усмирил самую дикую лошадь в стаде вашего отца? Ведь ни один пастух не смел подойти к ним. В этот день вы улыбались мне, и в вашем взгляде я прочел признание в любви. Не отрицайте этого, донья Исидора. У меня достаточно опыта, и я хорошо мог прочесть по вашему лицу, что вы думали и что вы чувствовали. Но сейчас все изменилось. Почему же? Потому, что я был покорен вашими чарами. Или скорее потому, что я имел глупость признаться в этом. А вы, как каждая женщина, одержав победу и узнав об этом, потеряли интерес к побежденному. Это так, сеньорита, не отрицайте этого.

— Нет, это не так, дон Мигуэль Диаз. Я никогда ни словом, ни взглядом не признавалась в любви к вам. Вы были для меня просто искусным наездником, но не больше. Вы тогда были им или, по крайней мере, казались таковым. Но что вы представляете собой теперь? Знаете вы, что о вас говорят здесь, да и не только здесь, но и на Рио-Гранде?

— Я не считаю нужным отвечать на клевету — все равно, исходит ли она от друзей-предателей или же от лживых врагов. Я здесь для того, чтобы получить объяснения, а не давать их.

— От кого?

— От вас, прелестная донья Исидора.

— Вы слишком самоуверенны, дон Мигуэль Диаз. Не забывайте, сеньор, с кем вы разговариваете. Не забывайте, что я дочь...

— Одного из самых гордых помещиков на Рио-Гранде и племянница не менее гордого собственника в Техасе. Я обо всем этом думал. Вспомнил также, что когда-то и я владел гасиендой, а сейчас — всего лишь охотник за лошадьми. Caramba! И что же из этого? Вы не из тех женщин, которые могут презирать человека из-за того только, что он небогат. Бедный мустангер, повидимому, может иметь у вас не меньше шансов, чем владелец сотни табунов. И у меня есть доказательство вашего великодушия.

— Какое доказательство? — быстро спросила она, в первый раз обнаружив беспокойство. — Где это доказательство?

— В этом прекрасном письме. Вот оно, у меня в руках, за подписью доньи Исидоры Коварубио де-Лос-Ланос. Письмо, адресованное такому же бедному мустангеру, как и я. Я не вижу необходимости дать вам его в руки. Ведь вы можете узнать письмо и на расстоянии?

Она узнала письмо. Гневный взгляд, брошенный на Диаза, выдал это.

— Как оно могло попасть в ваши руки? — спросила Исидора, не пытаясь скрыть свое негодование.

— Это неважно. Оно в моих руках. Этого я давно добивался. Не для того, чтобы узнать, что вы перестали интересоваться мною, — для меня это было ясно и так, — но чтобы иметь доказательство, что вы увлечены другим. Оно говорит о том, что вы любите Мориса-мустангера, вы мечтаете посмотреть в его красивые глаза. Но знайте, вы никогда не увидите его.

— Что это значит, дон Мигуэль Диаз?

Она спросила его с дрожью в голосе, боясь услышать ответ. И неудивительно. Выражение лица Эль-Койота должно было внушить этот страх.

Заметив это, он ответил:

— Ваши опасения вполне правильны. Я потерял вас, донья Исидора, но никто другой тоже вас не получит — я это решил.

— Что именно?

— То, что я сказал: никто другой не назовет вас своей, а в особенности Морис-мустангер.

— Вот как!

— Да! Обещайте мне, что вы никогда больше не встретитесь с ним, или же вы не уйдете с этого места.

— Вы шутите, дон Мигуэль?

— Нет, я говорю совершенно серьезно, донья Исидора.

Искренность этих слов была слишком очевидна. Несмотря на свойственную Эль-Койоту трусость, взгляд его выражал холодную и жестокую решимость, а рука уже взялась за рукоятку кинжала.

Отважная Исидора не могла не почувствовать беспокойства. Угроза была слишком очевидной, и казалось — избежать опасности почти невозможно. В первый же момент встречи у нее немного дрогнуло сердце, но она надеялась, что подоспеет человек, который встанет на ее защиту. В начале разговора молодая мексиканка жадно прислушивалась, не раздастся ли топот коня, и время от

времени бросала взгляд в ту сторону зарослей, откуда она ждала этого звука.

Теперь эта надежда рухнула. Письмо не попало к тому, кому оно предназначалось; ждать поддержки было нечего. Она подумала о бегстве. Но это сопряжено было с трудностями и большим риском. Она, наверное, получит пулю в спину, так как пистолет Эль-Койота был у него так же близко под рукой, как и кинжал.

Исидора вполне оценила всю опасность положения. На ее месте растерялась бы любая женщина. Но Исидора Коварубио была не из робких. Она и виду не показала, что угроза произвела на нее какое-нибудь впечатление.

— Чепуха! — воскликнула она. — Вы играете со мной, сеньор. Вы хотите испугать меня. Ха-ха-ха! Почему мне бояться вас? Я езжу на лошади не хуже вашего. И лассо я бросаю так же легко и так же далеко, как и вы. Посмотрите, как ловко я с ним обращаюсь!

С улыбкой произнося эти слова, девушка сняла лассо с седельной луки и стала наматывать его на руку, как бы намереваясь демонстрировать свое искусство.

Но замысел ее был иной. Диаз этого не понял. Он был озадачен ее поведением и молча сидел на лошади.

Только тогда, когда он почувствовал, что петля лассо затягивается вокруг его локтей, мексиканец понял ее намерение. Но было поздно. В следующий момент руки у него оказались вытянутыми по бокам и туго связанными. Он уже не мог достать ни своего кинжала, ни пистолета. Прежде чем Эль-Койот успел дотронуться до веревки, она еще сильнее затянулась вокруг него. Сильным толчком он был выброшен из седла.

— Теперь, дон Мигуэль Диаз, — вскричала Исидора, повернув лошадь, — не грозите мне больше! И не пытайтесь освободиться. Пошевелите только пальцем — и я поскачу вперед. Коварный злодей! Несмотря на твою трусость, ты хотел убить меня, я видела это по твоим глазам. Но наши роли переменились, и теперь...

Не слыша ответа, она замолчала. Ее лассо было туго натянуто, и она не спускала глаз с упавшего человека.

Эль-Койот неподвижно лежал на земле, опутанный веревками. При падении с лошади он потерял сознание. Казалось, что он умер.

— Святая дева! Неужели я убила его? — воскликнула Исидора, осадив свою лошадь немного назад. — Я не хотела этого. Но если даже и так, никто не сможет упрекнуть меня: ведь у него было твердое намерение убить меня. Умер ли он, или же просто притворяется, чтобы я подошла к нему? Пусть другие это решают. Теперь я могу смело ехать домой, он меня не догонит. А если жизнь его в опасности, я пришлю людей из гасиенды на помощь. Прощайте, дон Мигуэль Диаз!

С этими словами Исидора вытащила из-за корсажа небольшой кинжал, перерезала веревку около самой седельной луки и, не чувствуя упреков совести, поскакала домой, оставив свою жертву распростертой на земле.

ГЛАВА XLIX

Лассо развязано

После беседы с Зебом Стумпом молодая креолка пошла в свою комнату и, опустившись на колени, начала молиться. Как все креолы, она была католичкой и твердо верила в заступничество мадонны. Странной и печальной была ее молитва: она молилась о человеке, которого считали убийцей ее брата.

Луиза ни минуты не сомневалась, что Морис Джеральд не был виновен в этом ужасном преступлении. Она молилась не о прощении, а о защите. Рыдания заглушали слова ее молитвы. Луиза любила своего брата со всей нежностью сестры. Она была глубоко потрясена горем, но эта печаль не могла заглушить другого чувства, более сильного, чем

родственные узы. Горюя о потере брата, девушка молилась о спасении возлюбленного.

Когда она поднялась с колен, взгляд ее случайно упал на лук, так хорошо служивший ей в ее любовной переписке.

«О, если бы я могла послать стрелу, чтобы предупредить Мориса об опасности!»

Но тут же она подумала и о другом: не могло ли остаться следов их тайных свиданий? Луиза вспомнила, что Морис после ночного свидания переплыл реку, вместо того чтобы переправиться в лодке. Его лассо, наверное, осталось в лодке. Накануне, потрясенная горем, она не подумала об этом. Тайна их ночных свиданий могла обнаружиться.

Солнце поднялось уже довольно высоко и ярко светило в стеклянную дверь. Луиза распахнула ее, чтобы спуститься в сад и пройти к лодке. Но на балконе она остановилась, услыхав голоса, которые доносились сверху. Разговор происходил между Флориндой и Плуто, которые в отсутствие хозяина решили подышать воздухом на азотее. Внизу можно было отчетливо слышать каждое слово, но Луизу мало интересовал их разговор. Только когда до ее слуха донеслось дорогое ей имя, она стала прислушиваться.

— Они называют молодого парня Джеральда. Морис Джеральд его имя. Они говорят, что он ирландец, но если это правда, то он совсем не похож на тех ирландцев, которых я видал в Новом Орлеане. Он больше похож на настоящего джентльмена-плантатора. Вот на кого он похож.

— Ты не думаешь, Плуто, что он убил мастера Генри?

— Ничего подобного я не думаю! Хо! Хо! Он убил мастера Генри! Вот еще что придумали! Это все равно, что сказать, будто я убил мастера Генри. Но что там такое? Смотри туда, Флоринда. Видишь?

— Где?

— Вот там, на другой стороне реки. Видишь мужчину на лошади? Это ведь Морис Джеральд, тот самый чело-

век, которого мы встретили в черной прерии... Тот самый, который подарил мисс Лу крапчатую лошадь. Тот самый, которого сейчас все ищут там, где его нет!

— О, Плуто, я уверена, что он не виноват. Он такой красивый и храбрый господин!

Луиза дальше не стала слушать. Она вернулась в дом и медленно направилась на азотею. Ей трудно было скрыть свое волнение перед слугами.

— О чем вы тут разговариваете? — с напускной строгостью спросила Луиза.

— О мисс Луиза, посмотрите-ка туда! Молодой парень...

— Какой молодой парень?

— Тот самый, которого разыскивают, тот самый...

— Я ничего не вижу.

— Хо! Хо! Он только что скрылся за деревьями. Смотрите туда, туда. Вы видите черную блестящую шляпу, бархатную куртку и блестящие серебряные пуговицы? Это он. Я уверен, что это он, тот самый молодой парень.

— Ты, верно, ошибаешься, Плуто. Здесь многие так одеваются. Расстояние слишком велико, чтобы узнать человека, особенно теперь, когда его уже почти не видно. Ну, все равно, Флоринда. Беги вниз, принеси мою шляпу и амазонку. Я хочу покататься верхом. А ты, Плуто, оседлай мне Лу́ну как можно скорее. Я боюсь, что солнце подымется слишком высоко. Ну, живо, живо!

Как только слуги скрылись на лестнице, Луиза еще раз с волнением подошла к перилам азотеи. Теперь ей никто не помешает рассмотреть хорошенько, кто там, на холме, среди зарослей.

Но было уже поздно. Всадник скрылся.

«Сходство большое, и в то же время это как будто бы не он. Если это Морис Джеральд, то зачем ему ехать в этом направлении?»

Через десять минут Луиза уже была на другом берегу и въезжала в заросли, в которых скрылся всадник. Быстро

продвигаясь, она внимательно смотрела вперед. Поднявшись на вершину холма, Луиза вдруг остановила лошадь. Раздавшиеся голоса заставили ее это сделать.

Она прислушалась. Хотя звуки доносились еще издалека и были едва слышны, но можно было уже различить, что это были два голоса: женщины и мужчины. Какого мужчины, какой женщины? Снова болезненно дрогнуло ее сердце. Девушка подъехала ближе. Снова остановилась. Снова прислушалась. Говорили по-испански. Креолка знала этот язык достаточно хорошо, чтобы понять смысл разговора. Но она была еще слишком далеко, и слов нельзя было различить. Тон был приподнятый; оба, казалось, были чрезвычайно взволнованы. Луиза подъехала еще ближе. Мужского голоса уже не было слышно. Голос женщины совершенно отчетливо звучал угрозой.

Голоса доносились с поляны, которую Луиза хорошо знала: с этим местом у нее были связаны дорогие воспоминания. Девушка еще раз остановилась, уже совсем близко. Она боялась ехать дальше, боялась узнать горькую правду.

Наконец она тронула поводья.

По поляне взад и вперед бегала оседланная лошадь. На земле лежал какой-то человек со связанными руками.

Сомбреро и серапэ валялись рядом, но, повидимому, не принадлежали этому человеку. Что же здесь могло произойти?

Мужчина был одет в красочный костюм мексиканца. На лошади — нарядный чепрак мексиканской работы.

Сердце Луизы наполнилось радостью. Мертвый это человек или нет, но он безусловно тот, кого она видела с азотеи. И это — не Морис Джеральд. Луиза подъехала ближе и стала смотреть на распростертого на земле человека. Ясно было, что это мексиканец.

«Красивое лицо», подумала креолка.

Но не это заставило Луизу соскочить с лошади и с

участием наклониться над лежащим. Радость, что связанный человек оказался не тем, кого она боялась найти, толкнула ее на этот гуманный поступок.

«Он не умер: я слышу, как он дышит».

Она растянула петлю лассо.

«Теперь он может свободнее дышать. Но что же могло произойти тут? Ах, он приходит в себя... Слава богу! Я сейчас все узнаю».

— Вам лучше, сэр?

— Сеньорита, кто вы? — спросил дон Мигуэль Диаз, поднимая голову и с беспокойством озираясь кругом. — Где она?

— О ком вы говорите? Я здесь никого не видела, кроме вас.

— Caramba! Как странно! Разве вы не встретили женщину верхом на серой лошади?

— Я слышала женский голос, когда подъезжала сюда.

— Правильнее сказать — дьявольский голос, это лучше определит Исидору Коварубио де-Лос-Ланос.

— Разве это она сделала?

— Будь она проклята! Да! Где же она? Скажите мне, сеньорита.

— Я не знаю. Судя по лошадиному топоту, она, наверное, спустилась по тропинке вниз. Наверное, это так. Я подъехала с другой стороны.

— А! Значит, она поехала домой. Вы очень добры, сеньорита. Я вам очень признателен, что вы освободили меня от этой петли. Может быть, вы продолжите свою любезность и поможете мне вскарабкаться на лошадь? Я надеюсь, что удержусь в седле, нужно только подсадить меня. Во всяком случае, мне нельзя больше оставаться здесь. Мои враги недалеко отсюда. Пойди сюда, Карлито, — сказал он лошади и в то же время как-то особенно свистнул. — Подойди поближе, не пугайся этой милой женщины. Не она сыграла над нами эту злую шутку и разлучила нас. Ну, иди сюда, мой конь, не бойся!

Лошадь, услышав свист, подбежала к хозяину и позволила ему взять себя под уздцы.

— Небольшая помощь с вашей стороны — и, мне кажется, я сяду в седло. Как только я буду на лошади, мне нечего бояться преследования.

— Вы думаете, что вас будут преследовать?

— Могу вас уверить, что у меня есть враги. Но это все ничего. Я чувствую большую слабость. Вы не откажетесь помочь мне?

— Конечно, нет. Я охотно окажу вам любую помощь, какая в моих силах.

— Очень вам признателен, сеньорита. Очень вам признателен.

С большим трудом удалось молодой креолке подсадить мексиканца в седло.

— Прощайте, сеньорита, — сказал Эль-Койот. — Я не знаю, кто вы. Вижу только, что вы не мексиканка. Американка, я думаю. Но это все равно. Вы так же добры, как и прекрасны. И если только когда-нибудь представится случай, Мигуэль Диаз отплатит вам за эту услугу.

Сказав это, Эль-Койот тронул лошадь. Он ехал шагом, так как с трудом удерживал равновесие. Скоро он скрылся за деревьями.

Молодой креолке все это показалось сном, и скорее странным, чем неприятным.

Но это настроение у нее быстро изменилось, когда она подняла валявшееся на земле письмо, оставленное Диавом. Письмо было адресовано Морису Джеральду. Подпись: «Исидора Коварубио».

Луиза с трудом взобралась в седло.

Переезжая Леону на обратном пути в Каса-дель-Корво, она остановила лошадь на середине реки. Долго она смотрела каким-то страшным, остановившимся взглядом на воду. На ее лице видна была печать глубокого отчаяния. Стоило продвинуться немного дальше, и волны Леоны захлестнули бы ее навеки.

ГЛАВА L

Схватка с койотами

Лиловые тени техасских сумерек уже спускались на землю, когда человеку, проделавшему мучительный путь сквозь колючие заросли, наконец удалось достигнуть ручья.

Утолив жажду, он растянулся на траве.

Нога болела, но не очень сильно. О будущем раненый сейчас не думал — мешала усталость. Коршуны улетели на ночлег. Прохладный ветерок, покачивавший ажурную листву акаций, убаюкивающе подействовал на него, и страдалец скоро заснул.

Но не долго ему пришлось спать. Раны снова дали о себе знать — он проснулся.

Он не боялся трусливого волка прерий, который нападает только на мертвых. Он не думал, что смерть близка.

Ночь показалась страдальцу мучительно долгой, и трудно было дождаться рассвета. Утро пришло наконец, но и оно не было радостным. Вместе с ним опять появились черные птицы. Над ним, при солнечном свете нового дня, опять повисли темные тени коршунов. Голод давал себя знать. Надо искать пищу.

Неподалеку рос орешник. На его ветках были орехи, но висели они высоко — футах в шести над землей.

Раненому удалось доползти до дерева, хотя это причиняло мучительные страдания. Своим костылем он сшиб несколько орехов и позавтракал ими.

Что же делать дальше?

Уйти отсюда было невозможно. Малейшее движение причиняло невыносимую боль. Несчастный почти не верил в возможность помощи от человека. Ведь он кричал до хрипоты, но никто не услышал его. И, несмотря на это, время от времени все же раздавался его глухой крик. Это были слабые проблески надежды, борющейся с отчаянием.

Выбора не было. Надо оставаться на месте. Придя к этому заключению, раненый спокойно растянулся на траве

и решил запастись терпением, насколько это было возможно.

Время от времени у него вырывались стоны. Совершенно измученный болью, он уже не замечал, что делается вокруг. Черные коршуны попрежнему кружили над ним. Но он уже привык к этому и не обращал внимания даже тогда, когда некоторые из них спускались так низко, что взмахи их крыльев почти касались его головы.

Но что это? Еще какие-то звуки.

Послышался топот маленьких ног по песчаному берегу ручейка. Он сопровождался прерывистым дыханием. Раненый оглянулся, чтобы узнать, в чем дело.

«А, это только койоты», подумал он, увидев целую стаю хищников, снующих взад и вперед по берегу.

До сих пор он не испытывал страха; только отвращение вызывали в нем эти трусливые животные.

Обычно койоты не нападают на человека; но стоит им только почуять, что человек слаб и не может защищаться, как они становятся дерзкими.

Страдалец был изранен шипами кактуса и истекал кровью.

Койоты почуяли кровь; этот запах дразнил их. Человек не сомневался, что они избрали его своей жертвой.

У раненого не было другого оружия, кроме охотничьего ножа, который, по счастью, остался у него за поясом. Его ружье и револьвер, привязанные к седлу, остались на лошади. Раненый вытащил нож и, опираясь на правое колено, приготовился к защите. Минута промедления — и уже было бы поздно. Движимые жадностью, возбужденные до крайности запахом крови, койоты бросились на жертву. Шесть из них одновременно впились зубами в его руки, ноги и туловище.

Напрягая все свои силы, защищаясь ножом, раненый отогнал койотов. Один или два были ранены и с диким воем убежали прочь. Борьба стала отчаянной, смертельной. Несколько животных было убито. Но судьба погибших не

остановила других. Они продолжали атаку, казалось, с еще бо́льшим ожесточением. Положение становилось безнадежным. Койоты лезли друг на друга, чтобы вцепиться в жертву. Раненый размахивал ножом, но руки его слабели, удары ножа все реже достигали цели. Он с каждой минутой терял силы. Смерть смотрела ему в глаза.

И в эту минуту безнадежности раненый еще раз громко крикнул. Странно, это не был крик отчаяния: крик радости вырвался у него. И еще удивительнее то, что при этом звуке койоты прекратили нападение. Наступил перерыв в отчаянной схватке. На минуту водворилась тишина.

Послышался топот лошади, сопровождаемый громким лаем собаки.

Раненый продолжал кричать, взывая о помощи. Лошадь, казалось, была совсем близко. Всадник не мог не слыхать его мольбы. Но ответа не было. Всадник проехал мимо. Удары копыт стали менее отчетливы. Несчастным опять овладело отчаяние.

В то же время осмелевшие хищники снова ринулись в атаку. Снова завязалась борьба. Обессилевший человек считал себя приговоренным к смерти и продолжал защищаться только по инерции.

И вдруг койоты отпустили жертву: на этот раз явился защитник, своим присутствием вливший бодрость и вселивший надежды несчастному.

Всадник не отозвался на мольбы, но собака пришла на помощь. Огромная оленья собака направлялась к месту битвы. Стремительными прыжками, с громким лаем ринулась она сквозь заросли.

— Друг! Какое счастье! Друг!

Собака, выбравшись из чащи, с открытой пастью бросилась на койотов. При виде ее они оставили свою жертву и начали в испуге отступать. Раз — и один у нее в зубах. Она треплет волка, словно крысу, и минуту спустя бросает его наземь с перегрызенным горлом.

Другого постигает та же участь. Третьей жертвы не было: испуганные собратья погибших, поджав хвосты, пустились в бегство с унылым воем. Все до одного скрылись в густых зарослях.

Измученный человек больше ничего не видел. Его силы иссякли. Он только протянул руку, с улыбкой обнял своего спасителя и, прошептав что-то, впал в забытье.

***

Обморочное состояние длилось недолго. Раненый скоро пришел в сознание и, опершись на локоть, вопросительно оглянулся кругом.

Жутко было смотреть на место, где произошла схватка собаки с койотами. Но еще более жуткое зрелище предстало бы его глазам, будь он все время в сознании.

Во время его обморока на поляне появился всадник без головы. Его лошадь спустилась к ручью, чтобы утолить жажду. Напившись, она взобралась на крутой берег, пробежала по поляне, где лежал раненый, и скрылась в зарослях. Собака снова бросилась было за ней, но скоро вернулась и улеглась подле раненого.

Как раз в этот момент к нему вернулось сознание. Приласкав собаку, он опять растянулся на земле; потом натянул полу плаща на голову, защищаясь от палящего солнца, и заснул.

Собака лежала у ног раненого и тоже дремала. Но она часто просыпалась и, казалось, была настороже. Время от времени она подымала голову и злобно рычала: она отгоняла коршунов, когда те опускались слишком низко.

Молодой человек бредил во сне. С его запекшихся губ срывались какие-то странные слова. Это был то призыв страстной любви, то бессвязные речи о каком-то убийстве.

ГЛАВА LI

Дважды пьяный

Вернемся снова в уединенную хижину на Аламо, так внезапно покинутую картежниками, которые расположились под ее кровом в отсутствие хозяина.

Близился полдень следующего дня, а хозяин все еще не возвращался. Фелим попрежнему был единственным обитателем хижины. Попрежнему он лежал пьяный, растянувшись на полу.

Чтобы объяснить все, надо рассказать, что произошло дальше в ту ночь, когда игроки в monté так внезапно покинули хижину.

Вид трех краснокожих дикарей, расположившихся вокруг стола в азарте карточной игры, протрезвил Фелима больше, чем сон.

Что было дальше, он ясно себе не представлял. Помнил только, что трое раскрашенных индейцев внезапно прекратили игру, швырнули карты на пол, обнажили кинжалы, угрожая его жизни. Потом вдруг оставили его в покое и, повинуясь четвертому индейцу, который пришел за ними, поспешно покинули хижину.

Все это произошло в течение каких-нибудь двадцати секунд. И когда он пришел в себя, то в хакале уже никого не было.

Спал ли он, или же бодрствовал? С пьяных ли глаз он видел все это, или во сне? Было ли это реальностью, или же каким-то новым, непостижимым для его ума явлением, подобным тому, которое до сих пор стояло в его памяти?

Нет, это не могло быть привидением. Он видел дикарей слишком близко, чтобы ошибиться в том, что они были настоящими людьми. Он слышал, как они разговаривали на непонятном для него языке. Больше того — ведь они оставили на полу свои карты.

Фелим и не подумал поднять хотя бы одну из них, чтобы убедиться, настоящие ли они. Он был в достаточно

трезвом состоянии, но просто у него нехватило для этого мужества. Разве мог он быть уверенным, что эти странные карты не обожгут ему пальцы? Почем знать, ведь они могли принадлежать самому дьяволу!

Несмотря на спутанность мыслей, Фелим все же сообразил, что оставаться в хижине опасно. Ряженые игроки могут вернуться, чтобы продолжать игру. Они оставили здесь не только свои карты, но и все имущество хакале. Правда, что-то важное заставило их внезапно удалиться, но так же внезапно они могут и вернуться.

При этой мысли ирландец решил действовать. Потушив свечу, чтобы никто не видел, что он делает, он крадучись вышел из хижины. Через дверь он не рещился выйти. Луна ярко освещала площадку перед домом. Дикари могли быть где-нибудь поблизости. Он содрал лошадиную шкуру со стены и протиснулся в образовавшуюся щель. Очутившись снаружи, Фелим проскользнул под тень дерева.

Он не успел еще далеко отойти, когда заметил впереди себя несколько темных предметов. Послышались звуки, словно лошади жевали траву; время от времени доносились удары копыт. Фелим остановился и спрятался за ствол кипариса.

Скоро ирландец убедился, что это действительно лошади. Нет сомнения, что они принадлежали тем четырем воинам, которые превратили хижину мустангера в игорный дом. Повидимому, лошади были привязаны к деревьям, но могли ведь быть около них и хозяева.

При этой мысли Фелим хотел уже повернуть и пойти в другом направлении. Но в этот момент он услышал голоса, доносившиеся с противоположной стороны, — то было несколько мужских голосов, угрожавших кому-то. Потом последовали отрывистые восклицания испуга, за ними лай собаки. Затем наступила тишина, нарушаемая лишь треском ломавшихся ветвей, точно несколько человек спасались в паническом бегстве сквозь лесные заросли.

Фелим продолжал прислушиваться: люди приближались

к кипарису. Через несколько секунд они были уже около своих лошадей и, не останавливаясь, вскочили в седла и ускакали.

Когда четыре беглеца попали в полосу лунного света, Фелим отчетливо увидел ярко-красную окраску их обнаженных тел. Он узнал в них четырех индейцев, которые были в хижине мустангера.

Фелим не двинулся с места до тех пор, пока по звуку доносившегося топота не определил, что всадники поднялись по крутому откосу на равнину и поскакали быстрым галопом по прерии.

Тогда он вышел из своей засады и, всплеснув руками, воскликнул:

— Святой Патрик! Что же это может означать? Что этим чертям здесь нужно? И кто вздумал преследовать их? Но, видимо, кто-то их здóрово напугал. Интересно: может быть, это тот самый? Клянусь, что это так. Я слышал, как рычала собака, а ведь она убежала за ним. О господи, что это такое? А вдруг он, в погоне за ними, направится в эту сторону?

Боязнь снова повстречаться с загадочным всадником заставила Фелима опять спрятаться за дерево. В состоянии трепетного ожидания он простоял там еще некоторое время.

— В конце концов, это, наверное, лишь шутка мистера Мориса. Ему захотелось напугать меня. Он возвращался домой. Хорошо, что подоспел как раз во-время и напугал краснокожих. Они собирались ограбить и убить нас. Наверное, это так и есть. Прошло, должно быть, уже порядочно времени. Помню, что выпил я изрядно. А теперь как будто ничего и не бывало. А вот что интересно: не попалась ли моя бутыль на глаза индейцам? Я слыхал, что они любят этот напиток не меньше нас, белых. Боже, если они почуяли запах, ведь там, наверное, и капли не осталось! Надо вернуться и проверить. Их нечего бояться. Судя по тому, как они помчались, и след их давно уж простыл.

Выбравшись из своей засады, Фелим направился к хакале. Он пробирался с опаской, несколько раз останавливался, чтобы проверить, нет ли кого поблизости. Несмотря на выдуманную для своего успокоения гипотезу, Фелим все же боялся еще раз повстречаться с всадником без головы.

Однако желание выпить заглушало страх, и Фелим, хотя и нерешительно, продолжал свой путь. Наконец он тихонько вошел в хижину.

Света он не зажег — в этом не было надобности. Найти бутыль наощупь не составляло для него трудности: он слишком хорошо знал место, где она стояла.

Но в заветном углу бутыли не оказалось.

— Чорт бы их побрал! Похоже, что они до нее добрались! Иначе — почему ее нет на месте? Я поставил ее туда. Отлично помню, что поставил ее на свое место... Ах, вот ты где, моя драгоценность! — продолжал он, когда наконец нащупал предмет своих поисков. — Ах, скоты, да ведь они осушили ее! Чтобы на том свете черти припекли этих краснокожих воров! Пусть им покажут, как красть вино у спящего человека! Ай-ай! Что же мне теперь делать — опять ложиться спать? Но разве заснешь с мыслями о них и о том, другом? Наверняка без выпивки я не найду себе покоя. А ведь ни капли не осталось. Стой! Святой Патрик! Вспомнил! Полная фляга! Я ее в сундук запрятал. Наполнил до самого горлышка, чтобы дать мистеру Морису в дорогу, когда он в последний раз собирался в сеттльмент. И ведь он, кажется, забыл ее взять с собой. Не дай бог, если только индейцы добрались своими грязными лапами и до нее — я тогда сойду с ума!.. Ура! — закричал Фелим после нескольких минут молчания, во время которого слышно было, как он рылся в сундуке. — Вот счастье-то! Краснокожие не сообразили сюда заглянуть! Фляга полна — никто и не дотронулся до нее!

После этого счастливого открытия в темноте хижины началась пляска торжествующего ирландца.

Потом наступила тишина, затем послышалось бульканье жидкости.

Через некоторое время этот звук сменился чмоканьем и восклицаниями удовольствия.

Слышались бульканье, чмоканье — и так длилось до тех пор, пока наконец не раздался звук упавшей на пол пустой фляги.

А затем пьяные выкрики чередовались с отрывками пьяной песни, диким хохотом и несвязными рассуждениями о краснокожих, о команчах и безголовом всаднике. Вновь и вновь, но все тише и тише повторялись те же речи о пережитых ужасах, пока наконец не сменились непрерывным громким храпом вконец опьяневшего оратора.

ГЛАВА LII

Пробуждение

Второй сон Фелима длился дольше первого. Уже близился полдень, когда он наконец очнулся, и то не по своей воле, а от ведра холодной воды, вылитой ему прямо на голову. Это отрезвило его не хуже, чем вид краснокожих дикарей.

Зеб Стумп устроил ему этот душ.

Выехав из ворот Каса-дель-Корво, старый охотник направился самым коротким путем к истокам реки Нуэсес. Он ехал по хорошо известной ему тропинке.

Из того, что ему сказала Луиза Пойндекстер, старый охотник понял, что Морис Джеральд в большой опасности. Стумп старался избежать встречи с отрядами Пойндекстера и торопился приехать на Аламо раньше их.

Он знал, что если он встретится с регуляторами, то волей-неволей ему придется указать путь к жилищу предполагаемого убийцы.

На некотором расстоянии от хижины, уже в зарослях

низкого берега Аламо, Стумп привязал лошадь и продолжал путь пешком.

Дверь, обтянутая шкурой мустанга, была закрыта, но посреди нее зияла дыра. Что это значило?

Старый охотник неслышными шагами обогнул хижину и под прикрытием деревьев пробрался до навеса, опустился на колени и стал прислушиваться.

Из хакале доносился звучный прерывистый храп. Зеб Стумп заглянул в щель и увидел спящего на полу Фелима.

Теперь предосторожности были излишни. Охотник поднялся на ноги и, снова обогнув хижину, вошел через дверь. Она не была заперта. Он не стал будить Фелима.

«Вещи уложены в дорогу. А! Вспоминаю: Морис говорил, что собирается на-днях выехать отсюда. Этот же молодец не просто спит, а мертвецки пьян. Интересно, оставил ли он хоть каплю выпивки? Сомнительно... А вот и бутыль без пробки валяется набоку, рядом и фляга — тоже пустая. Чорт бы побрал этого пьяницу — ведь он способен поглотить не меньше жидкости, чем вся меловая прерия!.. Испанские карты! Целая колода валяется на полу. Что он мог делать с ними? Вероятно, выпивая, раскладывал пасьянс. Но кто прорезал дыру в двери и откуда эта щель в стене? Наверное, он мне сможет объяснить. Разбужу его и спрошу».

— Фелим, Фелим!

Фелим не отвечал.

— Фелим, это я! Фелим!

Ответа опять не последовало. Несмотря на то, что во второй раз охотник закричал так громко, что голос его был, вероятно, слышен на расстоянии полумили, Фелим продолжал безмятежно спать. Зеб стал трясти пьяницу изо всех сил; в ответ послышалось лишь какое-то рычанье, но оно сейчас же перешло в прежний раскатистый храп.

«Если бы не его храп, я подумал бы, что он умер. Но он мертвецки пьян... в этом нет сомнения. Как же привести его в чувство?»

Взгляд старого охотника остановился на ведре, которое стояло в углу. Оно было доверху наполнено водой. С усмешкой Зеб поднял ведро и плеснул прямо в физиономию спящему.

Это дало желаемые результаты. Фелим проснулся, но еще не совсем протрезвился.

Поток восклицаний, вырвавшийся из его уст, слился с веселым хохотом старого охотника.

Наконец оба успокоились и могли приступить к серьезному разговору. Фелим все еще находился под влиянием пережитых ужасов. Бесцеремонная шутка Зеба не вызвала в нем обиды — он был рад, что мог наконец поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями. Зеб впервые услыхал от него о странном всаднике без головы.

Сначала Зеб высмеял Фелима — он назвал это просто «игрой воображения» старого пьяницы. Однако, когда Фелим продолжал настаивать, что это было действительным фактом, он призадумался.

— Ну, какая же это могла быть ошибка! — возражал ирландец. — Разве я не видел мистера Мориса так же ясно, как сейчас вижу вас? Видел все, за исключением головы. Но и голову я потом увидел, когда он повернул лошадь. Да, кроме того, на нем было его мексиканское серапэ и сапоги из шкуры ягуара. А как я мог не узнать его красивого коня? Кажется, я забыл еще сказать, что и Тара ушла за ним. Я потом слышал, как она рычала на индейцев.

— Индейцы? — воскликнул охотник, недоверчиво качая головой. — Индейцы, играющие испанскими картами?

— Вы думаете, что это были не индейцы?

— Неважно, что я думаю. Сейчас нет времени рассуждать. Продолжай, рассказывай все, что ты видел и слышал.

Когда Фелим наконец закончил свое повествование, Зеб не стал больше задавать вопросов. Он вышел из хижины и растянулся на траве.

Ему хотелось разобраться в своих мыслях. Рассказ Фелима еще больше запутывал все дело.

До этого известно было лишь об исчезновении Генри Пойндекстера; теперь же картина осложнялась еще тем, что мустангер не вернулся домой, несмотря на то, что должен был прибыть, по словам слуги, еще накануне утром.

Совсем невероятным был рассказ о том, что мустангер появлялся в образе всадника без головы или же с головой, которую держал в руке. Это могло быть только чьей-то проделкой.

Странно, конечно, заниматься подобными шутками в момент, когда только что совершено убийство и половина населения сеттльмента ищет убийцу. Это было тем более странно, что виновником преступления считали не кого другого, как именно Мориса Джеральда.

Перед Зебом Стумпом раскрывалась картина какого-то странного сцепления обстоятельств, или, вернее, какого-то нагромождения событий. Происшествия без видимых причин, причины без видимых следствий, преступления без понятных побуждений. Что-то таинственное, непонятное...

Ночное свидание между Морисом Джеральдом и Луизой Пойндекстер, ссора с братом как следствие этой встречи, отъезд Мориса в прерию, Генри, отправившийся вдогонку, чтобы просить у Джеральда прощения, — все это вполне естественно и понятно. Но дальше начиналась путаница и противоречия.

Зеб Стумп знал расположение Мориса Джеральда к Генри Пойндекстеру. Морис неоднократно говорил о Генри Пойндекстере и никогда не обнаруживал и тени вражды, — наоборот, он всегда восхищался прекрасными душевными качествами юноши. Предположение, что Морис мог внезапно превратиться из друга юноши в его убийцу, казалось слишком неправдоподобным.

Несмотря на необычайную ясность ума, Зеб Стумп не был в состоянии найти разумную разгадку этой сложной драмы. Единственно, в чем он не сомневался, — это в том,

что четыре всадника, которые, по его мнению, не были индейцами, сделали набег на хижину мустангера. Возможно, что они были как-то связаны с совершенным убийством. Однако появление этих людей в хакале и отсутствие его хозяина навели Стумпа на еще более грустные предположения. Ему казалось теперь, что убит был не один человек и что в лесных зарослях следует разыскивать два трупа.

При этой мысли тяжелый вздох вырвался из груди старого охотника. Он полюбил молодого ирландца почти отеческой любовью. И мысль, что Морис Джеральд предательски убит в темных зарослях и что тело его терзают коршуны и койоты, причиняла старику невыносимую боль. И чем больше он вдумывался, тем глубже вздыхал. Наконец, почувствовав, что он не может больше находиться под этим мучительным гнетом, Стумп вскочил на ноги и стал быстро ходить взад и вперед. Он решил отомстить.

Старый охотник был так захвачен своими горькими переживаниями, что не заметил, как мимо него пробежала большая собака мустангера.

Фелим радостным криком приветствовал возвращение собаки. Зеб Стумп оставался равнодушен к этому до тех пор, пока не услышал громкого возгласа, обращенного к нему:

— О мистер Стумп, посмотрите на Тару! Смотрите, у нее на шее что-то привязано. Этого не было, когда она ушла. Как вы думаете, что это такое?

Действительно, на шее собаки был ремешок из оленьей кожи. Но под ним еще что-то торчало — какой-то маленький сверточек.

Зеб вытащил охотничий нож и наклонился к собаке; та в испуге попятилась назад, но потом, убедившись, что тут не было злого намерения, позволила подойти к себе.

Зеб разрезал ремешок, открыл сверточек — в нем была визитная карточка. На карточке было что-то написано от руки как будто бы красными чернилами, очевидно — кровью.

Зеб стал читать. Он довольно быстро разобрал написанное. Вздох облегчения вырвался у него.

— Он жив, Фелим! Он жив! Посмотри на это... Э, да ты ведь неграмотный! Спасибо старику-учителю, что выучил меня читать. Но все равно. Он жив! Он жив!

— Кто? Мистер Морис? Надо поблагодарить бога!

— Стой! Сейчас для этого нет времени. Достань одеяло и ремни. Сделай это, пока я схожу за своей кобылой. И поживее! Нельзя терять ни минуты, иначе будет поздно!

ГЛАВА LIII

Как раз во-время

С этими словами старый охотник двинулся в путь.

Он был совершенно прав — нельзя было терять ни минуты. В тот момент, когда охотник поспешил на помощь, человек, писавший кровью, опять был в смертельной опасности: на него еще раз напали койоты. Но не в них была главная опасность. Ему грозил более страшный враг, уже готовый растерзать несчастного.

Для читателя ясно, что раненый человек в панаме и плаще — Морис Джеральд. После описанной схватки с койотами, благополучно разрешившейся благодаря вмешательству Тары, он почувствовал сильную слабость, и ему захотелось спать.

Усталый и успокоенный, он скоро заснул. Сон продолжался несколько часов.

Проснулся Джеральд потому, что хорошо выспался. Силы его были уже значительно восстановлены, и он мог спокойно подумать о своем положении.

Собака спасла его от койотов. Но что же дальше? Преданное животное все равно не сможет доставить его домой. А оставаться здесь — значило умереть от голода или от полученных ран.

Джеральд поднялся на ноги, но почувствовал, что ему

трудно стоять. Слабость присоединилась теперь к его другим недомоганиям. Он попробовал сделать один-два шага и принужден был снова лечь.

В тяжкую минуту полного бессилия у него мелькнула радостная мысль: «Тара может отнести весточку в хижину».

— Если бы я только мог заставить ее вернуться домой! — сказал он и испытующе посмотрел на собаку. — Поди сюда, моя хорошая, — продолжал Морис, обращаясь к бессловесному другу. — Я хочу, чтобы ты была моим почтальоном и отнесла мое письмо. Ты понимаешь? Погоди, пока я напишу его. Тогда я объясню тебе получше. К счастью, со мной есть карточка, — сказал он, сунув руку в карман. — Карандаша нет, но это не беда. Чернил тут хватит. А вместо пера мне послужит шип вот этой агавы.

Он подполз к растению, отломил один из длинных шипов, торчащих на конце листа, окунул его в кровь одного из койотов и стал писать.

Затем он достал кусок ремешка из оленьей кожи и завязал его вокруг шеи собаки. Тщательно завернув карточку в кусочек кожи, оторванной от подкладки панамы, он заткнул ее за импровизированный ошейник.

Теперь осталось уговорить собаку выполнить обязанности почтальона.

Это было довольно трудно. Верный пес, несмотря на свой ум, никак не мог понять, почему он должен покинуть того, кому он был так беззаветно предан. Он долго оставался глух к увещеваниям, которые гнали его прочь. И только после того, как человек, так недавно им спасенный, с притворной злобой закричал на него и побил костылем, — только после этого пес покорился и ушел.

И все же Тара несколько раз оборачивалась назад и бросала на хозяина взгляды, полные упрека.

— Бедняга! — с сожалением в голосе сказал Морис, когда Тара исчезла в зарослях. — Это все равно, что побить себя или самого близкого друга. Ну ничего, я не останусь

у нее в долгу. А теперь мне надо подумать о защите в случае новых нападений койотов. Они, наверное, явятся, почуяв, что я остался один.

План действий уже созрел.

Недалеко от орешника стояло дерево с двумя толстыми горизонтальными ветвями. Они были близко расположены друг к другу на высоте шести-семи футов над землей.

Джеральд проколол ножом ряд дырочек в полах своего плаща, потом размотал свой креповый шарф и разорвал по длине надвое. Таким образом, получились две полосы по нескольку ярдов длиной. После этого он растянул плащ между ветвями и привязал его полосками шарфа к дереву в виде гамака.

Морис знал, что койоты не умеют лазить по деревьям и что, устроившись на этой висячей постели, он может совершенно спокойно наблюдать за ними.

Он не щадил своих сил, устраивая это приспособление, так как был уверен, что койоты должны вернуться. И действительно, волки не замедлили показаться. Они подкрадывались с опаской. Шаг-два вперед, затем останавливались и смотрели вокруг. И снова продвигались к месту прежней битвы. Убедившись, что собаки нет, они скоро собрались всей сворой.

Морис стал свидетелем их отвратительной жадности, характерной для этих трусливых животных. Сначала они стали пожирать трупы своих погибших собратьев. Вслед за тем койоты столпились под деревом, на котором расположился раненый.

Подвешивая свой гамак, мустангер не пытался замаскировать его. От земли его отделяло достаточно большое расстояние, и ему казалось, что этим уже обеспечена его безопасность.

Повидимому, кровавый обед еще больше раздразнил аппетит хищников, и они стояли теперь перед деревом, облизывая свои запачканные кровью морды.

Морис почти не обращал на них внимания даже и тогда, когда трусливые животные, подпрыгивая, почти касались его ног.

Однако была опасность, которой он не предвидел заранее. Хищники, убедившись в бесплодности своих попыток, тяжело дыша, улеглись под деревом. Казалось бы, это не должно было испугать мустангера, поскольку он чувствовал себя в безопасности в своем гамаке. Он бы и не беспокоился, если бы не почувствовал снова приступа неутолимой жажды, которая с каждой минутой становилась все мучительнее.

Ему стало обидно за свою недогадливость: ведь можно было об этом подумать раньше, прежде чем забраться на дерево! Нетрудно было захватить с собой туда запас воды. Ручей был тут же, а вогнутые листья агавы могли послужить посудой.

Но теперь было уже поздно. Неудержимое желание напиться росло все сильнее и сильнее. Пробраться к ручью сквозь засаду койотов было невозможно — это грозило смертью.

После большой потери крови жажда мучит особенно сильно. Муки становились нестерпимыми. На этот раз страдания сопровождались галлюцинациями. Казалось, что количество волков увеличилось в десять раз. Их уже не сотня — целая тысяча наводняла полянку. Они всё приближались и приближались. Глаза их сверкали страшным блеском. Красные языки касались подвешенного плаща. Они раздирали его своими зубами. До Мориса доносилось их зловонное дыхание, когда они подпрыгивали.

В моменты просветления мустангер видел, что все это было игрой больного воображения. Волки продолжали спокойно лежать на траве, карауля своего пленника.

В один из таких моментов Джеральд увидел неожиданную и непонятную перемену. Койоты внезапно вскочили и убежали в чащу. Исчезли все до одного.

Что же могло спугнуть их?

Пятнистый зверь приготовился к прыжку.

Крик радости вырвался из груди Мориса. Наверное, Тара вернулась. Может быть, и Фелим вместе с ней. Ведь времени прошло достаточно: осада койотов длилась около двух часов. Морис наклонился вниз и посмотрел кругом. Ни собаки, ни слуги не было видно. Ничего, кроме ветвей и кустов. Он прислушался. Ни звука, кроме завывания койотов, которые все еще, казалось, продолжали отступать. Уж не бред ли это снова? Что могло заставить их бежать? Но все равно. Дорога была свободна. Подойти к ручью теперь было безопасно. Вода сверкала перед его глазами. Ее журчание ласкало слух.

Он спустился с дерева и направился к берегу ручья. Но прежде чем наклониться к воде, Морис еще раз оглянулся назад и ясно увидел среди зелени желтую пятнистую шкуру ягуара. Точно змея, выползал ягуар из чащи, изгибая свое длинное, тонкое тело.

Теперь было понятно, почему убежали койоты.

Намерения хищника были также достаточно очевидны: он почуял кровь и спешил к месту, где она была пролита, чтобы разделить кровавое пиршество.

Ягуар направился к человеку сначала медленно, ползком, потом быстрее и быстрее, готовясь к прыжку.

Забираться на дерево было бесполезно: ягуар лазает по деревьям, как кошка. Мустангер это знал, но если бы он и не знал этого, все равно было уже поздно. Животное миновало то дерево, которое служило мустангеру убежищем, а вблизи не было другого, куда бы можно было взобраться.

Движимый бессознательным инстинктом, несчастный бросился прямо в ручей. Но ягуар не только хорошо лазает по деревьям, но и плавает, как выдра. Он так же страшен в воде, как и на суше.

В полной безнадежности Морис Джеральд остановился, войдя в воду по пояс. Больше ничего не оставалось делать. Защищаться было нечем: не было ни ружья, ни револьвера, ни ножа, ни даже костыля.

Дикий крик вырвался у несчастного, когда пятнистый зверь приготовился к прыжку.

Но одновременно взвыл и ягуар. И, вместо того чтобы броситься на жертву, ягуар замертво свалился в воду.

Точно эхо, в ответ на крик мустангера раздался другой крик и вслед за ним выстрел, вызвавший вой ягуара.

Огромная собака ринулась сквозь заросли и прыгнула в воду. Человек гигантского роста быстро приближался к берегу. Другой, небольшого роста, следовал за ним, оглашая воздух криками торжествующей радости.

Эти звуки показались раненому скорее призрачными, чем реальными. Все пережитые ужасы были слишком длительным и слишком тяжелым испытанием для его нервной системы. Морис Джеральд не выдержал такого напряжения — у него начался приступ горячки. Больной хотел задушить своего верного пса, ласкавшегося к нему, и отбивался от сильных объятий друга, который пытался вынести его из воды.

ГЛАВА LIV

Паланкин прерии

Это Зеб Стумп пришел на выручку мустангеру. Следуя указаниям записочки, старый охотник спешил, как только мог, чтобы скорей прибыть на место.

Он подоспел как раз во-время, в тот самый момент, когда ягуар готовился прыгнуть. К счастью, Зеб уже был на расстоянии ружейного выстрела.

Пуля, пронзившая сердце свирепого зверя, не остановила прыжка, но это был последний прыжок хищника.

Старый охотник бросился в воду.

Но тут его самого ожидало нападение. Не когти ягуара вцепились в него, а руки человека, которого он только что спас от смерти.

К счастью Зеба, нож мустангера остался на земле, но безумец бросился душить своего спасителя. Зеб отшвырнул

ружье и отбил неожиданное нападение. Борьба продолжалась довольно долго. Наконец Зебу удалось схватить молодого ирландца на руки и отнести на берег.

Но как только больной почувствовал себя освобожденным, он сорвался с места и побежал к орешнику с такой быстротой, точно больная нога не тревожила его больше.

Охотник угадал намерение безумного. Он заметил лезвие ножа, блестевшее на плаще. Мустангер бежал за ножом. Зеб бросился за безумцем и, еще раз схватив его, оттащил от дерева.

— Скорее, Фелим! — закричал Зеб. — Спрячь эту штуку. Парень лишился рассудка. Он весь горит. У него горячка.

Фелим немедленно повиновался.

Но борьба все же не закончилась. Больной бросился с кулаками на своего спасителя. Он громко кричал, грозил, его глаза бегали и горели диким огнем. В течение десяти минут продолжалась свалка. Наконец, совершенно изнеможенный, Джеральд опустился на траву и после нескольких содроганий, сопровождавшихся глубокими вздохами, совершенно затих. Казалось, что последняя искра жизни угасла в нем.

Фелим принялся громко причитать над ним.

— Перестань реветь, проклятый дурень! — закричал Зеб. — Одного твоего воя достаточно, чтобы душа рассталась с телом. Он такой же мертвый, как и ты, — это обморок. Судя по тому, как он расправлялся со мной, повидимому тут ничего серьезного нет.

Фелим, обрадованный тем, что хозяин жив и что жизнь его вне опасности, внезапно перешел от мрачного отчаяния к ликующей радости, выразившейся в какой-то уморительной пляске.

Его радостное возбуждение подействовало и на Тару. Она кружила около Фелима, присоединяясь к его неистовому ирландскому танцу.

Зеб не обращал внимания на это комическое представление. Еще раз наклонился он над больным. Убедившись, что опасных ран нет, Зеб Стумп поднялся и стал рассматривать валявшиеся на земле вещи. Затем он обратил внимание на панаму, которая все еще оставалась на голове мустангера.

Шляпы из гаяквильской травы, неправильно называемые панамами, были широко распространены на всем юге, так же как и в Техасе. Но охотник знал, что молодой ирландец привык носить мексиканское сомбреро — головной убор совершенно другого типа. Возможно, что мустангер на этот раз изменил своему обычаю. Зебу показалось, что он уже видел на ком-то именно эту шляпу. Заглянув внутрь панамы, охотник заметил две надписи: клеймо фабриканта шляп и надпись, сделанную от руки: «Генри Пойндекстер».

Теперь он стал исследовать плащ. На нем Стумп тоже увидел приметы, доказывавшие принадлежность плаща тому же владельцу.

— Чорт знает, что все это означает! — пробормотал старик, глядя в землю и глубоко задумавшись. — Шляпы не на своих головах, головы не на своих местах! Честное слово, здесь что-то нечисто. Если бы я только не чувствовал боли под левым глазом от удара этого молодца, я бы усомнился, пожалуй, на месте ли моя собственная черепная коробка. От него ждать объяснений сейчас не приходится, — добавил Зеб, посматривая на Мориса. — Разве только после того, как он переспит свою горячку. Но когда это будет — кто знает?.. Ладно, — продолжал охотник после некоторой паузы. — Здесь оставаться незачем. Нам надо доставить больного в хижину, а для этого надо подумать, как переправить его туда. Этот все равно ничего не придумает, — сказал Зеб, взглянув на Фелима, занятого разговором с Тарой. — У пса, повидимому, больше мозгов, чем у него. Ну, ничего. Придется и ему поработать. Как же тут быть? Надо бы нам соорудить носилки. Можно сделать их из

пары шестов и плаща или же одеяла, которое захватил Фелим. Да, совершенно правильно. Именно носилки — как раз то, что нам сейчас нужно.

Теперь ирландец был призван на помощь.

Срезали и обстругали два деревца, каждое около десяти футов длиной, добавили еще два, покороче, для поперечных перекладин. На них растянули сначала одеяло, а поверх него — плащ. Таким образом, импровизированные носилки были готовы. Предвидя возможность нового буйного приступа, Зеб Стумп решил привязать больного к носилкам.

Не два человека, как это обычно бывает, несли эти носилки. Дело было организовано иначе: передние концы шестов были укреплены на лошади, а сзади носилки поддерживал человек. Поддерживал их Фелим.

Зеб шел впереди в качестве вожатого.

В этом импровизированном паланкине Морис Джеральд был доставлен в свою хижину.

**
*

Уже спустилась ночь, когда эта странная процессия прибыла к хакале мустангера.

Сильные руки охотника бережно перенесли больного с носилок на его кровать в хижине.

Джеральд не понимал, где он находится, и не узнавал своего друга Зеба, склонившегося над ним. Его мысли всё еще блуждали, хотя он больше уже не буйствовал. Наступил период затишья.

Больной не молчал, но и не отвечал на ласковые вопросы, обращенные к нему; с его уст срывались какие-то загадочные восклицания.

Друзья мустангера перевязали ему раны, как сумели, но больше ничего сделать было нельзя. Надо было ждать наступления утра.

Зеб распорядился, чтобы Фелим отправился спать, а сам остался у постели больного.

У старого охотника были свои соображения по этому поводу. Ему не хотелось, чтобы бред больного слышал кто-нибудь, кроме него, даже Фелим. И он просидел всю ночь напролет у постели Мориса и ловил каждое его слово.

Зебу Стумпу не странно было слышать, как больной в своих любовных клятвах повторял все время имя Луизы.

Но и другое имя часто срывалось с уст больного. И с ним были связаны менее приятные для слуха речи. Это было имя брата Луизы. Какие-то бессвязные, жуткие, бессмысленные слова сопровождали это имя.

Зеб Стумп сидел и сопоставлял все слышанное с уже известными ему фактами, и, когда наступило утро, он уже не сомневался в том, что Генри Пойндекстера нет в живых.

ГЛАВА LV

День новостей

Дон Сильвио Мартинец — один из немногих мексиканских богачей, оставшихся в Техасе после захвата страны северными колонистами. Он мало интересовался политикой, был человеком миролюбивым от природы, уже пожилым, а поэтому довольно легко примирился с новым положением. Потеря национальной независимости уравновешивалась в его сознании безопасностью от набегов команчей, терроризировавших страну до прихода сюда колонистов. Дикари, правда, не были еще окончательно покорены, но нападения их стали значительно реже.

И старику-мексиканцу одно это казалось уже большим достижением.

Дон Сильвио был «ганадеро» — скотоводом большого масштаба. Его пастбища простирались на много миль в длину и ширину, а его табуны лошадей и рогатого скота исчислялись тысячами голов. Его гасиенда — длинный и

узкий одноэтажный дом — скорее напоминала тюрьму, чем жилое помещение. Со всех сторон она была окружена загонами для скота.

Жизнь обычно здесь текла очень тихо. Но когда наступал осенний праздник — праздник клеймения скота, веселый шум пиршеств оглашал воздух в течение многих дней. Это, однако, происходило только раз в год. В остальное же время старый владелец гасиенды, убежденный холостяк, вел спокойный и уединенный образ жизни. С ним жила только его сестра, еще более преклонного возраста, чем он сам.

Правда, когда к ним в гости приезжала их хорошенькая племянница с берегов Рио-Гранде, тихая гасиенда оживала. Исидоре здесь всегда были рады. Она приезжала и уезжала, когда ей заблагорассудится. В доме дяди ей позволяли делать все, что вздумается. Старику нравились живость и жизнерадостность Исидоры, да он и сам был далеко не мрачным человеком. Некоторые свойства ее характера, которые в других странах могли бы показаться неженственными, были естественны в стране, где загородный дом сплошь и рядом превращался в крепость, а домашний очаг орошался кровью хозяев.

Дон Сильвио Мартинец прожил свою молодость в обстановке постоянной опасности. Он был свидетелем многих безрассудных поступков. Неудивительно, что он не останавливал Исидору, отчаянные выходки которой граничили часто с каким-то неудержимым безрассудством.

Старый мексиканец любил свою племянницу так нежно, как можно любить только свою собственную дочь. И каждый знал, что Исидора будет наследницей всех его владений.

Неудивительно поэтому, что она пользовалась особым уважением среди всей челяди дона Сильвио Мартинеца — на нее смотрели как на будущую хозяйку. Но ее уважали даже независимо от этого: своей храбростью она нравилась отважным мексиканским крестьянам. И, вероятно, среди них не нашлось бы ни одного, кто не обнажил бы своего мачете[1] в ее защиту.

За последнее время Исидора стала все чаще навещать своего дядю. Но не из-за того, что она больше привязалась к нему и хотела утешить его старость, — причина была другая. Она приезжала на Леону в надежде встретиться с Морисом Джеральдом. Исидора любила мустангера. С того самого дня, когда он освободил ее из рук пьяных индейцев, он завладел ее сердцем.

Исидора не находила себе покоя. Экспансивная по своей природе, она не могла дольше терпеть неопределенности. Она решила признаться в своей любви и потребовать прямого ответа: любима она или нет? Девушка назначила Джеральду свидание, на которое он не приехал.

«Мигуэль Диаз встал между нами!» — так думала Исидора, когда спешила к гасиенде своего дяди.

Исидора пустила своего серого коня галопом. Она была без шляпы. Прическа растрепалась. Прекрасные черные косы спустились на спину. Глаза возбужденно блестели. Щеки разгорелись ярким румянцем. Приближаясь к дому, Исидора придержала поводья. Лошадь замедлила бег, пошла рысью, потом шагом и наконец остановилась посреди дороги.

Исидора задумалась.

«Лучше его не трогать. Подымется скандал. Пока никто ничего не знает о моем свидании. Ах, если бы только рассказать всё этим любезным техасцам, то одних моих показаний было бы достаточно, чтобы жестоко наказать его! Но пусть он живет... Он негодяй, но я не боюсь его. После того, что произошло, он не посмеет подойти ко мне близко. Пресвятая дева! И как только я могла, хотя бы на минуту, им увлечься!.. Надо послать кого-нибудь освободить его. Человека, который сохранил бы мою тайну. Кого же? Бенито — старшего пастуха. Верный, отважный малый. А вот и он! Как всегда, все считает свой скот».

---

[1] Мачете — мексиканский нож.

— Бенито! Бенито!

— К вашим услугам, сеньорита.

— Бенито, мой друг, я хочу тебя просить об одном одолжении. Ты согласен помочь мне?

— Рад исполнить ваше распоряжение, — ответил мексиканец, низко кланяясь.

— Это не распоряжение: я прошу оказать мне услугу.

— Слушаю вас, сеньорита.

— Знаешь ли ты место на вершине холма, где сходятся три дороги?

— Так же хорошо, как кораль в гасиенде вашего дядюшки.

— Хорошо. Отправляйся туда. Ты найдешь там человека. Руки у него связаны лассо. Освободи его, и пусть идет на все четыре стороны. Если он получил повреждения, то помоги ему, как можешь. Только не говори, кто тебя послал. Может быть, ты его знаешь. Мне кажется — так, но это неважно. Не задавай ему никаких вопросов. И не отвечай на его вопросы, если он вздумает тебя спрашивать. Как только ты поставишь его на ноги, пусть себе распоряжается ими, как ему заблагорассудится. Ты понял меня?

— Все совершенно ясно, сеньорита. Ваши распоряжения будут выполнены в точности.

— Спасибо, друг Бенито. Еще одна просьба: о том, что ты для меня сделаешь, должны знать только трое, больше никто. Третий — это тот человек, к которому я тебя посылаю. Остальных двух ты знаешь.

— Я понимаю вас, сеньорита. Ваша воля для меня — закон.

Бенито пришпорил лошадь.

— Подожди! Я забыла! — закричала Исидора. — Ты увидишь там мое серапэ и шляпу — захвати их с собой. Я тебя подожду здесь или же встречу на дороге.

Поклонившись, Бенито отъехал. Но его опять остановили.

— Я решила ехать с тобой, Бенито.

Слуга дона Сильвио уже привык к капризам своей будущей хозяйки.

Он поехал вперед, Исидора последовала за ним.

Но Бенито ошибся в своих предположениях. Сеньорита Исидора сопровождала его не из-за каприза. У нее для этого были серьезные побуждения. Она забыла не только свое серапэ и шляпу, но и записку, доставившую ей столько неприятностей. Об этом Бенито не должен был знать.

Но как попало письмо в руки Эль-Койота? Хосэ передал ему? Оказался ли ее слуга предателем? Или же Диаз, повстречавшись с ним, заставил его силой отдать письмо? И то и другое правдоподобно.

Наконец цель путешествия достигнута. Исидора въехала на поляну, держась бок о бок с Бенито.

Мигуэля Диаза уже не было.

Но что ее огорчило больше всего — это то, что не было и письма.

Лежали ее шляпа, серапэ и петля лассо — больше ничего.

— Ты можешь вернуться домой, Бенито. Человек, который упал с лошади, наверное, уже пришел в себя и, по-видимому, уехал. Я рада за него. Но не забывай, Бенито, что все должно остаться между нами. Понимаешь?

— Понимаю, донья Исидора.

Бенито уехал и вскоре скрылся из виду за уступами холма.

***

Исидора одна на поляне.

Она соскакивает с седла, набрасывает на себя серапэ, надевает шляпу и снова превращается в юного гидальго. Медленно взбирается она в седло; мысли ее, по-видимому, витают где-то далеко.

Но не успела она сесть на лошадь, как на поляну прибежал Хосэ. Она сейчас же спросила его:

— Что ты сделал с письмом?

— Я доставил его, сеньорита.

— Кому?

— Я оставил его в гостинице, — сказал он, запинаясь и бледнея. — Дона Морисио я не застал там.

— Это ложь, мерзавец! Ты отдал его Мигуэлю Диазу. Не отрекайся! Я видела это письмо сама.

— О сеньорита, простите, простите! Я не виноват, уверяю вас, я не виноват!

— Глупец, ты сам себя выдал. Сколько заплатил тебе дон Мигуэль за твою измену?

— Клянусь вам, госпожа, это не измена. Он... он... вынудил у меня... угрозами, побоями. Я... я... мне не заплатили ничего.

— Тогда я тебе заплачу. Больше ты мне не нужен. Можешь итти, куда хочешь. А в награду на́ тебе — вот и вот!

Раз десять повторила она эти слова, и каждый раз ее кнут опускался на плечи слуги. Он пробовал бежать... Напрасно! Она нагоняла его, и он останавливался из страха попасть под копыта разгоряченной лошади. Только когда синие рубцы появились на смуглой коже, кончилось истязание.

— А теперь вон отсюда! И не попадайся мне больше на глаза. Вон отсюда!

Как вспугнутая кошка, слуга стремглав убегает с поляны. Он рад, что может скрыться в колючих зарослях. Там скроется и его позор.

Недолго остается на поляне и Исидора. Ее гнев сменяется глубоким огорчением. Мало того, что помешали ее свиданию, — ее сердечная тайна попала в руки предателям.

Она направляется домой.

Около гасиенды какое-то смятение. Пастухи, полевые рабочие, служащие бегают взад и вперед, от поля в кораль, из кораля во двор, и о чем-то кричат. Мужчины вооружаются. Женщины на коленях взывают к небесам о защите.

— Что случилось? — спрашивает Исидора.

Бенито, оказавшийся вблизи, отвечает:

— Где-то в прерии убили человека. Жертвой пал американец, сын плантатора, недавно поселившегося в гасиенде Каса-дель-Корво. Говорят, что индейцы совершили это преступление.

Индейцы! В этом слове — причина смятения, обуявшего людей дона Сильвио.

Самый факт, что убили какого-то человека, — еще небольшое происшествие для этой страны. Оно не вызвало бы подобных волнений, особенно если дело касается чужого — американца. Известие же, что близко индейцы, — уже совсем другое дело. В этом угроза безопасности.

Исидора отнеслась к этому сообщению довольно безразлично.

Прошло несколько часов. Новые слухи распространились по поводу убийства. Оно было совершено не команчами, а белым человеком — Морисом-мустангером! Индейцев нет поблизости.

Эта новая редакция «новостей» успокоила слуг дона Сильвио, но оказала обратное действие на его племянницу. Она не находила себе покоя. Полчаса спустя Исидора остановила свою лошадь около дверей гостиницы.

Молодая мексиканка немного владела английским языком — уже несколько недель как она усердно изучала его, — и запаса ее слов оказалось достаточно для того, чтобы расспросить не о человеке, который был убит, а о том, кто обвиняется в убийстве.

Хозяин таверны, зная, кто она, отвечал на вопросы с большой предупредительностью.

С печалью в сердце возвратилась мексиканка к гасиенде Мартинеца. Там опять было смятение. Новая страшная весть: в окрестностях реки Нуэсес появился всадник без головы.

Исидора решает ехать обратно на Рио-Гранде, ее ничто не может остановить. Что́ ей до того, что в прерии, через

которую лежит ее путь, убили человека! Еще меньше ее беспокоит призрак всадника без головы. Больше того — она заявила, что поедет одна. Дон Сильвио предлагал ей охрану из десяти вооруженных вакеро. Исидора отказалась наотрез. Не возьмет ли она с собой Бенито? Нет, она предпочитает ехать одна. Она так решила.

***

На следующее утро Исидора действительно отправилась в путь. Чуть рассвело, она была уже в седле. Не прошло и двух часов, как мексиканка была далеко, но она ехала не по прямой дороге на Рио-Гранде, а вдоль берега реки Аламо.

ГЛАВА LVI

Выстрел в дьявола

Всю ночь больной не сомкнул глаз. То он лежал совсем тихий, безмолвный, то метался в безумном бреду. Всю ночь не отходил от него старый охотник и ловил каждое слово его несвязной речи.

Ссора. Шляпа. Плащ... Мысли Зеба метались, точно в каком-то темном, таинственном лабиринте. Никогда в жизни трезвый ум охотника не стоял перед такими трудностями. Зеб Стумп стонал, чувствуя свое бессилие.

Под утро, когда лунный свет уже смешивался с рассветом, раздался протяжный, заунывный вой Тары, бродившей среди зарослей.

Потушив свет, Зеб тихонько вышел и стал прислушиваться. Ночные голоса тропических зарослей замолкли. Но что заставило выть Тару?

Охотник сначала бросил взгляд на полянку перед домом, потом осмотрел опушку зарослей, затем стал всматриваться в тень деревьев. Ничего не было видно. Мрачными контурами выделялся утес на фоне неба. Линия горного рельефа была смягчена очертаниями макушек растущих

Темным силуэтом выделялся всадник.

там деревьев. Наверху, за обрывом, расстилалась равнина. Луна ярко светила прямо над утесом, и окрестность была настолько отчетливо видна, что, казалось, змея не могла бы проползти незамеченной.

Но нигде никого не было.

Послышался какой-то звук. Он доносился со стороны равнины и как будто недалеко от утеса. Это был словно стук подковы, ударившейся о камень.

Так показалось Зебу.

Старый охотник не ошибся. Вскоре из-за деревьев действительно показалась лошадь. На лошади сидел человек. Темным силуэтом выделялся всадник на сапфировом фоне неба. Его фигура была видна только от седла и до плеч; поверх плеч ничего не было видно.

Зеб Стумп протер глаза, но всадник оставался все тем же.

Зеб долго следил за странным всадником, у которого не было головы. Это не был призрак или галлюцинация. Всадник удалялся медленно и постепенно. Сначала за деревьями обрыва скрылась голова лошади, потом ее шея, передняя часть корпуса, потом и ее седок — призрачный, чудовищный образ человека.

— Иосафат! — воскликнул ошеломленный охотник.

Это восклицание повторял он всегда, когда бывал чем-нибудь взволнован. А сейчас, несмотря на все его бесстрашие, он был объят ужасом.

Некоторое время Зеб стоял совершенно безмолвно, точно онемел от чудовищного зрелища.

— Чорт возьми! — наконец воскликнул он. — Ирландец все-таки был прав. Я думал, что это ему почудилось с пьяных глаз. Но нет! Он на самом деле видел, так же как и я. Неудивительно, что малый испугался. У меня у самого все внутри дрожит. Иосафат! Что же это может быть?.. Что же это может быть? — повторил Зеб после некоторого раздумья. — Чорт меня побери, если тем или иным путем я не добьюсь разгадки! Будь это днем, я бы

мог хорошенько рассмотреть этого всадника. Надо попробовать подойти к нему поближе. Надеюсь, что он меня не съест, если даже это сам дьявол, а если всадник без головы действительно дьявол, то я еще проверю своей пулей, вышибет она его из седла или нет. Итак, пойдем и познакомимся поближе с этой нечистью — все равно, кто бы он ни был.

С этими словами охотник направился к тропинке, которая вела к обрывистому берегу.

Ружье было при нем — он захватил его, когда выскочил из хижины, услышав вой собаки. Зеб хорошо рассчитал свой маневр; взбираясь по крутой тропинке, он вскоре увидел всадника. Всадник остановился над самым обрывом.

Зеба передернуло при этой встрече.

Однако охотник твердо решил выполнить свое намерение; ему надо было знать, кто это — человек или дьявол.

Зеб схватил ружье и прицелился. Момент — и пуля пронзила бы таинственного всадника. Но у охотника мелькнула мысль: быть может, он совершит убийство? Зеб опустил дуло и минуту колебался.

— Алло, незнакомец! — закричал он. — Поздно же вы здесь катаетесь. И где это вы забыли свою голову?

Ответа не последовало. Только лошадь фыркнула, услышав человеческий голос.

— Послушайте, незнакомец! Старый Зеб Стумп из штата Кентукки говорит с вами. Он не из тех, с которыми можно шутить. Я хочу, чтобы вы объяснили ваш фокус. Если вы представляетесь мертвецом, то прошу вас поднять руку. Ну, отвечайте же, иначе я выстрелю.

Снова никакого ответа.

— Чорт бы вас побрал! — воскликнул охотник. — Еще шесть секунд! Я даю вам шесть секунд, и, если за это время вы мне не ответите, я стреляю. Если вы просто чучело, то это вам не повредит. А если вы дьявол, то это, должно быть, тоже не причинит вам вреда. Но если вы человек, играющий роль мертвеца, то вы заслуживаете

пули за вашу дурь. Ну, отвечайте же! — продолжал он с возрастающим раздражением. — Слышите вы или нет? Вы не хотите? Ладно! Я стреляю! Раз, два, три, четыре, пять, шесть!

Вслед за этим раздался выстрел.

В ответ на выстрел дико заржала лошадь, а всадник попрежнему невозмутимо сидел в седле.

Конь умчался, а Зеб остался ошеломленный на месте.

Несколько секунд он не мог двинуться и продолжал стоять как вкопанный.

Зеб Стумп остолбенел от ужаса. Старый охотник был вполне уверен, что его пуля попала в сердце или, во всяком случае, в то место, где должно быть у человека сердце.

Зеб хотел бежать, но не мог. В полном оцепенении следил он за удалявшимся чудовищным образом. И только когда всадник без головы скрылся, Зеб нашел в себе силы, чтобы отправиться обратно к хижине, и, лишь очутившись уже под ее кровом, пришел в себя настолько, чтобы спокойно подумать об этом странном происшествии.

Долго не мог он освободиться от навязчивой мысли, что это был дьявол. Однако в конце концов здравые размышления убедили его в полной невероятности такого предположения. Но понять, что же именно это было, ему так и не удалось.

***

Светало. Пора было будить Фелима, чтобы тот вступил в свою смену у постели больного. Ирландец, уже совсем протрезвившийся, охотно принял на себя эту обязанность. Но, прежде чем уступить место неопытному заместителю, старый охотник заново сам перевязал раны.

Зеб хорошо знал лечебные свойства растений. Он приложил к ранам одну из разновидностей кактуса, известную под именем *нопаль*. Старик знал по опыту, что сок этого растения окажет целебное действие и что через сутки раны начнут затягиваться, а через три дня совсем заживут.

Как и большинство обитателей родины кактусов, Зеб питал недоверие к врачам — он ни за что не позвал бы к больному ни одного из них, если бы даже и была эта возможность. К тому же старый знахарь не видел никакой опасности в этих ранах. Опасность для Мориса Джеральда заключалась в другом.

— Ну, мистер Фелим, — сказал Зеб, заканчивая перевязку, — мы сделали все, что могли, по этой части, а теперь надо подумать, как накормить больного. Найдется ли у тебя какая-нибудь еда?

— Ничего нет, мистер Стумп. Но что хуже всего — нет ни капли вина.

— Ах ты, негодяй, ведь это твои проделки! — сердито закричал Зеб. — Если бы не ты, водки хватило бы на все время болезни. Что же теперь делать?

— Вы напрасно меня обижаете, мистер Стумп, я выпил только из маленькой фляги. Это индейцы осушили большую бутыль. Уверяю вас!

— Нечего врать! Разве ты мог напиться только тем, что было во фляжке? Я слишком хорошо знаю твою проклятую глотку, чтобы поверить этому. Ты немало хлебнул из большой бутыли.

— Клянусь всеми святыми!

— К чорту твоих дурацких святых, не беспокой их, пожалуйста! Ни один человек в здравом рассудке не верит в эту нечисть. Ладно. Прекратим эти разговоры. Ты высосал кукурузную брагу — вот и все тут. За двадцать миль не поедешь за ней, а ближе достать нельзя. Придется обойтись без нее.

— Как же теперь быть?

— Замолчи и слушай, что я тебе скажу. Без выпивки мы обойдемся, но подыхать с голоду нет основания. Я не сомневаюсь, что наш больной сильно проголодался. Что же касается меня, то я так голоден, что готов съесть койота, а уж от индюка вряд ли отвернусь. Ты оставайся здесь и посиди около молодого парня, а я отправлюсь на

речку и посмотрю — может быть, удастся что-нибудь подстрелить.

— Не беспокойтесь, мистер Стумп, я сделаю все, что надо. Честное слово.

— Замолчи и дай мне договорить.

— Больше ни слова не скажу.

— Ну, теперь слушай меня. Я хочу, чтобы ты не проморгал одной вещи. Дело вот в чем: если сюда кто-нибудь забредет в мое отсутствие, дай мне знать. И не теряй ни минуты, а сейчас же извести.

— Будьте уверены, я это сделаю.

— Смотри же не подведи.

— Все это хорошо, но как мне это сделать, мистер Стумп? Если вы зайдете далеко и моего голоса не будет слышно, как тогда быть?

— Надеюсь, что очень далеко итти не придется — дикого индюка нетрудно подстрелить и поблизости. А впрочем, как знать? — продолжал Зеб после минутного размышления. — Найдется ли у тебя ружье? Пистолет также годится.

— Ни того, ни другого у меня нет. Хозяин захватил с собой.

— Странно. Да, ты прав, я могу и не услышать твоего крика.

Зеб уже переступил было порог, но потом остановился и задумался.

— Есть! — воскликнул он после некоторого размышления. — Я придумал! Видишь мою старую кобылу?

— Как же не видеть, мистер Стумп? Конечно, вижу.

— Ладно. Смотри дальше — вон там колючие кактусы, на самом краю полянки, видишь?

— Вижу, как на ладони.

— Молодчина! Теперь слушай. Следи за дверью. Если кто-нибудь придет в мое отсутствие, беги прямо к кактусу, срежь одну из веток, да поколючей выбирай, и ткни ее под хвост моей кобыле.

— Святой Патрик! Для чего же это?

— Видишь ли, Фелим, мне надо знать, если кто-нибудь заглянет сюда. Я не пойду далеко, но все же может случиться, что я тебя не услышу. Пусть кричит кобыла — у нее, пожалуй, голос погромче твоего. Понял, Фелим? Смотри же сделай все, как тебе сказано.

Отдав последнее распоряжение, старый охотник вскинул ружье на плечо и вышел из хижины.

«А этот старик не дурак», подумал Фелим.

Как только Зеб немного отошел от хакале, Фелим тоже вышел из хижины и стал, как часовой, у ее порога.

ГЛАВА LVII

Условленный сигнал

Фелиму недолго пришлось стоять на страже. Не прошло и десяти минут, как он услышал стук копыт. Кто-то приближался вдоль берега к хижине. У Фелима затрепетало сердце: «А вдруг это *он* опять?»

Густая зелень деревьев мешала ему разглядеть приближающегося всадника. Сначала Фелим хотел было побежать на полянку и выполнить распоряжение Зеба. Однако испуг приковал его к месту, и он не решался двинуться. Скоро ирландец убедился, что его опасения напрасны. У незнакомого всадника голова оказалась на месте.

— Ну, так и есть — она у него на плечах, — сказал Фелим, когда всадник показался из-за деревьев и остановился на противоположном конце поляны. — Настоящая голова, да еще с красивым лицом. Но бедняга чем-то недоволен. Можно подумать, что он только что схоронил свою бабушку! Как чудно́ выглядит парнишка! А ножки-то какие крохотные!.. Святые угодники, да это женщина!

Присмотревшись внимательней, Фелим окончательно убедился, что он правильно определил пол неизвестного всадника.

***

Это была Исидора.

Фелим впервые видел мексиканку, да и она не знала его. Он правильно заметил, что лицо ее не было радостным. Напротив, оно было печальным, даже больше того — печать отчаяния лежала на нем. Когда Исидора показалась из-за деревьев, во взгляде ее выражалось какое-то опасение. При въезде на поляну лицо не просветлело, а выразило удивление, смешанное с разочарованием.

— Не ошиблась ли я? — спросила Исидора нерешительным тоном по-английски. — Простите, но я... я думала, что дон Морисио живет здесь.

— Дон Мориш, вы сказали? Нет. Здесь такого нет. Дон Мориш... Я знал одного по фамилии Мориш, он жил недалеко от Баллибалаха. Только имя-то его было не Дон, а Пат. Пат Мориш его звали.

— Дон Морисио, Мо-рис, Мо-рис.

— А, Морис! Может быть, вы спрашиваете о моем хозяине, мистере Джеральде?

— Да, да! Сеньор Джеральд.

— Мистер Джеральд как раз живет в этой самой хижине, вернее — он сюда заезжает после охоты за дикими лошадьми. Он здесь поселился только на время своей охоты. А если бы вы видели его красивый дом, где он всегда живет, и посмотрели на голубоглазую красавицу, которая тоскует о нем! Бедняжка вся слезами заливается, ожидая его возвращения. Ах, если б вы только видели ее!

Несмотря на ломаную речь Фелима, собеседница хорошо поняла ее смысл. Что-то вроде вздоха вырвалось у Исидоры, когда Фелим произнес коротенькое слово «ее».

— Я вовсе не хочу видеть «ее», — поспешила ответить она. — Я хочу видеть его. Он дома?

— Дома ли он? Вопрос поставлен прямо. Предположим, я скажу вам, что он дома. Что же тогда?

— Я хочу его видеть.

— Ах, вот оно что! Придется вам подождать. Сейчас

не время для гостей: к нему можно пустить, моя красавица, только доктора или священника. А вас я не пущу.

— Но мне очень нужно повидаться с ним.

— Гм, вам хочется видеть его? Это вам не удастся. Фелим О'Нил редко отказывает красавицам, особенно таким черноглазым, как вы. Но что поделаешь, если нельзя.

— Но почему же нельзя?

— Мало ли почему! Первое — потому, что сейчас он не может принять гостей и особенно женщины.

— Но почему же, сеньор, почему?

— Потому что он не совсем одет. На нем одна рубашка, если только не считать старых тряпок, которыми старик Зеб его всего обмотал. Чорт побери! Их, пожалуй, хватило бы, чтобы сшить ему целый костюм — пиджак, жилет и брюки...

— Сеньор, я вас не понимаю.

— Ах, не понимаете! Неужели я недостаточно ясно сказал, что он в постели?

— В постели, в этот час! Надеюсь, ничего не...

— Случилось, вы хотели сказать? К несчастью, случилось. Нехорошее дело случилось. Ему придется пролежать под одеялом еще много недель.

— О сеньор, неужели он болен?

— Вот это-то самое я вам и сказал.

— Значит, он болен. О сэр, скажите, чем он болен и почему он заболел?

— Хорошо, но я могу ответить только на один ваш вопрос — на первый. Его болезнь произошла от дурного обращения, но кто в этом виноват, бог его знает. У него болит нога. А кожа его выглядит так, точно он посидел в мешке с двумя десятками злых кошек. Ах, если бы вы только видели! Ведь там не найдется живого места — все исцарапано! Даже такого клочка здоровой кожи, как ваша ручка, и то не найдется. Хуже того — он не в себе.

— Не в себе?

— Вот именно. Он болтает так, как бывает, когда че-

ловек выпьет лишнее. Капля винца, кажется мне, была бы для него лучшим лекарством, но что поделаешь, когда его нет! И фляжка и бутыль — все пусто. Нет ли у вас чего с собой? Немножко агвардиенте — так, кажется, по-вашему? Мне приходилось пить и худшую дрянь. Я уверен, что глоточек этой жидкости очень бы помог хозяину. Ну, скажите же мне правду, сударыня: есть ли с вами хоть капелька?

— Нет, сеньор, к сожалению, у меня нет ни капли вина.

— Жаль, обидно за мистера Мориса. Это было бы для него очень кстати.

— Но, сеньор, неужели правда, что мне нельзя его видеть?

— Безусловно правда. Да к чему это? Он ведь все равно не отличит вас от своей бабушки. Я повторяю, что с ним плохо обошлись, и он не в себе.

— Тем более я должна его видеть. Может быть, я могу помочь ему. Я в долгу у него...

— О, вы ему должны и хотите заплатить? Ну, это совсем другое дело. Но тогда вам незачем его видеть. Я его доверенный, и все его дела идут через мои руки. Я не умею писать, но я могу поставить кресты на вашей расписке, а этого вполне достаточно для документа. Смело платите эти деньги мне, и я даю вам слово, что мой хозяин никогда не потребует их второй раз. Сейчас это будет кстати — мы скоро уезжаем, и нам деньги нужны. Так вот, если деньги с вами, то остальное достанем — бумагу, перо и чернила найдем в хижине. Скажите только, что вы согласны, и я вам дам расписку.

— Нет, нет, нет! Я не о деньгах говорила. Это долг благодарности.

— Ах, только благодарности! Ну, этот долг нетрудно заплатить. И расписки не требуется. Но сейчас платить такие долги не время. Хозяин все равно ничего не поймет.

Когда он придет в себя, я ему скажу, что вы тут были. Больше ничего и не потребуется от вас.

— Скажите, мне можно видеть его?

— Говорю вам, что сейчас нельзя.

— Но я должна его видеть!

— Вот еще и должны! Меня поставили на карауле и строго приказали никого не впускать.

— Это не могло касаться меня. Я его друг. Друг дона Морисио.

— Как это может знать Фелим О'Нил? Хоть вы и очень хороши собой, а можете оказаться его злейшим врагом.

— Но я должна его видеть. Я этого хочу, и я увижу его!

При этих словах Исидора соскочила с седла и направилась к дверям.

Увидев на лице своей собеседницы выражение решимости, ирландец понял, что наступило время выполнить предписания Зеба Стумпа. Поспешно войдя в хижину, Фелим вышел оттуда, вооруженный томагавком, и решительным шагом двинулся вперед, но вдруг остановился: женская ручка поднесла револьвер прямо к его виску.

— Abajo la hacha![1] — закричала Исидора. — Несчастный трус, попробуй только на меня поднять руку — и ты умрешь!

— Нападать на вас, сударыня? — пробормотал Фелим, немного оправившись от перепуга. — Святая дева! Это оружие совсем не против вас. Клянусь вам всеми святыми!

— Для чего же вы его взяли? — спросила мексиканка, поняв свою ошибку и опуская револьвер. — Почему же вы так вооружились?

— Клянусь вам, только для того, чтобы срезать кактус — вот он там растет: мне надо его подсунуть под хвост лошади. Ведь вы же не станете возражать против этого?

---

[1] Долой оружие!

Сеньорита замолчала. Она не знала, как понять такое странное намерение.

Нелепая фигура, которая стояла перед ней, вряд ли могла свидетельствовать об опасности. Весь вид, наружность ирландца, его движения, жесты были скорее комическими, нежели угрожающими.

— Молчание — знак согласия, — сказал успокоенный Фелим.

Он перебежал полянку и в точности выполнил все наставления старика Зеба.

Дикий рев кобылы смешался с топотом ее копыт. Им вторило завывание собаки.

Исидора стояла в молчаливом недоумении. До тех пор, пока продолжался этот адский шум, нечего было пытаться получить объяснения.

Фелим вернулся к дверям хакале и с видом полного удовлетворения снова занял свой сторожевой пост, точно артист, хорошо сыгравший свою роль.

ГЛАВА LVIII

Отравленный поцелуй

В течение десяти минут длился этот дикий концерт. Кобыла визжала, как недорезанный поросенок, а собака вторила отрывистым заунывным лаем. Звуки были слышны на расстоянии мили. А поскольку Зеб Стумп вряд ли зашел дальше, они, конечно, достигли его слуха.

У Мориса оказался еще один защитник, рьяно охранявший вход в хижину. Это была Тара. Она тоже почувствовала недоверие к незваной гостье. Движения мексиканки показались собаке враждебными, и Тара вызывающе загородила вход в хижину, встав прямо перед Фелимом.

Исидора не хотела итти напролом.

Она стояла, словно прикованная к месту, и выжидала. Несомненно, что после такой бурной прелюдии должен был

последовать соответствующий финал. Сильно заинтригованная, она терпеливо ждала конца этого спектакля. С выражением беспомощного недоумения стояла она до тех пор, пока наконец между деревьями не показался огромный человек в выцветшем кафтане и с длинным ружьем за плечами.

Заметив Исидору, он что-то процедил сквозь зубы, но что именно — расслышать среди все еще продолжавшегося шума было невозможно. Стумп быстро направился к лошади, поднял хвост и освободил ее от мучительной пытки. Восстановилась тишина. Исидора все еще ничего не понимала.

Самодовольство Фелима исчезло, как только Стумп с грозным видом круто повернулся к хижине. Даже присутствие красавицы не могло остановить поток его ругательств.

— Ах ты, дурак! Идиот ирландский! Для чего, спрашивается, ты меня вызвал сюда? Я только что прицелился в огромного индюка, фунтов в тридцать, не меньше. Проклятый вой кобылы спугнул его, прежде чем я успел спустить курок. Теперь пропал наш завтрак.

— Но, мистер Стумп, вы же сами сказали, что если кто-нибудь подойдет к хижине...

— Ну и дурень же ты! Неужели же это касалось женщины? Глупая ты голова!

— Но откуда я мог знать, что это женщина? Вы бы посмотрели, как она сидит на лошади! Совсем как мужчина.

— Ну и что же? Все мексиканки так ездят. А эту я видел несколько раз, да и слыхал о ней. Не знаю, что заставило ее сюда приехать. И вряд ли она в состоянии это объяснить — она говорит только на своем мексиканском наречии. Я же ни черта в нем не смыслю и не желаю его понимать.

— Вы ошибаетесь, мистер Стумп. Она говорит и по-английски. Не правда ли, сударыня?

— Немного, — ответила мексиканка, которая до сих пор слушала молча.

— О-ах! — воскликнул Зеб, слегка смущенный. — Извините меня, сеньорита. Вы немножко болтаете по-английски? Тем лучше. В таком случае вы мне можете сказать, зачем вы сюда приехали. Надеюсь, что вы не заблудились?

— Нет, сеньор... — ответила она несколько нерешительно.

— В таком случае, что же вам здесь нужно?

— Мне, сеньор... мне... Это дом дона Морисио Джеральда?

— Да, это так. Хотя эту хижину трудно назвать домом, но тем не менее это так. Я предполагаю, вы хотите видеть хозяина хакале?

— О сеньор, да! Я для этого и приехала сюда.

— Ну что же, мне кажется, возражений не может быть. Надеюсь, что в ваших намерениях нет ничего злостного? Не так ли? Но только, стоит ли с ним разговаривать? Он же не отличит вас от своей подметки.

— Он болен? С ним случилось несчастье? Этот воин сказал мне об этом.

— Да, я ей сказал об этом, — гордо вмешался Фелим, которому очень понравилось, что его назвали воином.

— Правильно, — ответил Зеб. — Он ранен. И как раз сейчас у него небольшой бред. Я думаю, что серьезного ничего нет. Надо надеяться, что он скоро придет в себя.

— О сэр, я могу быть сестрой милосердия. Бедняжка! Разрешите мне войти, и я стану ухаживать за ним. Я его преданный друг.

— Что же, я в этом не вижу ничего дурного. Говорят, что это женское дело — ухаживать за больными. Я же за последнее время не имел возможности проверить это на себе с тех самых пор, как похоронил свою старушку на берегах Миссисипи. Если вы хотите посидеть у постели больного — пожалуйста, поскольку вы называете себя его другом. Вы можете побыть с ним, пока мы вернемся.

Только смотрите, чтобы он не выскочил из кровати, и не давайте ему срывать повязки, которыми я его обмотал.

— Доверьтесь мне, сэр. Я буду оберегать его, как только могу. Но скажите: как все это произошло? Индейцы? Но ведь их нет поблизости. Поссорился он с кем-нибудь?

— Об этом, сеньорита, вы знаете столько же, сколько и я. У него, повидимому, была схватка с койотами. Но что произошло с его коленом, это никому не известно. Койоты тут ни при чем. Я нашел его вчера в дальних зарослях. Он стоял по пояс в ручье, а с берега на него уже собрался прыгнуть пятнистый зверь, которого вы, мексиканцы, называете тигром. Что же, я выручил Мориса из этой маленькой опасности. Но что было раньше — это для меня глубокая тайна. Парень потерял рассудок, и сейчас от него ничего не узнаешь. Поэтому нам ничего не остается, как ждать.

— Но вы уверены, сэр, что у него нет ничего серьезного? Его раны не опасны?

— Нет. Его немного лихорадит. Что же касается ран, то это просто царапины. Надеюсь, через неделю он будет совсем здоров.

— О, я буду нежно ухаживать за ним!

— Вы очень добры, но... но...

Зеб начал колебаться. Внезапная мысль осенила его. За ней явились другие. Вот что он подумал: «Это, повидимому, та самая особа, которая посылала ему гостинцы в таверну. В том, что она в него влюблена, не может быть сомнения. Это ясно. Влюблена по уши. Другая также. Не менее ясно и то, что мечтает он не об этой, а о другой. Хорошо, если бы мне удалось уговорить эту черноокую красавицу не ходить к нему, чтобы она не слыхала его любовного бреда».

— Но, мисс, — обратился наконец Стумп к мексиканке, которая сгорала от нетерпения, — не думаете ли вы, что вам лучше будет отправиться домой? Приезжайте сюда,

когда он поправится. Ведь он даже не узнает вас. А оставаться, чтобы ухаживать за ним, не стоит: он не так серьезно болен и умирать не собирается.

— Ничего, что он меня не узнает. Я все равно должна его видеть. Может быть, ему что-нибудь надо? Я все достану.

— Значит, вы решили остаться, — сказал Зеб в раздумье. — Ну что ж, дело ваше! Но только не обижайтесь на его разговоры. Он будет говорить об убийстве и тому подобном. Это естественно, когда человек бредит, особенно когда он изранен. Кроме того, вы услышите и другое: он, наверное, будет много говорить об одной женщине — он все ее вспоминает.

— О женщине?

— Да, о женщине. Вы услышите ее имя.

— Ее имя? Сеньор, как ее зовут?

— Повидимому, это имя его сестры. Я даже уверен в том, что это именно сестру он вспоминает.

— Мистер Стумп, вы это про мистера Мориса рассказываете? — спросил Фелим.

— Замолчи, дурень! Не вмешивайся, пожалуйста. Это не твоего ума дело. Пойдем со мной. Я хочу, чтобы ты немного со мной прошелся. Я убил гремучку, когда подымался вверх по берегу, и оставил ее там. Ты захвати ее домой, если только какой-нибудь паразит уже не утащил ее.

— Гремучка? Вы хотите сказать — гремучая змея?

— Ну да!

— Но вы же не станете есть ее, мистер Стумп? Ведь этак можно отравиться.

— Много ты понимаешь! Там яда уже не осталось. Я отрубил ей голову, а вместе с ней и весь яд.

— Фу, я все равно не взял бы и кусочка этой гадости в рот, хотя бы умирал с голоду.

— Ну и помирай себе на здоровье! Кто заставляет тебя ее есть? Я только хочу, чтобы ты отнес змею домой. Ну, иди же и делай, что тебе говорят. А то смотри, как

бы я не заставил тебя проглотить гадюку с головой и со всеми ее потрохами!

— Честное слово, мистер Стумп, я вовсе не хотел ослушаться вас. Уверяю вас, Фелим О'Нил исполнит все, что вы скажете. Я готов даже проглотить змею. Святой Патрик, прости меня, грешника!

— К чорту твоего святого Патрика! А ну, пойдем!

Фелим больше не рассуждал и покорно отправился по пятам охотника в лес.

***

Исидора вошла в хижину и подошла к постели больного. Страстными поцелуями покрыла она его горячий лоб и запекшиеся губы. И вдруг отшатнулась, точно ужаленная скорпионом.

То, что заставило ее отскочить, было хуже, чем яд скорпиона. Это было всего лишь одно слово — одно коротенькое слово.

ГЛАВА LIX

Встреча в хакале

Тот день, когда Луиза Пойндекстер освободила Мигуэля Диаза, был для нее мрачным днем, вероятно самым мрачным во всей ее жизни.

Печаль о потерянном брате сливалась с тревогой о любимом человеке. Горе увеличивалось ревностью. Письмо Исидоры к Джеральду было тому причиной.

Судя по содержанию письма, отношения между Морисом Джеральдом и мексиканкой оказались более интимного характера, чем он говорил. Морис, значит, обманывал ее. Иначе почему бы эта женщина стала так откровенно писать о своих чувствах? В письме не было и намека на дружбу. Оно все дышало страстной любовью. И затем это свидание! Правда, в форме просьбы. Но это лишь форма — кокетство уверенной в себе возлюбленной. Кончалось письмо

уже не просьбой, а уверенным, повелительным тоном: «Приходите же! Я жду вас».

Прочтя эти строки, Луиза безжалостно смяла письмо.

— Да, теперь мне все ясно! — воскликнула она с горечью. — Это не впервые он отозвался на такую просьбу. Не в первый раз они встречались на этом месте. «Холм, возвышающийся за домом моего дяди», — это место их постоянных свиданий!

Это был самый мрачный день в жизни Луизы.

После долгих часов бурных переживаний креолка стала немного успокаиваться и рассуждать разумнее. Снова перечитала она письмо и задумалась над ним. Все же оставалась еще одна надежда: ведь могло быть, что Мориса Джеральда не было в сеттльменте.

Проверить это при создавшемся положении было для Луизы Пойндекстер очень трудно, но другого выхода не было. И, лишь только стало смеркаться, она отправилась на своем мустанге к сеттльменту и остановилась у дверей таверны.

В поселке в этот вечер было совершенно пусто. Все жители его разъехались. Некоторые поехали по следам преступления, другие — в поход против команчей. Оберфофер был единственным свидетелем предосудительного поступка Луизы.

Услышав, что не она первая наводит справки о Морисе-мустангере, что раньше нее еще одна женщина уже задавала те же вопросы, Луиза в отчаянии повернула обратно в Каса-дель-Корво.

Всю ночь металась она в бессоннице и не могла найти себе покоя. В короткие минуты забытья ее мучили кошмарные сновидения.

Утро не принесло с собой успокоения, но с ним пришла решимость — твердая, смелая, почти отчаянная. Луиза Пойндекстер не видела для себя другого выхода, как только ехать к берегам Аламо. Не было никого, кто бы мог удержать ее, никого, кто бы сказал ей: «Нет!»

Розыски по делу убийства продолжались всю ночь, и никто еще не вернулся.

Луиза хотела узнать всю правду. Одно из двух: либо она успокоит свое сердце, либо оно будет разбито. Даже последнее казалось ей лучше тех мучительных сомнений, в которых она беспомощно металась. Даже воля отца едва ли могла бы удержать ее от этой поездки.

***

Солнечный восход застал Луизу в седле. Выехав из ворот Каса-дель-Корво, она направилась в прерию по уже знакомой тропе. Двадцать миль отделяли Каса-дель-Корво от уединенной хижины мустангера. Не прошло и двух часов, как Луиза примчалась на своем быстроногом мустанге к цели своего путешествия. Луиза уже не испытывала отчаяния — печаль ее сердца озарялась искрами надежды.

Но они погасли, как только она переступила порог хакале. Подавленный крик вырвался из ее груди. Казалось, он был последним воплем наболевшего сердца.

В хижине была женщина.

Для молодой креолки все стало ясно... Она видела перед собой женщину, автора любовного письма. Свидание, повидимому, все-таки состоялось.

Боль, стиснувшая сердце Луизы, едва ли может быть передана словами.

Не менее ясны и не менее мучительны были и выводы Исидоры. Мексиканка поняла, что для нее уже больше нет места в сердце Мориса. Слишком долго ловила она бессвязные речи больного, чтобы сомневаться в горькой правде. На пороге стояла женщина, которая заняла ее место.

Лицом к лицу, с горящими глазами, стояли они друг перед другом. Обе страстно влюбленные в одного и того же человека, обе терзаемые ревностью, обе вблизи него, — увы, не чувствовавшего присутствия ни той, ни другой. Каждая из них считала другую своей счастливой соперницей. Луиза не слыхала тех слов, которые бы успокоили

ее, но они до сих пор звучали в ушах Исидоры, терзая ее сердце.

Это была сцена безмолвной вражды. Они не обменялись ни словом. Ни одна из них не просила объяснений у другой — в этом не было необходимости. Бывают моменты, когда слова излишни. Это был взаимный вызов оскорбленной любви, выраженный только огненными взглядами и презрительными складками в уголках рта.

Эта сцена едва ли длилась больше двадцати секунд. Она кончилась тем, что Луиза Пойндекстер повернулась и направилась к выходу. В хижине Мориса Джеральда нет места для нее!

Исидора тоже вышла, почти наступая на шлейф своей соперницы. Одна мысль была в ее голове: в хижине Мориса Джеральда нет места для нее!

Казалось, они обе торопились покинуть как можно скорее хакале. Серая лошадь стояла ближе, мустанг — дальше. Исидора первая была в седле. Когда она проезжала мимо Луизы, та уже тоже садилась на лошадь, готовясь тронуться в путь. Снова соперницы обменялись взглядами. Ни один из них нельзя было назвать торжествующим, но в них не видно было и прощения.

Взгляд креолки был полон грусти, гнева и удивления. Последний же взгляд Исидоры, сопровождавшийся вульгарным восклицанием «сагау!», был полон бессильной злобы.

ГЛАВА LX

Донос

Под ярким солнцем, сияющим над Аламо, ехала Исидора, полная мрачных мыслей. Ее терзала жажда мести.

В этом она нашла какое-то горькое удовлетворение — это чувство спасало ее от отчаяния.

Исидора остановилась перед крутым подъемом. Над ней простирались огромные темные ветви кипариса. Эта мрачная тень была ближе ее наболевшему сердцу, чем радостные лучи солнца.

«Мне нужно было убить ее на месте. Не вернуться ли, чтобы бросить ей смертельный вызов? Но если я и убью ее, то что толку? Ведь этим не вернешь его сердца. Оно потеряно, потеряно навсегда. Только ее образ царит в нем. А для меня не осталось даже искры надежды!.. Нет, это он должен умереть! Тот, который разбил мое сердце... Но если я убью его, что тогда? Во что превратится моя жизнь? В нестерпимую пытку! А сейчас, разве это не пытка? Я не могу больше терпеть! И не вижу другого выхода, кроме мести. Не только она, но и он — оба должны умереть!.. Но не сейчас, а тогда, когда он сможет осознать, от чьей руки он погиб! О, пусть чувствует всю силу моей мести! Святая дева, дай мне силы отомстить!»

Исидора пришпорила лошадь и быстро поднялась по крутому откосу.

Выехав на равнину, она помчалась неистовым галопом по прерии.

Предоставленный самому себе, конь направился к Леоне. Всадница, казалось, не обращала на это никакого внимания. Со склоненной головой, погрузившись в глубокие думы, она не замечала ничего вокруг.

Неожиданно невдалеке от нее показалась группа всадников.

«Индейцы? Нет, белые. Техасцы», решила она.

Не имея никакого основания бояться всадников, мексиканская девушка не хотела встречаться с ними сейчас. В другое время она не стала бы избегать встречи, но в минуту горя ей не хотелось попасть под обстрел вопросов и любопытных взглядов.

Еще есть время скрыться. Повидимому, всадники еще не заметили ее. Круто свернув в чащу леса, можно остаться незамеченной.

Но не успела Исидора этого сделать, как ее конь громко заржал. Двадцать других лошадей ответили ему.

Все же еще можно уйти. Наверняка всадники бросятся в погоню за ней. Но догонят ли ее? Особенно по этим извилистым тропинкам леса, так хорошо ей знакомым?

Она уже готова была пришпорить свою лошадь, но почти в ту же минуту заметила отряд, который мчался прямо на нее.

«Разбойники? Нет! Слишком хорошо одеты для бродяг. Это, должно быть, отряд разведчиков во главе с отцом убитого Генри. Да, да, это они. О боже! Вот возможность отомстить, она идет прямо мне в руки. В этом, наверное, воля божья».

Вместо того чтобы свернуть в заросли, Исидора выехала на открытое место и с вызывающим видом направилась навстречу всадникам. У нее созрел предательский план.

Через минуту мексиканка оказалась в центре окружившего ее со всех сторон отряда.

Это обстоятельство ее ничуть не встревожило. Она не испугалась людей, так бесцеремонно окруживших ее. Некоторых из них она знала по виду. Пожилого человека, который, повидимому, являлся их руководителем, она никогда не видела, но инстинктивно догадывалась, кто он. Это, вероятно, отец убитого юноши и девушки, которую она хочет видеть убитой или, во всяком случае, опозоренной. О, какой благоприятный случай!

— Вы говорите по-французски, мадемуазель? — спросил ее Вудли Пойндекстер.

— Очень немного, сэр. Лучше говорите по-английски.

— О, по-английски? Тем лучше для нас. Скажите мне, мисс, вы никого не встретили по дороге? Я хочу сказать — не встретили ли вы каких-либо всадников или, быть может, заметили чей-нибудь лагерь?

Исидора либо колебалась, либо обдумывала свой ответ.

Плантатор продолжал свои расспросы с максимальной вежливостью.

— Разрешите вас спросить: где вы живете?

— На Рио-Гранде, сеньор.

— Вы сейчас прямо оттуда?

— Нет, с Леоны.

— С Леоны!

— Это племянница старого Мартинеца, — объяснил один из присутствующих. — Его плантации прилегают к вашим, мистер Пойндекстер.

— Да, я племянница дона Сильвио Мартинеца.

— Значит, вы едете прямо из дому? Простите, может быть это вам покажется навязчивостью с моей стороны, но уверяю вас, мисс, мы расспрашиваем вас не из праздного любопытства. Нас побуждают к этому очень серьезные причины, более чем серьезные.

— Да, я еду прямо из гасиенды Мартинеца, — ответила Исидора, делая вид, что не обратила внимания на последнюю фразу плантатора. — Я выехала из дома моего дяди ровно два часа тому назад.

— Вы никого не встретили в этих местах, мисс?

— Да, встретила.

— Кого же? Будьте добры, опишите нам его.

— Женщину.

— Женщину? — эхом отозвалось несколько голосов.

— Да, сеньоры.

— Кого же именно?

— Американку.

— Американку? Здесь? Одну?

— Да.

— Кто же это?

— Я не знаю.

— Вы не знаете ее? А как она выглядела?

— Как она выглядела?

— Да, как она была одета?

— В костюме для верховой езды.

— На лошади, значит?

— На лошади,

— Где же вы встретили женщину, о которой вы говорите?

— Недалеко отсюда, только по другую сторону леса.

— В каком направлении она ехала? И есть ли там какое-нибудь жилище?

— Только одно хакале.

— Кому принадлежит это хакале?

— Дону Морисио — мустангеру.

Торжествующий гул разнесся по толпе. После двухдневных неустанных поисков, столь же бесполезных, как и упорных, они наконец напали на след убийцы.

Те, кто сошел с лошадей, вскочили обратно в седла, готовые двинуться в путь.

— Мы не хотим быть навязчивыми, мисс Мартинец, но принуждены просить вас показать нам дорогу к этому месту.

— Мне придется сделать для этого крюк. Ну, хорошо, поедемте. Я провожу вас, если вы твердо решили ехать туда.

Исидора снова пересекает полосу лесных зарослей. Ее сопровождают всадники.

Проводник останавливается на западном конце зарослей. Между ними и Аламо простирается открытая прерия.

— Вот там, — говорит Исидора, — видите вы черную точку на горизонте? Это верхушка кипариса. Он растет на нижнем берегу Аламо. Поезжайте туда. Там есть откос, по которому можно спуститься в ущелье. Спуститесь вниз. Немного дальше вы найдете и хакале, о котором я вам говорила.

Разведчики больше не стали расспрашивать. Почти забыв о той, которая им показала дорогу, они помчались по прерии, направляясь к кипарису.

Только один из всадников не двинулся с места. Он знал язык Исидоры почти так же хорошо, как и свой родной.

— Скажите мне, сеньорита, — обратился он к мексиканке почти умоляющим тоном: — заметили ли вы лошадь, на которой проезжала эта женщина?

— Конечно! Кто бы мог ее не заметить!

— Ее масть?

— Крапчатый мустанг.

— Крапчатый мустанг? О боже! — воскликнул со стоном Кассий Кольхаун и помчался догонять отряд.

Исидоре было ясно, что не одна она, но и этот человек горит тем же неугасимым пламенем, перед которым все бессильно, кроме смерти.

ГЛАВА LXI

У постели больного

Быстрое и неожиданное бегство соперницы ошеломило Луизу Пойндекстер. Она уже готова была пришпорить свою Лу́ну, но задержала это движение и осталась в нерешительности, вся под впечатлением происшедшей сцены.

Только минуту назад, заглянув в хижину, видела она там эту женщину, повидимому чувствовавшую себя хозяйкой домика.

Как понять ее внезапное бегство? Чем объяснить этот взгляд злобной ненависти? Почему в нем не было торжествующей уверенности, сознания своей силы?

Взгляд Исидоры не оскорбил креолки — наоборот, он внушил ей тайную радость. И, вместо того чтобы умчаться в прерию, Луиза Пойндекстер еще раз соскользнула с седла и снова вошла в хижину.

При виде болезненной бледности любимого лица и дико блуждающих глаз креолка на время забыла свое оскорбленное чувство.

— Боже мой! — воскликнула она, стремительно приближаясь к постели. — Он ранен... умирает... Кто это сделал?

Ответа не последовало. Послышалось только какое-то бессвязное бормотанье.

— Морис! Морис! Ответь мне! Ты не узнаешь меня? Луизу! Твою Луизу! Ты ведь называл меня так! Помнишь ли ты это имя?

— Луиза... Луиза... люблю... — как бы отвечая на ее вопрос, простонал Морис, продолжая бредить.

Никогда еще признания в любви не доставляли Луизе столько счастья. Даже тогда, когда она услыхала их впервые под тенью акаций, тогда, когда ее возлюбленный произносил их в полном сознании и со всем пылом горячей любви, — даже тогда они не произвели на нее такого сильного впечатления. О, как она счастлива!

Снова нежные поцелуи покрыли горячий лоб больного и его запекшиеся губы.

Торжествуя, стояла Луиза, прижав руку к сердцу. Она была счастлива и только боялась, чтобы минуты любовного упоения не пролетели слишком быстро.

Увы, ее опасения оправдались.

На пороге хижины появился человек.

Луиза узнала в нем чудака Фелима. В одной руке он держал томагавк, а в другой — огромную гремучую змею.

— Святой Патрик! — воскликнул он, роняя эти странные предметы. — Я, наверное, совсем обалдел! Так оно и есть! Ведь не может же быть, что это вы, мисс Пойндекстер? Не может этого быть!

— Но это так и есть, мистер О'Нил. Как нехорошо с вашей стороны, что вы меня так скоро забыли.

— Забыть вас? Что вы! В этом меня невозможно обвинить. Да и кто может забыть вас? Зачем далеко ходить! Вот человек, который все время бредит вами.

Гальвеец многозначительно посмотрел на кровать. Радостная дрожь пробежала по телу Луизы.

— Но что же это означает? — продолжал Фелим, возвращаясь к загадочному превращению. — А где же этот паренек или женщина, кто ее разберет? Разве вы тут никого не встретили, мисс Пойндекстер?

— Да, да.

— О, вы встретились? А где же она?

— Уехала, я полагаю.

— Уехала! Значит, она сама не знает, чего хочет. Я оставил ее в хижине всего лишь десять минут тому назад. Она сняла свой головной убор — попросту мужскую шляпу — и расположилась здесь, как дома. Так вы сказали, что она уехала? Какое счастье! Я совсем не жалею об этом! От такой женщины лучше быть подальше. Вы не поверите, мисс Пойндекстер, ведь она подставила свой пистолет прямо мне под нос.

— Боже мой! Для чего же это?

— Только потому, что я не пускал ее в хижину. Но она все равно вошла. Когда вернулся старик Зеб, он не стал ей препятствовать. Она сказала, что мистер Джеральд ее друг, что ей хотелось поухаживать за больным.

— Правда? О, это странно, очень странно, — пробормотала креолка задумавшись.

— Правильно вы сказали. Здесь происходит много странного.

— Дорогой Фелим, расскажите, что случилось.

— Ладно, мисс, но для этого вам придется снять шляпку и остаться здесь подольше. Чтобы рассказать все, что произошло с позавчерашнего дня, потребуется много времени.

— Кто здесь был за это время?

— О, здесь было много кое-кого. Прежде всего приезжал сюда один шутник. Я не смею рассказывать вам про него. Это вас может испугать, мисс.

— Расскажите. Я не боюсь.

— Ну, хорошо, только я сам не могу разобраться, что такое это было: человек верхом на лошади, но без головы.

— Без головы?!

— А что всего удивительнее, он был вылитый мистер Морис. Если бы вы только знали, как я испугался, — душа в пятки ушла!

— Но где же вы это видели, мистер О'Нил?

— Вон там, над обрывом. Я вышел встречать хозяина. Он обещал вернуться в то утро. Сначала я думал, что это мистер Морис едет. И вдруг подъезжает этот... без головы. Снимите шляпку и садитесь на сундук — там удобнее сидеть, чем на стуле. Садитесь, прошу вас. Я еще не все рассказал.

— Не беспокойтесь обо мне. Продолжайте. Кто же еще, кроме этого странного всадника, был здесь? Это, наверное, кто-нибудь подшутил над вами?

— Подшутил! То же самое сказал мне и старик Зеб.

— Значит, и он был здесь?

— Да, но только после того, как сюда приходили...

— Другие?

— Да, мисс. Зеб пришел только вчера утром. Они же навестили нас в ночь накануне. И в очень поздний час. Понимаете ли, я спал сладким сном. Они пришли и разбудили меня.

— Но кто же это «они»?

— Кто бы вы думали? Индейцы!

— Индейцы?

— Ну да! Целое племя! Представьте себе, мисс: как я уже вам сказал, я спокойно спал. Вдруг слышу шелест бумаги, как будто кто-то раздает карты... Святой Патрик, что же это?

— Что?

— Разве вы ничего не слыхали? Вот и опять! Топот лошадей!

Фелим бросился к двери.

— Святые угодники! Мы окружены отрядом всадников. Их целая тысяча. Надо дать знать старику Зебу. О господи! Теперь, может быть, уже поздно!

Схватив ветку кактуса, Фелим выбежал из хижины.

— Боже мой! — воскликнула креолка. — Это они! Мой отец... Что сказать? Святая дева, охрани меня от позора!

Инстинктивно бросилась Луиза к двери и заперла ее. Но, подумав немного, поняла, что это бесполезно. Те, что

были снаружи, вряд ли остановятся перед подобным препятствием. Луиза узнала голоса регуляторов.

Зияющая в стене щель попалась ей на глаза. Бежать?

Но было уже поздно. Топот копыт раздался позади хижины. Всадники окружили хакале со всех сторон.

Да и все равно ее присутствие здесь уже не может быть тайной. Крапчатый мустанг привязан около хакале, не узнать его невозможно. Но и еще что-то удерживало девушку от бегства. Морис был в опасности. Она должна взять больного под свою защиту.

«Пусть я потеряю свое доброе имя, — подумала креолка, — потеряю отца, друзей, все — только не его. Это моя судьба. Буду я опозорена или нет, но ему я останусь верна».

И Луиза спокойно опустилась у постели больного, решив рисковать для него всем, хотя бы и жизнью.

ГЛАВА LXII

В напряженном ожидании

Никогда еще около хижины мустангера не было такого топота копыт, даже тогда, когда его кораль был полон только что пойманными дикими лошадьми.

Фелима, выбежавшего из двери, остановило несколько десятков голосов.

Один голос раздался громче других; ирландец решил, что это предводитель отряда.

— Остановись, негодяй! Бежать бесполезно! Еще один шаг — и ты никогда не двинешься с места. Остановись, говорят тебе!

Гальвейцу ничего не оставалось, как покориться.

— Уверяю вас, джентльмены, я совсем не собирался бежать, — произнес Фелим дрожащим голосом, стоя под перекрестным огнем свирепых взглядов и под угрозой поднятых на него ружей. — У меня не было таких намерений. Я только собрался...

— Ну беги, если тебе удастся. Начало было хорошее. Сюда, Дик Троси! Давай сюда людей! Свяжите его! Чорт побери! Вряд ли это тот, кого мы ищем.

— Нет, нет! Это не он. Это его слуга, Джон.

— Эй, вы там, оцепите хижину! Не спускайте с нее глаз. Мы еще не добрались до главного. Никому не давайте бежать. А теперь говори: кто там внутри?

— Вы хотите сказать — кто в хижине?

— Отвечай, дурак, на вопросы, которые тебе задают!— сказал Троси, хлестнув гальвейца веревкой. — Кто внутри хижины?

— Там прежде всего мой хозяин.

— Странно. Что же это такое? — спросил только что подъехавший Вудли Пойндекстер, заметив крапчатого мустанга. — Ведь это лошадь Луизы?

— Да, это она, дядя, — ответил Кассий Кольхаун, ехавший рядом с ним.

— Интересно, кто ее привел сюда.

— Наверное, сама Луиза.

— Что за ерунда! Ты шутишь, Кассий?

— Нет, дядя, я говорю совершенно серьезно.

— Ты хочешь этим сказать, что моя дочь была здесь?

— Она и теперь здесь. Я в этом не сомневаюсь.

— Невозможно!

— Посмотрите-ка туда!

В широко открытой двери хижины была видна женщина.

— О боже, моя дочь!

Пойндекстер быстро соскочил с седла и поспешно направился к хэкале. За ним последовал и Кольхаун. Оба вошли в хижину.

— Луиза, что это значит? Раненый? Кто это? Генри?

Прежде чем плантатор успел услышать ответ, его глаза остановились на шляпе и плаще Генри.

— Это он! Он жив! Слава богу!

— Кто проводил тебя? Ты здесь одна?

Пойндекстер бросился к постели.

Радость его мгновенно исчезла. Плантатор со стоном отшатнулся.

Кольхаун, казалось, был взволнован не менее его. У него вырвалось восклицание ужаса. И, весь съежившись, он потихоньку вышел из хижины.

— Что же это? — прошептал плантатор. — Что же это? Можешь ли ты мне объяснить, Луиза?

— Нет, я не могу, отец. Я здесь только несколько минут. Я нашла его уже в этом состоянии. Он лежит без сознания, как ты сам видишь.

— А... а... Генри?

— Они мне ничего не сказали. Мистер Джеральд был один, когда я вошла. Его слуги не было, он только что вернулся. Я не успела еще расспросить его.

— Но... но... как ты могла попасть сюда?

— Я не могла оставаться дома. Меня мучила неизвестность. Я была совершенно одна. Это было ужасно. Я не в силах была больше выдержать. А мысли о несчастном брате... Боже мой! Боже мой!

Пойндекстер посмотрел на дочь растерянным и все еще вопрошающим взглядом.

— Я думала, что, может быть, найду здесь Генри.

— Здесь... Но откуда ты знала, как сюда попасть? Кто проводил тебя? Ты здесь одна?

— О отец, я знала дорогу. Ты помнишь день охоты, когда меня понес мустанг? На обратном пути мистер Джеральд показал мне, где он живет. И я запомнила эти места.

Пойндекстер поднрежнему казался озадаченным, но от слов Луизы лицо его стало мрачным.

— Неосмотрительно это с твоей стороны, дочка. Неприличная и весьма рискованная выходка. Ты поступила, как глупая девчонка. Надо тебе сейчас же отсюда уйти. Пойдем, пойдем! Здесь не место для девушки. Садись-ка на свою лошадь и возвращайся домой. Тебя кто-нибудь

проводит. Здесь могут произойти всякие неприятности. Тебе нельзя оставаться. Ну, пойдем, пойдем!

Отец вышел из хижины, дочь последовала за ним с явной неохотой.

Всадники все уже спешились и столпились на поляне перед хижиной.

Кольхаун известил всех о положении дел в хижине. Люди разбились на группы. Некоторые стояли молча, другие беседовали между собой. Много народу столпилось около Фелима. Он лежал связанный на земле. Его расспрашивали, но, повидимому, не придавали особого значения его ответам.

При появлении отца с дочерью все обернулись в их сторону. Большинство из них знало девушку. Все были удивлены, больше того — поражены, увидя ее здесь. Сестра убитого юноши под кровлей убийцы! Все они теперь, больше чем когда-либо, были убеждены, что виновником преступления был мустангер. Кольхаун сообщил о шляпе и плаще, найденных в хакале.

Но почему же Луиза Пойндекстер здесь одна, без провожатого?

Шопот облетел толпу. Но даже эти грубые люди боялись оскорбить отцовское чувство, и все терпеливо ждали объяснений.

— Садись на лошадь, Луиза. Мистер Янси проводит тебя домой.

Молодой плантатор, к которому обратились с этой просьбой, был несказанно рад. Он был одним из тех, кто особенно завидовал мнимому счастью Кассия Кольхауна.

— Но почему мне не подождать тебя? — спросила девушка. — Ведь ты же долго здесь не останешься?

— Мне хочется, дочка, чтобы ты сделала так, как я тебе говорю.

Луиза очень неохотно села в седло. Молодой плантатор поехал впереди, Луиза медленно следовала за ним. Янси не мог скрыть своей радости, она — своего горя.

Но вдруг лицо креолки преобразилось. Оно словно озарилось какой-то надеждой.

Луиза остановилась. Ее провожатый вынужден был сделать то же самое.

— Мистер Янси, — сказала девушка после некоторого молчания, — у меня ослабла подпруга седла. Мне очень неудобно сидеть. Будьте добры, подтяните.

Янси соскочил с лошади и осмотрел подпругу. Ему казалось, что туже затягивать не следует. Но он не хотел в этом сознаться и затянул ремень изо всей силы.

— Постойте минуточку, — сказала юная всадница. — Дайте я сойду, так вам будет удобнее.

Не дожидаясь помощи, Луиза соскочила на землю и стала около мустанга.

— Теперь, мисс Пойндекстер, мне кажется, все в порядке.

— Да, так будет хорошо, — ответила она, положив руку на седельную луку и попробовав седло. — Но знаете что: я только что сюда приехала и мчалась во весь карьер. Моя бедная Лу́на не успела передохнуть. Давайте побудем здесь немножко, а она тем временем отдохнет. Ведь жестоко заставлять ее скакать обратно без передышки!

— Но ваш отец... Его желание, чтобы вы...

— Чтобы я сейчас же вернулась домой? Ну, это ничего. Ему просто не хотелось, чтобы я оставалась среди этой грубой толпы. Вот и все. Поскольку же я отъехала в сторону, он больше не будет беспокоиться. Как здесь красиво! И так прохладно под тенью деревьев. А в прерии солнечный зной нестерпим. Ах, мистер Янси, посмотрите, какие красивые рыбки в реке! Вон там, видите, с серебристой чешуей?

Молодой плантатор почувствовал себя польщенным. Он не заставил долго себя упрашивать.

— Мисс Пойндекстер, я весь в вашем распоряжении и счастлив исполнить то, что вам хочется. Давайте побудем здесь.

— Только до тех пор, пока Лу́на отдохнет. Должна вам сказать, что я едва успела сойти с лошади, когда подъехал ваш отряд. Посмотрите на Лу́ну, как она, бедняжка, измучилась после такой долгой скачки.

Янси совершенно не интересовало, в каком состоянии лошадь Луизы. Он был счастлив исполнить малейшее желание своей спутницы.

Они остановились на берегу реки.

Молодой плантатор был немного удивлен, заметив, что Луиза слишком мало внимания уделяет рыбкам, и был огорчен, что его самого она почти не замечала. Ее глаза блуждали, а слух напряженно ловил каждый звук, доносившийся с полянки перед хижиной.

Несмотря на свое увлечение девушкой, Янси тоже стал невольно прислушиваться к голосам. Повидимому, около хижины назревали какие-то серьезные события.

Можно было различить несколько мужских голосов. Один из них звучал громче других.

Луиза узнала этот голос. Это говорил ее двоюродный брат Кассий; он в чем-то убеждал толпу, доказывал что-то. В его речи слышалась озлобленность. Но вот он кончил. Тотчас же раздались бурные возгласы одобрения.

Прислушиваясь, Янси забыл о присутствии своей прелестной соседки. Он вспомнил о ней только тогда, когда она, вскочив с места, бросилась к хакале.

ГЛАВА LXIII

Суд регуляторов

Громкий крик, заставивший молодую креолку так стремительно сорваться с места, выдавал одновременно и решение суда и характер приговора.

Слово «повесить» донеслось до ее слуха, и она бросилась к хижине мустангера.

Люди теперь уже не стояли отдельными группами, они

собрались в круг. Посредине круга возвышалась внушительная фигура начальника регуляторов, там же был и Вудли Пойндекстер, а рядом с ним Кассий Кольхаун. Последние присутствовали, повидимому, лишь в качестве свидетелей развертывающейся судебной драмы; решающее слово принадлежало другим.

Это было судебное разбирательство по обвинению в убийстве — суд Линча. В качестве обвинителя выступал глава регуляторов. Вся толпа, за исключением двух арестованных, играла роль судебных заседателей.

Морис Джеральд и его слуга Фелим находились в центре обступившего их кольца. Оба они лежали на траве, связанные крепкими веревками по рукам и ногам. Их лишили возможности говорить. Фелима заставили молчать угрозами, а его хозяин молчал потому, что в рот ему вставили деревянный кляп. Это сделали для того, чтобы мустангер своим безумным бредом не мешал «работать». Но даже туго стянутые веревки не могли парализовать движений больного. Два человека держали Мориса за плечи, третий придавливал ноги к земле, стоя на его коленях.

Тяжесть обвинения главным образом ложилась на Мориса Джеральда; Фелима считали только соучастником.

Его заставили рассказать все, что он знает. Рассказ Фелима об индейцах и ягуаре назвали «сплошной выдумкой, сочиненной с целью ввести суд в заблуждение».

Судебное разбирательство длилось не больше десяти минут. Вывод был ясен. У большинства окончательно сложилось мнение, что Генри Пойндекстер убит и Морис Джеральд ответствен за его смерть.

Каждое обстоятельство, уже ранее известное, было вновь обсуждено и взвешено; к ним присоединились новые факты, только что открытые в хакале. Самое убедительное из всего — то, что в хакале найдены были плащ и шляпа убитого.

Некоторые в нетерпении кричали: «Повесить убийцу!»

Должно быть, приговор уже заранее был предрешен. На земле уже лежала веревка с петлей на одном конце. Правда, это только лассо, но для такой цели оно вполне годится. Горизонтально вытянутая ветка смоковницы может прекрасно заменить виселицу.

Большинство высказалось за смертный приговор. Некоторые подкрепили свое решение проклятиями по адресу осужденного. Почему же приговор не приводится в исполнение?

Почему? Да просто потому, что нет полного единодушия. Не все присутствующие согласны с приговором. Среди судей имеются и такие, которые против казни Мориса. Хотя их — меньшинство, но они сказали свое «нет» спокойно и с полной убежденностью.

Среди меньшинства и Сэм Мэнли, начальник регуляторов.

— Граждане! — громко обратился он к толпе. — У нас нет достаточных доказательств, чтобы принимать такое серьезное решение. Надо выслушать обвиняемого, но, конечно, тогда, когда он в состоянии будет говорить. Сейчас, как вы сами видите, к нему бесполезно обращаться. Поэтому я предлагаю отложить решение суда до...

— Что за смысл откладывать? — прервал его громкий голос Кассия Кольхауна. — В чем дело, Сэм Мэнли? Если бы у вас был друг, невинно убитый, или брат, вы бы тогда рассуждали иначе. Что вам еще нужно, чтобы убедиться в виновности этого негодяя? Добавочные доказательства?

— Вот именно, капитан Кольхаун.

— Можете ли вы что-нибудь добавить, Кассий Кольхаун? — спросил чей-то голос.

— Мне кажется, доказательств достаточно, даже больше, чем надо. Но если хотите, я готов добавить.

— Давайте, давайте! — закричало несколько десятков голосов.

— Джентльмены! — сказал Кольхаун, обращаясь к толпе. — Вы все хорошо знаете, что произошло между этим человеком и мной. Мне не хотелось, чтобы обо мне поду-

мали, что я мщу ему. Желания мести у меня нет. И если бы я не был уверен, что именно он совершил убийство, так же уверен, как в том, что моя голова у меня на плечах...

Кольхаун стал запинаться, видя, что невольно сорвавшаяся фраза произвела странное впечатление на окружающих.

— Если бы, — продолжал он, — я не был в этом уверен, я ничего не сказал бы о том, что видел, или, вернее, слышал.

— Что же вы слышали, мистер Кольхаун? — спросил глава регуляторов. — Ваша ссора с обвиняемым, о которой, мне кажется, все присутствующие знают, не имеет никакого отношения к вашим показаниям. Никто не собирается обвинять вас в лжесвидетельстве. Пожалуйста, продолжайте. Что вы слышали, когда и где вы слышали?

— Это было во вторник ночью, когда пропал мой двоюродный брат.

— Во вторник ночью? Дальше.

— Я уже пошел к себе в комнату. Было нестерпимо жарко, одолевали москиты, спать было невозможно. Я встал, зажег сигару, покурил немного в комнате, но потом решил пойти на крышу. Было ли около полуночи, или несколько раньше — не знаю, так как я не следил за временем. Только я успел выкурить сигару и уже хотел достать другую, как услыхал доносившиеся со стороны реки голоса. Это был громкий, раздраженный разговор. Ясно было, что происходила ссора. Прислушавшись, я узнал один из голосов, а затем и другой. Первый был голос моего двоюродного брата Генри, второй — вот этого человека, убийцы.

— Продолжайте, мистер Кольхаун, мы хотим сначала выслушать ваши показания, а свои выводы вы выскажете потом.

— Вы понимаете, джентльмены, что я был немного удивлен, услышав голос двоюродного брата: я думал, что он давно уже спит. Однако я был настолько уверен, что это именно он, что даже не пошел в его комнату проверить,

Не менее ясно было для меня и то, что вторым из спорящих был мустангер. Мне показалось особенно странным, что Генри, против обыкновения, вышел в такой поздний час. Но факт остается фактом, ошибки тут не могло быть. Я стал прислушиваться, чтобы узнать, о чем они спорят. Голоса доносились слабо. Единственно, что мне удалось разобрать, — это те крепкие выражения, которые Генри посылал по адресу мустангера. Ясно было, что мой двоюродный брат чем-то оскорблен. Потом отчетливо донеслись угрозы мустангера. Каждый громко назвал друг друга по имени, и тут уже у меня не осталось никаких сомнений. Мне следовало бы пойти туда и выяснить, в чем дело, но я был в ночных туфлях. Я подождал около получаса, надеясь, что Генри скоро вернется домой, но он не пришел. Я подумал, что юноша направился в таверну. Там он мог встретить знакомых из форта и просидеть долго. Я решил лечь спать. Итак, джентльмены, я сказал вам все, что я знаю. Бедный Генри после того уже больше не возвращался в Каса-дель-Корво. Его постель в ту ночь осталась пустой, он ночевал где-то в прерии или в лесу, а где именно, знает только этот человек.

Движением руки он указал на обвиняемого.

Речь Кольхауна произвела впечатление. В искренности его слов никто не сомневался.

Последовал новый взрыв негодования.

— Повесить! Повесить! — кричали со всех сторон.

Даже сам судья, казалось, начал колебаться. Возражающих стало еще меньше. Напряжение росло, точно перед бурей.

Один из пограничных головорезов направился к веревке — он только что отошел от Кольхауна, с которым о чем-то перешептывался. Он взялся за лассо и быстро надел петлю на шею осужденному, попрежнему ничего не сознававшему.

Никто не пытался остановить палача. Никто не осмеливался встать на защиту пленника.

Петля накинута на шею Мориса. Другой конец веревки уже заброшен на смоковницу.

«Скоро Морису Джеральду конец!» — так думал каждый из присутствующих.

ГЛАВА LXIV

Серия интермедий[1]

«Скоро Морису Джеральду конец!» — так думал каждый из участников этой трагедии, разыгрывавшейся на лоне природы, под тенью настоящих деревьев.

Но тут произошел неожиданный перерыв в действии: трагедия вдруг сменилась фарсом. И героем этого фарса был Фелим.

После «вдохновляющей» речи Кольхауна, еще более усилившей жажду мести, внимание регуляторов было всецело занято Морисом. О слуге они забыли. Полные злобы взгляды были направлены только на мустангера. Фелиму представилась возможность бежать, и он не преминул этим воспользоваться.

Катаясь по траве, он ослабил стягивавшую его веревку, освободился от нее и потихоньку пополз под ногами у волнующейся толпы. Никто не заметил его маневра. Обезумевшие от возбуждающего зрелища люди толкали друг друга, не отрывая глаз от смоковницы, исполнявшей роль виселицы.

У Фелима вовсе не было намерения оставить на произвол судьбы своего хозяина. Наоборот, он снова попытался помочь Морису Джеральду. Все надежды возлагал он теперь на Зеба Стумпа и потому решил вызвать его как можно скорее уже известным нам способом.

Выскользнув из толпы, Фелим тихонько стал пробираться к тому месту, где паслась старая кобыла. На опушке

[1] Интермедия — здесь — вставной эпизод, затормаживающий ход событий; буквально — небольшая комическая пьеска, заполняющая антракты в спектаклях XVI—XVII веков.

леса были привязаны лошади приехавших. Они стояли длинной вереницей, образуя сплошную стену. Под ее защитой Фелиму удалось добраться до намеченной цели.

Но здесь он обнаружил, что не захватил с собой необходимых приспособлений. Он выронил ветку кактуса на том месте, где его впервые задержали. У него не было ножа — срезать кактус было нечем.

В печальной задумчивости остановился гальвеец, не зная, что предпринять. Необходимо было действовать, не теряя времени. Каждая минута промедления могла стать роковой для жизни его хозяина. Но не было той жертвы, на которую не решился бы верный слуга. Фелим бросился к колючему растению и голыми руками оторвал от него ветку.

Его руки были изодраны в кровь. Но можно ли было обращать внимание на такие пустяки, когда решалась судьба человека! Ирландец помчался к кобыле и без всяких предосторожностей подсунул ей под хвост орудие пытки.

А тем временем на поляне действие шло своим порядком. Петля была готова; другой конец веревки, переброшенный через ветку смоковницы, был уже в руках добровольных палачей. Они ждали последнего приказания. Толпа замерла. Люди стояли молчаливо и неподвижно, как стволы окружающих деревьев. Но никто не решался дать роковой сигнал. Даже Кольхаун уклонился от обязанности дать знак палачам.

В этот напряженный момент старая кобыла, — все знали, что она принадлежит Зебу Стумпу, — вдруг словно взбесилась. Она начала плясать по траве, высоко подбрасывая задние ноги, и оглашать поляну неистовым ржанием. Стоявшие рядом лошади стали ей вторить и подражать ее бешеной пляске.

Настроение толпы резко изменилось. На лицах отразилась тревога, раздались испуганные крики.

Регуляторы бросились к оружию и к лошадям.

— Индейцы!

Только нашествие команчей могло вызвать такое смятение.

Волнение длилось до тех пор, пока хозяева не подошли к своим лошадям. Лошади успокоились, и только кобыла Зеба продолжала неистовствовать.

Тогда только толпа узнала настоящую причину тревоги. Кстати, тут же обнаружили, что гальвеец исчез.

Фелим предусмотрительно спрятался за кустами, и это его спасло, иначе жизнь слуги оказалась бы в не меньшей опасности, чем жизнь его хозяина.

Человек двадцать схватились за ружья и прицелились в виновницу скандала. Но, раньше чем они успели спустить курки, кто-то из стоявших вблизи набросил лассо на шею лошади и этим заставил ее замолчать.

***

Спокойствие восстановилось. Внимание опять сосредоточилось на осужденном. Регуляторы попрежнему были озлоблены. Шумный инцидент не только не развеселил их, а, наоборот, усилил раздражение. Снова раздались возгласы, требующие казни.

Снова толпа жаждущих мести людей сомкнулась кольцом вокруг осужденного.

Снова бандиты схватились за веревку, снова у каждого из присутствующих мелькнула мысль: «Скоро Морису Джеральду конец!»

И снова — перерыв.

Из-за деревьев на яркий солнечный свет выбежала красавица-девушка.

Как метеор, влетела Луиза в толпу и наклонилась над осужденным, безмолвно распростертым на траве. Схватившись обеими руками за веревку, она рвала ее из рук палачей.

— Техасцы! Подлецы! — закричала она в негодовании. — Позор! Позор!

Удивленные палачи уронили веревку.

— Суд! Это называется суд! Обвиняемый осужден без защитника, не получив возможности сказать ни одного слова в свое оправдание. И это вы называете справедливостью? Техасская справедливость! Стыдитесь! Вы не люди, а звери! Убийцы!

— Что это означает? — крикнул Пойндекстер, бросаясь вперед и хватая дочь за руку. — Ты лишилась рассудка, Лу! Ты совсем обезумела! Как ты попала сюда? Разве я не сказал тебе, чтобы ты отправилась домой? Уходи сию же минуту и не вмешивайся в то, что тебя не касается!

— Отец, это меня касается!

— Тебя касается? Ах, правда, ты — сестра. Этот человек — убийца твоего брата.

— Я этому никогда не поверю. Никогда! О люди, если вы действительно люди, то не поступайте, как звери! Нужен справедливый суд, а тогда... тогда...

— Над ним был справедливый суд! — крикнул кто-то из толпы. — Никто не сомневается в его виновности. Он убил вашего брата, и никто другой. И это очень некрасиво с вашей стороны, — простите, что я говорю так, — нехорошо, что вы стараетесь избавить мустангера от того, что он заслужил.

— Правильно! — присоединилось несколько голосов.

— Он должен быть наказан по заслугам! — крикнули из толпы.

— Должен, должен! — эхом повторил целый хор.

— Нам очень жаль, что мы не можем удовлетворить ваше требование, но мы должны просить вас удалиться отсюда. Мистер Пойндекстер, было бы хорошо, если бы вы увели вашу дочь.

— Пойдем, Лу! Здесь не место для тебя. Надо уйти. Ты отказываешься? Что это? Ты отказываешься повиноваться мне? Кассий, возьми ее за руки и уведи прочь. Если ты, Луиза, не уйдешь добровольно, мы силой заставим тебя это сделать. Ну, будь же умницей. Сделай то, о чем я тебя прошу. Уйди!

— Нет, отец! Я не уйду до тех пор, пока ты мне не пообещаешь, пока все не пообещают...

— Мы ничего не можем обещать вам, мисс, как бы нам этого ни хотелось. Да и вообще это — не женское дело. Совершено преступление, убийство, вы это сами знаете. Нельзя насиловать мнение судей. Убийце нет пощады!

— Нет пощады! — эхом откликнулось несколько десятков озлобленных голосов.

— Повесить его! Повесить!

Регуляторов больше не смущает присутствие очаровательной девушки. Кассий Кольхаун грубо, совершенно забыв о вежливости, тащит Луизу прочь с поляны. Она вырывается из его рук, заливается слезами и громко протестует против бесчеловечной расправы.

— Изверги! Убийцы! — кричит Луиза.

Но девушка уже за пределами толпы и лишена надежды помочь человеку, за которого готова отдать жизнь.

ГЛАВА LXV

Еще одна интермедия

В третий раз около хижины восстанавливается зловещая тишина. Зрители и действующие лица жуткой драмы опять занимают свои места.

Лассо еще раз летит на ветку смоковницы. Те же два палача хватают свободный конец. На этот раз они туго его натягивают.

«Скоро Морису Джеральду конец!»

Теперь несчастный Морис совсем близок к смерти. Даже любовь оказалась бессильной спасти его. Какая же еще сила может предотвратить роковой конец?

Кажется, нет уже возможности помочь ему, нет уже времени для этого. В суровых взглядах регуляторов не видно пощады — одно нетерпение. Палачи тоже торопятся, боясь новой задержки. Они орудуют веревкой с ловкостью

опытных профессионалов. Не пройдет и шестидесяти секунд, как «операция» будет закончена.

— А ну-ка, Билл, готово там у тебя? — спрашивает один из палачей у другого, решив больше не дожидаться команды.

— Все в порядке, — отвечает Билл. — Приканчивай этого негодяя! Тяни!

Веревку дергают, но недостаточно сильно, чтобы поднять с земли тело осужденного. Петля приподымает только его голову.

— Тащи же ты, проклятый! — кричит Билл, удивленный бездействием своего товарища. — Чего зеваешь?

Билл стоит спиной к лесу и не видит появившегося из-за деревьев человека.

— Ну, подавай! — кричит главный исполнитель. — Давай вместе дернем! Вверх! Кончай с ним!

— Нет, он этого не сделает! — раздается громовый голос.

И колоссального роста человек с ружьем за плечами выскакивает из-за кустов. Еще момент — и Зеб Стумп уже в самой гуще толпы.

— Нет, вы этого не сделаете! — повторяет охотник, наклоняясь над распростертым человеком и направляя дуло своего длинного ружья в сторону палачей. — Отпустите, не то я выстрелю! Эй, Билл Грифин, если ты затянешь хоть чуточку петлю, то получишь пилюлю прямо в живот, и вряд ли ты ее переваришь! Отпустите веревку, проклятые!

Даже дикий рев кобылы не произвел на толпу такого сильного впечатления, как появление Зеба Стумпа.

Его знали почти все присутствующие. Его уважали, и многие боялись. К последним относились Билл Грифин и его товарищ. Веревка выскользнула у них из рук, когда раздалось приказание: «Отпустите!»

— Что за ерунду затеяли эти парни? — продолжал охотник, обращаясь к толпе, онемевшей от удивленья. — Ведь не собираетесь же вы вешать больного?

— Мы как раз и хотим это сделать, — ответил суровый голос.

— А почему бы и нет? — спросил другой.

— Почему бы и нет? А кто дал вам право вешать без суда техасского гражданина?

— Подумаешь, важный гражданин! Да и, кроме того, здесь был суд, справедливый суд.

— Вот как! Человек, лишенный рассудка, приговорен к смерти! Отправляют его на тот свет, когда он ничего не сознает! И это вы называете справедливым судом?

— Что нам до этого, поскольку мы знаем, что он виноват? Мы все в этом уверены.

— Уверены? Ладно. С тобой, Джим Стордас, я даже не буду об этом и говорить. Но ты, Сэм Мэнли, и вы, мистер Пойндекстер, — ведь не может быть, чтобы вы были согласны с тем зверством, которое здесь происходит? По-моему, это не больше не меньше, как убийство.

— Ты не все знаешь, Зеб Стумп, — заговорил глава регуляторов, желая оправдать свое участие в этом деле. — У нас есть факты.

— К чорту ваши факты! Я не хочу ничего слышать! У нас хватит времени в этом разобраться, когда будет настоящий суд, против которого, конечно, никто возражать не будет.

— Вы слишком много берете на себя, Зеб Стумп, — вмешался Кассий Кольхаун. — Убитый не был вам ни сыном, ни братом, а то вы, вероятно, заговорили бы иначе. Не понимаю, почему вы вмешиваетесь в это дело.

— Прежде всего потому, что этот парень мой друг, несмотря на то, что он иностранец. А во-вторых, потому, что Зеб Стумп не потерпит нечестной игры, хотя бы она и разыгрывалась в прериях Техаса.

— Нечестной игры! Вы это называете нечестной игрой! Техасцы, неужели вы робеете перед этим болтуном? Пора покончить с этим делом! Кровь убитого Генри Пойндекстера взывает о мести. Беритесь за веревку!

— Отпустите веревку, проклятые!

— Попробуйте только! Первый, кто посмеет, свалится прежде, чем успеет схватиться за нее. Вы повесите несчастного не раньше, чем бесчувственное тело Зеба Стумпа растянется на траве и несколько человек из вас рядом с ним. А ну-ка! Я хочу посмотреть, кто дотронется до веревки!

Наступила полнейшая тишина. Люди не двигались с места, отчасти опасаясь принять вызов, отчасти из уважения к мужеству и великодушию охотника. Зеб Стумп, пользуясь благоприятным моментом, продолжал настаивать на своем.

— Назначьте над парнем справедливый суд, — требовал он. — Давайте отвезем его в сеттльмент, и пусть его там судят. У вас нет явных доказательств, что он участвовал в этом грязном деле, и будь я проклят, если я поверю этому, не убедившись собственными глазами! Я знаю, как он относился к юному Пойндекстеру. Он не только не был ему врагом, но был близким другом.

— Вы не знаете, мистер Стумп, того, что мы только что слышали.

— Что такое вы слышали?

— Показания, которые говорят нам об обратном. У нас есть доказательства, что между Джеральдом и юным Пойндекстером была ссора, больше того — она произошла именно в ту ночь.

— Кто это сказал, Сэм Мэнли?

— Я сказал это, — ответил Кольхаун, выступая вперед, чтобы его видел Зеб.

— О, это вы, мистер Кассий Кольхаун? Вы знаете, что они оба погорячились? Вы присутствовали при их ссоре?

— Я этого не говорил, Зеб Стумп. А кроме того, я совсем не собираюсь отвечать на ваши вопросы. Я думаю, джентльмены, вы все согласны с вынесенным решением. Я не понимаю, почему этот старый дурень должен вмешиваться в наши дела.

— Старый дурень! — закричал охотник. — Вы назвали меня старым дурнем? Клянусь, что вам еще придется эти

слова взять обратно, это вам говорит Зеб Стумп из Кентукки. Ну, да пока об этом не стоит толковать. Всему свое время. И ваш час придет, мистер Кассий Кольхаун, и, может быть, раньше, чем вы думаете. Что же касается ссоры между Генри Пойндекстером и этим парнем, — продолжал Зеб, обращаясь к главе регуляторов, — я в нее не верю. И никогда не поверю, пока не будет более убедительных доказательств, чем его болтовня. Из того, что я знаю, этих выводов нельзя сделать. Вы говорите, что у вас новые факты? У меня они тоже есть. И факты, которые, мне кажется, могут пролить некоторый свет на это таинственное дело.

— Какие факты? — спросил Сэм Мэнли. — Мы слушаем тебя, Зеб Стумп.

— Их несколько. Прежде всего, вы сами видите, что парень ранен. Я не говорю о царапинах. Я предполагаю, что его потрепали койоты. Но посмотрите на колено. Это уже никак не работа койотов. Что ты думаешь по этому поводу, Сэм Мэнли?

— Тут высказали предположение, что это произошло во время схватки между ним и...

— Между ним и кем? — резко спросил Зеб.

— И человеком, который пропал.

— Да, таково наше мнение, — сказал кто-то из толпы. — Мы все знаем, что Генри Пойндекстер не позволил бы себя убить, как теленка. Между ними была потасовка, и, по-видимому, мустангер при падении ударился коленом о камень. Этим следует объяснить опухоль. Кроме того, на голове у него есть рана — похоже, что от пистолета. Что же касается царапин, то мы не знаем, откуда они — от шипов ли растений, или же от зубов и когтей койотов, как вы предполагаете. Тут один чудак сочинил сказку о ягуаре, но мы ей не верим.

— О каком чудаке вы говорите? Вы имеете в виду Фелима? А где же он?

— Удрал, спасая свою голову. Мы поищем его, как

только покончим с этим делом. Дадим ему попробовать виселицы, и тогда он заговорит по-настоящему.

— Если вам нужно узнать о ягуаре, то вы ничего нового и не узнаете. Я сам видел эту нечисть и едва поспел, чтобы вырвать парня из его когтей. Но не в этом дело. Что еще рассказывал этот парень?

— Длинную историю про каких-то индейцев. Но кто этому поверит!

— Что же, он и мне рассказал то же самое. Все это похоже на правду. Он говорил, что они играли в карты. Вот смотрите, я нашел целую колоду в хижине на полу. Это испанские карты.

Зеб вытащил колоду из кармана и протянул ее главе регуляторов.

При внимательном осмотре карты оказались мексиканского производства — теми, какие обычно употребляются для игры в monté.

— Где это слыхано, чтобы команчи играли в карты? — спросил один из усомнившихся в правдоподобии рассказа. — Это просто смешно!

— Смешно, вы сказали? — вмешался один из охотников, которому пришлось пробыть около двенадцати месяцев в плену у команчей. — Может быть, это и смешно, но тем не менее это правда. Не раз мне приходилось видеть, как дикари играли в карты на шкуре буйвола вместо стола. Играли они именно в эту мексиканскую игру; наверное, они научились у своих пленников. Как бы то ни было, — закончил старик, — команчи играют в карты, это истинная правда.

Зеб Стумп был рад этому выступлению.

Появление индейцев в окрестностях меняло отношение к делу регуляторов, до сих пор предполагавших, что команчи разбойничали только по ту сторону сеттльмента.

— Конечно, это так, — подхватил Зеб, желая убедить присутствующих в необходимости отложить судебное разбирательство. — Здесь были индейцы или, во всяком случае, кто-то чертовски на них похожий... Иосафат! Откуда это она скачет?

В этот момент со стороны утеса ясно донесся топот копыт.

Над обрывом показалась всадница, скачущая во весь карьер. Волосы у нее растрепались, шляпа слетела с головы. Наездница то и дело подгоняла своего коня хлыстом, шпорами и окриками, хотя лошадь и без того мчалась во весь опор.

В этой неистовой всаднице все сразу узнали ту женщину, которая полчаса назад указала им путь к хижине.

ГЛАВА LXVI

Гонимая команчами

Исидора появилась неожиданно. Что заставило ее вернуться? И почему скакала она таким бешеным галопом?

Чтобы объяснить это, мы должны вернуться к моменту ее мрачных размышлений после встречи с техасцами.

Расставшись с отрядом, Исидора некоторое время колебалась: ехать ли ей на Леону, или вернуться к хакале и самой быть свидетельницей событий, которые должны там разыграться.

Она остановилась у лесных зарослей, под тенью деревьев, и невольно посмотрела на темную верхушку кипариса, возвышающуюся над обрывистым берегом Аламо. Тяжелые сомнения овладели ее душой.

Что сделала она, направив отряд к хижине?! Если и будет унижена женщина, которую она ненавидит, то ведь одновременно может погибнуть и любимый человек!

— Матерь божья! — прошептала она. — Что я наделала?! Если только эти свирепые судьи признают его виновным, какой будет конец? Смерть! О, я не хочу этого! Только не от их рук! Нет, нет! Когда я показала им дорогу, как жадно бросились они вперед! Они уже заранее реши-

ли, что дон Морисио должен умереть. Он здесь всем чужой, уроженец другой страны. Один, без друзей, окруженный только врагами...

Взор девушки с безмолвной тоской блуждал по прерии. Ее лошадь вдруг тихонько заржала и повернула голову в сторону зарослей.

«Нет ли там кого?»

Исидора тоже обернулась и стала всматриваться в тропинку, по которой только что проехала. Это дорога на Леону. Она видна только на небольшом расстоянии — дальше, за поворотом, она исчезает среди зарослей. На ней никого не видно, кроме двух или трех тощих койотов.

Почему же ее конь проявляет нетерпение, не хочет стоять на месте, храпит и громко ржет?

В ответ послышалось ржание нескольких лошадей, которые, повидимому, скакали по дороге, но все еще были скрыты среди зарослей. Слышны были только удары копыт.

Потом снова все затихло. Лошади либо остановились, либо продвигались легким, неслышным шагом.

Исидора с трудом успокоила своего серого коня и вся обратилась в слух. Из зарослей долетел какой-то слабый гул. Это шопот человеческих голосов.

Потом опять все стихло. Всадники, наверное, остановились.

Это происшествие мало обеспокоило Исидору.

«Вероятно, путешественники держат путь на Рио-Гранде, — подумала она, — или, быть может, это отставшие всадники техасского отряда. Индейцы не могут быть здесь — известно, что они на военной тропе в другом месте. Но кто бы ни были эти всадники, все же надо быть настороже».

С этой мыслью Исидора отъехала в сторону и остановилась под прикрытием акации. Здесь она опять прислушалась. Скоро она обнаружила, что неизвестные приближались к ней не по дороге, а через чащу зарослей.

Почем знать, какие у них намерения? Исидору охватило волнение. Она до сих пор сохраняла спокойствие, но теперь поведение всадников показалось ей крайне подозрительным. Будь это простые путешественники, они ехали бы по дороге, а не подкрадывались через заросли.

Она осмотрелась кругом, пытаясь найти место, где бы можно было спрятаться: кружевная листва акации была ей плохой защитой.

Исидора пришпорила лошадь, выехала из зарослей и помчалась вперед по долине, в сторону Аламо.

Она решила отъехать на расстояние трехсот ярдов, где ее не могли уже достичь ни стрела, ни пуля, и тогда остановиться, чтобы узнать, кто приближается — друзья или враги.

Но ей не удалось это выполнить. Таинственные всадники пустились ее преследовать.

Обернувшись назад, она увидела бронзовую кожу полуобнаженных тел, красную окраску разрисованных лиц и огненные перья в волосах.

— Los Indios![1] — прошептала в ужасе мексиканка и еще сильнее пришпорила коня, направляя его к кипарису.

До сих пор Исидора мало боялась встречи с краснокожими кочевниками прерий. Уже в течение долгих лет они были в мирных отношениях как с техасцами, так и с мексиканцами. Они становились опасными только тогда, когда были пьяны. Исидора уже испытала однажды это на себе.

Но теперь обстоятельства изменились.

Полоса перемирия прошла. Война висела в воздухе. Теперь ее преследователи трезвы и жаждут крови. Теперь надо опасаться не только пьяных оскорблений — ее жизнь под страшной угрозой.

Восклицаниями, хлыстом, шпорами гонит Исидора своего горячего коня.

Слышен только ее голос. Те, кто в погоне за ней, совершенно безмолвны.

[1] Индейцы!

Их четверо, она — одна.

Единственная надежда — это попасть под защиту техасцев.

Исидора мчится к кипарису.

ГЛАВА LXVII

Индейцы!

Преследуемая всадница уже на расстоянии трехсот ярдов от обрыва, над которым возвышается кипарис.

Мчавшийся первым индеец снимает лассо с луки седла и вертит им над головой.

Прежде чем она успеет достигнуть спуска в ущелье, петля лассо обовьется вокруг ее шеи. И тогда...

Вдруг счастливая мысль осеняет Исидору.

Утес, который возвышается над Аламо, ближе от нее, чем ущелье, спускающееся к реке. Она вспоминает, что утес виден из хижины.

Всадница быстро меняет направление и, вместо того чтобы ехать к кипарису, направляется прямо к обрыву.

Преследователи этому только рады — они хорошо знают это место и понимают всю безвыходность ее положения. Нет сомнения, что здесь она попадется им в руки.

Главарь снова берется за лассо. Он не торопится бросать его, так как уверен в успехе.

— Cingaro! —восклицает он. — Еще немного — и она очутится в пропасти!

Но он ошибся. Исидора скачет дальше, но не в пропасть. Еще один быстрый поворот — и она уже мчится вдоль обрыва, настолько близко к самому краю, что это привлекает внимание техасцев и вызывает восклицание ошеломленного Зеба: «Иосафат!»

Этот возглас вырывается у охотника только в исключительных случаях.

И как бы в ответ ему раздается крик всадницы:

— Los Indios! Los Indios!

Тот, кто пробыл хотя бы три дня в Южном Техасе, не мог ошибиться в значении этих слов, на каком бы языке они ни были произнесены. Это крик тревоги, который уже в течение трехсот лет раздается на протяжении трех тысяч миль пограничной полосы.

— Техасцы! Спасите! Спасите! Меня преследуют индейцы!

Следом за девушкой по краю утеса мчится вождь индейцев. Его лассо снова кружится в воздухе. Вдруг раздается выстрел. Жгучая боль в руке заставляет индейца выронить лассо и в недоумении оглянуться вокруг.

Внизу, в долине, над толпой вооруженных людей поднимается облачко дыма.

Точно сговорившись, все четверо поворачивают лошадей и мчатся прочь с такой же быстротой, с какой прискакали.

— Какая досада! — говорит Зеб Стумп, вновь заряжая ружье. — Если бы не она, я бы заставил их спуститься вниз. Попадись они в плен, мы могли бы кое-что узнать относительно этого загадочного дела. Но теперь их уже не догнать!

***

Появление индейцев меняет настроение толпы, находящейся около хижины мустангера.

Кольхаун и его бандиты больше уже не хозяева положения. Глава регуляторов объявляет, что суд откладывается.

Тут же составляется новый план действий. Обвиняемый должен быть перевезен в сеттльмент, где будет назначено судебное разбирательство согласно законам страны.

Это предложение принимается большинством присутствующих. А как же быть с индейцами? Преследовать их? Разумеется. Но когда? Сейчас, сию минуту? Осторожность подсказывает, что нет. Видели только четырех, но они могли быть авангардом нескольких сотен.

— Лучше подождать женщину, что скакала над обры-

вом, и от нее узнать об индейцах, — так советует кто-то из техасцев.

Теперь все ждут Исидору.

Тем временем Зеб Стумп вынимает кляп изо рта несчастного пленника и развязывает туго затянутую веревку. С лихорадочным вниманием издали наблюдает за этим Луиза Пойндекстер.

Но где же племянница дона Сильвио Мартинеца?

Ее до сих пор еще нет. Не слышно больше даже стука копыт ее лошади.

Отсутствие Исидоры вызывает удивление, тревогу, страх. Среди присутствующих много поклонников мексиканской девушки. Возможно, что ее захватили в плен.

Самолюбие техасцев задето. Ведь это к ним взывали о помощи: «Техасцы, спасите!»

И вот жажда мести, направленная против мустангера, переключается в другое русло: надо отомстить краснокожим.

Более юные и пылкие не могут больше терпеть неизвестности; они вскакивают в седла и громогласно объявляют о решении отыскать девушку, спасти ее или погибнуть.

Никто не останавливает юношей. Они отправляются спасать Исидору и преследовать пиратов прерий.

На месте остаются немногие; Зеб Стумп среди них.

Охотник всецело занят теперь охраной больного, которого все еще стерегут регуляторы. Но не один только Зеб остается верен мустангеру в минуту его несчастья. Красавица-креолка попрежнему не спускает с него глаз, хотя и принуждена скрывать от других свое горячее участие.

А вот показался и Фелим, он тоже спешит на помощь к своему хозяину. Все это время он просидел тайком на дереве, наблюдая оттуда за тем, что происходило около хижины. Перемена обстановки позволила ему наконец без риска спуститься на землю.

Так закончился самосуд над Морисом Джеральдом.

Дальнейшие события будут развиваться уже далеко от берегов Аламо.

Через час хижина опустеет, и Морису-мустангеру, быть может, никогда уже не придется жить под ее гостеприимным кровом.

ГЛАВА LXVIII

Неудачный поход

Поход против команчей длился не больше трех или четырех дней. Оказалось, что индейцы западной равнины вовсе и не собирались серьезно воевать. Их набеги на сеттльменты были простым озорством юных молодцов, стремившихся заслужить звание храбрых. Они ознаменовали свои подвиги тем, что сняли несколько скальпов, захватили в плен десяток лошадей и несколько голов рогатого скота.

Подобные нападения — довольно обычное явление для Техаса. Они часто происходят по инициативе отдельных головорезов, часто без ведома вождя или старейшин племени. Старики обычно против подобных выходок.

Краснокожих пиратов перехватил эскадрон конных стрелков в окрестностях Сан-Саба. Они принуждены были оставить добычу и только бегством спасли свою жизнь.

Поскольку команчи отступили за пределы нейтральной полосы, участникам посланного против них отряда ничего больше не оставалось, как вернуться к своим частям и ждать дальнейших распоряжений из главного штаба.

Для молодых техасцев, жаждущих военных подвигов, это было большим разочарованием. Узнав, что во время их отсутствия индейцы появились также и на востоке, по ту сторону Леоны, они вновь было воспрянули духом в надежде на новую экспедицию. Но и тут их ждала неудача.

Отряд молодежи, отправившийся на выручку Исидоры, скоро вернулся, не найдя в окрестностях Аламо никаких индейцев. Мало того: можно было предполагать, что вся

история с появлением краснокожих около хижины мустангера была сплошной мистификацией. Это были вовсе не индейцы, а белые, замаскированные индейцами.

В подтверждение своих догадок участники отряда привезли несколько предметов, явно свидетельствовавших о подобном маскараде. Это были парики из конского волоса, петушиные перья, выкрашенные в зеленый и красный цвета, штаны из оленьей шкуры, мокассины и несколько коробок красок. Все это было найдено в дупле старого тополя.

Нечего было и мечтать о новом походе против индейцев. Искателям геройских подвигов пришлось смирить свои порывы и удовлетвориться мирной жизнью.

Несмотря на отдаленность форта Индж от какого-либо большого цивилизованного центра, нельзя сказать, чтобы жизнь там протекала вяло. Прежде всего, совсем недавно там поселилась молоденькая девушка невиданной красоты. Затем — таинственное исчезновение и предполагаемое убийство ее брата. Далее — еще более таинственное появление всадника без головы, история о бледнолицых, разыгрывающих индейцев, и, наконец, последняя по счету, но не по своему значению новость о том, что заподозренный в убийстве Генри Пойндекстера человек пойман и находится за стенами гауптвахты в состоянии буйного помешательства.

Имя Исидоры Коварубио де-Лос-Ланос, этой эксцентричной красавицы, стало излюбленной темой обсуждения. Ходили также слухи, будто бы и она находится в какой-то связи с загадочной историей, которая всех так взволновала.

Все разыгравшиеся на Аламо события: мустангер, найденный больным в своей хижине, решение повесить его, оттяжка исполнения приговора в связи с вмешательством Луизы Пойндекстер, предстоящий пересмотр дела, отложенного благодаря отважному заступничеству Зеба Стумпа, — все это вызывало чрезвычайный интерес жителей.

Все эти события давали богатую пищу для всяких пересудов и сплетен.

Однако наиболее горячие споры сконцентрировались во-

круг вопроса виновности или невиновности мустангера, обвиняемого в убийстве Генри Пойндекстера.

— Убийство, — сказал философски настроенный капитан Сломан, — это преступление, на которое, по моему мнению, Морис-мустангер неспособен. Мне кажется, что я достаточно хорошо знаю этого парня, чтобы утверждать это.

— Вы не можете отрицать, — возразил Кроссман, — что вся обстановка дела говорит против него. В его виновности почти не может быть сомнений.

Кроссман никогда не был расположен к молодому ирландцу. Ему однажды показалось, что племянница комиссара, первая красавица форта, слишком благосклонно посмотрела на этого искателя приключений.

— Я с вами никак не могу согласиться, — ответил Сломан.

— Но ведь не приходится сомневаться в том, что молодой Пойндекстер убит. Это бесспорно. Так кто же еще другой мог это сделать? Кольхаун клянется, что он подслушал ссору между юношей и Джеральдом.

— Этот драгоценный кузен будет клясться в чем угодно, если только ему это выгодно, — вмешался драгун Генкок. — Кроме того, его нелады с мустангером ставят под сомнение его доказательства. Не так ли?

— Предположим, что между юным Пойндекстером и мустангером произошла ссора, — продолжал офицер пехоты. — Что же из этого? Это еще не доказывает, что мы имеем дело с убийством.

— Значит, вы предполагаете, что этот парень убил Пойндекстера в честной схватке?

— Весьма вероятно.

— Но на какой почве у них произошла ссора? — спросил Генкок. — Я слышал, что молодой Пойндекстер был в дружеских отношениях с мустангером, несмотря на его нелады с Кольхауном. О чем они могли поспорить?

— Странный вопрос с вашей стороны, лейтенант Ген-

кок, — ответил пехотинец. — Разве мужчины ссорятся из-за чего-нибудь другого, кроме...

— Кроме как из-за женщины? — вмешался драгун. — Но из-за какой женщины, я не могу понять. Не из-за сестры же юного Пойндекстера!

— Почем знать! — ответил Сломан, многозначительно пожимая плечами.

— Чудовищно! — воскликнул Кроссман. — Можно ли себе представить, чтобы охотник за лошадьми посмел мечтать о мисс Пойндекстер? Совершенно нелепо!

— Вы, Кроссман, слишком ярый аристократ. Разве вы не знаете, что любовь не считается с такими пустяками, как происхождение? Я не берусь ничего утверждать. Ссора могла произойти и не из-за мисс Пойндекстер. Ведь есть же у нас и другие девицы в сеттльменте, из-за которых стоит подраться, не говоря уже о прекрасных созданиях, осчастлививших наш форт своим...

— Капитан Сломан! — резко прервал своего собеседника лейтенант стрелковых частей. — Должен сказать, что для человека вашего уровня вы рассуждаете весьма странно. Дамы нашего гарнизона должны быть вам очень признательны за такие намеки.

— Какие намеки, сэр?

— Неужели вы думаете, что между ними найдется хотя бы одна, которая согласилась бы разговаривать с этим человеком?

— С каким? Я назвал двоих.

— Вы меня достаточно хорошо понимаете, Сломан, а я вас. Наши дамы, конечно, очень будут польщены тем, что их имена упоминаются наряду с именем этого подлого авантюриста — конокрада и человека, подозреваемого в убийстве.

— Мориса-мустангера трудно заподозрить в убийстве. И не конокрад он и не авантюрист. Мне больше вашего пришлось встречаться с молодым ирландцем, и я утверждаю, что по своему культурному уровню он не уступит

любому из нас. Пусть наши дамы не смущаются знакомством с ним. И, поскольку мы уже коснулись этой темы, я должен добавить, что вряд ли они, по крайней мере некоторые из них, стали бы избегать возможности познакомиться с ним поближе, если бы только эта возможность им представилась. Морис-мустангер, насколько мне пришлось его наблюдать, вел себя в присутствии наших дам со скромностью истинного джентльмена. Да и, кроме всего, я сильно сомневаюсь, чтобы он мог заинтересоваться какой-нибудь из них.

— В самом деле? Какое счастье для того, кто в противном случае мог бы оказаться его соперником!

— Так оно и есть, — спокойно ответил капитан пехоты.

— Почем знать! — многозначительно сказал Генкок. — Почем знать, из-за кого произошла эта ссора, если только она вообще была. Не замешана ли в ней прекрасная сеньорита, о которой сейчас так много говорят? То, что я слыхал об этой женщине, позволяет думать, что из-за нее мужчины могут перегрызть друг другу глотку... Его посадили на гауптвахту. С ним его чудак-слуга. Но что интересно, так это то, что майор отдал распоряжение удвоить охрану. Что это должно означать, капитан Сломан? Вы, наверное, это можете объяснить лучше других. Ведь не может же быть, чтобы он сделал попытку убежать из тюрьмы?

— Вряд ли, — ответил офицер пехоты, — особенно принимая во внимание, что больной мустангер даже не подозревает, где он сидит. Я только что был у него. Он настолько обезумел, что не узнает себя в зеркале.

— Обезумел? Что вы хотите этим сказать? — спросил Генкок.

— У него горячка.

— Так вот почему усилена охрана! Чертовски странно! Наверное, сам майор немного помешался. Может быть, это... распоряжение майорши? Ха-ха-ха!

— Но что это означает? Неужели старик-майор опасается, что мустангер убежит из-под стражи?

— Нет, я думаю, что не в этом дело. Здесь, повидимому, больше боятся обратного... Я хочу сказать, что для Мориса-мустангера безопаснее сидеть в тюрьме, чем находиться вне ее. Появились какие-то странные типы и опять заговорили о суде Линча. Либо регуляторы жалеют, что отложили окончание суда, либо кто-нибудь стал серьезно обрабатывать общественное мнение в этом направлении. Счастье для мустангера, что старик-охотник оказался его верным другом. Хорошо, что и наш отряд во-время вернулся и можно было усилить охрану. Еще день — и Мориса Джеральда уже не было бы в живых. Но теперь все в порядке, и бедного парня будут судить по всей справедливости.

— Когда же суд?

— Как только к нему вернется рассудок.

— Ведь это может тянуться неделями.

— А может быть, все кончится через несколько дней и даже через несколько часов. Физически он, повидимому, не так плох. Очевидно, ему пришлось пережить какое-то тяжелое потрясение. Перемена может произойти в течение дня. А говорят, что регуляторы хотят, чтобы его судили немедленно, как только он придет в себя.

— Может быть, он сможет оправдать себя? Надеюсь, что это так и будет, — сказал Генкок.

— Очень сомнительно, — ответил Кроссман. — Посмотрим.

— Я в этом уверен, — сказал Сломан. — Поживем, увидим.

ГЛАВА LXIX

Тайна и траур

В гасиенде Каса-дель-Корво — печаль и траур. Между членами семьи Вудли Пойндекстера какие-то загадочные отношения. Их осталось только трое. Встречаются они гораздо реже, чем раньше, и в их отношениях чувствуется

какая-то натянутость. Они видятся только за столом. Говорят только о самом необходимом.

Понять причину печали нетрудно; до некоторой степени понятна и их молчаливость.

Смерть, в которой больше уже никто не сомневается, неожиданная и загадочная смерть единственного сына, единственного брата была страшным ударом и для отца и для дочери. Не эта ли смерть повергла в мрачное уныние и Кассия Кольхауна, двоюродного брата убитого?

Каждый из них как-то мучительно сдержан с другими, даже в тех редких случаях, когда им приходится говорить о семейном горе.

Помимо общего горя, кажется, что у каждого из них есть еще какая-то тайна, которой они не выдают и не могут выдать.

Гордый когда-то плантатор не показывается теперь на улице. Он целыми часами шагает из комнаты в комнату или по коридору. Тяжесть горя сломила его гордость и надорвала сердце. Однако старика гнетет не одна тоска о погибшем сыне; невнятные проклятия, срывающиеся порой с его губ, выдают и другие чувства.

Кольхаун все время куда-то уезжает и появляется только тогда, когда надо садиться за стол или же ложиться спать.

Луиза больше сидит в своей комнате. Иногда, правда, ее можно видеть и на азотее, в одиночестве, в состоянии задумчивости. Там, под сводом синего неба, ей легче переносить свои страдания — тоску о погибшем брате, страх потерять любимого человека и, быть может, также и неприятные мысли о скандале, уже связанном с ее именем.

Луиза знает, что Морис Джеральд заключен в тюрьму. Он окружен крепкими стенами военной гауптвахты.

Но странно: ее не беспокоит неприступность этих стен; наоборот, она боится, что они недостаточно крепки.

У Луизы для этого имеются основания. Поговаривают о суде Линча; на этот раз в качестве старшего судьи

должен выступить не Сэм Мэнли, судебными заседателями — не регуляторы, а люди еще более жестокие, просто бандиты, в каких нет недостатка в окрестностях любого пограничного форта. Эти разговоры вызывают общее удивление. Трудно понять, почему заключенный должен опять быть отдан на произвол толпы вместо законного суда. Факты, выяснившиеся за последнее время, не изменяют положения; во всяком случае, нет никаких новых доказательств его виновности.

Почему же тогда опять вспыхнула эта вражда против заключенного? В этом кроется что-то странное.

Только три человека понимают или подозревают причину этой вражды: Зеб Стумп, Луиза Пойндекстер и Кассий Кольхаун.

Старый охотник, зорко следивший за происходящими событиями, инстинктивно почувствовал и понял смысл этого темного дела. Кассий Кольхаун действовал через подставных лиц. Исполнителями его злой воли были Мигуэль Диаз и его товарищи в сообщничестве с десятком людей, набранных из местных головорезов.

Зеб Стумп не замедлил сообщить молодой креолке о своих подозрениях. Луиза оценила всю справедливость этих подозрений. Это-то и вызвало в ней мучительную тревогу.

Жадно ловит она новые слухи. Напряженно глядит на дорогу, соединяющую Каса-дель-Корво с фортом, точно ждет вестника, который принесет ей оттуда либо смертный приговор, либо надежду на жизнь. Она не смеет показаться около тюрьмы. Дверь гауптвахты, несмотря на присутствие часовых, все время осаждена людьми, жадно прислушивающимися к бреду безумного. Пройти сквозь толпу этих зевак и чувствовать на себе их вопрошающие взгляды было бы слишком тяжело.

Если бы Луиза была предоставлена самой себе, она бы все равно это сделала, но за ней следил отец, у которого и так уже проснулись подозрения. А кроме того, еще один

родственник не менее рьяно охранял ее перед общественным мнением. Ей невозможно было решиться на этот шаг. Ничего не оставалось, как сидеть дома.

Как счастлива была Луиза, когда на четвертый день утром появился в Каса-дель-Корво Зеб Стумп и принес известие, что стрелки, отправленные в экспедицию против индейцев, вернулись в форт! Теперь уже не надо было опасаться, что враги мустангера выкрадут его из-под охраны.

— Можете больше не беспокоиться об этом, — сказал Зеб с уверенностью в голосе. — Теперь эта опасность миновала, мисс Луиза, я принял соответствующие меры.

— Каким образом, Зеб?

— Прежде всего я повидался с майором сразу же после его возвращения. Я рассказал ему все, что произошло, насколько это мне самому известно. К счастью, он не восстановлен против молодого ирландца. Потом я рассказал про эту грязную банду американцев, мексиканцев и прочих. Не забыл и про негодяя Диаза, пожалуй самого вредного из них. В результате майор распорядился удвоить охрану.

— Как я рада! Вы думаете, что с этой стороны больше не грозит опасность?

— Вы, наверное, имеете в виду шайку мистера Мигуэля Диаза? Могу вас уверить, что их теперь нечего бояться. Пусть-ка Диаз сам сначала выберется из тюрьмы.

— Что? Диаз в тюрьме? Как? Когда? Где?

— Вы задали мне кучу вопросов, мисс Луиза. Ну что ж! Для удобства давайте начнем с последнего. Значит, вы спрашиваете — где? В этих местах только одна тюрьма — другой нет. Я хочу сказать, что это гауптвахта форта. Он там.

— Вместе с...

— Я знаю, вы хотели назвать молодого парня. Да, они в одном помещении, хотя и не в одной камере. Между ними перегородка. Через нее все слышно, и можно было бы переговариваться, если бы они только захотели. Тут же, по соседству с мексиканцем, сидят и его приятели. Ну, уж

эти-то трое, наверное, найдут о чем поговорить между собою.

— Это хорошая новость, Зеб. Вы мне вчера сказали, что Диаз действовал...

— Для того, чтобы самому попасться. Это ему удалось. Хорошо, что он сам залез в кутузку, а то все равно кто-нибудь другой его бы туда засадил.

— Но скажите: как, когда? Я ведь ничего не знаю.

— Ох, как вы торопитесь! Дайте мне минутку передохнуть. Ваш второй вопрос — когда? На это нетрудно ответить. Приблизительно около часа тому назад я видел, как за ним захлопнулась дверь тюрьмы. После этого я прямо направился сюда.

— Но вы мне еще не сказали, почему его арестовали.

— У меня еще не было возможности. Это длинная история и займет много времени. Хотите вы ее выслушать теперь или после...

— После чего, мистер Стумп?

— Как вам сказать... мисс Луиза, я думал... после того, как я отведу в конюшню свою старую кобылу. Ей, видно, хочется немножко пожевать чего-нибудь вроде кукурузы и промочить горло водицей. Мы с ней проделали дальнюю дорогу.

— Простите меня, дорогой мистер Стумп! Я не подумала об этом... Плуто, отведи лошадь мистера Стумпа в конюшню и смотри накорми ее хорошенько. Флоринда! Флоринда! Что вам можно предложить, мистер Стумп?

— Не беспокойтесь обо мне, мисс Луиза, большое спасибо. Я думал только о кобыле. Что же касается меня, то я еще часика два могу обойтись без еды. Но если в вашем доме есть хоть что-нибудь вроде мононгахельского виски, это было бы весьма полезно для поддержания духа.

— Мононгахельского виски сколько угодно. Но разрешите дать вам что-нибудь получше.

— Лучше мононгахельского виски?

— Да. Шерри-брэнди, шампанского — что вы предпочитаете?

— Нет, не надо мне этих французских напитков. Что может быть лучше чистого кукурузного сока с питтсбургских заводов!

— Флоринда! Флоринда!

Служанке можно было и не говорить, зачем ее звали. Присутствие Зеба Стумпа достаточно красноречиво говорило о том, чего от нее хотели. Не дожидаясь распоряжения, она вышла и через минуту вернулась с графином, наполовину наполненным тем, что старый охотник называл «чистым кукурузным соком», но что на самом деле было продуктом переработки ржи.

Зеб не заставил себя упрашивать. Скоро жидкость в графине убыла на одну треть. Другие две трети он оставил для того, чтобы промочить себе горло во время длинного рассказа, к которому он был уже готов приступить.

ГЛАВА LXX

Напутствие Зебу

Старый охотник не любил ничего делать второпях. Даже его манера выпивать не составляла исключения. Он медленно смаковал свое виски.

Креолка, сгорая от нетерпения, не стала дожидаться, пока он сам заговорит.

— Скажите, дорогой Зеб, — сказала она, после того как отослала служанку, — почему арестовали этого мексиканца — Мигуэля Диаза, я хочу сказать? Мне кажется, что я кое-что о нем знаю.

— Не вы одна, мисс Луиза, — многие знают проделки этого негодяя. Ваш брат... Но об этом пока не будем говорить. То, что Зеб Стумп знает или сильно подозревает, — это, что Мигуэль Диаз имел какое-то отношение к... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Продолжайте, мистер Стумп.

— Дело в следующем. После того как мы вернулись с Аламо, вскоре явились и парни, которые ездили в погоню за индейцами. Вы это, конечно, слышали. Принадлежности маскарада, найденные в дупле дерева, ясно доказывают, что те, кого мы видели над обрывом, были белыми. Я и сам об этом подумал, когда нашел в хижине карты.

— Значит, это были те самые, которые ночью вторглись в хакале, те самые, которых видел Фелим?

— Без сомнения. Это те же самые мексиканцы.

— Какие у вас основания предполагать, что они мексиканцы?

— Очень большие. Я сам убедился в этом. Я выследил, куда скрылся каждый из этой шайки.

Молодая креолка больше не задавала вопросов. Она стояла, с напряженным вниманием дожидаясь продолжения повествования.

— Видите ли, мисс Луиза, карты, а также некоторые их слова, которые гальвеец повторил мне, дали мне понять, что эти люди — мексиканцы. Убедившись в этом, мне нетрудно было приблизительно догадаться, откуда они могли явиться. Я достаточно хорошо знаю местных мексиканцев, чтобы по полученным описаниям узнать каждого из четверки. Кроме того, одному из них я поставил свою метку.

— Вашу метку?

— Помните мой выстрел? Я пустил в него пулю из двери хижины.

— Я видела, как вы спустили курок, но в кого вы стреляли, я не заметила.

— Так вот, мисс Луиза, старик Стумп редко спускает курок без того, чтобы не пролить крови. Я знал, что я попал в этого прохвоста. Стрелять пришлось издалека, и пулю немного отнесло в сторону, но я был уверен, что она его зацепила. Я видел, как его передернуло от боли, и подумал при этом: «Если только в этой шкуре не пробито

дыры, то я готов поменяться с ним своей». После этого вернулись наши молодцы и рассказали нам о белых, а не о краснокожих. Я прекрасно знал, кто были эти индейцы, и мог бы изловить их, но я этого не сделал.

— Почему же, мистер Стумп? Ведь, может быть, это те же самые люди, которые убили моего бедного брата!..

— Вот именно поэтому я их пока и не трогал. Была еще и другая причина. Мне не хотелось уходить далеко от форта — я боялся, как бы чего не произошло в мое отсутствие. Вы понимаете? Да и помимо всего, я считал, что еще рано было доводить дело до конца. Мне хотелось сделать это без промаха. Итак, я дождался возвращения стрелков и тогда мог спокойно оставить мистера Мориса под надежной охраной. Только после этого я оседлал свою старую кобылу, и мы отправились к месту, где эти молодцы спрятали принадлежности своего маскарада. Я легко нашел это место по описаниям наших парней. Немудрено, что они не могли установить и половины того, что надо, — ведь их вел этот желторотый Спэнглер. И мне самому пришлось доискиваться до всего остального. Я не ошибся в расчетах. Любой дурак, который когда-либо был в прерии, мог бы найти обратные следы этих фальшивых команчей. Любой купец смог бы проследить их по прерии. Однако ни мистер Спэнглер, ни остальные этого не сумели сделать. Я шутя все проверил, несмотря на то, что следы были сильно затоптаны лошадьми «опытных» следопытов.

— А после этого?

— После этого я разговаривал с майором. Через полчаса четыре красавца очутились за решеткой тюрьмы. Главаря схватили первым, иначе бы он мог улизнуть. Я не ошибся относительно того, что оставил на мистере Мигуэле Диазе свою метку.

— Значит, это он? — невольно сорвалось у Луизы. — Очень странно. Я видела его на поляне среди зарослей нашего холма. А женщина-мексиканка — Исидора? Ах! Здесь кроется какая-то тайна! Скажите мне, дорогой Зеб, — спро-

сила Луиза, подходя поближе к охотнику, — эта женщина-мексиканка... я хочу сказать, которая... которая была там... часто ли она бывала у него?

— У кого? Про кого вы спрашиваете, мисс Луиза?

— Разве вы не понимаете, Зеб? Я спрашиваю про мистера Джеральда.

— Может быть и часто, а может быть и нет — ни то, ни другое мне неизвестно. Я ведь и сам редко там бывал. Я охочусь обычно не в тех местах. Только иногда бывало забреду туда для разнообразия. Если вы спрашиваете мое мнение, то я думаю, что эта девица никогда раньше там не бывала. По крайней мере, я об этом ничего не слыхал. А Фелим уж наверно проболтался бы. Я слыхал только об одной особе женского пола, которая приезжала в гости в эту хибарку.

— Кто? — быстро спросила креолка и сейчас же пожалела об этом. Яркая краска выступила у нее на щеках, когда она заметила многозначительный взгляд Зеба. — Но это неважно, — продолжала она, не дожидаясь ответа. — Итак, Зеб, вы думаете, что эти люди, эти мексиканцы, замешаны в убийстве брата?

— Если хотите знать правду, то я просто не знаю, что думать. В прериях еще никогда не случалось такого таинственного происшествия. Иногда мне кажется, что это работа мексиканцев. Иногда же мне кажется, что в этом деле действовал кто-то другой. Я не буду пока говорить вам, кто именно.

— Но не он ведь, Зеб, не он?

— Нет, это не мустангер. Несмотря на то, что очень многое говорит против него, я ни минуты не сомневаюсь в его невиновности.

— Но как это доказать? Говорят, что все улики против него. И никто не хочет сказать ни слова в его защиту.

— Это не совсем так. Мне еще не удалось как следует выяснить это дело — нехватало для этого времени. Но теперь у меня есть эта возможность, и я ею воспользуюсь немедленно же. Прерия — это большая книга, мисс Пойндекстер, интересная большая книга, надо только уметь читать по ней. Хотя Зеб Стумп и не слишком большой ученый в других отношениях, но эту премудрость он постиг хорошо. Нам, может быть, удастся найти свидетельства в пользу Мориса. Мой старый учитель утверждал, что иногда и камни говорят.

— Вы думаете, что сможете найти следы преступления?

— Надо будет съездить и хорошенько все обследовать. Особенно меня интересует то место, где я видел молодого ирландца в когтях ягуара. Следовало бы отправиться туда еще раньше, но у меня не было этой возможности. Счастье, что за это время не было дождя, и даже следы недельной давности можно будет без труда прочитать. Конечно, без навыка в них не разберешься. Ну, а теперь пора ехать, мисс Луиза. Я забежал к вам на минуточку, чтобы рассказать, что делается в форту. Нельзя терять времени. Меня пустили сегодня утром на свидание к заключенному. Его состояние значительно лучше, разум стал проясняться. Регуляторы настаивают, чтобы суд назначили как можно скорее. Может быть, это произойдет в течение каких-нибудь трех дней. Мне необходимо вернуться к началу суда.

— Идите, Зеб. Всем сердцем желаю успеха в вашем добром деле. Возвращайтесь с доказательствами его невиновности. Это для меня дороже самой жизни. И я никогда, никогда не забуду вашей услуги!

ГЛАВА LXXI

Гнедой

Воодушевленный горячим напутствием, охотник поспешил к конюшне, где стояла его лошадь.

Кобыла грызла кукурузу — Плуто не поскупился хорошенько угостить ее.

И Плуто был здесь же, возле лошади. Несмотря на свою обычную разговорчивость, негр-конюх был на этот раз очень молчалив. Повидимому, он был чем-то сильно удручен.

Понять его состояние было нетрудно. Потеря горячо любимого молодого хозяина, грусть молодой хозяйки, которой он также был очень предан, и еще, вероятно, удар сапогом капитана Кассия Кольхауна — все это удручало бедного негра.

Зеб так занят был собственными мыслями, что не заметил унылой физиономии невольника. Второпях он даже не дал своей кобыле как следует подкрепиться кукурузой. Схватив лошадь за морду, Зеб воткнул ей в зубы удила, закинул за шею ременки уздечки, быстро повернул ее и уже готов был вывести из конюшни. Кобыла очень неохотно подчинялась своему хозяину, пришлось силой оттащить ее от вкусного корма.

— Ой-ой, мистер Стумп, — вмешался Плуто, — почему вы так торопитесь? Бедная кобыла еще голодна. Пусть бы наелась досыта.

— У меня нет времени, друг мой, я отправляюсь в далекий путь. Мне надо проделать около ста миль, а времени у меня остается меньше двух часов.

— Что вы, мистер Стумп! Я еще не слыхал о такой скорости. Вы не шутите?

— Нет, я говорю серьезно.

— Прямо удивительно, как быстро ездят по этим прериям. Вот и та лошадь, наверно, проскакала миль двести за одну ночь.

— Какая лошадь?

— А вот гнедая, крайняя у дверей. Лошадь мистера Кольхауна.

— Почему ты думаешь, что она проделала двести миль?

— Потому что она была вся в мыле. А когда я повел ее поить к речке, она спотыкалась, как новорожденный теленок. Ой, если бы вы видели, как она была измучена!

— Когда это было, Плуто?

— Когда? Дайте подумать. Ну да, конечно, это было в ту самую ночь, когда пропал мастер Генри, — рано утром, через час после того, как солнце показалось на небе. Я не видел гнедого до этого, потому что вышел на работу только на рассвете. И вот, когда я пришел в конюшню и увидел эту скотинку всю мокрую, точно она переплыла большую речку, и всю в пене...

— Кто же ездил на ней в ту ночь?

— Я не знаю, мистер Стумп. Но только на ней никто не ездит, кроме мистера Кольхауна. Никто не смеет даже сесть на нее.

— Значит, он и ездил на ней.

— Я не знаю, мистер Стумп, я ничего не знаю. Я не видел, чтобы капитан ее выводил, не видел, как она попала обратно.

— Если ты только говоришь правду, что она была вся взмыленная, значит кто-то должен был на ней ездить.

— Да, да, кто-то ездил.

— Послушай, Плуто. Я думаю, что ты говоришь правду и действительно не знаешь, кто ездил на гнедом в ту ночь. Но как тебе кажется, кто бы это мог быть? Я тебя спрашиваю только потому, что, как тебе известно, мистер Пойндекстер — мой друг, и я, естественно, беспокоюсь, когда так плохо обращаются с его имуществом. Это касается и собственности капитана Кольхауна. Наверное, кто-нибудь из негров с плантаций увел потихоньку бедное животное и обскакал на нем всю прерию вдоль и поперек. Как ты думаешь?

— Нет, мистер Стумп, негр не думает, чтобы это было так. Невольников с плантаций не разрешено сюда пускать. Они не смеют сюда притти. Негр с плантаций не мог увести гнедого.

— Чорт побери, кто же мог увести лошадь? Может быть, это был надсмотрщик? Что ты на это скажешь?

— Нет, это не он.

— Кто же это еще может быть, если не сам хозяин коня? Если так, тогда все благополучно. Он имеет право скакать на своей лошади куда ему вздумается, хотя бы и до самого ада. Это уж не мое дело.

— И не мое, мистер Стумп. Как жаль, что мне это в голову не пришло сегодня утром.

— Почему ты жалеешь об этом? Что произошло сегодня утром и почему ты такой сумрачный?

— О, что произошло сегодня утром! Большое несчастье. Очень большое несчастье!

— Что же это такое?

— Ах, мистер Стумп, меня исколотили сегодня. Это было час спустя после полудня.

— Исколотили?

— Да, я бегал от боли по всей конюшне.

— О, понимаю: ты хочешь сказать, что тебя лягнула лошадь. Какая же это тебя так обидела?

— О нет, вы ошибаетесь. Это сделала не лошадь, а ее хозяин. Меня бил сапогом мистер Кольхаун. Негр не сделал ничего плохого. Я только спросил капитана, что случилось с его лошадью в ту ночь, почему она пришла такой измученной. Он мне сказал, что это не мое дело, и тогда начал меня тузить своим сапогом, потом стегать плетью. Потом он мне угрожал. Сказал, что если я еще когда-нибудь об этом заговорю, то получу сотню ударов плетьми. Он ругался. Ох, как он бранил меня! Плуто еще никогда не видел мистера Кольхауна таким сердитым — никогда в жизни!

— Где же он сейчас? Его нигде не видно сегодня. Думаю, что он никуда не уехал, так как гнедой-то его здесь.

— Нет, мистер Стумп, его сейчас здесь нет. Он уехал. Последние дни он все время уезжает куда-то и долго не возвращается.

— Верхом?

— Да! Он ездит теперь на сером. Гнедого больше не берет. С той самой ночи, о которой мы только что с вами

говорили, он только один раз ездил на нем. Может быть, он хочет, чтобы гнедой отдохнул.

— Послушай-ка, Плуто, — сказал Зеб после нескольких минут раздумья, — пожалуй, действительно будет лучше, если моя старая кобыла еще немного подкрепится кукурузой. Ей еще много придется побегать, и она может не выдержать. Поэтому пускай наестся в свое удовольствие. А пока она жует, и я могу заняться тем же. Сбегай-ка на кухню и посмотри, не найдется ли чего закусить. Кусок холодного мяса и ломоть кукурузного хлеба — больше ничего и не надо. Твоя хозяйка предлагала мне пообедать, но я боялся опоздать и отказался. А теперь вот передумал — пожалел свою скотинку. Придется обождать. А за едой и мне будет веселее.

— Я сейчас сбегаю, мистер Стумп, в одну секунду.

Сказав это, Плуто побежал через двор на кухню. Зеб Стумп остался один в конюшне.

Как только негр удалился, Зеб направился к тому месту, где стоял гнедой. Животное испугалось и, дрожа всем телом, прижалось к стенке.

— Стой! Спокойно, глупое ты животное! — заворчал Зеб. — Я не сделаю тебе ничего дурного. А норов-то у тебя не лучше, чем у твоего хозяина. Тихо, я тебе говорю, дай осмотреть подковы.

Сказав это, Зеб наклонился и попробовал взять лошадь за ногу.

Это ему не удалось. Лошадь вдруг начала бить копытами и фыркать, точно над ней хотели сыграть злую шутку.

— Будь ты проклята, уродина! — со злобой закричал Зеб. — Не можешь постоять минутку спокойно! Кто тебя собирается обижать? А ну-ка, поди ко мне, глупое животное. Я только хочу посмотреть, подкована ты или нет.

Снова хотел он поднять копыто, но животное упорно сопротивлялось.

— Вот препятствие, которого я никак не ждал, — про-

бормотал Зеб, оглядываясь кругом в надежде найти что-нибудь, что помогло бы ему преодолеть эту трудность.

«Что делать? Привлечь на помощь негра нельзя. Он ничего не должен об этом знать».

Несколько минут охотник простоял в раздумье.

— Будь она проклята, эта негодная тварь! — снова воскликнул он. — Хочется просто убить ее на месте!.. А, есть! Придумал! Только бы негр мне не помешал. Будем надеяться, что Флоринда его задержит. Ну, подожди ты у меня, я тебя заставлю стоять спокойно или же задушу насмерть! С этим ошейником ты не очень-то повертишься!

Зеб снял со своего седла лассо, набросил петлю на шею гнедого и потянул веревку за другой конец. Лошадь захрапела и стала метаться по конюшне. Но скоро храп перешел в какие-то свистящие звуки, с трудом вылетавшие из ее ноздрей.

Зеб теперь мог спокойно подойти. Туго привязав конец веревки, он внимательно стал осматривать каждое копыто.

Когда очередь дошла до левой задней ноги, оказалось, что подкова на ней была поломана.

Охотник вытащил свой огромный охотничий нож, подсунул его под подкову, снял обломок с копыта и вместе со всеми гвоздями положил в один из бездонных карманов своего кафтана. Затем Зеб ловким движением развязал веревку и вернул гнедому возможность свободно дышать.

Минуту спустя появился Плуто с обильным обедом. На подносе красовался и графинчик с мононгахельским виски. Зеб немедленно принялся за еду.

Однако конюх сразу заметил, что с животным творится что-то неладное: гнедой стоял, дрожа всем телом, и испуганно оглядывался кругом.

— Что же это такое с конем? — воскликнул негр. — Точно он вас боится.

— Ах, да, — протянул Зеб с показным равнодушием. — Возможно, что он немного побаивается меня. Он полез к

моей старой кобыле, а я за это хлестнул его разок-другой веревкой.

Плуто был вполне удовлетворен этим объяснением, и разговор закончился.

— Скажи-ка, Плуто, — снова заговорил Зеб, — кто подковывает ваших лошадей? Наверное, у вас есть свои кузнецы?

— Да, да. Желтый Джек подковывает их. А почему вы это спрашиваете, мистер Стумп?

— Да мне надо подковать мою старую кобылу. Наверное, Джек не откажется это сделать для меня?

— Конечно, конечно, он сделает это с большим удовольствием.

— Сколько времени, ты думаешь, пойдет на то, чтобы прибить две подковы?

— Это совсем недолго, мистер Стумп. Джек хороший мастер, это все говорят.

— Может быть, у него есть в запасе готовые подковы? А давно ли он подковывал ваших лошадей?

— Прошло больше недели с тех пор. Последней он подковал лошадь мисс Луизы — крапчатого мустанга. Я уверен, что у него есть готовые подковы. Я знаю это, потому что он собирался подковать гнедого, у которого одна подкова поломана. Это случилось десять дней тому назад. Мистер Кольхаун распорядился, чтобы ее сняли. Как раз сегодня утром он говорил об этом Джеку.

— Знаешь, я все-таки боюсь, что у меня маловато времени, — сказал Зеб, как бы внезапно меняя свое намерение. — Лучше отложим это дело с подковами до моего возвращения. Думаю, что моя старуха и так обойдется. Дорога по прерии мягкая, и ей хорошо будет бежать...

Зеб вышел из конюшни во двор и посмотрел на небо.

— Да, пора двигаться. Ну, теперь, голубушка, довольно жевать. Придется взять эту железку в зубы вместо кукурузы. Вот молодчина!

Зеб надел уздечку, вскочил в седло и тронул поводья.

ГЛАВА LXXII

Зеб Стумп нападает на след

Выехав из ворот Каса-дель-Корво, старый охотник направился вверх по берегу реки в сторону форта. Не прошло и четверти часа, как он уже был там. Соскочив с коня, Зеб вошел в квартиру коменданта. Кобыла осталась на плацу. Старому охотнику было нетрудно добиться свидания с главным начальником форта Индж. В среде военных к Зебу Стумпу установилось особое благосклонное отношение, и вход для него был открыт в любой час. Часовые пропустили его, как своего. Дежурный офицер радушно его приветствовал; адъютант же немедленно доложил о нем майору, который, повидимому, ждал его прихода.

— А, мистер Стумп, рад вас видеть! Что нового? Судя по тому, что вы так скоро вернулись сюда, я догадываюсь, что есть новости. Надеюсь, что-нибудь благоприятное для этого бедного парня? Что же вы узнали?

— Должен вам сказать, майор, — произнес Зеб, непринужденно снимая шляпу, — что никаких особых новостей у меня пока еще нет, но все же я счел нужным вернуться. Мне необходимо поговорить с вами.

— Я слушаю вас. Рассказывайте, в чем дело.

— Я хочу просить вас, чтобы вы оттянули, насколько это будет возможно, начало судебного разбирательства. Я знаю, что тут будет давление извне, но я также знаю, что вы обладаете достаточной властью, чтобы противостоять ему, и совершенно уверен, что вы охотно это сделаете.

— Вы правы. Я непрочь помочь этому несчастному. Но ведь вы знаете, что в нашей республике военные власти всегда подчиняются гражданским, за исключением тех случаев, когда страна объявляется на военном положении. Я могу сделать все, что в моих силах, чтобы воспрепятствовать нарушению установленных законов, но я не могу итти против самого закона.

— Вовсе и не надо, чтобы вы шли против закона. Ничего подобного, майор. Нужно только, чтобы вы пошли против тех, кто хочет забрать закон в свои руки и исказить его в свою пользу. А у нас есть такие люди в сеттльменте, и если им не помешать, они наверняка это сделают. Особенно опасен один человек...

— Кто?

— Будьте добры только сохранить это в тайне, майор. Я знаю, что вы мне это пообещаете.

— Мистер Стумп, все, что происходит здесь, сохраняется в полной тайне. Говорите совершенно спокойно все, что вы думаете.

— Так вот, я думаю, что человек, который совершил это убийство, — не Морис-мустангер.

— Это и мое мнение. А еще что вы можете мне сообщить?

— Я мог бы и еще кое-что добавить. Но это всего лишь мои предположения. Они могут оказаться неверными. И лучше будет, если я промолчу о них до своего возвращения с берегов Нуэсес. После этого я с радостью поделюсь с вами теми сведениями, которые у меня имеются теперь, и теми, которые, быть может, мне удастся собрать в прерии. Можете ли вы обещать мне три дня?

— Три дня?

— До начала суда.

— Я обещаю вам, мистер Стумп. Несмотря на то, что, быть может, мне придется рисковать своим положением, я даю вам слово, что в течение трех дней Морис-мустангер не выйдет с гауптвахты. Невинен он или виновен, но это время он будет под моей защитой.

— Вы верный друг, майор! И я когда-нибудь еще докажу вам, насколько я это ценю. Мне больше нечего сказать вам, только я прошу сохранить все в тайне. Здесь есть люди, которые, как только узнают, чего я добиваюсь, готовы будут перевернуть небо и землю, чтобы воспрепятствовать моим намерениям.

— От меня они не дождутся поддержки, мистер Стумп. Вы можете спокойно положиться на мое слово.

— Я знаю, майор, я знаю это. Спасибо вам за доброе участие.

Распростившись с майором, охотник направился к площади, где ждала его старая кобыла.

Не доехав до границы плантаций Пойндекстеров, Зеб стал подыматься по крутому склону на равнину. Там охотник остановился в раздумье под тенью акации.

— Чорт побери! — пробормотал Зеб. — Лошадь Кольхауна отсутствовала в ту же ночь и вернулась домой вся взмыленная. Что это может означать? Будь я проклят, если его руки не замараны в этом грязном деле! Я все время так и думал. Только слишком нелепо предполагать, что Кольхаун убил двоюродного брата. Конечно, он способен на любую подлость. Но я не понимаю, для чего это ему понадобилось. Если бы он мог рассчитывать после смерти старика стать наследником вместо Генри, это можно было бы понять. Но это не так. Старому Пойндекстеру не принадлежит больше ни одного акра, так же как и ни одного негра. Все захватил этот мерзавец. И почему ему нужно было отделаться от двоюродного брата? Они никогда не были в дурных отношениях. Но тут замешался мустангер, затем эта ссора, фальшивые индейцы, мексиканская девица, всадник без головы и чорт только знает еще что! Иосафат! Это может запутать мозги самому лучшему стряпчему. Однако нельзя терять дорогого времени. С этим кусочком железа в руках мне, может быть, удастся добиться хотя бы частичной разгадки кровавой истории, а может быть — и полной. Но куда ехать?

Зеб посмотрел кругом, как будто ища ответа.

— Нет смысла начинать поиски в окрестностях форта или сеттльмента. Там вся земля испещрена следами лошадей. Лучше сразу же выехать в прерию и взять направление, пересекающее дорогу на Рио-Гранде. Да, так будет правильнее.

Проехав около мили в направлении реки Нуэсес, Зеб повернул на запад. Наклонившись вперед, старый охотник сосредоточенно разглядывал траву по обе стороны от тропы.

Около мили проехал он в одном направлении, но тут что-то заставило его встрепенуться и быстро натянуть поводья.

Кобыла остановилась. Зеб соскочил с седла, сделал два-три шага вперед и опустился на колени; потом, вынув подкову из кармана, он приложил ее к отпечатку копыта, отчетливо выделявшемуся на траве.

— Точь-в-точь! — воскликнул охотник. — Так вот они, следы предателя, а может быть и убийцы!

ГЛАВА LXXIII

Остров в прерии

Всадника без головы не только многие видели, но видели неоднократно и в разное время.

Это стало предметом горячих обсуждений не только в сеттльменте на Леоне, но и в более отдаленных местах. Одни называли это хитроумным фокусом индейцев; другие полагали, что это просто манекен; были и такие, которые считали, что это настоящий всадник, только голова у него спрятана под серапэ, а в серапэ проделаны две дырочки для глаз. Многие упорно уверяли, что всадник без головы был самим дьяволом. Существовали еще и другие теории, уже не столько относящиеся к самому всаднику, сколько к связи, которая, казалось, была между ним и убийством молодого Пойндекстера.

Большинство предполагало, что связь между этими двумя таинственными фактами безусловно существовала. Однако никто не мог понять, в чем именно она заключалась. Тот, кто мог бы пролить некоторый свет на эту тайну, все еще метался в кошмарном бреду горячки.

Уже целая неделя прошла в этих пересудах. И все это время всадник без головы продолжал появляться в прерии. То он скакал быстрым галопом, то ехал тихим шагом, то его лошадь останавливалась и растерянным взглядом смотрела кругом, то она усердно жевала сочную траву богатых пастбищ Техаса.

Этот загадочный всадник вызывал много самых фантастических и нелепых рассказов. Перечислить их все нет возможности, да и нет смысла. Но один правдивый рассказ следует рассказать, так как он занимает важное место в этой странной истории.

***

Среди простора открытой прерии есть заброшенный островок леса. Эта группа деревьев занимает три-четыре акра в окружности.

Недалеко от леска, на расстоянии каких-нибудь двухсот ярдов, спокойно пасется лошадь — та самая лошадь, которая возит всадника без головы. Странный седок все еще сидит верхом на ней. Ни в костюме его, ни в позе как будто бы не произошло никаких перемен с тех пор, как его видели впервые. Полосатое серапэ попрежнему спускается с его плеч, закутывая верхнюю часть корпуса, сапоги из шкуры ягуара попрежнему у него на ногах.

Он сидит, немного наклонившись вперед, будто бы для того, чтобы лошади удобнее было щипать траву. Поводья тоже не мешают ей — они настолько длинны и так свободно спущены, что животное их даже не чувствует.

Те, которые уверяли, что видели его голову, говорили правду.

Голова, покрытая черным сомбреро с золотым позументом, покоится около левого бедра всадника, но ее может видеть только тот, кто смотрит на всадника слева. Подбородком она касается его колена. Иногда можно видеть и лицо. Черты его красивы, но выражение ужасно. Посиневшие губы полуоткрытого рта замерли в жуткой улыбке, обнажив два ряда белых зубов.

До сих пор загадочный всадник ездил один, теперь у него имеются спутники. Десяток степных волков сопровождает всадника по пятам, прыгая около него.

Нет сомнения, что они надоедают лошади: она фыркает и бьет копытом, когда какой-нибудь из них слишком бесцеремонно путается у нее под ногами. Всадник относится к ним безразлично, так же точно, как и к стае больших черных птиц, кружащих над его плечами.

На коне, то спокойно пощипывающем сочную траву прерии, то нетерпеливо отбивающем нападения волков и коршунов, спокойно странствует вокруг лесного острова всадник без головы.

ГЛАВА LXXIV

Незадачливый ловец

Видел ли кто-нибудь всадника без головы в его новом окружении — в сопровождении волков и коршунов?

Да, видел.

Видел один человек, и он первый во всем Техасе начал понимать эту не разгаданную еще никем тайну.

Но и для него не все еще было ясно. Он уже знал, что всадник без головы не был ни чучелом, ни дьяволом, но это не освободило его от общего всем ощущения ужаса перед жутким зрелищем. Он смотрел на всадника без головы с опушки лесного острова, стоя под прикрытием деревьев, и, повидимому, не собирался выходить из этой засады.

Несмотря на испытываемый жуткий страх и желание остаться незамеченным, этот человек все время следовал за всадником. При этом он заметил, что всадник без головы, вместо того чтобы приблизиться к лесу, неизменно продолжал держаться одного и того же расстояния от опушки.

«Ах ты, чортова тварь! Будь я к нему поближе хотя бы

на двадцать ярдов, я бы мог в него попасть. Выстрелить сейчас — значит упустить его, быть может, навсегда».

Как будто желая еще раз проверить свой расчет, человек стал измерять глазами расстояние, отделявшее его от всадника без головы. Свое коротенькое ружье он держал наготове.

— Нет смысла, — пробормотал он. — Пуля будет на излете и только испугает лошадь. Мне надо набраться терпения и подождать, пока лошадь подойдет ближе. Проклятые волки! До тех пор, пока они ходят по пятам, лошадь будет держаться вдалеке от леса — это повадка всех техасских мустангов, чорт бы их побрал! Интересно, нельзя ли ее как-нибудь приманить? Если она увидит мою лошадь, то это, быть может, привлечет ее, как это и было в тот раз. Правда, тогда это было при лунном свете, кроме того, за ней с воем бежала собака. Немудрено, что лошадь одичала, таская на себе чорт знает кого. Ведь это же не может...

При этих словах человек, разговаривавший сам с собой, резко остановил своего коня. Наклонившись вперед, чтобы лучше видеть сквозь листву деревьев, он продолжал всматриваться в странного всадника, медленно объезжавшего лес.

«Это его лошадь, в этом не может быть сомнения. Его седло, серапэ, все его. Какая же нечистая сила могла все это передать другому? Фокус это или нет, но это грязное дело, кто бы его ни подстроил. И этот человек должен знать все, что произошло той ночью. Какой я дурак! Как можно было хвастаться такими вещами!.. Вот уж действительно везет, как повешенному! Он упорно не приближается. Лошадь боится леса. Что же делать? Может быть, лошади приятно будет услышать человеческий голос? Если это только приблизит ее на двадцать ярдов, я буду вполне удовлетворен. Надо попробовать».

Подъехав немного ближе к опушке лесных зарослей, человек стал подзывать лошадь:

— Поди-ка сюда, умница! Подойди, хорошая лошадка.

Напрасно он звал — лошадь не подошла, она испугалась. Она выронила траву изо рта, затрясла головой и дико захрапела. Казалось, койоты и коршуны меньше пугали ее, чем звук, который она услыхала.

Почуяв близость человека, она бешеным галопом помчалась навстречу широкому раздолью прерии.

Разочарованный охотник выехал на открытое место, осыпая ругательствами ускользнувшую добычу.

Пущенная в порыве бессильной злобы пуля не достигла своей цели: всадник без головы был уже далеко.

ГЛАВА LXXV

По следам

Зеб Стумп недолго оставался на том месте, где он обнаружил отпечатки подковы. Он сейчас же поднялся на ноги и направился по следу. Он шел пешком. Старая кобыла послушно следовала за ним на почтительном расстоянии.

Больше мили прошел Зеб, то замедляя шаг в местах, где отпечатки были мало отчетливы, то опять ускоряя его, когда следы становились яснее. Целиком поглощенный своими изысканиями, охотник, казалось, не замечал ничего вокруг себя. Он не любовался безграничной саванной, изумрудным ковром расстилавшейся вокруг него, не смотрел в бездонную синеву неба, распростертого над ним. Только в траву под ногами вглядывался он напряженно и сосредоточенно.

Внезапно раздавшийся звук заставил Зеба оглянуться. Это был выстрел, послышавшийся издалека.

Зеб остановился, поднял глаза, но не приподнялся на носки. Быстрым взглядом старый охотник окинул горизонт. Голубоватый дымок, все еще сохраняя свою шарообразную форму, медленно поднимался к синему небу как раз

над лесным островком. И пятно леса, и дымок выстрела, и самый звук его были настолько неясны, что только опытный глаз и острый слух охотника могли воспринять эти впечатления.

Но Зеб видел дымок и слышал выстрел.

— Чертовски странно! — пробормотал он, продолжая стоять в позе огородника, сажающего капустную рассаду. — Чертовски странно, чтобы не сказать больше. И кому это могло притти в голову охотиться в таком месте? Ведь там же никакой дичи не водится. Не оправдаешь пороху и на один выстрел. Кроме койотов, там ни черта нет. А-а! — продолжал он после некоторого молчания. — Кто-нибудь из торгашей в «экскурсии», как они выражаются, атакует этих паразитов, а потом будет хвастать, что охотился за волками. Что ж, пусть, — это меня не касается. Стой! Сюда кто-то едет! Гонит лошадь, точно спасаясь от целого полчища чертей, вооруженных раскаленными вилами. Клянусь, да ведь это безголовый! Это он!

Старый охотник был прав. Навстречу ему мчался всадник без головы.

В пределах Техаса едва ли можно было найти более отважного человека, чем старик-охотник. Любого кугуара, ягуара, медведя, буйвола, стадо манад и даже стаю волков он встречал без малейшего содрогания. Даже целое полчище команчей не вызвало бы в Зебе такого страха и трепета, которые испытал он при виде этого всадника.

Закаленный в обстановке дикой природы, верный ученик этого мудрого учителя, Зеб Стумп, как ни странно, не был лишен некоторых суеверных предрассудков.

Он не только испугался — он весь дрожал от ужаса и искал убежища, чтобы скрыться.

Заросли кустарника, расположенные невдалеке, дали ему приют среди своей зелени. Оседланная кобыла, стоявшая поблизости, могла выдать его. Но Зеб предусмотрел и это.

— Ложись! — крикнул он, обращаясь к своему четвероногому товарищу, прекрасно понимавшему его. — На землю, живо, а то, смотри, провалишься в преисподнюю!

Испуганная тревожным голосом своего хозяина, кобыла сразу же опустилась на передние колени, а затем, подобрав задние ноги, улеглась на траве, как бы расположившись на отдых.

Едва только Зеб и его лошадь успели спрятаться, как мимо них проскакал галопом таинственный наездник.

Он мчался во весь опор и, повидимому, не собирался останавливаться, чему Зеб был очень рад.

Зеб, стоя на коленях, напряженно следил за ним из своей засады.

Когда лошадь поровнялась с кустами, где спрятался Зеб, у всадника ветром отнесло в сторону полу серапэ. Под ним охотник увидел хорошо знакомый ему костюм. Это была блуза из голубой хлопчатобумажной ткани, со складками на груди. На ярком фоне ее резко выделялось темное пятно запекшейся крови.

Зеб Стумп задумался. Лошадь, седло, полосатое серапэ, небесно-голубая блуза и такие же брюки, даже шляпа на голове — все это было знакомо ему.

Старик-охотник не сделал никакой попытки остановить словом или движением удалявшегося всадника: он понял теперь, кем был этот жуткий наездник.

— Иосафат! Так это правда... Бедный юноша! Убит!

ГЛАВА LXXVI

Затерян в меловой прерии

Долго следил Зеб Стумп из своей засады за удалявшимся всадником. И лишь тогда, когда всадник исчез из глаз, скрывшись за рощицей акаций, старый охотник поднялся на ноги и выпрямился во весь свой рост.

Этот эпизод, странный и неожиданный, спутал его мыс-

ли. Надо ли итти дальше по следу сломанной подковы, или же оставить его, с тем чтобы проследить путь промчавшегося мимо коня?

Повернувшись лицом к тому месту, откуда поднялось облачко дыма, охотник заметил нечто такое, что вновь заставило его спрятаться под зелень акаций.

На этот раз Зеб увидел человека верхом на лошади, настоящего всадника, с головой на плечах.

Всадник сидел, перегнувшись вперед, и жадно всматривался в тропу, по которой направлял своего коня.

Нетрудно было определить, чем он был занят: неизвестный искал след всадника без головы.

— Ах, вот оно что! — прошептал Зеб. — Не мне одному хочется разгадать эту тайну. Кому же еще?

Зебу недолго пришлось теряться в догадках. Всадник двигался рысью и вскоре подъехал настолько близко, что охотник без труда мог его разглядеть.

— Иосафат! — пробормотал Зеб. — Я должен был бы догадаться об этом раньше. И если я не ошибаюсь, то здесь начинается новая глава той же книги, еще одно звено, которое поможет мне восстановить всю цепь доказательств. Лежи смирно, скотинка! Если ты только зашевелишься, я перережу тебе глотку!

После этого обращения к кобыле Зеб затих, спрятав голову среди зелени акаций, и внимательно стал следить за приближавшимся всадником.

Это был Кассий Кольхаун.

Старого охотника не пугала встреча с капитаном, хотя тот и был вооружен. Зеб оставался в тени деревьев только для того, чтобы лучше видеть, что происходило перед ним на открытой поляне.

Кольхаун проехал мимо, внимательно всматриваясь в след всадника без головы.

Зеб Стумп провожал его взглядом до тех пор, пока та же рощица, которая укрыла первого всадника, не укрыла и капитана.

***

Зеб Стумп и раньше собирался ехать по следу всадника без головы. Теперь это вдвойне стоило сделать.

После короткого раздумья решение было принято.

Приготовления были несложные: Зеб взял в руки поводья и толкнул в бок свою старую кобылу, что и заставило ее сейчас же подняться.

Охотник вышел из зарослей акаций и двинулся по тропе, по которой только что проехал Кассий Кольхаун.

***

Обогнув рощу акаций, за которой скрылись оба всадника, охотник обнаружил, что дальше простирается меловая прерия, по которой поехал только один всадник — тот, у которого не было головы.

На некотором расстоянии перед собой Зеб увидел капитана. Кольхаун растерянно ездил взад и вперед по одному и тому же месту. Капитан потерял след и старался найти его.

Под прикрытием акаций охотник украдкой следил за движениями Кольхауна.

Объездив вдоль и поперек этот участок, капитан, повидимому, решил отказаться от своего намерения. В гневе пришпорив коня, он направился в сторону Леоны.

Как только Кольхаун скрылся, Зеб решил испробовать свое искусство. Однако, несмотря на весь свой опыт, и он должен был сдаться.

Знойное солнце немилосердно палило, раскаленная меловая прерия слепила глаза. Вряд ли кто-нибудь, кроме саламандры, мог видеть при этом освещении.

Делать было нечего, и старый охотник решил повернуть обратно и снова заняться тем следом, который он только что начал изучать.

Теперь у него была уже полная уверенность, что труды его не пропадут даром и что его ждут интересные открытия.

Скоро Зеб снова был на старом месте.

Не теряя времени, он быстрым шагом стал продвигаться по следу. Кобыла попрежнему следовала за ним.

Только один раз Зеб остановился — на месте, где след двух других лошадей присоединился к тому следу, по которому он шел. Все три следа переплетались. Местами они расходились и шли в параллельном направлении на расстоянии около двадцати ярдов, потом опять пересекали друг друга.

Все лошади были подкованы. Охотник остановился, чтобы присмотреться к отпечаткам копыт. Ему стало ясно, что из трех лошадей одна была американской породы, другая — крупный мустанг; его копыта были почти такого же размера, как и у американской лошади.

Американская лошадь следовала за мустангом. И, наконец, конь с поломанной подковой шел последним.

Все три лошади скакали по одной и той же дороге, только в разное время и поодиночке. Зеб Стумп определил это с такой легкостью и уверенностью, точно человек, который читает показания на шкале термометра.

— Хорошо, — сказал Зеб и с довольным видом стал продвигаться дальше.

Старая кобыла не торопясь следовала за ним.

— Здесь они разошлись, — сказал охотник, опять остановившись и рассматривая место, на котором стоял. — Мустанг и американская лошадь пошли вместе — я хочу сказать, что они поскакали по той же тропе. Поломанная подкова повернула в другом направлении. Интересно знать: для чего? Никогда в жизни не приходилось мне встречать таких запутанных следов. Какой из них я должен проследить первым? Если я пойду за теми двумя, то мне уже заранее известно, куда они приведут. Они должны привести к луже крови. Давай-ка попробуем третий и посмотрим, куда он идет. Направо, старушка, и держись близко от меня, а то ты потеряешься и койоты поживятся твоим салом!

После этого обращения к старой кобыле охотник повернул по следу третьей лошади.

След шел по опушке лесных зарослей, к которой его только что привели все три переплетающихся следа.

Впереди была уже хорошо знакомая читателю широкая просека в виде аллеи. След поломанной подковы отходил в сторону и заворачивал в чащу. Здесь, на расстоянии каких-нибудь пятидесяти шагов от края леса, Зеб нашел место, где лошадь была привязана к дереву. Зеб увидел, что животное не продвигалось дальше; отсюда же шел и обратный след в прерию, хотя и не по той же тропе.

Седок лошади с поломанной подковой отправился в глубь зарослей пешком. Следы человеческих ног были отчетливо видны на вязкой почве около обмелевшего ручья, у которого и была привязана лошадь.

Оставив свою старую кобылу в этой же «конюшне», охотник пошел по следам человека.

Скоро он обнаружил, что было два таких следа: один шел вперед, другой вел обратно. Зеб последовал за первым. Он нисколько не был удивлен, когда обнаружил, что этот след вывел его на аллею, неподалеку от места, где была лужа крови. Теперь-то ее уже не было — кровь давно вылизали койоты.

На пути своих поисков Зебу удалось сделать очень интересное открытие. В чаще густых кустарников он заметил место, где, повидимому, довольно долго простоял человек. Травы там не было, и рыхлая земля была совершенно утоптана, судя по всему, подошвами сапог или ботинок.

Отпечатки этих же подошв вели отсюда к луже крови; один след шел туда, другой, такой же, обратно. А на ветке дерева между этими двумя знаменательными местами Зеб нашел то, чего не удалось обнаружить ни многочисленным разведчикам, ни самому вожаку следопытов — Спэнглеру. Это был клочок бумаги, почерневший и наполовину обгоревший, повидимому использованный как пыж

для патрона. Он повис на ветке локустового дерева, зацепившись за один из шипов.

Старый охотник снял клочок с колючки — повидимому, ветер занес его туда — и расправил на своей огромной грубой ладони. На измятой и обгоревшей бумаге красовалось хорошо знакомое имя, инициалами которого, включая и чин, были три буквы: «К. К. К.».

ГЛАВА LXXVII

Другое звено

Не столько удивление, сколько удовлетворение отражалось на лице Зеба, когда он изучал этот интересный документ.

— Это клочок конверта, — пробормотал Зеб Стумп. — Он говорит о многом. Вряд ли больше можно было узнать из самого письма. Использован в качестве пыжа. Ну что же, пусть теперь знает, как употреблять всякий хлам вместо подобающего для этой цели кусочка промасленной оленьей кожи. Надпись сделана женской рукой, — продолжал он, снова всматриваясь в бумажку. — Это ничего не значит. Адресовано-то ему, значит ему и принадлежит. Следует приберечь!

При этих словах старик-охотник вынул кожаный кисет, где хранилась его зажигалка, и бережно спрятал туда клочок найденной бумажки.

— Ну что ж, старина Зебулон Стумп, — снова заговорил сам с собою Зеб, — похоже на то, что тебе удастся довольно хорошо разобраться в этой таинственной путанице. Кое-что остается еще неясным, кое-где обрываются нити, но это ничего. Человек, которого убили, кто бы он ни был, находился на месте, где лужа крови. Человек же, который убил, тоже безразлично, о ком бы ни шла речь, стоял за локустовым деревом. Если бы не напортила компания этих молокососов, мне бы удалось еще кое-что до-

бавить. Теперь же ничего не поделаешь — следы безжалостно затоптаны. Дальше итти в этом направлении не имеет смысла. Лучше всего будет теперь пойти по обратному следу, если это только возможно, и узнать, куда это лошадь с поломанной подковой отвезла своего седока после охоты. Поэтому, старина Стумп, вам придется направиться по обратному следу сапог.

И старый охотник пошел отыскивать обратный путь преступника. Только в одном или двух местах можно было кое-как различить отпечатки человеческой ноги. Но Зеб уже успел раньше заметить, что человек, которому принадлежал этот след, в конце концов вернулся к месту, где была привязана лошадь.

Зеб решил на время оставить след пешехода. Он повернул обратно и вышел на большую полянку. Там ему хотелось сделать кое-какие дополнительные наблюдения.

Вскоре Зеб Стумп заметил ясные следы, но уже совсем другого характера. Это была хорошо протоптанная тропинка, которая подходила к одной стороне полянки и выходила с другой ее стороны. Зебу было ясно, что это — звериная тропа.

Зеб уже повернулся, чтобы уйти с поляны, но потом снова остановился.

— Чертовски обидно оставлять этот след, но у меня мало времени. Чорт возьми, все же надо попробовать пройти хоть немного! Пусть старая кобыла подождет, пока я вернусь.

И Зеб отправился по тропе диких зверей, по которой проехали и лошади отряда, который вел Спэнглер.

В одном месте Зеб Стумп остановился. Это был участок песчаной почвы, усеянный камнями и совершенно лишенный травы.

Над ним возвышалось огромное дерево с горизонтально вытянутыми ветвями. Одна из них простиралась через тропинку и росла настолько низко, что всаднику нельзя было бы проехать, не наклонившись. Зеб Стумп стал всмат-

риваться. Он заметил, что на ветке повреждена кора. Хотя ссадина была и небольшая, все же она, повидимому, произошла от столкновения с каким-то твердым телом.

— Это сделано головой человека, — заметил охотник,— человека, который сидел верхом на лошади. После такого удара он должен был упасть... Ура! — торжествующе воскликнул он. — Я так и думал. Вот отпечаток сброшенного всадника. А вот здесь он полз. Теперь я понимаю, откуда эта загадочная опухоль. Я знал, что она не от когтей!

С просиявшим от радости лицом оставил Зеб место, где росло дерево. Легкой походкой направился он, но уже не по тропе животных, а по следу человека, потерпевшего такое жестокое крушение.

Зеб следовал указаниям, может быть непонятным обычному глазу, но для него столь же ясным, как путевые надписи на столбах. Ветка, отогнутая в сторону, смещенные усики ползучих растений, примятая поверхность земли — все это говорило о том, что здесь прошел человек.

И Зеб Стумп продолжал итти до тех пор, пока не проследил пути несчастного до берега ручья.

Еще один кусочек оборванной нити был восстановлен. Еще немного — и тайна будет разгадана.

ГЛАВА LXXVIII

Мена лошадьми

С проклятиями на устах повернул Кольхаун коня, чтобы оставить меловую прерию, где затерялись следы всадника без головы.

«Нет смысла ехать дальше! Никому не известно, куда он ускакал. Если я отправлюсь к речке, может быть встречу его опять. Но жеребец мустангера не хочет меня подпускать, как будто бы эта бестия знает, что мне нужно. Один удачный выстрел — и его странствия прекратились бы. Где мне достать быстрого коня, который мог бы догнать

мустанга, — пусть это стоит двести, пусть триста долларов?!»

После этих размышлений Кольхаун покинул меловую прерию. Он ехал быстро, не щадя своего измученного коня.

Не прошло и часа, как Кольхаун уже въезжал в рощу акаций, прилегающую к плантациям Каса-дель-Корво.

Вдруг послышался топот копыт. Кольхаун увидел всадницу — Исидору Коварубио де-Лос-Ланос.

Исидора знала, что Кольхаун влюблен в женщину, которую она ненавидела. Кольхаун знал, что Исидора влюблена в человека, которого он не только ненавидел, но решил погубить. Оба они, вероятно, были бы непрочь избежать этой встречи. Исидора ограничилась бы кивком головы, проезжая мимо, — меньше внимания трудно было бы проявить. И он, вероятно, сделал бы то же. Однако внезапно Кольхауна осенила мысль, совершенно изменившая его намерения. Он натянул поводья своей лошади, загородил путь молодой мексиканке, снял фуражку и, вежливо поклонившись, вступил с ней в разговор.

Делать было нечего — Исидоре пришлось покориться.

— Простите меня, сеньорита, — сказал Кольхаун. — Я знаю, что очень бестактно останавливать вас таким способом и особенно мне, к сожалению совершенно чужому для вас человеку.

— Пожалуйста, без извинений, сеньор. Если я не ошибаюсь, мы ведь с вами уже встречались — в прерии около Нуэсес.

— Да, да, вы правы, — сказал Кольхаун запинаясь: он вовсе не желал, чтобы об этом вспоминали. — Мне с вами хотелось поговорить не об этом, а о том, что было после того, как вы галопировали по краю обрыва. Мы все были поражены вашим внезапным исчезновением.

— Чему же было удивляться, кавальеро? Пуля, пущенная кем-то из вас, освободила меня от преследователей. Я увидела, что они повернули обратно, и решила продолжать свой путь.

— Я не говорю, сеньорита, что я был одним из тех, кто удивился вашему внезапному исчезновению. Я предполагал, что у вас, вероятно, были свои соображения, вследствие которых вы не спустились к нам. Нас всех поразило ваше изумительное искусство ездить верхом. И какая у вас лошадь! Казалось, что она просто скользила, а не галопировала. Если я не ошибаюсь, вы и сейчас на ней. Простите меня, что спрашиваю вас о таких пустяках.

— Дайте вспомнить... я езжу на многих. Да, мне кажется, что именно на этой я была в тот день. Да, да, совершенно правильно. Я вспоминаю, как она предала меня.

— Предала вас? Каким образом?

— Она сделала это дважды. В первый раз, когда приближался ваш отряд. Во второй раз, когда индейцы, — боже мой, не индейцы, как потом мне сказали! — подкрадывались через заросли.

— Но чем же она вас предала?

— Она заржала. Хорошо тренированная лошадь никогда этого не сделает. Ну, ничего. Как только я вернусь на Рио-Гранде, я ее там брошу. Пусть возвращается на пастбище.

— Что вы, сеньорита! Может быть, мне не следовало бы вам этого говорить, только, по-моему, это очень несправедливо.

— Что несправедливо?

— Из-за пустяка отказаться от такого прекрасного коня. Я бы дал многое, чтобы обладать им.

— Вы шутите, кавальеро! Он ничего особенного собой не представляет. Может быть, только немного красивее и быстрее заурядной лошади. У моего отца пять тысяч подобных ему, и многие из них красивее и, без сомнения, быстрее его. Он, правда, вынослив и хорош для больших переездов, поэтому я и еду на нем сейчас. Я на пути в Рио-Гранде. Если бы не это, я бы с удовольствием отдала его вам или любому, кто проявил бы такое же горячее желание владеть моим конем.

— Простите меня, сеньорита, — сказал Кольхаун, принимая деловой вид, но с некоторой нерешительностью в голосе. — Если вы так расцениваете вашего серого мустанга, то я рад обменяться с вами. Моя лошадь не столь красива, как ваша, но я могу вам смело обещать, что она благополучно доставит вас до дому и хорошо будет вам служить и дальше.

— Что вы, сеньор! — воскликнула Исидора, не скрывая своего изумления. — Обменять вашего прекрасного американского коня на мексиканского мустанга? Это слишком великодушное предложение и звучит просто шуткой. Знаете ли вы, что на Рио-Гранде за одну вашу лошадь дадут три, а то и шесть мустангов?

Кольхаун знал это очень хорошо. Но в то же время он сознавал и то, что мустанг Исидоры ему нужнее нескольких десятков таких битюгов, как его. Он сам был свидетелем быстроты этого питомца прерий. И не только своего неповоротливого коня — любую сумму денег впридачу готов был отдать за мустанга Исидоры капитан.

— Если вы говорите серьезно, сеньор, — продолжала Исидора, — то пожалуйста, я ничего не имею против такой мены.

— Я говорю совершенно серьезно, сеньорита.

— Тогда берите его, — сказала она, соскакивая с седла и начиная расстегивать подпругу. — Седлами нельзя нам обменяться: ваше будет слишком велико для меня.

Кольхаун был так счастлив, что не находил слов для благодарности. Он поспешил помочь девушке снять седло. После этого он снял и свое.

Не прошло и пяти минут, как мена лошадьми была закончена. Седла и уздечки остались за старыми хозяевами.

Исидоре все это показалось очень забавным. Она с трудом удерживалась от смеха.

У Кольхауна же к этому делу было совсем другое отношение. Перед ним была серьезнейшая цель. Без особых разговоров, сказав лишь обычное «прощайте», они расста-

лись друг с другом. Исидора поехала на американской лошади, а капитан продолжал свой путь к гасиенде Каса-дель-Корво на сером мустанге.

ГЛАВА LXXIX

Неутомимый следопыт

Зеб быстро вернулся к месту, где была привязана его кобыла. Топография лесных зарослей была ему хорошо знакома, и он выбрал короткую дорогу.

Снова он отправился по следу разбитой подковы, в полной уверенности, что след этот приведет его к Каса-дель-Корво.

Местами земля в прерии была настолько твердая, что следы совершенно не отпечатывались на ней. Обычный путешественник мог бы подумать, что он первый проезжает по этому пути. Зеб Стумп знал, что следы опять станут заметными на более влажной и мягкой почве прерии.

Охотник уже подъезжал к плантациям Пойндекстера. Над верхушками акаций виднелись зубчатые перила азотеи. Вдруг Зеб остановился, заметив что-то на дороге. Он соскочил, забросил поводья на шею своей старой кобыле и продолжал путь пешком.

Неискушенному глазу трудно было бы определить, почему это понадобилось Зебу так неожиданно сойти с лошади.

— Его след на обратном пути домой, — произнес Зеб тихим голосом.

И после этого спешившийся охотник медленно пошел по следу.

Зеб не пытался держать Кольхауна в поле своего зрения — незачем было. Охотник шел спокойно и думал, что теперь уже не придется останавливаться до самой границы Каса-дель-Корво.

Но старый охотник ошибся на этот раз. Разве мог он

предвидеть, что на пути ему попадется такое препятствие, как встреча Кассия Кольхауна с Исидорой Коварубио де-Лос-Ланос?

Этого Зеб никак не ожидал.

Повернув тихонько назад, Зеб прошептал что-то на ухо своей кобыле и направился к зарослям акаций.

Кобыла последовала за ним тихо и покорно.

Скоро Зеб остановился.

Густая стена зелени отделяла охотника от оживленно беседовавшей пары.

Зеб все слышал, о чем говорили Кольхаун и Исидора.

И только когда те распрощались и разъехались каждый в свою сторону, Зеб вышел из своей засады. Остановившись на месте, где только что происходила сделка по обмену лошадей, охотник воскликнул:

— Иосафат! Заключен союз между двумя дьяволами!

ГЛАВА LXXX

Хорошо охраняемый вход

Зачем понадобилось Кольхауну меняться лошадьми?

Зеб знал, что мексиканка говорила правду. Действительно, американская лошадь расценивалась на рынке гораздо выше мустанга. Он также знал, что Кассий Кольхаун не из тех людей, которые позволят себя одурачить в такой сделке. Почему же он пошел на нее?

Старый охотник снял свою поярковую шляпу, дважды провел рукой по взъерошенным волосам, потом погладил бороду.

— Здесь может быть только одно объяснение, — пробормотал он наконец. — Серый мустанг быстрее американского коня, в этом не может быть сомнения. И мистер Каш хочет догнать на нем безголового. Это так же верно, как то, что меня зовут Зебулоном Стумпом. А ну-ка, пойдем, скотинка, — продолжал он, повернувшись к своей кобыле. —

Тебе придется попастись здесь еще часок-другой, если и не всю ночь. Ну, ничего, моя старушка. Трава здесь неплохая, а у тебя хватит времени пощипать ее как следует. Да у тебя и так еще брюхо полно.

Зеб вынул удила изо рта лошади, привязал ее поводьями к дереву в чаще зарослей, а сам отправился по следам Кольхауна.

Выйдя из зарослей, охотник попал на открытую равнину. На противоположном ее конце виднелась гасиенда Каса-дель-Корво.

На фоне выбеленного фасада выделялась фигура всадника. Но вот он уже скрылся за воротами.

— Отсюда, — пробормотал Зеб про себя, — я увижу, как он выедет. Я дождусь его, если бы даже пришлось ждать до самого утра. Итак, надо набраться терпения.

Зеб Стумп уселся на землю, прислонившись спиной к стволу локустового дерева. Он вытащил из своего бездонного кармана мешочек, в котором находился ломоть кукурузного хлеба, большой кусок жареной свинины и фляжка с мононгахельским виски.

Съев половину хлеба и мяса, охотник положил остатки обратно в мешочек и подвесил его на дерево. Потом глотнул как следует из фляги, закурил трубку, прислонился снова спиной к стволу локуста и, скрестив на груди руки, стал смотреть вперед, не спуская глаз с ворот Каса-дель-Корво.

Так просидел он два часа.

Ничто не ускользнуло от него. Из ворот гасиенды выходили люди — мужчины и женщины. Но даже на расстоянии Зеб видел, что это были только невольники. Они все были пешие. А тот, кого ждал Зеб, должен был появиться верхом на лошади.

Но вот уже солнце стало прятаться за горизонт. На землю спустились лиловые тени сумерек. Зеб не торопясь поднялся на ноги и прислонился к дереву, как будто в этом положении было спокойнее думать.

«Очень возможно, что эта лиса улизнет ночью, — рассуждал он про себя, — или же перед рассветом. А мне необходимо знать, в каком направлении он поедет в прерию. Нет смысла тащить кобылу за собой. Она будет мне только мешать. Кроме того, ночи теперь лунные, и ее могут заметить».

Старик-охотник направился к своей лошади, снял с нее седло, привязал животное на длинной веревке к дереву, потом снял с седла свое старое байковое одеяло и, набросив его на руку, пошел по направлению к Каса-дель-Корво.

Нужно было выбрать более близкий наблюдательный пост. Зеб продвигался с большой осторожностью. Место было совершенно открытое. Охотник шел крадучись, то быстро, то совсем медленно, временами пригибаясь к земле.

Солнце уже совсем закатилось, когда Зеб достиг цели своего путешествия. Он остановился приблизительно на расстоянии двухсот ярдов от гасиенды. Здесь рос небольшой куст. Растянувшись под ним, Зеб стал следить за воротами Каса-дель-Корво.

***

В течение всей ночи старый охотник ни разу не закрыл двух глаз сразу. Один из них был все время настороже.

Чуть слышное пение и время от времени взрывы смеха долетали из помещения невольников. Однако эти звуки были более сдержанными, чем обычно, и не сопровождались ни мелодичными напевами скрипки, ни игривым аккомпанементом банджо, столь характерными для вечерних сборищ негров. Мрачная тишина большого дома не могла не подействовать на настроение невольников.

Около полуночи голоса замолкли, и полная тишина водворилась вокруг. И только время от времени раздавался лай бродячей собаки, откликавшейся на заунывный вой койотов.

Зеб провел очень утомительный день и теперь с большим трудом удерживался, чтобы не заснуть. Один раз, ко-

гда его стало сильно клонить ко сну, он вскочил на ноги. Раза два прошелся по траве. Затем снова лег и, спрятав голову под куст, принялся курить.

Всю ночь он не сводил глаз с больших ворот гасиенды.

Солнечный восход, как раньше солнечный закат, заставил охотника снова переменить наблюдательный пункт.

Лишь только нежные краски зари показались над горизонтом, Зеб тихонько встал, набросил на себя одеяло и, повернувшись спиной к Каса-дель-Корво, медленно удалился. Он продвигался той же тропой, какой пришел сюда накануне вечером.

На своем пути Зеб нигде не останавливался, пока не пришел к локустовому дереву, где вечером поужинал. Здесь, расположившись в той же позе, он принялся за завтрак.

Вторая половина кукурузного хлеба и остатки мяса быстро исчезли. За ними последовали и остатки виски из фляги.

Зеб набил трубку и уже собирался было зажечь ее, как вдруг быстро положил зажигалку в кисет.

Ворота Каса-дель-Корво открылись. В них показался всадник. Он был на небольшой серой лошади. Как только он выехал, ворота сейчас же закрылись за ним.

Зеб Стумп поспешил к своей кобыле, быстро оседлал ее и повел в такое место зарослей, откуда можно было бы наблюдать, оставаясь незамеченным. Сделав эти приготовления, старый охотник стал ждать приближения всадника. Он знал, что это был капитан Кассий Кольхаун. Зеб ждал до тех пор, пока капитан не пересек полосы лесных зарослей и не скрылся в прерии.

Только тогда Зеб Стумп сел в седло и погнал кобылу. Он ехал за Кассием Кольхауном.

Покрытая росой трава была для старого следопыта чистым листком, а следы серого мустанга — шрифтом, таким же ясным, как строки напечатанной книги.

ГЛАВА LXXXI

Паническое бегство

Кассий Кольхаун выехал в прерию, не подозревая, что его видел кто-нибудь, кроме Плуто, который оседлал ему серого мустанга. Выбравшись из зарослей, Кольхаун быстрой рысью направился к берегам Нуэсес.

Несмотря на то, что его конь бежал с быстротой техасского оленя, Кольхаун далеко не был уверен в успехе. Очень возможно, что всадник без головы не попадется ему сегодня на глаза. Было одно место, где он уже дважды встретил его. Может быть, ему повезет еще раз.

Это было на открытой поляне, недалеко от места, где, как предполагали, произошло убийство. Тут же вблизи была и широкая просека.

«Как странно, что он всегда возвращается туда, — думал про себя Кольхаун. — Точно и вправду он выбирает путь. Впрочем, эти места выбирает лошадь, потому что трава здесь вкуснее. Ну что же, будем надеяться, что и сегодня я встречу его. Если нет, мне остается заехать в заросли и повеситься. А чего мне, собственно, бояться, поскольку мустангер благополучно сидит в тюрьме? Какие улики? Один только кусочек свинца. Но его я должен достать, если бы мне и пришлось загнать коня досмерти».

— Силы небесные! Что же это там такое?

Последние слова Кольхаун произнес вслух и в ужасе натянул поводья, так что его мустанг чуть не встал на дыбы.

Солнце показалось над горизонтом прерии, оно стояло за спиной всадника. Перед ним по краю неба распростерлась полоса сиреневого тумана — это были испарения, поднимавшиеся от лесных зарослей, расположенных невдалеке. Деревья не были видны, они были все скрыты под легкой пеленой, словно за занавесью из сиреневого газа.

На фоне этой завесы или же за ней появилась движущаяся фигура, настолько странная, что могла показаться

совершенно неправдоподобной тому, кто никогда не видел ее раньше. Это был всадник без головы.

Но в таком виде еще никогда и никто его не видел, не исключая и Кольхауна. Нет! Сейчас всадник выглядел совсем иначе. По своим очертаниям он был тем же, но по размеру он был в десять раз больше.

Это был уже не человек, а великан. И не лошадь, а животное с очертаниями лошади, но вышиной с башню.

И это еще не все. В его облике произошла еще бо́льшая перемена. Перемена еще более необъяснимая, если тут вообще было возможно что-нибудь понять. Он ехал уже не по земле, а по небу. Причем и лошадь и человек были перевернуты вверх ногами. Копыта коня были отчетливо видны на верхнем краю пелены, а плечи всадника почти касались линии горизонта. Серапэ, наброшенное на плечи всадника, не спадало с них, вопреки закону тяготения. Также непонятным образом держались в воздухе и поводья и длинный хвост лошади.

Этот чудовищный призрак двигался медленным, неторопливым шагом. Кольхаун глядел на него, оцепенев от ужаса.

Но вот послышался легкий удар копыт по траве прерии. Кольхаун понял, что перед ним — настоящий всадник, если только можно назвать настоящим всадника, от которого упала такая чудовищная тень.

— Это мираж! — воскликнул капитан. — Каким же дураком я был, что поддался такому обману! Вот он, виновник моего испуга! А ведь я только его и ищу. И так близко! Ну, а теперь — вдогонку! И пусть мне придется скакать хоть на край Техаса, но я догоню его.

***

По широкому раздолью прерии во весь опор мчатся два всадника. Под каждым из них быстроногий мустанг. Под одним гнедой, под другим — серый. Один всадник преследует другого. Тот, кого преследуют, без головы. А тот,

Один всадник преследует другого.

кто преследует, — с головой; в этой голове созрело безумное решение.

***

Погоня длилась недолго. Кольхаун уже предвкушал победу. Ясно было, что серый мустанг выигрывает расстояние у гнедого. Кольхаун уже вскинул ружье — он хотел застрелить лошадь и этим положить конец преследованию.

Если бы он не боялся промахнуться, он бы тут же и выстрелил. Но, пока он колебался, гнедой с всадником без головы круто повернул в заросли.

Этого капитан не ожидал. Пришлось снова возобновить погоню.

Еще раз Кольхауну удалось догнать страшного всадника, и настолько близко, что раздувавшиеся ноздри серого мустанга почти касались вытянутого хвоста гнедого. Ружье уже было наготове в левой руке капитана, палец правой руки лежал на спуске. Он только выбирал место, куда лучше прицелиться.

Еще момент — и пуля вонзилась бы в мчавшуюся впереди лошадь, но последняя, точно почуяв опасность, сделала быстрый прыжок в сторону и, тут же лягнув в морду преследовавшего ее мустанга, помчалась в сторону.

Серый мустанг остановился, и только острая шпора заставила его покориться и вновь помчаться галопом.

Кольхаун терял последние остатки терпения. Он заметил, что гнедой направлялся в самую чащу зарослей. Охота опять могла окончиться ничем. В отчаянии Кольхаун снова схватился за ружье.

Всадник без головы уже наполовину скрылся в густой зелени. Капитан прицелился вслед убегавшему гнедому. Дым заклубился из дула ружья. Раздался выстрел, и какой-то темный предмет глухо упал на землю, подпрыгнул и покатился прямо под ноги лошади Кольхауна.

Серый мустанг захрапел и попятился назад. Всадник дико вскрикнул: внизу, на траве, лежала голова человека.

На ней все еще крепко держалась шляпа с твердыми круглыми полями.

Лицо было обращено прямо на Кольхауна, мертвенно-бледное, запачканное кровью, сморщенное. Глаза были открыты, но они смотрели, как два стеклянных шара: холодные, безжизненные, жуткие. Белые зубы сверкали между посиневшими губами.

Кассий Кольхаун смотрел на нее с ужасом.

Недолго продолжалась эта очная ставка. Прежде чем голова, поддерживаемая полями шляпы, перестала покачиваться в мягкой траве, Кольхаун повернул лошадь, глубоко вонзив ей в бока шпоры, и умчался бешеным галопом.

Больше он не преследовал всадника без головы, все еще пробивавшего себе путь среди зарослей. Кольхаун мчался назад в Каса-дель-Корво.

ГЛАВА LXXXII

Страшный сверток

Старый охотник, выбравшись из зарослей, не торопясь продвигался по следу капитана. На лице его можно было прочесть нетерпение и тревогу.

Продвигаясь медленно и настороженно, Зеб наконец приехал на то место, где капитан встретился с всадником без головы.

— Значит, этому негодяю все-таки удалось отыскать его, — сказал Зеб, всматриваясь в следы. — Но это еще не значит, что капитану удалось поймать всадника. Но чего же я стою здесь, как дурак? Можно ли сейчас терять время! Если только Кольхаун догнал всадника без головы и достал от него то, что ему надо, тогда ищи ветра в поле — мне уже ничего не удастся сделать. Надо спешить! Поехали, моя старушка! Постарайся догнать ту серую лошадь, которая пробежала здесь полчаса тому назад. Покажи же теперь, что ты умеешь бегать не хуже их. Ну, пошла!

Старый охотник ударил в бок кобылу своей единственной шпорой, и лошадь побежала рысью. Большей скорости от нее пока и не требовалось. Зеб ехал попрежнему осторожно и зорко смотрел вперед.

— Судя по тому, как направляется его след, — рассуждал старый охотник, — я могу определить довольно точно, куда он выйдет. Все пути как будто там сходятся. Этим же путем ехал и бедняга, которому не суждено было вернуться назад. Ну что ж поделаешь! Если нельзя ему вернуть жизнь, то надо отплатить тому негодяю, который отнял ее. Стой! Вот и он! А вон и всадник без головы! Иосафат! Мчат во весь карьер! Клянусь, что серый мустанг может догнать гнедого. Они не сюда едут, нам с тобой не нужно прятаться. Стой спокойно! Бежать сейчас нельзя, иначе нас заметят. Не бойся! Он слишком занят своей игрой и ничего не видит, кроме того, что прямо перед ним... Так. Я этого и ожидал — прямо в просеку. Ну, моя кобылка, поехали дальше!

Зеб Стумп, не спуская глаз с просеки, подъехал к зарослям.

Выстрел не слишком удивил Зеба. Наоборот, он ждал его с того самого момента, как заметил погоню.

Удивился старый охотник позже, когда увидел, что Кольхаун в ужасе мчится назад.

— Чорт побери! — пробормотал Зеб. — Как все это чудно! Там что-то между ними произошло. Ха-ха-ха! Удирает, точно за ним гонится нечистая сила! Может быть, они переменились ролями, и теперь безголовый гонится за капитаном? Похоже на то. Я пожертвовал бы серебряный доллар, чтобы полюбоваться на такое зрелище. Ха-ха-ха!

Охотник слез с седла и вместе с кобылой спрятался среди зарослей, чтобы их не заметил спасавшийся бегством всадник.

Но Кольхаун мчался так быстро и с таким растерянным видом, что вряд ли заметил бы Зеба, даже если бы тот стоял перед ним на открытом месте.

«Иосафат! — мысленно воскликнул охотник, как только увидел искаженное ужасом лицо капитана. — Если нечистая сила и не гонится за ним, то, наверное, она у него внутри. Я еще в жизни не видел такой страшной физиономии. Заранее жалею женщину, которая достанется ему в жены. Бедняжка мисс Пойндекстер! Надеюсь, что ей удастся отвертеться и она не получит в мужья такого бандита. В чем же все-таки дело? Что-то никого не заметно, а он все еще продолжает улепетывать. Куда это он теперь направляется? Надо будет проследить».

— А, обратно домой! — воскликнул Зеб, выйдя на опушку зарослей и увидев, что Кольхаун продолжает ехать галопом в направлении к гасиенде Каса-дель-Корво. — Обратно домой, это уж наверняка! Теперь, старушка, — продолжал Зеб, когда серая лошадь скрылась из виду, — мы с тобой поедем и узнаем, чего ради там стреляли.

Десять минут спустя Зеб слез с кобылы и поднял с земли предмет, до которого без содрогания ужаса вряд ли мог бы дотронуться даже самый жестокий человек. Но у старого охотника не было этого чувства. Он бережно поднял голову мертвеца. Несмотря на то, что лицо было искажено смертью, запачкано кровью, сморщилось, он узнал в нем дорогие ему черты погибшего юноши.

Зеб попробовал снять шляпу с головы мертвеца, но, несмотря на все усилия, ему это не удалось сделать: голова так распухла, что лента, повязанная по ободку шляпы, готова была лопнуть.

— Боже мой! Боже мой! — произнес наконец охотник. — Что за подарок отцу! Не надо ее брать отсюда. Надо похоронить здесь и никому ни слова не говорить. Нет, этого нельзя делать: она нужна будет суду как свидетель.

Сказав это, Зеб развернул свое старое байковое одеяло и спрятал в него голову; потом, повесив этот страшный сверток на луку седла, сел на свою кобылу и поехал обратно в сеттльмент.

ГЛАВА LXXXIII

Блюстители закона

На третий день после того, как Морис Джеральд попал в военную тюрьму, у него спал жар, и он перестал бредить. На четвертый он был уже почти здоров. На пятый день было назначено судебное разбирательство.

В Техасе, где человека могли осудить и повесить в течение двадцати четырех часов, такая спешка не могла показаться чем-то необыкновенным. Многочисленные враги заключенного, по каким-то своим соображениям, всячески форсировали события, а его друзья, которых было значительно меньше, не имели достаточной силы, чтобы им противодействовать.

Большинство населения было на стороне первой группы и требовало немедленного разбирательства и наказания преступника.

Эти настроения получили неожиданную поддержку со стороны. Вышло так, что окружной суд делал в это время свой объезд, и дни, зафиксированные за фортом Индж, как раз совпадали с этим сроком.

Таким образом, стало как будто неизбежным, что дело Мориса Джеральда, вместе с другими уголовными делами, должно разбираться именно в эти дни, тем более что никто и не просил об отсрочке. Суд был назначен на пятнадцатое число текущего месяца.

Могло случиться, что обвиняемому понадобится помощь защитника, но в сеттльменте не было лиц, специализировавшихся в этой профессии. Защитники обычно разъезжают с судебными властями, а они были еще далеко от Инджа. И, несмотря на это, в сеттльменте появился юрист, человек с большим именем, который прибыл сюда из Сан-Антонио, чтобы защищать дело мустангера. Ходили слухи, что крупная сумма денег, заплаченная какой-то женщиной, заставила юриста проделать это путешествие. Появился и еще один адвокат.

Он приехал в форт Индж из далекой Ирландии специально для того, чтобы повидаться с Морисом Джеральдом. Он был немало удивлен, когда узнал в гостинице Обердофера, где он остановился, что Морис Джеральд сидит в тюрьме. Ирландский адвокат потребовал свидания с заключенным. Техасским властям неудобно было отказать ему в этом, и он получил пропуск. Приезд ирландского адвоката вызвал массу разговоров в форту и сеттльменте. Ходили слухи, что Морис Джеральд поведал ему какую-то чудовищную историю. Однако содержание ее осталось неизвестным, и обыватели сеттльмента сгорали от любопытства.

Один человек только мог знать об этом — Зеб Стумп, но старый охотник не появлялся в обществе. Только один раз видели его, занятого беседой с ирландским юристом. После этого охотник исчез. Все думали, что Зеб Стумп, как обычно, отправился на охоту за оленями, медведем или дикими индюками.

Но все ошибались. Зеб на этот раз бродил по лесам не в поисках дичи — он отправился на охоту за всадником без головы.

ГЛАВА LXXXIV

Нежный племянник

«Его судят завтра, завтра, слава тебе, боже! Невероятно, чтобы кто-нибудь успел до этого времени изловить эту проклятую тварь! Будем надеяться, что это совершенно невозможно. А больше мне опасаться нечего. Пусть попробуют доказать без этого! Странно, зачем появился здесь этот ирландский крючкотвор? И этот второй юрист? Интересно, кто это его прислал и зачем? Наверное, ему хорошо заплатили... Будь они прокляты! Я все равно не боюсь! Что они могут придумать, кроме того, что Джеральд совершил это преступление? Все улики против него... Только Зеб Стумп беспокоит меня. Подозрительная змея! Его нигде не могут найти. Интересно, где он пропадает? Говорят, на охо-

те. Что-то не похоже. А что, если он отправился за ним? И вдруг поймает его?.. Я бы сам еще раз попробовал, но сейчас уже поздно. Завтра к вечеру все будет кончено. А что, если выяснится потом? Чорт с ним, не будем об этом думать. Надо только, чтобы все было в порядке теперь. Когда повесят одного, вряд ли кому-нибудь придет охота обвинять другого. Мне кажется, что с регуляторами у меня все обстоит благополучно. Даже Сэм Мэнли как будто достаточно убежден. Его сомнения рассеялись, когда я рассказал, что слышал той ночью. Проклятье!.. Но это дело прошлого. Она была на свидании, и с этим надо примириться. Но больше она никогда его не встретит, это тоже верно, разве только на том свете. Что же, это будет зависеть от нее же самой... Я не думаю, чтобы между ними было что-нибудь серьезное. Она не из таких, несмотря на ее дикие выходки. Возможно, что это была лишь признательность с ее стороны. Нет, нет! Из-за простой признательности не встают с постели среди ночи, чтобы итти на свидание в глушь сада! Она любит его, она любит его! Ну и пусть любит. Он никогда не будет принадлежать ей. Она никогда не увидит его, если будет продолжать упорствовать. Одно ее слово, и петля затянется на его шее. Еще один отказ, и тогда я покажу им свою власть. Не только кончится эта авантюра с ирландцем, но она сама же будет виновницей его гибели. Она потеряет его, а также плантации, дом, негров — все...»

Так рассуждал Кольхаун в уединении своей комнаты.

***

— А, дядя Вудли! Я хотел вас видеть.

Удрученный, безмолвный, бродил плантатор по коридорам Каса-дель-Корво. Он вошел в комнату своего племянника случайно, без всякого определенного намерения.

— Ты хотел видеть меня, Кассий?

В тоне убитого горем старика звучала какая-то униженная покорность. Гордый Пойндекстер, перед которым трепетали двести невольников, теперь стоял перед своим собственным повелителем. Правда, эта власть принадлежала его племяннику, сыну его сестры, но от этого ему было не легче.

— Я хотел с вами поговорить относительно Лу, — ответил Кольхаун.

Это была как раз та тема, которой Вудли Пойндекстер всячески избегал. Он боялся даже думать о ней, а тем более ее обсуждать.

Тон, которым Кольхаун начал этот разговор, не предвещал ничего хорошего. В нем скорее звучало требование, чем просьба.

— Относительно Лу? Что же именно? — спросил Пойндекстер с притворным спокойствием.

— Так вот... — сказал Кольхаун с некоторым колебанием, как будто не решаясь начать разговор. — Я... я хотел...

— Мне бы хотелось, — не дожидаясь продолжения, сказал плантатор, — пока не говорить о ней.

Он сказал это почти умоляюще.

— Но почему же, дядя? — спросил уже решительным тоном Кольхаун, недовольный возражением.

— Ты сам знаешь, почему!

— Я понимаю, что момент тяжелый. Бедный Генри пропал. Предполагают, что он... В конце концов, он может еще вернуться, и все будет хорошо.

— Никогда! Мы никогда больше не увидим его ни живым, ни мертвым. У меня больше нет сына!

— Но у вас есть дочь, а она...

— Она опозорила меня!

— Я в это не верю, нет...

— Как же иначе можно объяснить то, что я сам видел и слышал? Что могло заставить ее отправиться за двадцать миль в хижину простого торговца лошадьми? О боже! И почему это она взялась защищать мустангера, убийцу моего сына, убийцу своего брата? О боже!

— Каждая женщина сделала бы то же самое.

— О, если бы я только мог поверить тому, что ты говоришь! Моя бедная дочь! Она мне еще дороже теперь, когда у меня нет сына.

— Только от нее зависит привести к вам сына... человека, уже близкого вам, который всеми силами постарается заменить погибшего. Я не хочу говорить загадками, дядя Вудли. Вы знаете, о чем я думаю. Я хочу, чтобы Лу была моей.

Услышав это, плантатор не выказал ни малейшего удивления: он этого ждал. И вместе с тем он стал еще более мрачным.

Это могло показаться странным. До последнего времени Пойндекстер был сторонником этого брака и неоднократно, правда очень осторожно, пробовал уговаривать свою дочь.

До переезда в Техас Пойндекстер плохо знал своего племянника. С того момента, когда Кольхаун достиг совершеннолетия и стал гражданином штата Миссисипи, он бо́льшую часть времени проводил в Новом Орлеане — городе необузданного веселья. Вудли Пойндекстер встречался со своим племянником только во время его случайных посещений плантации в Луизиане. Но потом, когда Луиза из ребенка превратилась в красавицу-девушку, Кольхаун стал чаще наезжать и дольше гостить у них.

Затем Кассий участвовал в мексиканском походе, пробыл там около десяти месяцев и получил капитанский чин. После военных подвигов племянник вернулся на родину с твердым намерением одержать победу над сердцем креолки.

С этих пор Кольхаун почти не покидал дома своего дяди. Если он и не пользовался особым успехом у молодой девушки, то, во всяком случае, стал желанным гостем для ее отца.

Когда-то богатый человек, плантатор за последние годы быстро шел под гору. Его разорял расточительный образ жизни, который он вел. Благодаря деньгам племянника де-

ла Вудли Пойндекстера опять поправились. На своей родине Пойндекстер все еще продолжал пользоваться уважением соседей. Денежная зависимость от племянника мало кому там была известна. Только после переезда в Техас эта зависимость стала тяготить плантатора. Его отношения с племянником обострились еще сильнее после нескольких неудачных попыток капитана завладеть сердцем неприступной Луизы.

Теперь плантатор имел возможность ближе узнать характер племянника. С каждым днем со времени приезда в Каса-дель-Корво его разочарование росло. Ссора Кольхауна с мустангером и ее развязка не усилили уважения старика Пойндекстера к племяннику, хотя ему как родственнику и пришлось стать на сторону последнего.

— Если я тебя правильно понимаю, Кассий, ты говоришь о свадьбе. Не время думать об этом, когда в доме траур. Ведь если об этом узнают в сеттльменте, там подымется скандал.

— Вы ошибаетесь, дядя. Я не думаю о женитьбе. Я хочу сказать: о женитьбе в ближайшее время... Мне только хотелось бы получить какую-то уверенность, и я согласен ждать более подходящего момента.

— Я не понимаю тебя, Каш.

— Я вам все объясню. Выслушайте меня.

— Говори.

— Я хотел сказать следующее. Я решил жениться. Вы знаете, что мне уже скоро тридцать лет. В эти годы человеку надоедает слоняться по свету. Я чертовски устал от этого и не намерен дольше оставаться бобылем. Я хочу, чтобы Луиза была моей женой. Торопиться с этим не надо. Мне только хочется заручиться ее обещанием. И это обещание должно быть ею подписано и заверено печатью, чтобы не оставалось никаких неясностей. Когда уляжется горе о потерянном брате, тогда еще хватит времени поговорить о свадьбе и обо всяких таких вещах.

Слово «брат» в сочетании с этой «деловой» речью не-

приятно поразило старика-отца. Гордость Вудли Пойндекстера вновь проснулась; он был глубоко возмущен.

Однако это чувство тут же улеглось. С одной стороны, ему представились плантации, рабы, богатство, положение в обществе, с другой — бедность, которая казалась гибелью. Но все же он не сдавался.

С нерешительностью в голосе плантатор ответил:

— Что же, Кассий, надо отдать тебе справедливость, ты достаточно ясно объяснил, что тебе нужно. Но я не замечал, чтобы моя дочь была особенно расположена к тебе. Ты хочешь, чтобы она стала твоей женой. Ну, а каковы ее намерения? Мне кажется, что с этим следовало бы посчитаться.

— Я думаю, дядя, что это в большей мере будет зависеть от вас. Вы — отец и можете уговорить ее.

— Я в этом не уверен. Она не из тех, кого можно заставить что-нибудь сделать против воли. И ты, Кассий, знаешь это так же хорошо, как и я.

— Ну что же, я знаю только одно: что я твердо решил жениться и сделать Лу хозяйкой Каса-дель-Корво.

Вудли Пойндекстера всего передернуло от этой дерзкой речи. В первый раз ему сказали, что он больше не хозяин Каса-дель-Корво.

Снова представились ему во всей реальности плантации, рабы, богатство, положение в обществе и, с другой стороны, бедность с ее невзгодами...

И Вудли Пойндекстер решил пожертвовать счастьем своей дочери: он дал обещание Кольхауну помочь ему получить от Луизы согласие на брак.

***

— Лу!

— Отец?

— У меня к тебе просьба.

— Что такое, отец?

— Ты знаешь, что твой двоюродный брат Кассий любит тебя и хочет на тебе жениться?

— Но я не хочу выходить за него замуж. Нет, отец! Лучше умереть! Самонадеянный негодяй! Я знаю, что это значит. Он послал тебя, чтобы ты сделал это предложение. Так скажи же ему в ответ, что я готова бежать в прерию и зарабатывать свой хлеб охотой за дикими лошадьми, только бы не стать его женой! Пожалуйста, передай ему это.

— Послушай, дочка, ты, наверное, не знаешь...

— Что мой двоюродный брат твой кредитор? Я все это знаю, дорогой отец. Но я также знаю, что ты — Вудли Пойндекстер и что я — твоя дочь.

Чувство собственного достоинства и гордости восторжествовало у плантатора, и он ответил:

— Милая моя Луиза! Как ты похожа на свою мать! А я сомневался в тебе. Прости меня, моя хорошая девочка. Забудем прошлое. Поступай так, как тебе подскажет сердце. Я больше не скажу ни слова!

ГЛАВА LXXXV

Добрый кузен

Луиза Пойндекстер полностью воспользовалась свободой, предоставленной ей отцом. Не прошло и часа, как она наотрез отказала Кольхауну.

Он уже в третий раз делал ей предложение. Правда, два первых раза он говорил намеками и не решался прямо ставить вопрос.

В третий раз он получил отказ, простой, но совершенно ясный. Она просто сказала: «Нет», и выразительно прибавила: «Никогда».

Кольхаун выслушал ее как будто без удивления. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Вероятнее всего, он ожидал этого.

— Ты ведь не серьезно это говоришь, Лу?

— Совершенно серьезно, сэр. Разве этим шутят?

— Ты ответила так, точно совсем не потрудилась задуматься.

— Над чем?

— Над многим.

— А именно?

— Прежде всего, над тем, как я тебя люблю.

Луиза промолчала.

— Я люблю тебя, — продолжал Кольхаун, — люблю тебя так, Лу, как никто и никогда еще не любил! И это чувство сильнее меня. Оно может умереть только вместе со мной. Оно не угаснет и с твоей смертью.

Ответа не последовало.

— Что толку рассказывать историю моей любви! Она вспыхнула в тот же день, даже в тот же час, когда я впервые увидел тебя. Когда я приехал в дом твоего отца, шесть лет назад, ты попросила меня, как только я соскочил с лошади, прогуляться с тобой по саду, пока готовили к столу. Ты тогда была девочкой, подростком, но уже так же прекрасна, как теперь! Ты взяла меня за руку и повела по дорожке, усыпанной гравием, не подозревая, конечно, сколько волнения вызвало во мне прикосновение твоей ручки. Это ощущение останется у меня в памяти на всю жизнь. Его не могли стереть ни время, ни расстояние, ни, наконец, рассеянный образ жизни, который я вел...

— Твоя любовь ко мне напрасна, Кассий, — прервала его Луиза. — Я должна сказать тебе это откровенно. Я не люблю тебя... Я не могу тебя любить.

— Значит, ты не выйдешь за меня замуж?

— Вот это уж по меньшей мере бесполезный вопрос. Я тебе сказала, что не люблю тебя. И этого, мне кажется, достаточно.

— А я сказал, что люблю тебя. И это лишь одна из причин, почему я хочу, чтобы ты стала моей женой. Но есть еще и другие. Хочешь ли ты выслушать все?

— Ты сказал, что есть и другие причины? Назови их, я не боюсь выслушать тебя до конца.

— Вот как? — усмехнулся он. — Ты не боишься?

— Нет, не боюсь. Чего мне бояться?

— Правда, не тебе надо бояться, а твоему отцу.

— То, что касается отца, не может быть мне безразлично. Я — его дочь. Теперь, увы, единственное дитя... Продолжай, Кассий. Что за несчастье нависло над ним?

— Не несчастье, Лу, но очень серьезные неприятности. Трудности, с которыми он не в силах справиться. Ты заставляешь меня говорить о вещах, которые тебе вовсе не нужно знать.

— О, неужели? Ты ошибаешься, Кассий. Я все уже знаю. Мне известно, что мой отец в долгах и что деньги ему давал ты. Как я могла не заметить этого? Та надменность, с которой ты держишься в нашем доме, та заносчивость, которую ты все время проявляешь, не стесняясь присутствием слуг, были достаточным доказательством даже для них, что у нас в доме неблагополучно. Ты — хозяин Каса-дель-Корво. Я знаю это. Но надо мной ты не властен.

Кольхаун увидел, что прием его неудачен, и решил ударить по другим струнам.

— Да, это так! — ответил он с усмешкой. — Ну, что же, если я не властен над твоим сердцем, то все же твое счастье в моих руках. Я знаю этого ничтожного негодяя, который заставил тебя отказать...

— О ком ты говоришь?

— Ты не догадываешься?

— Нет. Быть может, ты себя называешь ничтожным негодяем? Тогда я вполне с тобой согласна.

— Пусть так, — ответил капитан, побагровев от ярости, но все же еще сдерживая себя. — И поскольку ты считаешь меня таким ничтожеством, то вряд ли я пострадаю в твоих глазах, если расскажу, что я хочу с тобой сделать.

— Сделать со мной? Ты слишком самоуверен, Кассий. Ты разговариваешь так, точно я твоя раба. К счастью, это не так.

Кольхаун, струсив под ее негодующим взглядом, промолчал.

— Интересно услышать, — продолжала она, — что это ты собираешься сделать со мной.

— Я тебе скажу.

— Ты меня хочешь пустить на все четыре стороны в прерию или же запереть в монастырь? Быть может, в тюрьму?

— Последнее, наверное, тебе бы пришлось больше всего по душе — в том случае, конечно, если бы ты была заключена в приятной компании с...

— Ну, говори же, пожалуйста, какая меня ждет судьба. Я сгораю от нетерпения, — сказала Луиза с насмешкой в голосе.

— Не торопись. Первое действие ты увидишь завтра.

— Так скоро? А где, можно ли узнать?

— В суде.

— Каким образом?

— Очень просто: ты будешь стоять пред лицом судьи и двенадцати присяжных.

— Вы довольны своим остроумием, капитан Кольхаун? Но я должна тебе сказать, что мне не нравятся твои шутки.

— Какие шутки? На завтра назначено судебное разбирательство. Мистер Морис Джеральд, или же Мак-Свини, или же О'Гогерни, — как бы его ни звали, — будет стоять за столом суда, обвиняемый в убийстве твоего брата.

— Это ложь! Морис Джеральд не мог...

— Не мог совершить это преступление? Это надо проверить. Его виновность будет доказана, я в этом не сомневаюсь. И самые веские улики против него мы услышим из твоих же уст.

Точно испуганная газель, смотрела креолка на собеседника широко раскрытыми, полными недоумения и тревоги глазами.

Прошло несколько секунд, прежде чем Луиза была в

состоянии говорить. Она молчала от внезапно нахлынувших сомнений, подозрений, страхов.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать, — наконец произнесла она. — Ты говоришь, что меня вызовут в суд. Для чего? Хотя я и сестра убитого, но я ничего не знаю и не могу ничего прибавить к тому, о чем все говорят.

— Так ли? Ты ведь можешь сказать гораздо больше других. Никто, например, не знает о том свидании в саду, которое было у тебя с Джеральдом именно в ту ночь. И никто не знает лучше тебя, что произошло во время этого тайного свидания: как Генри вмешался в это дело, как он был вне себя от возмущения при мысли о позоре, который ложится тенью не только на сестру, но и на всю семью, как, наконец, он грозил убить этого человека и как в этом ему помешало заступничество женщины, так бесстыдно обманутой. Никому также не известно, что произошло дальше: как Генри, точно дурак, побежал за этим негодяем и с какими намерениями. Кроме этих двух, было еще только два человека, которым пришлось быть свидетелями их расставания.

— Два? Кто же?

— Один был Кассий Кольхаун, другая — Луиза Пойндекстер.

Она не вздрогнула, не показала ни капли удивления. Она только вызывающе бросила односложное:

— Ну?

— Ну, — подхватил Кольхаун, расстроенный тем, что его слова не произвели никакого впечатления, — мне кажется, теперь ты уже должна понять...

— Не больше, чем раньше.

— Ты хочешь, чтобы я говорил дальше?

— Как тебе будет угодно.

— Тогда я объясню тебе. Я говорю тебе, Луиза, что есть только один способ спасти твоего отца от полного разорения и тебя от позора. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Кажется, понимаю.

— Теперь ты не откажешь мне?

— Теперь скорее, чем прежде.

— Пусть будет так. Значит, завтра ты займешь место свидетеля в суде?

— Подлый шпион! Прочь с моих глаз! Сию же минуту, или я позову отца!

— Не утруждай себя. Я не буду больше навязывать своего общества, если оно так неприятно тебе. Обдумай все хорошенько. Может быть, до того, как настанет час суда, ты еще изменишь свое решение. Если так, то, надеюсь, ты дашь мне знать во-время, чтобы отменить вызов в суд. Спокойной ночи, Лу. Я иду спать с мыслью о тебе.

С горькой усмешкой на губах Кольхаун отправился в свою комнату. Вид у него был далеко не торжествующий.

Луиза прислушивалась, пока его шаги не затихли в конце коридора. Крепко прижав руки к груди, она опустилась в кресло, терзаемая страхом больше, чем когда-либо.

ГЛАВА LXXXVI

Техасский суд

Вот уже наступило утро следующего дня.

Заря, заалевшая над саванной Техаса, осветила своими нежными лучами американский флаг над фортом Индж.

Вместе с рассветом со всех сторон появились всадники, направлявшиеся к военному пункту. Они приближались вдвоем, втроем, а иногда и группами в шесть человек. Собравшиеся люди — разных типов и национальностей, но большинство из них — колонисты южных штатов. По профессии это главным образом плантаторы, хотя здесь же вы найдете и скотоводов, и охотников, и торговцев скотом, и всяких других коммерсантов, вплоть до торговцев невольниками.

Здесь же и юристы, землемеры, спекулянты землей и всякие прочие дельцы, готовые пуститься в любую авантюру.

Их костюмы так же разнообразны, как и их занятия. Мы уже описывали их одежду. Это та самая толпа, которая собиралась несколько дней назад во дворе Каса-дель-Корво, с той только разницей, что сейчас она многочисленнее.

Правда, надо добавить, что настоящее собрание отличается от предыдущего и еще в одном отношении: на этот раз приехали и женщины — жены, сестры и дочери. Некоторые из них верхом; мягкие, с опущенными полями шляпы защищают их глаза от ярких лучей солнца. Другие же расположились под белыми навесами фургонов или за тюлевыми занавесками карет.

На сегодня назначен суд. Все с нетерпением ждут его начала.

Пожалуй, излишне говорить, что судить будут Мориса Джеральда, известного в сеттльменте под именем Мориса-мустангера. Не стоит также добавлять, что его обвиняют в убийстве Генри Пойндекстера.

Все заинтригованы теми таинственными обстоятельствами, которые связаны с этим делом. В сеттльменте последнее время только и говорили об этом.

Все присутствующие в форту Индж пришли к заключению, что предстоящее судебное разбирательство прольет свет на никем еще не разгаданную тайну.

***

Десять часов. Сессия суда началась.

Военные, закончив утренний парад, решили провести свободное время среди штатских. Драгуны, стрелки, пехотинцы, артиллеристы появились рядом с плантаторами, охотниками, торговцами и авантюристами.

***

Суд идет.

Перед вашими глазами, наверное, встает картина судебного процесса в строгой обстановке обычного суда.

Но в пограничном местечке Техаса обстановка судеб-

ного разбирательства несколько другая, чем та, которая установлена традицией в других уголках мира.

Специального здания суда здесь нет, хотя, правда, есть комната, в которой обычно происходят всякого рода собрания; там же устраиваются и заседания суда.

День обещал быть очень жарким, и потому решено было открыть сессию суда не в здании, а в тени старого дуба. Здесь поставили большой стол, десяток складных стульев, обтянутых кожей. На стол положили бумагу, гусиные перья, огромный том судебного законодательства. Принесли чернильницу, графин с коньяком и несколько рюмок, коробку гаванских сигар и коробку спичек.

За столом появился судья. На нем не было ни горностаевой мантии, как это принято в Англии, ни даже пиджака: из-за жары он решил приступить к делу просто в рубашке. На голове у него надета набекрень панама, во рту сигара.

Остальные стулья заняли адвокаты, командир форта, капеллан, доктор, офицеры и несколько человек неопределенных занятий.

В стороне расположились двенадцать присяжных. Из них некоторые сидят на грубо сколоченной скамье, другие — просто на траве. Вокруг судьи и присяжных теснится пестрая толпа. Поодаль, в фургонах и экипажах, разместились дамы, разодетые в нарядные платья.

Первоначально предполагали судить не только Мориса Джеральда, но и Мигуэля Диаза с его товарищами и Фелима О'Нил. Однако в процессе предварительного следствия мексиканцу-мустангеру удалось оправдать себя, так же как и своих товарищей.

Они признались, что перерядились индейцами. Этот факт был уже и раньше доказан, так что ничего другого им и не оставалось делать. Но они выдали всё это за шутку. А так как было установлено, что все четверо были дома в ночь исчезновения Генри Пойндекстера, а Диаз к тому же был мертвецки пьян, то дальше их и не допрашивали.

Что же касается Фелима, то его не сочли нужным посадить на скамью подсудимых, так как считали, что его присутствие будет более полезным в качестве свидетеля.

Итак, на скамье подсудимых был только один Морис-мустангер.

ГЛАВА LXXXVII

Лжесвидетель

Только немногие из присутствующих лично знали обвиняемого. Они считали Мориса-мустангера прекрасным парнем, красивым, отважным, хорошим знатоком лошадей и покорителем женских сердец. Знали, что его поведение всегда было уравновешенным, отвага никогда не доходила до безрассудства, а разговоры были сдержанными и не превращались ни в пустую болтовню, ни в вульгарную ругань.

Никому не было известно, откуда он приехал, почему он поселился в Техасе и почему, подобно авантюристам, занялся таким странным делом, как охота за лошадьми.

Итак, Морис Джеральд стоит перед многочисленным собранием, заклейменный позором, обвиняемый в убийстве.

Некоторые глядят на подсудимого с простым любопытством, другие вопросительно, но большинство — со злобой и ненавистью.

Но вот еще одна пара глаз. В них вы прочтете и тревогу, и нежность, и вместе с тем — непоколебимую твердость.

***

Судебное разбирательство начинается без особых формальностей. Судья снимает свою панаму и зажигает потухшую сигару. Затянувшись раз шесть, он вынимает сигару изо рта, кладет ее на край стола и произносит следующее:

— Джентльмены и присяжные! Мы здесь собрались, чтобы рассмотреть преступление, подробности которого, надо полагать, вам всем известны. Убит сын одного из наших наиболее уважаемых граждан. Арестованный, которо-

го вы видите перед собой, обвиняется в этом преступлении. После того как вы выслушаете показания, вы должны решить, справедливо ли он обвиняется.

Затем обвиняемому задают традиционный вопрос:

— Признаете ли вы себя виновным?

— Нет, — слышится тихий, но твердый ответ.

Кассий Кольхаун и несколько местных жителей, стоящих рядом с ним, недоверчиво усмехаются.

Судья вызывает свидетелей для дачи показаний.

Первым вызывают Франца Обердофера.

Обердофер повторяет то, что уже говорил и раньше. Он повествует о том, как Морис Джеральд выехал из его гостиницы в ту ночь, когда пропал юный Пойндекстер, заплатил по всем счетам и, повидимому, не чувствовал недостатка в деньгах.

В своих показаниях хозяин таверны подчеркивает, что как Морис Джеральд, так и Генри Пойндекстер были в совершенно трезвом виде, но как тот, так и другой казались очень возбужденными. В поведении Мориса Джеральда явно сквозила озлобленность. Свидетеля крайне удивило то, что мустангер так торопился выехать из гостиницы. Вместо того чтобы уехать утром, как раньше предполагалось, он отправился в путь глубокой ночью.

На этом допрос Обердофера заканчивается.

Его показания говорили не в пользу обвиняемого. Особенно подозрительным казалось то, что Джеральд переменил час своего отъезда.

Но почему же Генри Пойндекстер тоже был возбужден? Почему он так торопился догнать Джеральда и отправился за ним, невзирая на поздний час, вопреки своим скромным привычкам?

Вызывают нескольких свидетелей. Однако их показания еще больше запутывают обстановку. Они утверждают, что между подсудимым и Генри Пойндекстером существовали дружеские отношения.

Наконец выступает капитан Кассий Кольхаун.

Его рассказ совершенно меняет картину. Он не только раскрывает мотивы убийства, но выставляет преступление в чрезвычайно мрачных красках.

Кольхаун рассказывает обо всем: и о свидании мустангера с Луизой и о ссоре Генри Пойндекстера с мустангером. По его словам, мустангер удалился с угрозой. Кольхаун упоминает о том, что Генри поехал догонять мустангера; почему вздумалось юноше догонять его — об этом капитан умалчивает. Не раскрывает он и своей роли во всей этой истории.

Эти разоблачения вызывают общее удивление. Поражены все — судья, присяжные и толпа зрителей. Проносится ропот. Раздаются возгласы возмущения против мустангера. Тяжесть преступления увеличивается вдвое: он не только убил сына Пойндекстера, но и опозорил дочь.

Во время этой речи Кольхауна среди слушателей раздается стон. Он вырывается из груди несчастного старика-плантатора.

Однако глаза зрителей недолго задерживаются на Пойндекстере. Взоры скользят дальше, к карете, где уже видели девушку, поразившую всех своей красотой.

— Луиза Пойндекстер! — раздается голос глашатая, вызывающего свидетелей.

Кольхаун сдержал свое слово.

ГЛАВА LXXXVIII

Невольный свидетель

Прежде чем вызов был монотонно произнесен три раза, Луиза Пойндекстер уже спустилась на подножку кареты.

Смело, без тени страха предстала она пред лицом судьи.

— Где вы были, мисс Пойндекстер, в ночь исчезновения вашего брата? — спрашивает девушку обвинитель.

— Дома, в гасиенде моего отца.
— А в сад вы спускались?
— Да, я была в саду.
— Будьте добры, огласите час.
— В полночь, я это хорошо помню.
— Одна?
— Нет, не все время.
— Значит, часть времени кто-то был с вами?
— Да.
— Кто же это был?
— Со мной был мой брат.
— Но до прихода вашего брата был ли еще кто-нибудь с вами в саду?
— Да.
— Мы хотим услышать его имя. Надеюсь, вы не скроете этого?
— Это был мистер Морис Джеральд.

Этот ответ вызвал в толпе не только удивление, но презрение и даже возмущение.

В глазах же обвиняемого засветилась торжествующая радость.

— Разрешите вас спросить: была ли эта встреча случайной или же заранее условленной?
— Она была условлена.
— Мне придется задать вам нескромный вопрос. Простите меня, мисс Пойндекстер, дело требует этого. Каков был характер или, лучше сказать, цель вашей встречи?

Луиза заколебалась, но только на один момент. Выпрямившись и непринужденно взглянув на окружающих, она ответила:

— Характер или цель — это, в конце концов, одно и то же. Я не собираюсь ничего скрывать. Я вышла в сад, чтобы встретиться с любимым человеком, которого я люблю до сих пор, несмотря на то, что он стоит здесь перед вами как преступник. Теперь, сэр, я надеюсь, вы удовлетворены?

— Нет, это еще не все, — продолжал допрос обвинитель, не обращая внимания на ропот, пролетевший по толпе. — Мне надо задать вам еще один вопрос, мисс Пойндекстер. Вы слышали, что говорил свидетель, выступавший до вас? Правда ли, что ваш брат расстался в ссоре с обвиняемым?
— Совершенно правильно.

Толпа негодующе бушует. Ответ подтверждает показания Кольхауна. Побуждения к убийству теперь ясны. Слышатся возгласы: «Повесить! Повесить его!»
— Я призываю к порядку! — кричит судья.
— Мой брат простил мистера Джеральда, — с раздражением продолжала Луиза Пойндекстер, не дожидаясь вопросов. — Он поехал его догонять, чтобы перед ним извиниться.
— Я должен кое-что добавить, — вмешивается Кольхаун, нарушая установленный порядок суда. — Они поссорились дорогой. Стоя на азотее, я все слышал.
— Мистер Кольхаун, — останавливает его судья, — когда суд даст вам слово, тогда вы будете говорить, а пока прошу вас не мешать.

Еще несколько дополнительных вопросов, и Луиза Пойндекстер освобождена от обязанностей свидетеля.

Она возвращается на свое место; тяжелый гнет лежит на ее сердце. Девушка поняла, что, рассказав правду, она только повредила тому, кому хотела помочь. Пробираясь сквозь толпу, она чувствует на себе презрительные взгляды.

***

Кольхауна вызывают еще раз. Еще раз выступает он в качестве свидетеля. Каждое его слово — ложь, но ненависть к обвиняемому разжигается в толпе еще больше.

Снова взрыв негодования. Снова кричат: «Повесить!» — еще настойчивее, с еще большей злобой.

Положение судьи Робертса становится шатким. Беззаконие Линча грозит вступить в свои права.

И что тогда? Тогда с судебным разбирательством будет покончено, а так как приговор уже ясен, то останется только привести его в исполнение. В руках опытных палачей это займет немного времени. Несколько минут — и Мориса-мустангера повесят на ветке дуба, которая и сейчас простирается над его головой.

Так думают почти все присутствующие в ожидании сигнала к началу самосуда.

Но, к счастью для обвиняемого, среди присутствующих есть люди, настроенные иначе.

Группа военных оживленно совещается. Это офицеры форта во главе с командиром. Через несколько секунд они выносят свое решение. По распоряжению майора, трубит рожок. И почти в тот же момент отряд из сорока драгун и такого же количества стрелков показывается из-за частокола. Вытянувшись гуськом, они с трех сторон, цепью окружают членов суда.

Толпа перестает буйствовать и скоро успокаивается.

О суде Линча теперь нечего и думать. Государственный закон снова вступает в свои права. Судья Робертс возвращается к своим обязанностям.

— Граждане! — кричит он, обращаясь к толпе. — Нужно подчиняться требованиям закона! Нельзя же вешать человека, даже не дав ему сказать ни одного слова в свое оправдание! Это будет простое убийство.

— Но разве не было совершено убийство? — кричит один из головорезов, стоящих вблизи Кольхауна. — Надо и ему отплатить тем же!

— Это еще не доказано. Вы еще не слышали всех показаний. Надо выслушать, что говорят свидетели другой стороны.

Судья отдает распоряжение, и глашатай вызывает Фелима О'Нил.

Сбивчивый рассказ слуги мустангера, местами совершенно неправдоподобный, мало говорит в пользу его хозяина.

Вызывают и второго свидетеля:

— Зебулон Стумп!

Огромная фигура старика показывается из толпы; его все хорошо знают как лучшего охотника settlмента.

Зрители, затаив дыхание, приготовляются слушать. Установилось общее мнение, что у Зеба Стумпа — ключ к разгадке тайны.

— Ну что же, господин судья, — начинает старый охотник, глядя прямо в лицо председателя, — я готов рассказать все, что знаю об этих делах. Но если вы и присяжные не возражаете, то я предпочел бы, чтобы сначала молодой парень дал свои объяснения. После этого я дам свои, и это, вероятно, будет подтверждением его показаний, подтверждением его слов.

— О каком молодом парне вы говорите? — спрашивает судья.

— О мустангере, конечно. О том самом, кого вы обвиняете в убийстве молодого Пойндекстера.

— Это несколько нарушит установленный порядок, — отвечает судья, — хотя, в конце концов, основное для нас — узнать правду. Что касается меня, то я не придаю большого значения формальной стороне дела, и если присяжные не возражают, то пусть будет по-вашему.

Двенадцать присяжных выражают свое согласие.

ГЛАВА LXXXIX

Речь обвиняемого

Обвиняемый выходит вперед, охрана следует за ним на расстоянии двух шагов. Водворяется гробовое молчание. Все смотрят на мустангера, не отрывая глаз. Затаив дыхание, напрягают слух, чтобы не пропустить ни одного слова из речи, которая должна быть исповедью.

— Господа судья и присяжные! — говорит Джеральд, начиная свою речь согласно принятой в Техасе форме. — Я чрезвычайно признателен, что вы мне дали возможность

говорить. Прежде всего я должен сказать, что, несмотря на таинственные обстоятельства, которые упоминались здесь, мой рассказ будет очень прост и объяснит часть загадки. Не все, что вы здесь слышали, — правда. Часть показаний — ложь, так же как лжив и тот человек, который их давал.

Обвиняемый пристально смотрит на Кассия Кольхауна. Тот весь съежился от этого взгляда, как будто на него направили дуло револьвера.

— Совершенно правильно, что я встретился с мисс Пойндекстер. Эта благородная девушка своим откровенным признанием дала и мне возможность говорить здесь совершенно искренне, иначе я не решился бы сказать всю правду. Прошу вас верить всему, что я буду и дальше говорить. Правильно также и то, что наше свидание было тайным и что оно было прервано Генри Пойндекстером. Правильно и то, что мы с ним поссорились, или, вернее, он бранил меня. Но то, что наша ссора возобновилась, — ложь. И тот, кто клялся в этом, не посмел бы того сказать, если б я имел возможность вызвать его на дуэль.

Снова глаза обвиняемого устремляются на Кольхауна, который трусливо прячется в толпе.

— Наоборот, — продолжает Джеральд, — Генри Пойндекстер выразил мне свои сожаления о случившемся. Что же касается меня, то я был счастлив, что мы помирились.

— Значит, вы все-таки помирились?—спрашивает судья, воспользовавшись паузой в рассказе. — Где это произошло?

— Примерно в четырехстах ярдах от места, где произошло убийство.

Судья встает. В толпе зрителей раздаются возгласы удивления: обвиняемый первый упоминает о месте преступления.

— Вы имеете в виду то место, где была пролита кровь? — нерешительно спрашивает судья.

— Я имею в виду то место, где был убит Генри Пойндекстер.

Новый взрыв возгласов. Слышатся перешептывания и глухие восклицания. Одновременно раздается стон старика Пойндекстера, который теперь уже больше не сомневается в том, что у него нет сына. До этого в сердце отца все еще теплилась надежда, что Генри, быть может, еще жив. До этого момента еще не было явных доказательств смерти его сына, были лишь отдельные случайные и не слишком убедительные догадки. Теперь же этой надежде не за что больше уцепиться — сам обвиняемый подтверждает факт убийства.

— Вы, значит, уверены, что Генри Пойндекстер умер?— спрашивает арестованного мустангера обвинитель.

— Совершенно уверен, — отвечает обвиняемый. — Если бы вы видели то, что видел я, вы поняли бы, насколько бесполезен ваш вопрос.

— Значит, вы видели труп? — снова спрашивает обвинитель.

— Я должен возразить против такого метода допроса, — вмешивается защитник. — Это прямое нарушение устава.

— Суд нашей страны этого не допустил бы, — добавляет ирландский адвокат. — У нас обвинитель не имеет права говорить до тех пор, пока не наступит момент перекрестного допроса.

— Таковы же законы и нашей страны, — говорит судья, сделав угрожающий жест по адресу нарушителя судебного порядка. — Обвиняемый, вы можете продолжать ваш рассказ. Ваш защитник может задавать вам вопросы, какие он найдет нужным, но никто больше, до тех пор, пока вы не кончите говорить. Продолжайте. Мы хотим слышать все, что вы можете нам сказать.

— Я говорил о примирении, — продолжает обвиняемый, — и сказал вам, где это произошло. Я должен теперь объяснить все остальное. Вы уже знаете, как мы расстались — мисс Пойндекстер, ее брат и я. Оставив их, я бросился вплавь через реку, потому что мне не хотелось, что-

бы Генри узнал, как я попал в сад. У меня были свои основания для этого. Переплыв реку, я направился к сеттльменту. Ночь была очень теплая, как, наверное, многие из вас помнят, и, пока я дошел до гостиницы, моя одежда почти совсем высохла. Таверна была все еще открыта, и хозяин стоял за своим прилавком. Мне не хотелось оставаться под этим кровом, который, надо сказать, не был для меня особенно гостеприимным. Я решил вернуться на Аламо, воспользовавшись ночной прохладой. В сеттльменте мне вообще незачем было больше оставаться. Я отослал своего слугу вперед, а сам предполагал отправиться на следующее утро. Но то, что произошло в Каса-дель-Корво, заставило меня поторопиться с отъездом. Расплатившись с Обердофером, я уехал.

— А деньги, которыми вы расплатились? — спросил обвинитель. — Откуда вы их...

— Я протестую! — прервал его защитник.

— Вот так порядки! — воскликнул ирландский адвокат, вызывающе посмотрев на обвинителя. — Если бы это происходило в Ирландии, с вами, пожалуй, поговорили бы иначе.

— Спокойствие, джентльмены! — распорядился судья повелительным тоном. — Пусть обвиняемый продолжает свою речь.

— Я ехал медленно, спешить мне было незачем. Заснуть я не смог бы в ту ночь, и не все ли равно мне было, где ее провести — в прерии или под крышей своего хакале? Я знал, что к рассвету доберусь до Аламо, и этого для меня было вполне достаточно. Я не оглядывался назад. У меня не было ни малейшего подозрения, что кто-нибудь может ехать за мной. И только когда я уже проехал около полумили по лесным зарослям и очутился в месте, где проходит дорога на Рио-Гранде, я услышал топот копыт, который доносился сзади. Я только что повернул — дорога там круто заворачивает — и видеть всадника не мог. Но я слышал, что он приближается рысью. Меня это

мало беспокоило. Только по привычке, выработанной жизнью в прерии, я свернул в чащу и оставался там, пока всадник не подъехал ближе. Можете представить мое удивление, когда я увидел человека, с которым мы незадолго перед этим расстались с чувством раздражения! Когда я упоминаю о раздражении, я не говорю о себе, это касается только его. Я не знал, в каком он был состоянии. Может быть, он хочет потребовать от меня удовлетворения, подозревая, что я опозорил его сестру? Я не стану отрицать перед судом, что эта мысль мелькнула в моем сознании, когда я увидел Генри. Я не хотел укрываться от него, так как не чувствовал себя виновным. Правда, мы встречались тайком с его сестрой, но в этом были виноваты другие, а не я и не она. Я любил ее всем сердцем, самой чистой и нежной любовью. Это же чувство горит во мне и сейчас.

Луиза Пойндекстер, хотя и сидит за приспущенными занавесками кареты, слышит каждое слово обвиняемого. На ее бледных щеках вспыхнул яркий румянец, но это не был румянец стыда — ее лицо загорелось ликующей радостью.

ГЛАВА XC

Внезапный перерыв заседания суда

Последние слова обвиняемого, наполнившие радостью сердце Луизы Пойндекстер, на других произвели совершенно обратное впечатление.

Снова ропот в толпе. Снова шумят сообщники Кольхауна. Снова майор бросает многозначительный взгляд своему отряду. Судья авторитетным голосом заявляет:

— Спокойствие!

Волнение подавлено. Обвиняемый снова получил возможность говорить.

Он продолжает свой рассказ:

— Узнав Генри Пойндекстера, я выехал из чащи и ос-

тановил свою лошадь. Было достаточно светло, и он сразу узнал меня. Он дружески протянул мне руку и с первых же слов попросил у меня прощения за свою несдержанность. Нужно ли говорить, что я горячо пожал эту руку, руку этого обаятельного юноши... Господа присяжные! Я не стану отнимать у вас времени пересказом разговора, который произошел между нами, — он не имеет никакого отношения к этому судебному разбирательству. Мы проехали немного вместе, потом остановились под тенью дерева. Обменялись сигарами и выкурили их. И, чтобы закрепить наши дружеские отношения, мы обменялись своими шляпами и плащами. С этим обычаем я познакомился у команчей. Я отдал Генри Пойндекстеру свое мексиканское сомбреро и полосатое серапэ и взял взамен его плащ и шляпу. Потом мы расстались. Он отъехал, я же остался. Я не могу хорошенько дать себе отчет, почему я остался на этом месте. Мне уже не хотелось продолжать свой путь на Аламо. Я решил переночевать тут же, под деревом, где произошло примирение. Я сошел с лошади, привязал ее, сам же завернулся в плащ и, не снимая шляпы, улегся на траве. Через три секунды я заснул. Это со мной редко случается. Могу приписать это только чувству приятного успокоения после всех пережитых за день волнений. Мой сон длился недолго. Не прошло и нескольких минут, как меня разбудил резкий звук, как мне показалось, выстрела. Моя лошадь насторожила уши и захрапела. Я вскочил на ноги и стал прислушиваться, но больше ничего не услыхал. Мустанг успокоился. Я решил, что мы оба ошиблись. Я подумал, что лошадь почуяла близость бродившего по лесу зверя, а звук, донесшийся до моего слуха, мог быть хрустнувшей под его ногой веткой. Я снова улегся на траву и снова заснул. На этот раз проспал до самого утра и проснулся лишь от холодной сырости, пронизывавшей меня до костей. Оставаться дольше под деревом было уже неприятно. Я стал собираться в путь. Однако выстрел все еще звучал у меня в ушах. Мне казалось,

что он донесся с той стороны, куда поехал Генри Пойндекстер. Меня неудержимо влекло пойти и выяснить, в чем могло быть дело. Итти пришлось недалеко. Небесные силы! Что я увидел! Я увидел...

— Всадник без головы! — кричит кто-то из толпы, и все оборачиваются назад.

— Всадник без головы! — эхом отвечают пятьдесят голосов.

— Вон он едет. Туда! Туда!

— Нет, он едет сюда! Смотрите! Он скачет прямо к форту!

Действительно, всадник без головы скакал в этом направлении. Но вдруг он останавливается посреди прерии, напротив толпы, собравшейся вокруг дерева.

Лошади, повидимому, не понравилась картина, которую она увидела. Она громко захрапела, а затем еще громче заржала; вот уже она мчит обратно в прерию.

Напряженный интерес, вызванный показаниями обвиняемого, сразу упал.

Большинство бросилось к лошадям. Даже присяжные не составили исключения, и по крайней мере шестеро из двенадцати присоединились к погоне за таинственным всадником.

ГЛАВА XCI

Погоня по зарослям леса

Погоня направляется через прерию, к лесным зарослям, расположенным на расстоянии десяти миль.

Однако ряды всадников по пути постепенно редеют. Их лошади не выдерживают длительной и неистовой скачки.

Немногие приближаются к лесу. И только двое въезжают в заросли на более или менее близком расстоянии от бешено мчащегося впереди всадника без головы.

Всадник на сером мустанге всех ближе к нему. В азар-

те погони он не щадит своего быстроногого коня — немилосердно гонит его хлыстом, шпорами, понуканиями.

Следом за ним — но все же на довольно большом расстоянии позади — скачет высокий человек в поярковой шляпе. Он верхом на старой кляче. Непонятным кажется, как подобная лошадь может развивать такую скорость.

Ни хлыстом, ни шпорой, ни понуканием не гонит ее седок. Но он прибегает к еще более жестокому способу: время от времени он вонзает ей в круп около самого спинного хребта лезвие своего острого ножа.

Два всадника во главе погони — это Кассий Кольхаун и Зеб Стумп.

***

Вперед по густым зарослям леса мчатся три всадника.

— Будь она проклята, несчастная тварь! — восклицает Кольхаун с жестом отчаяния. — Опять уйдет от меня! Если бы, кроме меня, никого тут не было! Но на этот раз я не один. Этот старый чорт лезет туда же. Я видел его, когда въезжал в чащу. Нас отделяет не больше трехсот ярдов. Клянусь богом, сейчас можно убрать его с дороги!

При этих словах капитан натягивает поводья и делает полуоборот, внимательно оглядываясь на тропу, по которой он только что проехал. Одновременно Кольхаун хватается за ружье. Но он еще колеблется.

— Нет, так не годится, — бормочет он. — Слишком много народу следует за мной, и немало из них умеет разбираться в следах. Они наверняка найдут труп, да и выстрел услышат. Нет, нет. Так нельзя.

Еще некоторое время капитан остается на месте и прислушивается.

«Да, он, повидимому, приближается. Чертовски не повезло, что старый дурень ввязался в это дело. Если я буду медлить, старый хрыч догонит меня, и тогда все будет потеряно. Чорт побери, этого нельзя допустить!»

Снова пришпорив своего мустанга, Кольхаун бросается вперед по извилистой тропе в зарослях.

Через несколько секунд он снова останавливается с довольным, но несколько удивленным видом.

Всадник без головы совсем недалеко.

Голова лошади спокойно опущена; повидимому, животное пощипывает стручки акаций.

Кольхаун быстро подымает ружье, но сейчас же его опускает. Лошадь, в которую он было прицелился, уже больше не стоит спокойно и не щиплет акации; ее голова уже наполовину в кустах.

Кольхаун видит, что поводья запутались в ветках и лошадь пытается освободиться.

«Наконец-то поймана! Слава богу, слава богу!»

Кольхаун бросается вперед, с трудом сдерживая восклицание радости. Через секунду он уже около всадника без головы — момент, которого он так долго и тщетно добивался!

ГЛАВА XCII

Вынужденное возвращение

Кольхаун хватает лошадь под уздцы. На этот раз она в плену и через секунду — крепко привязана.

Восклицание радости невольно вырывается у победителя. Оглянувшись вокруг и прислушавшись на секунду, Кольхаун приступает к делу.

Он вынимает нож, приподымает полу серапэ и наклоняется к всаднику, словно намереваясь вонзить нож в его сердце. Но вдруг Кассий Кольхаун отдергивает руку.

Послышался окрик Зеба Стумпа, внезапно появившегося из-за зарослей.

— Прекратите эту игру! — кричит Зеб, быстро приближаясь на лошади. — Прекратите, я говорю!

— Какую игру? — спрашивает капитан в замешательстве, тихонько пряча свой нож. — Какого чорта вы тут

кричите? Эта скотина запуталась в кустах. Я боялся, что она снова удерет, и хотел ей перерезать глотку, чтобы положить конец этому делу.

— Ах, вот оно что! Ну, а я все же предполагаю, что резать ей глотку незачем. Можно, пожалуй, обойтись и без пролития крови. Но о какой глотке вы говорите? Лошадиной? Так, что ли, я вас понял?

— Конечно, я имел в виду лошадь.

— Так. Ну, а что вы скажете насчет человека? Кто же это проделал над ним подобную же операцию? Что вы по этому поводу думаете, мистер Каш Кольхаун?

— Чорт его знает! Я ничего не могу понять. У меня еще не было времени как следует взглянуть на него. Я только сию минуту подъехал. Небесные силы! — продолжает он, притворно удивляясь. — Я полагаю, что это тело человека и... притом мертвого.

— Последнее замечание достаточно справедливо. Вряд ли он мог быть живым без головы на плечах. Под этой тряпкой как будто ничего не спрятано, не так ли?

— Нет. Мне кажется, там нет ничего.

— Приподымите-ка ее немножко и посмотрите.

— Мне не хочется прикасаться к нему. Он так жутко выглядит.

— Странно! Минуту назад вы этого не боялись. Что это вдруг стало с вами?

— Ах! — произнес, запинаясь, Кольхаун. — Я был сильно возбужден погоней. Был очень зол и решил положить конец его фокусам.

— Ну, ладно, — сказал Зеб, — тогда я сам этим займусь. Так, так, — продолжал охотник, подъезжая ближе и рассматривая странную фигуру. — Да, это действительно тело человека. Мертвец и совершенно одеревянелый! Стойте! — воскликнул Зеб, приподымая полу серапэ. — Да ведь это же труп того самого человека, из-за убийства которого и поднят судебный процесс! Ваш двоюродный брат — Генри Пойндекстер. Это он, всевышние силы!

— Мне кажется, вы правы.

— О боже, это действительно он! Иосафат! — продолжал Зеб. — Нам нечего терять здесь время в размышлениях. Лучше всего будет, если мы привезем труп на место так, как он есть, в седле. Он, повидимому, сидит достаточно устойчиво. Коня этого я знаю. Думаю, что он без упрямства пойдет за моей кобылой. Ну-ка, старушка, поздоровайся с ним. Разве ты не видишь, что это твой старый приятель? Правда, ему туговато пришлось за последнее время, и он порядком одичал.

Пока охотник говорил, гнедой и старая кобыла коснулись мордами друг друга и фыркнули в знак приветствия.

— Я так и думал! — воскликнул Зеб, освобождая запутавшиеся в акации поводья. — В обществе моей кобылы жеребец пойдет спокойно за нами. Во всяком случае, нет необходимости резать ему глотку. Ну, а теперь, мистер Кольхаун, — обратился охотник к капитану, испытующе посмотрев на него, — не думаете ли вы, что нам пора двинуться в путь? Суд, наверное, продолжается. А если так, то, конечно, и наше участие будет желательно. Мне кажется, что с нами теперь свидетель, который может пролить свет на это дело, и мустангера либо повесят, либо оправдают. Ну как, вы готовы ехать обратно?

— О, конечно! Вы правы, нам нет смысла оставаться здесь.

Зеб трогается в путь первым, ведя за собой пленника. Кольхаун едет сзади медленно и, повидимому, неохотно.

На крутом повороте тропинки он натягивает поводья и, кажется, колеблется, ехать ему вперед или поскакать обратно. На его лице заметно сильное волнение.

Не слыша за собой топота копыт, Зеб Стумп в свою очередь натягивает поводья, поворачивает кобылу и смотрит на капитана вопрошающим взглядом. Он видит его крайне взволнованное лицо и сразу догадывается, в чем дело. Не говоря ни слова, старый охотник берет ружье и

направляет дуло на капитана. Последний, как будто ничего не заметив, снова продолжает свой путь.

Однако теперь уже Зеб Стумп едет сзади.

Так кавалькада медленно продвигается по лесным зарослям. Выезжают в открытую прерию. Здесь Кольхаун еще раз останавливается. Его обуревает панический страх. Что же делать? Помчаться ли ему обратно в прерию и скрыться с глаз людей, или же рискнуть пойти навстречу страшной буре?

Он отдал бы все, чем владел, и даже то, чем он рассчитывал владеть в будущем, не исключая и Луизы Пойндекстер, лишь бы ему избавиться хоть на десять минут от несносного Зеба Стумпа, лишь бы ему остаться одному с всадником без головы. Но это, повидимому, неосуществимо. Хитрый охотник больше чем когда-либо настороже. Кольхаун у него в положении настоящего пленника, и попробуй он только бежать, как живо получит пулю в спину. Но, в конце концов, что может Зеб Стумп сказать или сделать? Может быть, все еще обойдется благополучно? Зеб, правда, обнаруживает явную подозрительность, но стоит ли ему, Кассию Кольхауну, опасаться этого? Ведь друзей у него достаточно. Если только эта маленькая история не выплывет наружу, то все будет в порядке. Вернее всего, что пуля не застряла там, куда была пущена, а упала где-нибудь в чаще зарослей.

Ободренный этой надеждой, Кольхаун снова двигается вперед. За ним следует Зеб Стумп на своей кобыле в сопровождении гнедого с трупом Генри Пойндекстера.

ГЛАВА XCIII

Обезглавленный труп

Судье ничего не оставалось делать, как объявить перерыв заседания.

Проходит час. Судья за это время выкурил две сигары и выпил изрядное количество рюмок коньяку. Присутствующие бьются над разгадкой таинственного происшествия и с нетерпением ждут возвращения участников погони. Они надеются, что всадник без головы будет захвачен в плен, верят, что в связи с этим не только будет найден ключ к разгадке таинственного явления, но будет пролит свет на самый факт убийства.

Все смотрят напряженно в сторону прерии. Все ждут — когда же наконец появятся на горизонте два недостающих участника погони? Ждут, что с собой они приведут всадника без головы.

Проходит час, но никого не видно. Следует ли дальше откладывать судебное разбирательство?

Обвинитель настаивает на немедленном его возобновлении. Защитник не менее горячо отстаивает обратное. Последний считает необходимым отложить слушание дела до следующего дня, мотивируя это отсутствием важного свидетеля, Зеба Стумпа, который еще не давал своих показаний.

Раздаются голоса, требующие продолжения разбирательства.

По настоянию толпы, агитируемой подкупленными лицами, решено возобновить заседание суда. В конце концов, можно пока продолжать без этого свидетеля. Возможно, что он еще успеет вернуться во-время. Если же нет, то не поздно будет отложить окончание судебного процесса.

Так предлагает судья. Присяжные его поддерживают. Присутствующая публика не возражает.

Снова вызывают обвиняемого. Он продолжает свои показания, так неожиданно прерванные.

***

— Вы собирались рассказать нам, что открылось перед вашими глазами, — говорит защитник, обращаясь к Морису Джеральду. — Продолжайте, мы вас слушаем.

— Я увидел человека, распростертого на траве.

— Спящего?

— Да, спящего вечным сном.

— Мертвого?

— Больше того, если это возможно. Наклонившись над ним, я увидел, что у него отрублена голова.

— Отрублена голова?

— Совершенно верно. Я этого не заметил, пока не наклонился близко. Он лежал ничком, и его голова находилась в самом естественном положении. Даже шляпа все еще была на ней. Мне хотелось думать, что он спит, хотя я и чувствовал, что тут что-то неладно. Руки и ноги были безжизненно вытянуты. Кроме того, на земле было что-то темное; при слабом утреннем свете я не сразу разглядел это. Когда я поближе наклонился, я почувствовал запах крови. Тут я уже перестал сомневаться, что передо мной лежал труп. Я заметил глубокую рану поперек шеи с запекшейся в ней кровью. При ближайшем рассмотрении оказалось, что голова была совсем отрублена.

Аудитория поражена ужасом.

— Вы этого человека узнали?

— Увы, да.

— Узнали, даже не посмотрев ему в лицо?

— Мне этого не нужно было делать. Его одежда достаточно ясно все объяснила.

— Какая одежда?

— Полосатое серапэ на плечах и сомбреро на голове. Они принадлежали мне. Если бы не обмен, который только что произошел, я подумал бы, что это лежу я. Это был Генри Пойндекстер.

Снова раздался душераздирающий стон вместе с взволнованным шопотом толпы.

— Продолжайте, сэр, — говорит защитник. — Скажите, что еще вам удалось обнаружить?

— Когда я прикоснулся к телу, то почувствовал, что оно холодное и совершенно закоченевшее. Я понял, что смерть наступила уже несколько часов назад. Кровь запеклась и в слабом утреннем свете казалась черной. Отсеченная голова могла легко ввести меня в заблуждение относительно причины смерти. Но у меня в ушах все еще звучал выстрел, и я решил, что еще где-нибудь на теле должна быть огнестрельная рана. Я не ошибся. Когда я повернул труп на спину, мне бросилась в глаза дырочка в серапэ. Ткань вокруг нее была пропитана кровью. Отбросив полу серапэ и расстегнув рубашку на покойнике, я заметил синевато-багровое пятно на его груди. Нетрудно было определить, что сюда попала пуля. Но соответствующей раны на спине не было. Повидимому, пуля осталась в теле.

— Думаете ли вы, что одного выстрела было достаточно, чтобы убить этого человека, или же смерть наступила уже после того, как отсекли голову?

— Я не сомневаюсь, что выстрел был смертельным. Если смерть и не была мгновенной, то, во всяком случае, она должна была наступить через несколько минут, а может быть даже и через несколько секунд.

— Вы сказали, что голова была отрублена. Что же, она была совсем отделена от тела?

— Совершенно, хотя и лежала вплотную к нему. Создавалось впечатление, что ни один мускул тела, ни голова не пошевелились после того, как нанесено было увечье.

— Каким оружием, предполагаете вы, был сделан этот удар?

— Мне кажется, что удар был нанесен либо топором, либо охотничьим ножом.

— Не возникло ли у вас каких-нибудь подозрений?

— Я был настолько поражен, что не мог ни о чем думать. Я с трудом верил, что это могло быть реальностью. Когда же я немного успокоился, единственно, что мне пришло в голову, — что это было делом рук команчей. Но в то же время его скальп не был снят, и даже шляпа осталась на голове.

— Значит, вы не думаете, что это сделали индейцы?

— Нет.

— Вы кого-нибудь заподозрили?

— В тот момент я ни на кого не мог подумать. Я никогда не слыхал, чтобы у Генри Пойндекстера были враги, ни здесь, ни вообще где-либо. Но потом у меня явились подозрения. Они у меня остались и до сих пор.

— Вы выскажете их?

— Я возражаю против этого метода допроса, — вмешался обвинитель. — Нам вовсе неинтересно знакомиться с подозрениями обвиняемого. Мне кажется, что с нас хватит, если мы выслушаем его «правдоподобную» историю.

— Пусть он продолжает свой рассказ, — распорядился судья, зажигая новую сигару.

— Расскажите, как вы сами действовали, — попросил защитник. — Что вы предприняли после того, как сделали эти открытия?

— Некоторое время я сам не знал, что мне делать, — настолько я был потрясен всем, что мне пришлось видеть. Я был убежден, что юноша убит именно тем выстрелом, который я слышал. Но кто же это стрелял? Конечно, не индейцы. В этом я не сомневался. Я подумал о бандитах, но это казалось столь же неправдоподобным. Мексиканское серапэ стоит не меньше ста долларов. Они бы, конечно, взяли его. Да и вообще ни одна вещь не была тронута, даже золотые часы. Явно, что это была месть. Стал вспоминать, не слыхал ли я о какой-нибудь ссоре, связанной с именем юного Пойндекстера. Но мне ничего не приходило в голову. Да и, кроме того, зачем нужно было отрубать голову? Это больше всего поразило меня и привело в ужас. Но, не будучи в состоянии разрешить эту трудную загадку, я стал думать, что же делать дальше. Оставаться с трупом не имело смысла. Похоронить его на месте тоже казалось недопустимым. Тогда я решил поехать обратно в форт и просить кого-нибудь помочь мне перевезти труп в Каса-дель-Корво. Но если бы я оставил его в лесу, койоты и коршуны могли бы его обнаружить и, конечно, растерзали бы прежде, чем я успел бы вернуться. Как ни было изувечено тело юноши, я не мог допустить,

чтобы его изуродовали еще больше. Я подумал о его близких, для которых это горе и так будет слишком тягостным.

ГЛАВА XCIV

Тайна открывается

Обвиняемый замолчал. Никто не торопит его и не задает вопросов.

Все чувствуют, что наступил момент, когда тайна будет открыта.

Судья, присяжные, зрители — все слушают, затаив дыхание и не сводя глаз с обвиняемого.

В тишине опять раздается голос Мориса Джеральда:

— Потом мне пришла в голову другая мысль — прикрыть труп своим плащом и завернуть его в серапэ, которое все еще оставалось на нем. Этим я хотел уберечь его от хищников до момента своего возвращения. Я снял уже с себя плащ, но тут же у меня созрел новый план, как мне показалось, более разумный. Вместо того чтобы возвращаться одному в форт, я решил, что надо захватить с собой и тело покойного юноши. Я хотел положить его на свою лошадь и привязать при помощи лассо. С этим намерением я привел своего коня и уже собрался поднять на него труп, но в этот момент я заметил неподалеку лошадь Генри Пойндекстера. Животное спокойно паслось, точно ничего не произошло. Поводья волочились по земле, и мне нетрудно было его поймать. Труднее было заставить лошадь стоять спокойно, особенно когда я ее подвел к трупу хозяина. Мне удалось поднять тело юноши на лошадь, но удержать его в устойчивом положении я никак не мог. Труп был одеревяневший и все время соскальзывал. После нескольких тщетных попыток я увидал, что это ни к чему не приведет. Тут мне пришла в голову еще одна мысль. Мне как-то пришлось читать, что в степях Южной Амери-

ки индейцы перевозят трупы своих товарищей, усадив покойника верхом на лошадь и привязав его тело к седлу. Почему же мне не поступить так же с трупом Генри Пойндекстера? Я сделал сначала попытку усадить покойного на его собственную лошадь, но седло оказалось недостаточно глубоким. У меня опять ничего не вышло. Оставалась еще одна возможность: надо было обменяться лошадьми. Я знал, что мой конь не будет сопротивляться. Кроме того, мексиканское седло с его глубоким сиденьем должно прекрасно подойти для этой цели. Скоро мне удалось усадить покойника. Вставив его ноги в стремена, я отрезал кусок лассо и привязал труп к седлу. Теперь он уже никак не мог упасть. Оставалось придумать, как поступить с головой. Я поднял ее с земли и попробовал снять шляпу. Это оказалось совершенно невозможным. Голова очень сильно распухла, и сомбреро туго сидело на ней. Убедившись, что шляпа не может соскочить, я продернул кусок веревки сквозь ее пряжку и таким образом привесил голову к луке седла. На этом кончились мои приготовления. Не теряя времени, я вскочил на лошадь Генри Пойндекстера, гнедой же покорно последовал за мной. Так мы отправились по направлению к сеттльменту. Не прошло и пяти минут, как я был выбит из седла и тут же лишился сознания. Если бы не это обстоятельство, я бы не стоял здесь перед вами в положении обвиняемого.

— Выбиты из седла? — воскликнул судья. — Как это случилось?

— Это была простая случайность, или, вернее, это произошло благодаря моей же неосторожности. Вскочив на чужую лошадь, я не взял в руки поводьев. Я привык управлять моей лошадью только голосом и коленями. Не успели мы отъехать, как лошадь, оглянувшись, вдруг в испуге бросилась в сторону и пустилась бешеным галопом: она увидела за собой странного всадника. Я хотел схватить поводья, но это было теперь не так просто. Лошадь неистово мчалась, поводья соскользнули, и мне трудно было

дотянуться до них. Пробуя исправить свою ошибку и пытаясь поймать ремешок уздечки, я не следил за направлением, куда мчала меня лошадь. Только тогда, когда я почувствовал, как меня больно хлестнула ветка по лицу, я сообразил, что мы уже скачем не по открытой дороге, а попали в лесные заросли. После этого все мое внимание было сосредоточено только на том, чтобы отстранять со своего пути колючие ветки акаций, которые легко могли выбить меня из седла. Я довольно успешно боролся с этим препятствием, хотя, надо сказать, мои руки были все исцарапаны шипами. Но дальше на пути попалась толстая горизонтально вытянутая ветка огромного дерева. Она простиралась настолько низко над землей, что была на уровне моей груди. Моя испуганная лошадь стремглав бросилась прямо под нее. Куда она ускакала дальше, я не имею понятия. Вы, наверное, знаете это лучше меня. Могу вам только сказать, что я остался на земле под этим деревом с большой ссадиной на голове и огромной опухолью на колене. Но это я обнаружил только два часа спустя. Когда ко мне вернулось сознание, я увидел, что солнце уже высоко на небе, а надо мной кружат коршуны. Меня мучила жажда, и я решил отправиться в поиски за водой. Но, поднявшись на ноги, я обнаружил, что не могу сделать ни шагу. Больше того — я едва мог стоять. Оставаться же на месте мне казалось равносильным гибели. И вот, сделав над собой невероятное усилие, я двинулся в путь. Я знал, что где-то, не очень далеко, должен быть ручей. Я передвигался отчасти ползком на четвереньках, отчасти на костыле, который я себе тут же смастерил. После мучительного путешествия я наконец добрался до воды и, утолив свою жажду, заснул... Когда я проснулся, то увидел, что меня со всех сторон окружили койоты. Эти трусливые хищники, повидимому, избрали меня своей жертвой. Действительно, скоро они набросились на меня. К счастью, со мной был охотничий нож, и между нами завязалась отчаянная борьба. Однако я скоро почувствовал, что

меня оставляют силы. Конечно, я стал бы жертвой этих отвратительных хищников, если бы меня не спас счастливый случай: ко мне на выручку прибежал верный друг — моя собака Тара. Вероятно, она бродила по лесу, разыскивая меня. Как бы там ни было, но она пришла ко мне как раз во-время, чтобы выручить меня из когтей неминуемой смерти. Она живо расправилась с несколькими койотами, и скоро все они разбежались. Я еще раз заснул, или, вернее, впал в забытье в результате полного изнеможения. Очнувшись, я уже был в состоянии обдумать положение. Я решил послать при помощи собаки весточку домой. Я черкнул несколько слов на своей визитной карточке. Я знал, что мой слуга неграмотен, но был уверен, что он узнает мою карточку и обратится к кому-нибудь за дальнейшим разъяснением, тем более что я писал кровью. Завернув записку в кусочек кожи из подкладки шляпы, чтобы обеспечить сохранность, я заткнул ее за ошейник собаки, который мне удалось тут же смастерить из ремешка. Уговорить собаку уйти от меня было довольно трудно. Но в конце концов мне удалось это сделать. Мое письмо было доставлено по назначению. Об этом, правда, я узнал только вчера. Когда моя собака ушла, ко мне явился еще более страшный враг — злейший хищник здешних мест, ягуар. Чем кончилась эта встреча, я не могу сказать. Я заболел горячкой и лишился рассудка. Пусть об этой схватке вам расскажет мой отважный спаситель Зеб Стумп. Надеюсь, что он успеет во-время притти сюда, чтобы дать свои показания. Для меня этот случай остался неразгаданной тайной. С этого момента я помню только тяжелые кошмары, перемешанные со счастливыми сновидениями. Только вчера у меня прояснился разум. Я очнулся в стенах тюрьмы в положении преступника, обвиняемого в убийстве. Больше мне нечего добавить.

***

Исповедь обвиняемого, простая и искренняя, произвела сильное впечатление на присутствующих. Большинство уже

не сомневалось в его невиновности. Но все же это только слова. Для того чтобы снять обвинение, нужны еще подтверждающие показания свидетелей. Где же тот свидетель, от которого так много зависит? Где Зеб Стумп?

Все смотрят вопрошающе на линию горизонта, где сапфировая синева неба переходит в изумрудную зелень саванны.

ГЛАВА XCV

Последний свидетель

Напряженное ожидание среди торжественной тишины продолжалось целых десять минут.

В течение этого времени трижды раздавались восклицания. То тому, то другому чудилось, что какая-то точка показалась на горизонте. Но это был лишь обман зрения. Томительность ожидания уже достигла своего предела, когда вдруг раздался четвертый возглас, уже более громкий и более уверенный. На этот раз надежды толпы не были обмануты: на горизонте действительно появились три всадника. В толпе, собравшейся под дубом, грянуло торжествующее «ура».

Двух из них нетрудно было узнать — это Зеб Стумп и Кассий Кольхаун. А в третьем кто бы мог ошибиться? Это — сам всадник без головы!

Бурные возгласы скоро умолкли. Снова наступила тишина.

А когда всадники приблизились, послышался лишь робкий шопот.

Три всадника остановились около толпы, которая тут же обступила их со всех сторон. Двое из вновь прибывших соскочили со своих лошадей. Третий остался в седле.

Кольхаун отвел свою лошадь в сторону и исчез в толпе. Его присутствие никого уже больше не интересовало.

Зеб Стумп, оставив свою старую кобылу, взял под уздцы лошадь всадника без головы и подвел ее вместе с ее

безжизненным седоком к дубу, в тени которого заседал суд.

— Ну, господин судья и двенадцать присяжных, — сказал старый охотник, — вот свидетель, который поможет вам разобраться в этом трудном деле.

— Боже мой, это он! — раздается восклицание ужаса, и высокий старик проходит вперед и становится около всадника без головы.

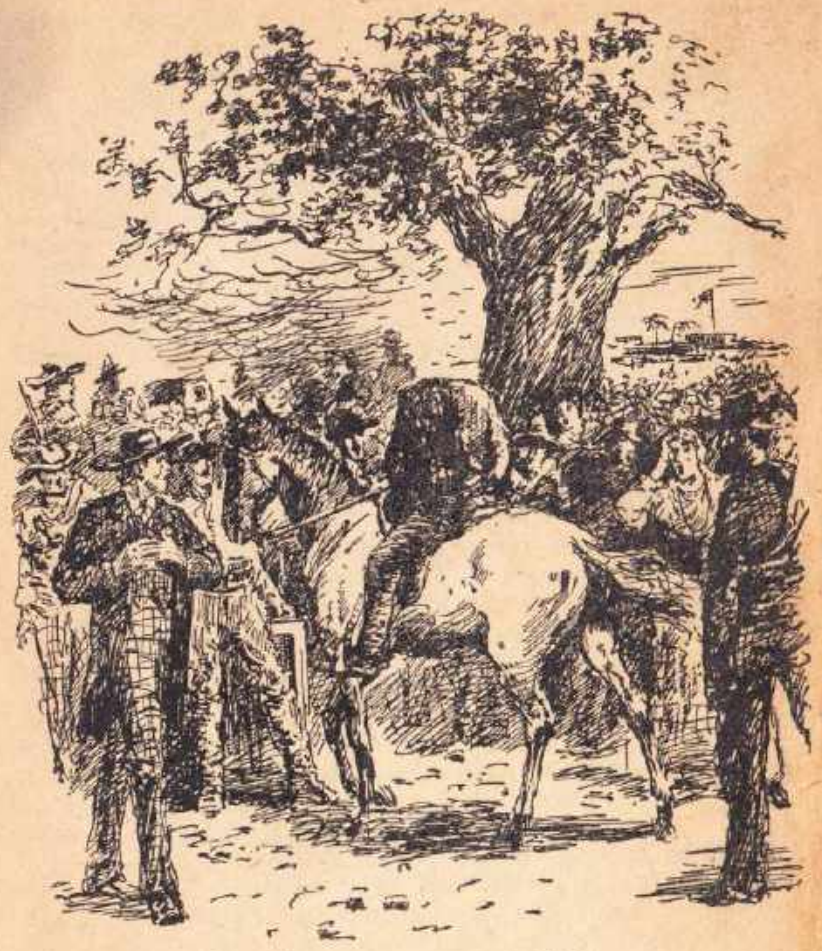
Это — отец. Издали доносится женский крик и подавленный стон. Это — возгласы сестры. Через некоторое время Вудли Пойндекстера отводят в сторону. Он не сопротивляется, повидимому даже не сознает, что происходит вокруг него. Его подводят к карете и усаживают рядом с дочерью.

Но карета не трогается с места. Луиза Пойндекстер не уедет отсюда до самого окончания суда.

Зебу Стумпу предлагают занять место свидетеля.

Он говорит, как всегда, свободно и непринужденно:

— Я впервые услышал об этом некрасивом деле на второй день после исчезновения Генри Пойндекстера. До этого я был на охоте. Мне сказали, что мустангера обвиняют в убийстве. Я знал, что Морис Джеральд не мог этого сделать, и поехал повидаться с ним. Его не было дома. Там я нашел только одного Фелима, его слугу. Парень был настолько напуган всякими происшествиями, что я почти ничего не мог понять из того, что он мне рассказывал. Так вот, пока он рассуждал, прибежала собака, у нее на шее что-то было привязано. Я посмотрел и обнаружил, что это была карточка. На ней оказались слова, написанные красными чернилами, попросту кровью. Эти слова указывали место, где можно найти парня. Я отправился туда, взяв с собой Фелима и собаку. Мы пришли как раз во-время, чтобы спасти мустангера из когтей ягуара. Я пустил пулю в эту пятнистую кошку. Тут ей и был конец. Ну что же, после этого мы доставили мустангера в его хижину. Нам пришлось нести его вроде как на носилках. Сам-то он не мог и



Третий всадник остался в седле.

шагу сделать. Да и с мозгами у него было неладно — парень соображал не лучше индюка в весеннюю пору. Так вот, мы доставили больного в хижину. Там он и лежал, пока не пришел отряд регуляторов и не нашел его.

Свидетель на минуту замолчал, соображая, стоит ли ему рассказывать обо всех происшествиях, разыгравшихся в хижине мустангера. Не лучше ли будет умолчать о них?

Однако обвинитель перекрестным допросом заставил его рассказать все, что произошло до того момента, когда Морис Джеральд попал под стражу.

— Ну, а теперь, — продолжает Зеб Стумп, — я хочу еще кое-что добавить.

— Говорите, мистер Стумп, — раздается голос защитника из Сан-Антонио.

— Так вот что. То, о чем я буду говорить, не столько касается подсудимого, сколько того человека, который должен занять его место. Я сейчас не стану называть его имя. Я только скажу о том, что мне удалось узнать. Вы же, присяжные, сами догадаетесь об остальном.

Старый охотник на минуту останавливается и переводит дыхание, как бы готовясь к пространной речи.

Толпа напряженно ждет.

— Что же, господа, — продолжает Зеб, — после того, что мне пришлось слышать, а главное — видеть, я понял, что юный Генри погиб. Так же твердо я знал, что не мустангер, не Морис Джеральд совершил это грязное дело. Кто же тогда? Вот вопрос, который мучил меня так же, как и многих из вас... Не сомневаясь, что ирландец невинен, я решил выяснить всю правду. Многое было против него. И все же это не могло убедить меня. Я решил сам изучить следы в прерии. Меня особенно интересовал след одной лошади. Это был след подкованных копыт американской лошади. Одна из четырех подков ее была сломана. Вот она.

Свидетель запускает руку в глубокий карман своего камзола и вытаскивает оттуда поломанную подкову.

— Я обнаружил, что эта лошадь скакала по прерии в ту самую ночь, когда было совершено убийство. Она шла по следам лошади убитого юноши, а также и лошади того человека, которого здесь обвиняют в убийстве. Но недалеко от места преступления эти следы оборвались. Однако человек, который ехал на лошади, пошел дальше пешком. И он шел до тех пор, пока не достиг кровавой лужи. Пролитая кровь — это дело его рук. Убийцу везла на себе лошадь с поломанной подковой.

— Продолжайте, мистер Стумп, — говорит судья. — Объясните, что вы хотите этим сказать.

— Я хочу сказать следующее: человек, о котором я говорю, спрятался в чаще зарослей и оттуда пустил пулю, от которой погиб молодой Пойндекстер.

— Какой человек? Кто он? Назовите его имя! Имя его! — одновременно закричало несколько голосов.

— Мне кажется, что вы найдете его имя там.

— Где?

— В теле того, кто сидит здесь без головы. Посмотрите сюда, — продолжал свидетель, указывая на неподвижное тело. — Вы увидите кровавое пятно на серапэ, а посреди пятна простреленную дырочку. Но так как на спине не видно соответствующего отверстия, то я предполагаю, что пуля застряла в теле. Давайте-ка разденем его и посмотрим.

Никто не возражает. Двое или трое из присутствующих выступают вперед, среди них и Сэм Мэнли. Осторожно они снимают с трупа серапэ.

Кругом мертвая тишина, не слышно даже шопота. Все смотрят, не отрывая глаз.

Труп прострелен в двух местах — в области сердца и несколько ниже. Кровь запеклась только вокруг нижней раны. Верхняя — это даже не рана, а просто небольшое отверстие, пробитое пулей и совсем не окровавленное.

— Это, — говорит Зеб Стумп, указывая на верхнее отверстие, — не имеет значения. Вы видите, что крови здесь

нет, а это доказывает, что пуля попала уже в труп. Это я пустил ее ночью возле хижины мустангера. А вот вторая — это уже другое дело. Это и была смертельная рана. И я убежден, что пуля сидит здесь. Следовало бы сделать надрез и посмотреть.

Труп отвязывают и снимают с седла.

С большой осторожностью тело покойного юноши укладывают на траву. Сэм Мэнли исполняет роль главного хирурга.

Наконец пуля извлечена. Ее передают присяжным. На ней отчетливо видны инициалы: «К. К. К.».

Те, кто участвовал в охоте на ягуара, без труда догадываются, чья это пуля.

— Что вы на это скажете, мистер Стумп? — спрашивает защитник.

— Дело простое, всякому молокососу должно быть ясно. Эта пуля убила юношу.

— Но кто выстрелил, как вы думаете?

— Что же, это не менее понятно. Когда человек подписывает свое имя на письме, никто не ошибается, кем оно послано. У нас подобный же случай. Правда, здесь только три буквы, но, мне кажется, догадаться нетрудно, что́ они обозначают.

— Пуля меченая, это правда, — спешит вмешаться обвинитель. — Возможно, что она и принадлежит хорошо известному в сеттльменте джентльмену. Предположим, что это так. И все-таки этим еще ничего не доказано. Убийство, совершенное краденым оружием, — довольно обычная история. Кроме того, скажите мне, пожалуйста, чем можно мотивировать такое убийство, почему можно предположить, что оно совершено человеком, которого вы позорите подозрением? Не называя имени, мы все знаем, кому эти инициалы принадлежат. Я уверен, что этот джентльмен сам не будет отрицать, что это его инициалы. Однако это еще ничего не означает. Других доказательств, позволяющих связать его имя с этим преступлением, нет.

— Вы так думаете? — говорит Зеб Стумп. — А как вы назовете вот это?

При этих словах Зеб вынимает из своего кисета клочок бумаги, обожженной по краям и почерневшей от пороха.

— Это я нашел в зарослях около места убийства, — говорит старый охотник, передавая бумажку присяжным. — Она зацепилась за шип акации, а попала туда из дула того самого ружья, из которого вылетела и пуля. Насколько я понимаю, это клочок конверта, использованный в качестве пыжа. Любопытно, что на нем стоит имя, которое вполне соответствует инициалам пули. Прочтите, пожалуйста, господа присяжные.

Один из присяжных берет бумажку и, расправив ее, читает:

— «Капитан Кассий Кольхаун»!

ГЛАВА XCVI

Бежал!

Это имя производит сенсацию среди членов суда.

Одновременно раздаются крики в толпе. Это не возгласы удивления. Нет! Это оправдание обвиняемому и обвинение тому, кто был самым ярым из всех обвинителей.

Показания Зеба Стумпа отчетливо доказали полную непричастность Мориса Джеральда к убийству Генри Пойндекстера.

Теперь в этом уже никто не сомневался.

И в то же время установилась не меньшая уверенность, что Кольхаун является убийцей. Клочок обожженной бумажки послужил последним звеном в цепи этих доказательств.

Зебу снова предоставляется слово. Он говорит о том, как у него возникли подозрения против Кольхауна, как он

искал следы преступления в прерии, как он дважды был свидетелем погони капитана за всадником без головы. Рассказывая все подробности, он упоминает также о мене лошадьми.

Но толпе уже больше неинтересны его показания. Раздаются крики:

— Освободите ирландца, он не виновен! Нам больше не нужно доказательств! Все ясно! Отпустите его!

Раздаются и другие, не менее настойчивые требования:

— Задержите Кассия Кольхауна! Предайте его суду! Это он совершил преступление! Оттого-то он и старался заклеймить мустангера. Если он не виновен, он сможет это доказать. Под суд его! Под суд!.. Судья, мы ждем вашей санкции: распорядитесь, чтобы Кольхауна посадили на скамью подсудимых. Невинный человек занимал это место достаточно долго!

Судья не смеет противиться воле подавляющего большинства, и Кассия Кольхауна вызывают в суд.

Глашатай трижды выкликает его имя. Ответа нет. Все ищут глазами капитана.

Вдруг Зеб Стумп покидает место, где он только что давал показания, и подходит к своей старой кобыле. С ловкостью, поразившей всех присутствующих, он вскакивает на спину лошади и отъезжает от дуба.

Одновременно видят, как кто-то другой пробирается между лошадьми, привязанными в стороне. Движения этого человека торопливы, хотя чрезвычайно насторожены.

— Это он! Это Кольхаун! Собирается удрать! — закричали со всех сторон.

— Перехватите его! — раздается голос судьи. — Перехватите и приведите сюда!

Распоряжение не пришлось повторять — десятки людей одновременно бросились к своим лошадям.

Кольхаун очутился первым около своего мустанга и бы-

Нет времени увернуться от лассо...

ГЛАВА XCVIII

Еще жив

Убийца лежит вытянувшись на земле. Его руки связаны веревкой. Кажется, что он умер.

Но человек, который захватил его в плен, предполагает другое. Он думает, что это либо обморочное состояние, либо притворство. Из опасения, что это может быть последнее, Морис остается в седле, держа лассо в натянутом положении.

Конь, послушный воле хозяина, стоит неподвижно, каждую минуту готовый либо отступить назад, либо ринуться вперед.

— Ведь страшно подумать, какое преступление он совершил! — бормочет про себя мустангер. — Убил своего двоюродного брата и отрезал ему голову! Нет сомнения, и то и другое — дело его рук. Но что заставило его это сделать? Это может объяснить только он сам.

— Вы ошибаетесь, молодой человек, — раздается голос со стороны. — Есть человек, который может ответить на все эти вопросы. Старый Зеб Стумп к вашим услугам. Но сейчас не время об этом говорить. Мы должны доставить его к дубу, и там преступник получит должное.

— Но как мы это сделаем? Его лошадь уже ускакала.

— Очень просто, мистер Джеральд. Ведь это всего лишь обморок, а может быть молодец просто разыгрывает мертвеца. Если он не может дойти пешком, то пусть едет верхом — моя кобыла отвезет его. Мне чертовски надоело седло. Кажется, и я тоже достаточно опротивел своей старухе. Если он не бросит валять дурака и не захочет сидеть, как полагается, то мы его взвалим поперек лошади, как тушу оленя. Стой! Он как будто приходит в себя... Вставайте-ка, дружище! — продолжает Зеб, схватив Кольхауна за ворот и тряхнув его как следует. — Вставайте, вам говорят, и поедем. Вас ждут. Кое-кто хочет поговорить с вами.

— Кто? Где? — спрашивает пленник, приходя в себя и озираясь. — Кто хочет говорить со мной?

— Прежде всего я.

— А! Это вы, Зеб Стумп?

— А это мистер Морис Джеральд, мустангер. Вы как будто встречали его раньше. Он тоже хочет потолковать с вами. Кроме того, еще много всякого народу там, около форта, и все ждут вас. Так что вы лучше вставайте поскорее, и поедемте вместе.

Кольхаун медленно встает на ноги. Его руки крепко перетянуты лассо.

— Моя лошадь? — озираясь кругом, кричит он. — Где моя лошадь?

— Чорт ее знает, куда она удрала. Возможно, что вернулась к себе домой, на Рио-Гранде. Вы ее так загоняли, что бедная скотина, видно, прокляла ваш обмен и побежала к родным пастбищам, чтобы малость отдохнуть.

Кольхаун с изумлением смотрит на старого охотника. Обмен? Даже это он знает?

— Ну-с, — продолжает Зеб с нетерпением, — неудобно заставлять суд ждать. Готовы ли вы?

— К чему?

— Во-первых, к тому, чтобы вернуться вместе со мной и с мистером Джеральдом. Во-вторых, что особенно важно, чтобы предстать перед судом.

— Суд? Я должен предстать перед судом?

— Да, вы, мистер Кольхаун.

— По какому обвинению?

— Вы обвиняетесь в убийстве Генри Пойндекстера, вашего двоюродного брата.

— Это ложь! Подлая ложь, кто бы это ни говорил!

— Молчать! — повелительно кричит Зеб. — Не утомляйте себя разговорами. Если только Зеб Стумп не ошибся, то вам придется еще много говорить. Ну, а теперь поедем. Судья ждет, ждут присяжные, а также и шестьдесят регуляторов.

— Я не вернусь, — заносчиво отвечает Кольхаун. — Кто дал вам право приказывать мне? Вас никто не уполномачивал на это...

— Неужели? — прерывает его Зеб. — Мне дано это право самой справедливостью, — продолжает охотник, берясь за ружье. — Вы это видите? И я воспользуюсь своим правом. Так что лучше всего перестаньте разговаривать. Я не из тех, кто развешивает уши, слушая вас. Садитесь лучше на мою кобылу, и давайте спокойно двигаться в путь. А то, пожалуй, придется привязать вас к лошади, как простой тюк. Вы должны вернуться, вот и все.

Кольхаун не отвечает. Он безнадежно смотрит то на Стумпа, то на Джеральда, то вокруг себя, потом украдкой на свой револьвер, торчащий из кармана; он пытается достать его. Ему мешает лассо, а кроме лассо — старый Зеб, направивший на него дуло своего ружья.

— Скорее! — кричит охотник. — Влезайте на лошадь, мистер Кольхаун! Вас ждет старая кобыла. В седло, я вам говорю!

С механической покорностью подчиняется капитан распоряжению охотника и садится на лошадь. Он делает это под угрозой неминуемой смерти.

Зеб Стумп берет кобылу под уздцы и ведет за собой. Мустангер в задумчивости едет сзади. Он думает о женщине, которая самоотверженно его любит и которая целиком завладела его сердцем.

ГЛАВА XCIX

Два выстрела

После второго неожиданного перерыва, менее длительного, чем первый, суд снова возобновил свое заседание под дубом. Наступил вечер. Косые лучи заходящего солнца освещают участок, защищенный густой зеленью дерева.

Эти лучи уже не золотые, как днем, а зловеще красные — они предвещают грозу.

На скамье подсудимых сидит уже не Морис Джеральд, а Кассий Кольхаун.

Это, пожалуй, единственная перемена в картине суда.

Судья тот же, те же присяжные, та же толпа. Разница лишь в их отношении к обвиняемому. В его виновности уже больше не сомневаются. Она очевидна. Все доказательства налицо.

Недостает только одного звена, если так можно выразиться в данном случае: не выяснено побуждение к убийству. Почему Кассий Кольхаун убил своего двоюродного брата? Почему отрубил ему голову? Никто не может ответить на этот вопрос, кроме самого убийцы.

Судебное разбирательство закончилось быстро. Приговор — «виновен» — вынесен. И судья, сняв панаму, уже собирается надеть черную шапочку, мрачную эмблему смерти, чтобы огласить приговор.

Соблюдая формальности, обвиняемому предлагают сказать последнее слово.

Он вздрагивает. Это предложение, как похоронный звон, звучит в его ушах. Он дико озирается вокруг, смотрит с безнадежностью, не встречая ни у кого ни малейшего участия.

— Можете ли вы что-нибудь сказать в свое оправдание, чтобы отклонить смертный приговор? — провозглашает судья.

— Нет, — отвечает он, — мне нечего сказать. Приговор справедлив. Я заслуживаю смертной казни. Совершенно верно, — продолжает Кольхаун, — я убил Генри Пойндекстера, застрелил его в чаще леса.

Из толпы доносится чей-то невольный крик. Это скорее крик ужаса, чем негодования. Так же непроизвольно вырывается и стон у отца убитого.

— После моего признания странно было бы, если бы я рассчитывал на помилование. Я вполне заслужил суровое

наказание. Но все-таки я не хочу уходить из жизни с позорным клеймом злостного убийцы. Вы спрашиваете, почему я убил и что было побуждением к этому преступлению? У меня не было никаких побуждений к этому убийству.

В толпе заметно новое волнение; оно выдает удивление, любопытство и негодование. Но все молчат и не делают никакой попытки прервать речь.

— Вы удивлены этим? Объяснение очень простое: я убил его по ошибке.

В толпе раздаются возгласы удивления.

Обвиняемый продолжает:

— Да, по ошибке. Трудно передать, что мне пришлось пережить, когда я обнаружил это. Я узнал обо всем много времени спустя.

Осужденный поднимает глаза, словно в надежде, что ему удалось вызвать сочувствие. Но на суровых лицах он не видит снисхождения.

— Я не отрицаю, — говорит Кольхаун, — я не могу отрицать, что был человек, которого я хотел убить. Не скрою также его имени. Вот он, этот негодяй, который стоит здесь передо мной.

С ненавистью смотрит Кольхаун на Мориса Джеральда. Тот отвечает ему совершенно спокойным, полным безразличия взглядом.

— Да, его я хотел убить. Для этого у меня были свои основания, о них я не буду говорить. Сейчас не стоит. Я думал, что убил его, но по роковой ошибке оказалось, что я убил двоюродного брата. Как мог я предположить, что эта ирландская собака обменялась плащом и шляпой с Генри Пойндекстером? Остальное вам известно. Я метил во врага, а попал в друга. Выстрел, повидимому, был роковым, и всадник упал с лошади. Но, чтобы не оставалось сомнений, я вынул нож — проклятое серапэ все еще обманывало меня — и отсек несчастному голову.

Раздаются крики, требующие возмездия.

— А теперь, — закричал Кольхаун, когда волнение немного стихло, — вы знаете обо всем, что произошло, но вам еще неизвестно, чем это кончится! Вы видите, что я стою на краю могилы, но я не спущусь в нее, пока и его не отправлю туда же. Я не могу иначе, клянусь богом!

Тут же раздаются два выстрела, один вслед за другим.

Ничком падают два человека. Они лежат неподвижно, почти касаясь головами друг друга.

Один из них — Морис Джеральд, мустангер, другой — Кассий Кольхаун, капитан кавалерии.

Толпа окружает их кольцом. Повидимому, они оба мертвы. Среди напряженной тишины раздается душераздирающий крик женщины.

ГЛАВА С
Радость

Радость!

Да, именно это чувство было пережито Луизой под тенью огромного дуба, когда оказалось, что произошло только самоубийство, убийство же не удалось.

Все еще щемившая сердце тоска, вызванная рядом трагических происшествий, не могла заглушить бурю счастливых переживаний.

И кто осудит за это молодую девушку?

Только не я. И не вы, если будете искренни.

***

Пуля Кассия Кольхауна, направленная в сердце Мориса Джеральда, отскочила, ударившись об амулет, подарок Луизы. Маленький знак любви, хранимый на сердце, спас жизнь его обладателю.

Все же выстрел не прошел бесследно.

Ошеломляющий удар вызвал новое потрясение уже совершенно истощенной нервной системы молодого ирландца, новую болезнь рассудка.

Но больной лежал теперь не в зарослях леса, окруженный кровожадными койотами и черными коршунами, не в хижине, не в тюрьме, где за ним почти не было ухода.

Когда он очнулся, он увидел у своей постели любимую девушку — Луизу Пойндекстер.

Теперь уже никто не мешал ей ухаживать за больным. Никто, даже отец.

Пережитое горе сломило гордость старика-плантатора. Он уже не возражал против брака дочери с Морисом Джеральдом, хотя, по правде сказать, и возражать было нечего. Молодой ирландец был образованный юноша из культурной семьи, а не просто охотник за лошадьми. Он не принадлежал к этой среде, за которой в Техасе установилась столь дурная репутация.

Было и еще одно обстоятельство, которое вряд ли оказалось не по душе Вудли Пойндекстеру. Прибывший из Ирландии юрист ввел Мориса Джеральда в права наследства после скончавшегося бездетным богатого дядюшки.

Имущество Кассия Кольхауна отошло к его побочному сыну, проживавшему в Новом Орлеане.

После свадьбы Луиза и Морис Джеральд отправились путешествовать по Европе. Они побывали и на родине Мориса.

Голубоглазая красавица, тоскующая о молодом ирландце, оказалась просто плодом фантазии Фелима. Во время пребывания в Ирландии у молодой жены Мориса Джеральда ни разу не проснулось чувство ревности. И только по возвращении в Каса-дель-Корво она пережила еще одну вспышку этого мучительного чувства. Однажды ее муж вернулся домой, держа на руках красивую женщину. Кровь струилась из раны на ее груди. Она была еще жива, но минуты ее были сочтены.

На вопрос: «Кто сделал это?» — женщина только могла ответить: «Диаз, Диаз!»

Это были последние слова Исидоры Коварубио де-Лос-Ланос.

Вместе со смертью Исидоры умерло и чувство ревности у Луизы. Оно больше никогда не волновало ее сердца.

Ревность сменилась жалостью к несчастной сеньорите.

Молодая креолка сама помогала своему мужу оседлать гнедого мустанга, когда Морис решил нагнать убийцу и отомстить ему.

Луиза почувствовала удовлетворение, увидев Диаза в петле лассо мустангера. Она не стала защищать мексиканца и тогда, когда кучка регуляторов решила вопрос о наказании и тут же, на дереве, повесила Диаза.

***

Прошло десять лет. Большие перемены произошли за это время в Техасе и особенно в сеттльментах окрестностей Леоны и Нуэсес.

Появились плантации там, где раньше были непроходимые лесные заросли. В дикой прерии, где паслись когда-то табуны мустангов, выросли большие города.

Вы услышите теперь новые имена людей, мест и селений.

Но старая гасиенда Каса-дель-Корво сохранила свое прежнее имя. Там вы найдете и прежнее гостеприимство и знакомых вам людей.

Хозяин гасиенды — один из самых красивых мужчин в Техасе, его жена — одна из самых красивых женщин этого края. Это Морис Джеральд и Луиза.

Вы встретите там приветливого, жизнерадостного старика. Это Вудли Пойндекстер. Он поведет вас к своим коралям, покажет свой скот и будет с гордостью рассказывать о сотнях и тысячах лошадей и рогатого скота, которые пасутся на пастбищах плантаций.

В стенах старой гасиенды вы услышите звонкие голоса шестерых малышей. Это внучата Пойндекстера, утешение его старости.

Если вы заглянете в конюшню, то увидите там старого знакомого — Фелима О'Нил. Он занимает должность конюха в Каса-дель-Корво. Здесь же вы можете встретить и чернокожего Плуто, который теперь исполняет только обязанности кучера и редко когда соблаговолит посмотреть на

лошадь, раньше чем взберется на козлы кареты и возьмет в руки вожжи.

У Плуто есть жена, известная читателю Флоринда. За обеденным столом в Каса-дель-Корво вы услышите еще одно знакомое имя — имя старого охотника Зеба Стумпа. Как только на обеденном столе появляется жареный индюк или оленина, сейчас же начинается разговор о Зебе Стумпе. И особенно усиленно его вспоминают, когда на столе появляется вино.

Правда, самого Зеба вы редко там встретите. Он уходит из гасиенды, когда все ее обитатели еще в постели, и возвращается, когда они спят или ложатся спать. Однако трофеи его охоты ясно говорят, что старик Стумп — обитатель этого дома.

Во время пребывания в Каса-дель-Корво вы, наверное, услышите обрывки загадочной истории, ставшей почти легендой.

Слуги не откажутся рассказать вам ее всю — с начала до конца, но только шопотом. Это — запрещенная тема в доме: она вызывает грустные воспоминания у хозяев гасиенды.

Это — повесть о всаднике без головы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 5
Глава I. Выжженная прерия 7
Глава II. След лассо 14
Глава III. Маяк прерии 22
Глава IV. Черный норд 28
Глава V. Жилище охотника за мустангами 34
Глава VI. Крапчатый мустанг 39
Глава VII. Беспокойная ночь 46
Глава VIII. Тысяченожка 52
Глава IX. Пограничный форт 56
Глава X. Каса-дель-Корво 63
Глава XI. Неожиданный приезд 68
Глава XII. Укрощение дикой лошади 74
Глава XIII. Пикник в прерии 83
Глава XIV. Манада 86
Глава XV. Беглянку настигли 90
Глава XVI. Дикие мустанги 94
Глава XVII. Ловушка для мустангов 99
Глава XVIII. Ревность идет по следам 105
Глава XIX. Виски с водой 111
Глава XX. Опасное положение 116
Глава XXI. Дуэль в таверне 122
Глава XXII. Загадочный подарок 124
Глава XXIII. Клятва мести 130
Глава XXIV. На азотее 133
Глава XXV. Неотданный подарок 135
Глава XXVI. Снова на азотее 139
Глава XXVII. «Я люблю тебя!» 142
Глава XXVIII. Запретная радость 145
Глава XXIX. Эль-Койот у себя дома 149

Глава XXX. Воздушная почта 153
Глава XXXI. Удачная переправа 157
Глава XXXII. Свет и тень 159
Глава XXXIII. Мучительная правда 161
Глава XXXIV. «Рыцарские» побуждения 165
Глава XXXV. Негостеприимный хозяин 168
Глава XXXVI. Трое на одном пути 172
Глава XXXVII. Человек пропал 176
Глава XXXVIII. На поиски 180
Глава XXXIX. Лужа крови 186
Глава XL. Меченая пуля 191
Глава XLI. Четыре всадника 195
Глава XLII. Коршуны 200
Глава XLIII. В хижине мустангера 205
Глава XLIV. Четверо команчей 213
Глава XLV. Поиски вслепую 219
Глава XLVI. Тайное признание 226
Глава XLVII. Перехваченное письмо 230
Глава XLVIII. Исидора 238
Глава XLIX. Лассо развязано 244
Глава L. Схватка с койотами 248
Глава LI. Дважды пьяный 252
Глава LII. Пробуждение 257
Глава LIII. Как раз во-время 263
Глава LIV. Паланкин прерии 267
Глава LV. День новостей 274
Глава LVI. Выстрел в дьявола 281
Глава LVII. Условленный сигнал 286
Глава LVIII. Отравленный поцелуй 291
Глава LIX. Встреча в хакале 294
Глава LX. Донос 299
Глава LXI. У постели больного 303
Глава LXII. В напряженном ожидании 309
Глава LXIII. Суд регуляторов 314
Глава LXIV. Серия интермедий 318
Глава LXV. Еще одна интермедия 325
Глава LXVI Гонимая команчами 328
Глава LXVII. Индейцы! 331
Глава LXVIII. Неудачный поход 336
Глава LXIX. Тайна и траур 341
Глава LXX. Напутствие Зебу 345
Глава LXXI. Гнедой 352
Глава LXXII. Зеб Стумп нападает на след 355
Глава LXXIII. Остров в прерии 357
Глава LXXIV. Нездачливый ловец 359
Глава LXXV. По следам 361
Глава LXXVI. Затерян в меловой прерии 366
Глава LXXVII. Другое звено 368
Глава LXXVIII. Мена лошадьми 372
Глава LXXIX. Неутомимый следопыт 373
Глава LXXX. Хорошо охраняемый вход 377
Глава LXXXI. Паническое бегство 381
Глава LXXXII. Страшный сверток 384
Глава LXXXIII. Блюстители закона 385
Глава LXXXIV. Нежный племянник 391
Глава LXXXV. Добрый кузен 396
Глава LXXXVI. Техасский суд 399
Глава LXXXVII. Лжесвидетель 401
Глава LXXXVIII. Невольный свидетель 405
Глава LXXXIX. Речь обвиняемого 409
Глава XC. Внезапный перерыв заседания суда 411
Глава XCI. Погоня по зарослям леса 413
Глава XCII. Вынужденное возвращение 416
Глава XCIII. Обезглавленный труп 421
Глава XCIV. Тайна открывается 425
Глава XCV. Последний свидетель 431
Глава XCVI. Бежал! 434
Глава XCVII. Погоня за убийцей 436
Глава XCVIII. Еще жив 438
Глава XCIX. Два выстрела 441
Глава C. Радость 441

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. ред. *Е. Добровская.*
Художеств. редактор *П. Суворов.*
Техн. редакторы *М. Семеновская* и *Р. Кравцова.*
Корректоры: *Е. Трушковская* и *Н. Вальтер.*
Сдано в производство 26/VII 1939 г.
Подписано к печати 27/XII 1939 г.
Детиздат № 2395. Индекс Д-7.
Формат 70 х 108¹/₃₂. 14 печ. л. (21 усл.-авт. л.). 7 бум. л. 196730 зн. в бум. л. Тираж 25 000 (10—25 000). Уполномоченный Главлита А-20778. Заказ № 1329.

Фабрика детской книги Детгиза детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

Цѣна 50 к.